

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Зяц Николай Алексеевич

**Кризис государственного управления и организация новых властных
структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг.**

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д. и. н., Карпачев М. Д.

Воронеж – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Деятельность органов власти и местного управления Воронежской губернии в период Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.)	29
1. 1. Воронежские губернаторы: основные направления деятельности	29
1. 2. Воронежское губернское земство	58
1. 3. Воронежская городская дума	97
Глава 2. Органы власти Воронежской губернии после Февральской революции (март – октябрь 1917 г.)	117
2. 1. Устранение царской администрации и формирование новых органов власти в губернии (февраль – март 1918 г.)	117
2. 2. Губернские органы власти и трансформация местного самоуправления (апрель – сентябрь 1917 г.)	148
2. 3. Организация исполнительной власти в Воронеже: городской исполнительный комитет и городская дума (март – сентябрь 1917 г.)	183
2. 4. Воронежский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов	212
2. 5. Деятельность органов власти перед Октябрьской революцией и Октябрьский переворот в Воронеже (сентябрь – октябрь 1917 гг.)	245
Глава 3. Формирование советской системы государственного управления в Воронежской губернии (1917 – 1918 гг.)	269
3. 1. Октябрьская революция. Укрепление власти Воронежского Совета (декабрь 1917 – апрель 1918 гг.)	269
3. 2. Переходный период. Упрочение советской власти и административное строительство (апрель – август 1918 г.).	308
3. 3. Укрепление советской власти во второй половине 1918 г. (август – декабрь 1918 г.)	342
Заключение	361
Приложения	370
Список источников и литературы	381

Введение

Актуальность темы исследования. Исследование деятельности органов власти является распространенным направлением в истории. Но ранее в отечественной науке не ставилась задача исследования последовательной смены трех управленческих моделей в ходе кризисных событий 1914-1918 гг. Кроме того, историография этой темы в отношении Воронежской губернии, несмотря на свою обширность, страдает широкими лакунами и недостатком исследованности многих важных моментов, особенно касающихся периода 1917 г. Проведенное исследование позволяет значительно расширить знания о революционных процессах в регионе, выделить общие и частные черты в процессе трансформации системы власти на протяжении одного из ключевых периодов страны, а также лучше понять место и значение органов власти в государственном управлении в России. Актуальности исследования способствует и столетие русской революции, которое побуждает к раскрытию недостаточно изученных тем.

Объект исследования. Объектом исследования является процесс трансформации структуры и деятельности институтов государственной власти и управления Воронежской губернии в Первой мировой войне и революции.

Предмет исследования. Предметом исследования является деятельность органов власти Воронежской губернии, их взаимодействие, результативность и общий итог их работы.

Хронологические рамки. Хронологические рамки исследования охватывают период с начала Первой мировой войны до конца 1918 г. В этот период произошёл последовательно развивающийся кризис местных органов управления (земств и дум) и коронной администрации, вызванный вначале войной, а потом революцией. Это завершилось полным уничтожением дореволюционной системы управления и построением новой советской, которая сложилась к концу указанного периода, что и определило выбор периода для исследования.

Территориальные рамки. Территориальные рамки исследования охватывают всю Воронежскую губернию, но основное внимание отдано непосредственно Воронежу как губернскому центру, имеющему решающее влияние.

Цель исследования. Целью исследования является изучение трансформации органов управления Воронежской губернии в кризисный период, определение степени и эффективности на его разных этапах и изменений способов организации властных органов.

Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Выяснить изменение функций, взаимодействие и эффективность деятельности органов управления Воронежской губернии в ходе Первой мировой войны.
2. Изучить процесс свержения власти в Воронежской губернии после революции, определить и охарактеризовать основные черты новой структуры власти, характер ее складывания, реальных обладателей власти после революции.
3. Исследовать процесс утверждения советской власти в губернии, выделить основные его этапы и особенности, особенности новой структуры власти и ее отличия от прежней системы.
4. Определить степень эффективности каждой модели управления власти и ее причины.

Методология. Методологической основой исследования является диалектический подход к изучению исторических явлений, принципы историзма и объективности. Наряду с общенаучными методами использовались структурно-функциональный, историко-генетический и сравнительно-исторический. Первый показывает систему органов власти и их взаимное функционирование, второй позволяет проследить последовательное преобразование органов власти через их деятельность, третий выделяет особенности данного процесса при сравнении его с общероссийской тенденцией и другими регионами. В своей взаимосвязи эти методы способствовали комплексному анализу и раскрытию заявленной темы.

Степень изученности проблемы. Существует большой пласт работ, посвященный изучению деятельности государственного аппарата России в условиях Первой мировой войны и революции. В первое послереволюционное десятилетие основные вопросы по этой теме затрагивались фрагментарно, в основном в контексте изучения вопросов истории революционного движения и нарастания военного кризиса в стране. Историческая литература часто носила очерковый, публи-

цистический или популярный характер. С конца 1920-х годов в ней утвердилось отношение к мировой войне как к периоду, который подготовил события революции. В этом отношении и рассматривалась деятельность органов власти. Гораздо внимательнее рассматривалась деятельность Советов. Вначале это были преимущественно работы, написанные работниками партийных и государственных органов, составленные в аналитическом плане. Они содержали большой фактологический материал и ценные выводы авторов. Появились региональные исследования, часто носившие мемуарный характер. В числе последних стали появляться хроники революционных событий на местах, в которых было много важных сведений о деятельности местных органов. На основе подобных исследований появились более общие очерки по истории Октябрьской революции и первых шагах Советов¹. Среди важных работ можно отметить труды А. В. Шестакова, который впервые на широком материале исследовал процесс организации сельских органов, организацию и политику комбедов, чем внес большой вклад в изучение строительства власти на местах².

1930-50-е отличались усилением идеологического контроля во всех сферах общества. Этот период был не слишком благоприятен для исследований, тем не менее, они продолжались, но в основном в уже сложившихся интересах исследователей: изучение вопросов становления и деятельности Советов, региональные исследования на этот счет, выпуск хроник, анализ действий органов власти в деревне. Попытки более глубоко взглянуть на взаимоотношения Советов с другими органами Временного правительства были предприняты в исследованиях В. С. Ундревича, М. Ф. Кареевой и С. В. Юшкова, которые привнесли новый материал

¹ Владимирский М.Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921; Он же. Советы, исполкомы, Съезды Советов. Вып. 1-2. М., 1920-21; Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г. М., 1928; Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927; Блюменталь И.И. Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Т.1. 1917 год (март - декабрь). Самара, 1927; Троцкий В.В. Революция 1917 - 1918 гг. в Самарской губернии. (Хроника событий). Т.2. Самара, 1929; Очерки по истории Октябрьской революции / под ред. М.Н.Покровского. Т.1-2. М., 1927; Серебрянский З. От керенщины к пролетарской диктатуре. Очерки по истории 1917 г. М.-Л., 1928.

² Шестаков А. В. Советы крестьянских депутатов в 1917-1918 гг. М., 1928; Он же. Классовая борьба в деревне в эпоху военного коммунизма. Вып. 1. Воронеж, 1930.

в эту тему и попытались сформулировать более широкие выводы. Их исследования были направлены на то, чтобы доказать неэффективность иных органов, кроме Советов¹. Однако эти исследования остались единичными.

Большой интерес к этой теме появился в 1950-60-е, когда либерализация научной и общественной жизни позволило лучше оценить устоявшиеся оценки и более адекватно изучить деятельность органов власти самодержавия, Временного правительства и Советов. В этот период особенно отмечается интерес к региональной истории революции, так как историки стали ощущать недостаток материала. Показателем этого стали два выпуска сборника «Установление Советской власти на местах», ряд местных исследований, а к 40-летию революции было издано большое количество региональных сборников документов и воспоминаний о борьбе за власть Советов. Тогда же выпущен ряд трудов, в которых исследуются как центральные органы советского государства, так и вся советская система в целом, деятельность местных Советов. Особо можно выделить работы А. И. Лепешкина, который дал общий очерк развития местных Советов; Е. Г. Гимпельсона, который исследовал и охарактеризовал советскую систему управления на основе старого аппарата и выделил основные формы и причины ее появления; монографию К. Г. Федорова о деятельности ВЦИК; аналогичное исследование М. П. Ирошникова в отношении СНК – и другие работы².

¹ Организация аппарата власти в деревне на первом этапе Октября // Советское государство. 1935. №4; 1917-1920: Хроника революционных событий в Горьковском крае. / под ред. А. Преображенского. Горький, 1932; Ундревич В.С., Карева М.Ф. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917-1918 гг.). М., 1935; Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. М., 1940.

² Установление Советской власти на местах в 1917-1918 гг.: сборник статей / сост. Д.А. Чугаев; под ред. А.М. Панкратова, А.Л. Сидорова. Т.1. М., 1953; Установление Советской власти на местах в 1917-1918 гг: сборник статей / под ред. Д.А. Чугаева; ред.-сост. В.С. Васюкова. Т.2. М., 1959; Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917-1918). Сб. док. и мат. Новгород, 1957; Борьба за установление и упрочение советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 – 10 января 1918 г. М., 1962; Лепешкин А.П. Местные органы власти Советского государства. 1917-1920. М., 1957; Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 – июль 1918 г.). М., 1958; Федоров К.Г. ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917-1920. М., 1957; Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Л., 1967; Чугаев Д.А. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата // Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 414-474.

В дальнейшем по-прежнему уделялось большое внимание изучению центральных и региональных Советов. Однако изучение других органов власти, кроме Советов, проводилось редко. Обычно советских историков заботило рассмотрение деятельности Советов в их сравнении с органами буржуазной власти, чему была посвящена обширная историография¹. Особенно здесь стоит отметить труды А. М. Андреева, который больше других исследователей уделил внимания сравнению Советов с другими органами власти и доказательству антидемократического характера последних, используя для этого весьма обширный источниковый материал². Это было следствием марксистско-ленинского характера науки в СССР, что привело к концентрации внимания историков на вопросах изучения революционного движения эксплуатируемых классов и советского строительства.

Лишь начиная с 1970-х советская историография обращает более пристальное внимание на другие органы власти – это произошло в связи с интересом к теме кризиса государственного аппарата самодержавной России в начале XX в. Выдающийся вклад внесли труды Н. П. Ерошкина, А. Д. Стечанского, Б. В. Ананьича, М. В. Флоринского, которые подробно изучали предреволюционное состояние российской власти на основе архивных и опубликованных материалов, сформулировав выводы, ставшие надолго определяющими для отечественной науки. Вопросы противостояния самодержавия и буржуазной оппозиции, которые привели к внутривластному кризису в стране, обстоятельно изучили А. Я. Аврех, В. С. Дякин, Е. Д. Черменский. Экономическую политику самодержавия в годы Пер-

¹ См., например: Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х томах. М., 1967-1973; Лепешкин А.И. Местные органы власти Советского государства (1917-1920 гг.). М., 1957; Он же. Советы – власть трудящихся 1917-1936 гг. М., 1966; Захаров Н.С., Емельянова Е.А. Советы Среднего Поволжья в период подготовки Октябрьской революции. Казань, 1967; Злоказов Г.И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль-июль 1917). М., 1969; Серебрякова З.Л. Областные объединения Советов России (март 1917 – декабрь 1918). М., 1977; Морозов Б.М. Партия и Советы в Октябрьской революции. М., 1977.

² Иванов С.С., Скрипилев Е.А. Государство и право России в период буржуазно-демократической революции 1917 г. и двоевластия в России. М., 1964; Сафронова И.П. Государство и право России в период от февраля до 25 октября 1917 г. Харьков, 1965; Бабикина Е.Н. Буржуазные органы власти и самоуправления Западной Сибири и их ликвидация в 1917-1918 гг. Томск, 1970; Андреев А.М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март-октябрь 1917 г. М., 1967; Он же. Местные Советы и органы буржуазной власти 1917 г. М., 1983.

вой мировой войны, внутригосударственную реорганизацию управления экономикой и причины ее неэффективности исследовали А. Л. Сидоров, Т. М. Китанина. Итогом изучения советских историков стала коллективная монография ряда выдающихся советских историков «Кризис самодержавия». Она подробно рассмотрела деятельность высших органов власти и внутреннюю политику царизма, его противоречия с оппозицией в Думе. Исследование было проведено на основе классового подхода и ставило целью доказать неизбежность революции в России благодаря революционному движению рабочего класса и тесную связь оппозиционной буржуазии с самодержавием¹.

Параллельно началось исследование деятельности органов Временного правительства. Первоначально изучались отдельные направления их работы, которые были призваны доказать их неэффективность, буржуазный характер и оторванность от интересов широких масс, что выражалось даже в ярко-декларативных названиях исследований². Однако несмотря на это, эти труды привнесли большое количество фактологического материала и подробно осветили внутреннюю политику Временного правительства. Тогда же преимущественно с 1970-х советская наука все чаще обращается к рассмотрению иных местных органов власти, кроме

¹ Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. М., 1975; Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914-1917 гг. Л., 1988; Стечанский А.Д. Самодержавие и общественные организации на рубеже XIX – XX вв. М., 1982; Ананьич Б.В. Кризис самодержавия в России, 1895-1917. Л.: Н, 1984; Аврех А. Я. Третьеиюньская система. М., 1984; Он же. Царизм накануне свержения. М., 1989; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Он же. Земство в третьеиюньской монархии. Исторические записки. М., 1987. Т. 115; Он же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. М., 1988; Черменский Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России, 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985; Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л., 1984.

² Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1980; Игнатъев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; Он же. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль – октябрь 1917 г.). М., 1966; Гринберг В.С. Антинациональный характер экономической политики Временного правительства и разоблачение ее В.И. Лениным // Ученые записки Казанского педагогического института. 1956. Вып. II; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980; Скрипилев Е.А. Карательная политика Временного правительства и аппарат ее проведения. М., 1970; Фигуровская Н.К. Банкротство «аграрной реформы» буржуазного Временного правительства // Исторические записки. 1968. Т. 81. С. 23-68; Кутнякова Н.В. Главный земельный комитет – орудие аграрной политики Временного правительства. М., 1974.

советских. Причем это изучение шло часто не только с внутривластной, но и с правовой и юридической точек зрения¹.

Проведенные исследования не поколебали основных оценок советской историографии, так как делались на основе классового подхода, однако смогли заметно уточнить структуру местной власти на местах и выделить противоречия между бюрократическим характером управления Временного правительства и демократическими органами снизу. Так, уральские ученые, исследовавшие местные общественные комитеты (В. В. Адамов, Ф. С. Горовой, Т. М. Баженова), и исследователи Центральной России, изучившие низовые крестьянские исполкомы (Г. А. Герасименко, А. В. Седов, В. И. Кострикин, Н. А. Кравчук, Т. В. Осипова), вывели утверждение об их неодинаковом, коалиционном и нередко общенародном составе, что дало им право говорить об их демократическом характере, а иногда их даже определяли как органы «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»². Эту более широкую точку зрения поддержали не-

¹ Астрахан Х.М. Партийность населения России накануне Октября: По материалам выборов в гор. Думу в мае-октябре 1917 г. // История СССР. 1987. № 6; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971; Гальперина Б.Д. Петроградский Совет в сентябре – октябре 1917 года (Новые данные) // Вопросы истории. 1978. № 10; Ерошкин Н.П. Власть, свергнутая Октябрем (Временное правительство как преемник самодержавия) // Исторический опыт Великого Октября. М., 1986; Грунт А.Я. Муниципальная кампания в Москве летом 1917 года // История СССР. 1973. №5; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения. Л., 1976; Он же. Становление Советов и вопрос об Учредительном собрании (март-октябрь 1917 г.) // История СССР. 1977. № 4; Иоффе Г.З. Февральская революция. Крушение царизма // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10-11; Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и прогресс человечества. М., 1967; Сенцов А.А. Борьба народных масс за демократизацию местного управления накануне Октября. // Советское государство и право. 1984. №6; Скрипилев Е.А. Антинародная сущность Временного правительства (март-октябрь 1917 г.). Вестник Московского ун-та. Право. 1967, № 6; Портнов В. Россия: февраль 1917 года // Советская юстиция. 1987. № 4; Баранов Е.П. Местный аппарат государственного управления Временного правительства в 1917 г. М., 1975.

² Адамов В. В. Февральская революция на Урале. Свердловск, 1967; Борьба за победу Великой Октябрьской Социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы / под ред. Ф. С. Горового. Молотов, 1957; Горовой Ф.С. Урал в огне революции. Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь, 1967; Баженова Т.М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале-октябре 1917 года: Автореф. дис... к. и. н. Пермь, 1977; Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 г. Саратов, 1974; Седов А. В. Движение крестьян в России за массовую организацию низовых земельных комитетов в 1917 г. Горький, 1975; Он же. Динамика социального состава волостных комитетов в 1917 г. // Экономическое и социально-политическое развитие пореформен-

которые ученые других регионов¹. Однако это утверждение, шедшее вразрез с жесткой дихотомией тогдашней науки, противопоставлявшей друг другу буржуазные и пролетарские органы власти, не было поддержано другими учеными и не получило распространения.

Тем не менее, большой фактологический материал и новые научные оценки внесли неоценимый вклад в изучение этого вопроса. Труды этого времени повлияли и на зарубежные исследования. Одним из первых зарубежных исследований, которое решило объективно и непредвзято изучить региональную историю периода Первой мировой войны и революции, было предпринято американским историком Дж. Рейли. На протяжении долгих лет он изучал историю Саратовской губернии до и в ходе революционных событий, начав заниматься этой темой ещё в 1977 г. Несмотря на то, что эта книга написана только на базе опубликованных работ без привлечения архивного материала, оно остается одним из наиболее важных исследований в этом плане, чьи выводы и методология исследования сохраняют значение и сейчас. Рейли смог доказать, что ход революции на местах имел свою специфику, вызванную региональными условиями. Он же показал, что местные органы власти были вынуждены вступать в отношения, часто отличающиеся от центральных. Вслед за Рейли начали появляться другие зарубежные региональные исследования по русской революции, наиболее значительные из которых принадлежат авторству А. Рабиновича и С. Бэдкок, которые провели схо-

ной России (1861 – 1917 гг.). Горький, 1986; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; Кравчук Н.А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (Март-октябрь 1917 г.). По материалам великорусских губерний Европейской России). М., 1971; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Зыкова В.Г. Крестьянские исполнительные комитеты в Сибири в период Октябрьской революции // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986.

¹ Гатман Л.М. Роль буржуазных организаций Урала в создании Советов в 1917 году // Из истории рабочего класса Урала. Сб. ст. Пермь, 1961. С. 279-293; Соловьева В.А. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири // (март-апрель 1917 г.) // Сибирь периода капитализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. С. 171-196; Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О.Н. Знаменского. М., 1980. С. 193-207.

жие исследования деятельности власти в контексте внутривластных событий на обширном документальном материале российских архивов¹.

Перестроечные процессы и крушение СССР привели к переоценке исторических оценок и методологии истории. Современный период изучения истории революционных процессов основан на применении модернизационного подхода. В рамках его признается, что Россия вступила в Первую мировую войну отсталой по сравнению с передовыми державами страной и не смогла решить из-за этого проблемы внутреннего развития и модернизации управления. Революция стала решением этих проблем². В противоположность советскому времени возрастает интерес к деятельности дореволюционного управления, в том числе местному. Все чаще изучается деятельность губернаторов, во что большой вклад внес С. В. Любичанковский, исследовавший с помощью структурно-функционального подхода на уральских материалах роль губернаторов в системе власти и их взаимоотношения и сформулировавший причины постепенной потери их эффективности³. По тем же причинам пробуждается интерес к теме Первой мировой войны. Однако количество серьезных исследований о деятельности центральной власти в этот период сравнительно невелико, хотя и в рамках этого изучения обоснованно оспорены многие выводы советских исследований⁴. Заметно

¹ Рейли Д. Дж. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; Badcock S. Support for the Socialist Revolutionary Party during 1917, with a case study of events in Nizhegorodskaja guberniia. Doctoral thesis, Durham University, 2000; Sarah Badcock. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History. Cambridge, 2007; Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде: Пер. с англ. И. С. Давидян. М.: АИРО-XXI; М., 2008; Aaron B. Retish. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. New York, 2008.

² См.: Будник Г. А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ. Вып. 1. 2008. С. 1-5.

³ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2001; Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последние 10-летие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003; Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). Оренбург, 2005.

⁴ Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917) // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917 // Реформы или революция? Россия 1861 – 1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992; Оськин М.В. Государственная власть и крестьянство России в войне и революции

выделяется коллективный сборник «Имперский строй России в региональном измерении», в котором исследованы вопросы местного управления в разных регионах страны¹. Вопросам изучения кризиса власти в предреволюционный период посвящены работы как прежних советских историков, так и новых исследователей. Из заслуживающих внимания работ можно отметить труды бывших советских историков, которые во многом изменили свои оценки: П. В. Волобуева, Г. А. Герасименко, А. Н. Дементьева, В. С. Измозика, Н. В. Белошапки, Н. А. Коваленко, Г. Л. Соболева, В. В. Ильина и др.² Из авторитетных исследователей природы власти в 1917 г. выделяются В. П. Булдаков, который рассматривает этот вопрос на основе изучения психосоциальных связей в обществе и представлений политической антропологии; Ф. А. Гайда, исследователя по либеральному движению до-революционной России и деятельности Временного правительства; историк Государственной Думы в послереволюционный период А. Б. Николаев и др.³

1914 – октябрь 1917 г. (по материалам Чернозёмных губерний) Дисс. ... к. и. н. М., 2003; Айрапетов О. В. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию (1907 – 1917). М., 2003; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014; Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917). Т. 1-4. М., 2014-2015.

¹ Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.

² Волобуев П.В. Февральская революция: ее противоречия, альтернативы и историческое место // Наука и жизнь. 1992. № 10; Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60-75; Измозик В.С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163-164; Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 г.: механизм формирования и функционирования. М., 1998; Коваленко Н.А. Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль-октябрь 1917). М., 2000; Соболев Г.Л. Временное правительство и проблема слома старой государственной власти // Российская государственность: история и современность. СПб., 2003. С. 350-356; Ильин В.В. Реформы и контрреформы в России: Цикл модернизаций процесса. М., 1996; Он же. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997; Гавроева Е.С. М.В. Родзянко и Временное правительство: вопрос о комиссарах Временного Комитета Государственной Думы // Известия РГПУ им. Герцена. Вып. 178. 2015. С. 29-34.

³ Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1; Он же. Октябрь и XX век: Теория и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 11-36; Он же. Quo vadis?: Кризисы в России: пути переосмысления. М., РОССПЭН, 2007; Он же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., РОССПЭН, 2010; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917г.). М., 2003; Он же. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. №3. С. 31-45; Он же. Февральская революция и судьба Государственной думы // Вопросы истории. 1998. №2. С. 30-43; Он же. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. №2. С. 141-153; Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная

Характерной чертой постсоветской историографии является возрастание интереса к региональным процессам в годы Первой мировой войны и революции, на основе чего защищен ряд диссертаций¹. Это отразилось на значительном росте исследований в отношении местных органов самоуправления, которые показывают глубину постигшего их в годы войны кризиса². Активно изучаются на местном уровне темы революционных процессов, хотя в основном такие исследования представлены историческими статьями³. Особо можно выделить во многом новаторское для своих лет исследование Н. Н. Кабытовой «Власть и общество российской провинции в революции 1917 года». Впервые исследователь провел внимательное изучение всех ветвей власти на протяжении 1917 г. на материалах обширного поволжского региона, для чего была привлечена широкая историография, архивные материалы, проведено историко-сравнительное исследование организации и взаимоотношения органов власти в разных губерниях, выделено об-

дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 200; Николаев А. Б., Поливанов О. Л. К вопросу об организации власти в феврале – марте 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 131-144.

¹ Белова И.Б. Первая мировая война и Российская провинция: 1914 – февраль 1917 по материалам Калужской и Орловской губерний. Дисс. ... к. и. н. Брянск, 2007; Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914-февраль 1917 г. М., 2011; Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономический, организационно-управленческий и общественно-политический аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): Дис. ... к. и. н. Орел, 2005; Алёхина Е.В. Тамбовское земство в годы первой мировой войны 1914-1918. Дис. ... к. и. н. Тамбов, 2005; Зигель И.А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы первой мировой войны. Дисс. ... к. и. н. Великий Новгород, 2003; Я.В. Казанское земство в период первой мировой войны: историко-политический анализ. Дисс. ... к. и. н. Казань, 2004; Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы первой мировой войны. Дисс. ... д. и. н. М., 2003.

² Шевырин В.М. Земский и Городской союзы: 1914-1917 гг. М., 2000; Уткин А.И. Забытая трагедия: Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000; Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. Ставрополь, 2001; Петровичева Е.М. Земства Центральной России в период Первой мировой войны. М., 2001.

³ Ильин Ю. А. Демократические институты власти города Иваново-Вознесенска в марте 1917 г. // Российская провинция и её роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Кострома, 1994. Ч. II. Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь российской провинции. С. 114-118; Тропов И.А. Революция и провинция: Местная власть в России (февраль – октябрь 1917 г.). СПб., 2011; Сапон В.П. Февральская революция 1917 года в Нижнем Новгороде: новые аспекты // Научный диалог. 2012. №9. С. 64-74. Воробьев Е.П., Белов Д.А. Провинциальный город в период Первой мировой войны и революции (Царицын 1914-1917 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 399-410.

щее и различное, уточнены или оспорены устоявшиеся исторические оценки. Сформулированные выводы помогли лучше понять динамику революционных событий в Поволжье, их сходства и отличия, а также дают возможность сравнить их с процессом трансформации власти в других регионах страны¹.

Эта обширная историография позволяет установить общие тенденции происходивших в государственном аппарате и обществе процессов. Однако исследование этого вопроса на региональном материале Воронежской губернии до сих пор страдает определенными пробелами. Это связано с тем, что основная масса работ представлена советскими исследованиями, которые делали упор на изучение не функционирования органов власти, а на революционные процессы. Тем не менее, в советское время было проведено обширное изучение деятельности и трансформации местных властных структур в революционное время.

Исследование этой темы началось уже в 1920-е гг. Этому способствовала и происходившая в Воронеже систематизация архивных материалов. В 1927 году вышло первое серьезное исследование о ходе смены органов власти «Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии»². Его авторами была проведена значительная работа по привлечению материалов местных архивов партийных организаций, органов местной власти, революционной печати и мемуарных источников. Издание в очерковой форме кратко освещало ход революционных событий в Воронежской губернии, давая их интерпретацию с позиций коммунистической идеологии. Издание также соответствовало установившейся позднее в советской историографии традиции изучения в основном советских органов власти. В соответствии с этим предшествующий революции период был изучен поверхностно, в основном через действия власти на кризис в годы войны.

Вопросы функционирования советской власти в Воронеже, крестьянских органов периода 1917-1918 гг., аграрного движения, деятельности в этом направлении правых и левых эсеров затрагивали в 1920-30-е гг. исследователи М. Голу-

¹ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Учебное пособие. Самара, 2002.

² Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. Воронеж, 1927.

бева, С. Фомичев, А. В. Шестаков¹. Изучение строительства Красной Армии проводил В. Алексеев, ему же принадлежит очерк революционных событий в губернии². Бои за Воронеж в 1919 г. описал И. Е. Филиппов³.

В начале 1930-х гг. коллективными трудами воронежских историков был организован выход нескольких сборников документов, посвященных гражданской войне в Воронежской губернии⁴. Другим результатом сотрудничества явилось исследование «Борьба за Воронеж» 1939 г.⁵ Коллективный сборник очерков, вышедший к 20-летию освобождения Воронежа от белогвардейцев, подробно излагал хронологию революционных событий в Воронеже в 1918-19 гг., опираясь на привлеченные авторами архивные материалы. Первая глава книги, написанная И. Воронковым, подробно освещала процесс построения советской власти на местах после Октябрьской революции. Вместе с тем очерковая структура и агитационная направленность издания наложила отпечаток на изложение автора.

После войны эта работа ненадолго прервалась, и новых работ по этой теме не появлялось, если не считать статьи Першина, посвященной земельным комитетам 1917 г.⁶ Интересно, что автор пришел к выводу о демократическом характере данных органов, что шло в разрез с официальной позицией советской науки. Но

¹ Голубева М. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 г. (Материалы по Воронежской губернии). Воронеж, 1930. Вып. IV; Фомичев С. Крестьянство ЦЧО в революции 1917 г. // Ленинский путь. 1933. № 10. С. 15-24; Шестаков А. В. Октябрь в деревне // Пролетарская революция. 1927. № 10; Его же. Блок с левыми эсерами // Историк-марксист. 1927. № 6; Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. Вып. I; Шестаков А. В. Борьба пролетариата и его партии за союзника – крестьянство в революции 1917 г. // Историк-марксист. 1935. № 4-5.

² Алексеев В. Н. Гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1930. С. 40-41; Он же. Октябрь и гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1932; Он же. Очерки истории революционного движения в Воронежской и Курской областях. Ч. 1. Воронеж, 1935.

³ Филиппов И. Е. На удар ударом. Очерк борьбы за Воронеж с Мамонтовым и Шкуро. 1919. Воронеж, 1934.

⁴ Алексеев В., Комаров А. Гражданская война в ЦЧО. Документы и материалы. Том I. 1918-1919 гг. Воронеж, 1931; Архивные материалы по истории Октября и гражданской войны в ЦЧО. (Под общ. ред. А.А.Комарова). Воронеж, 1932; Комбеды Воронежской и Курской областей. Материалы по истории комитетов бедноты / Сост. С. Л. Ронин. Воронеж, 1935.

⁵ Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. Воронеж, 1939.

⁶ Першин П. Н. Земельные комитеты в период подготовки Октябрьской революции // Вопросы истории. 1948. № 7.

уже с начала 1950-х гг. воронежскими историками была произведена большая работа по изучению победы революции и построения советской власти в губернии. Эти вопросы были подробно исследованы в монографиях и статьях И. Воронкова и П. Н. Соболева¹. Их исследования и сделанные ими выводы легли в основу всего изучения революционных событий в Воронежской губернии и оказали определяющее воздействие на региональную историографию. Приведенный ими материал часто использовался и другими советскими исследователями.

Рубеж 1950-60-х гг. ознаменовался выходом двух важных документальных сборников, в которых был собран значительный материал о победе Советской власти в Воронеже: «Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии» и «Дни грозные»². В дальнейшем они неоднократно использовались исследователями. Основные достижения изучения региональной историографией вопросов революционного движения в Воронежской губернии закрепили вышедшие в 1967 г. «Очерки истории Воронежского края» и «Очерки истории Воронежской организации КПСС»³.

Несмотря на это, в 1960-е гг. интерес к теме был менее широким. Деятельность местных органов обычно изучалась при разработке вопросов взаимодействия власти и крестьянства в эпоху революции, крестьянского движения, его влия-

¹ Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции / И. Г. Воронков. Воронеж, 1952; Воронков И. Г. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1957; Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955; Он же. Сплочение крестьянской бедноты вокруг пролетариата накануне Октябрьской социалистической революции // Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник статей. М., 1957. С. 207-258; Он же. Союз рабочего класса и беднейшего крестьянства – основная общественная сила Великой Октябрьской социалистической революции // Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР. Сборник статей. М., 1958. С. 5-45; Он же. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции. М., 1958; Соболев П. Н. Установление Советской власти в Воронежской губернии // Установление и упрочение Советской власти на местах. М., 1959. С. 298-361.

² Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг.: Сборник документов и материалов / Воронежское книжное издательство. Воронеж, 1957; Дни грозные. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920 гг.): документы и материалы. Воронеж, 1960.

³ Очерки истории Воронежского края. Т. 2. Эпоха социализма. Воронеж, 1967; Очерки истории Воронежской организации КПСС / под ред. А.В. Лосева. Воронеж, 1967.

ния на революцию¹. Непосредственно к вопросам изучения органов советской власти обращался П. И. Павленко². Им было изучено непосредственное установление советской власти по губернии в 1918 г., политика большевиков в период взятия власти. Значительным вкладом в изучение темы явились посвященная победе советской власти в деревне диссертация В. М. Фефелова и ряд его статей, которые позволили уточнить особенности установления ее в уездах³.

Большим прорывом в изучении вопроса о построении органов советской власти в Воронежской губернии в 1918-1919 гг. явилась посвященная этому диссертация Д. В. Сиволова⁴. Он провел скрупулезный анализ строительства органов советской власти в 1918-1919 гг., выделил основные особенности этого процесса, описал структуру советского аппарата в центре и на местах, провел статистический анализ при изучении органов советской власти в деревне, подробно осветил основные направления деятельности большевиков. Данная работа стала

¹ Мельникова М. И. Крестьянское движение в ЦЧО в период подготовки Октябрьского вооруженного восстания (сентябрь – октябрь 1917 г.) // Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР. М., 1957; Морев П. Г. Крестьянские земельные комитеты в Воронежской губернии в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции // Труды Воронежского университета. 1960. Вып. 1. С. 3-20; Он же. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции. Воронеж, 1961.

² Павленко П. Е. Воронежская организация КПСС в борьбе за упрочение Советской власти (ноябрь 1917-1918 гг.) // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. 1958. Т. 27. Вып. 1; Он же. Воронежская коммунистическая организация в борьбе за упрочение Советской власти // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. 1959. Т. 28. Вып. 2; Он же. Воронежские большевики в борьбе за организацию военно-политического союза рабочего класса и крестьянства в 1918-1920 гг. // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. 1958. Т. 27. Вып. 3.

³ Фефелов В. М. Распределение помещичьих земель в Воронежской губернии в 1917-1918 гг. // Труды Воронежского университета. 1957. Т. 60. Вып. 2; Он же. К истории установления Советской власти в г. Острогожске Воронежской губернии // Известия Воронежского педагогического института. 1958. Т. 26; Он же. Распределение помещичьих имений в Воронежской губернии в 1917-1918 гг. // Известия Воронежского педагогического института. 1959. Т. 27; Он же. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского педагогического института. 1960. Т. 31; Он же. Борьба Воронежской большевистской организации за установление власти Советов и проведение первых земельных преобразований в Воронежской губернии (октябрь 1917 г. – июнь 1918 г.). Автореф. дисс... к. и. н. Воронеж, 1963; Он же. Из истории установления власти Советов и волостях и селах Воронежской губернии в 1917-1918 гг. // Известия Воронежского педагогического института. 1967. Т. 63.

⁴ Сиволов Д. В. Борьба Воронежской губернской большевистской организации за создание и укрепление советского и государственного аппарата (1917-1920 гг.). Дисс. ... к. и. н. Воронеж, 1968; Сиволов Д. В. Летопись событий // Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967.

большим шагом вперед в изучении темы, но так и осталась единственным серьезным комплексным исследованием этого вопроса в воронежской историографии.

1960-80-е гг. не отличались серьезными сдвигами в этом направлении. Они также отмечены продолжением ориентации исследований на изучение вопросов взаимодействия власти и крестьянства, а также историографическими работами¹. Более активно рассматривалась деятельность партии в годы революции после взятия власти. В 1971 г. вышла диссертация А. А. Левина о строительстве партийных органов на местах, которая внесла большой вклад в эту тему². Кроме того, в работах Е. Г. Шуляковского было рассмотрено влияние В. И. Ленина на местные органы власти, их основная деятельность в период гражданской войны³. К 60-летию Октябрьской революции было выпущено исследование о деятельности в деревне партийных органов за все советское время, значительная часть которого была посвящена периоду революции⁴. Серьезную разработку этого сюжета провел А. Я. Переверзев, который на материалах Черноземья показал общий ход утверждения советской власти в деревне и обрисовал политику коммунистической партии в аграрном и продовольственном вопросе⁵. Рядом исследователей было изучено революционное движение среди солдат центрального региона, его влияние на мест-

¹ В. И. Ленин и крестьянство. Сб. статей. Воронеж, 1970; Фефелов В. М. История Воронежской губернии в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917-1920). Указатель литературы / Сост. В. М. Фефелов. Воронеж, 1970; Наумов В. П. Современная историография Великой Октябрьской Социалистической революции // Исторические записки. М., 1977. Т. 100.; Партия и Великий Октябрь (историографический очерк). М., 1976; Великий Октябрь. История, историография, источниковедение. М., 1978; Лаппо Д. Д. Историография гражданской войны в Центральном Черноземье. Воронеж, 1977.

² Левин А. А. Создание и организационное укрепление местных партийных организаций в первые годы советской власти: октябрь 1917 – 1920 гг. (на материалах губерний Центрального Черноземья): Дисс. ... к. и. н. Воронеж, 1971.

³ Шуляковский, Е. Г. В. И. Ленин и трудящиеся Черноземного Центра. Воронеж, 1977.

⁴ Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за социалистическое преобразование и развитие сельского хозяйства. 1917-1977 гг. / Сост. В. И. Логунов, А. В. Лосев. Воронеж, 1977.

⁵ Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917-1918 гг.). Воронеж. 1976; Он же. Великий октябрь и преобразование деревни: (опыт революционно-преобразующей деятельности РКП (б) в деревне Черноземного центра в России, 1917-1921). Воронеж, 1987.

ную власть, что затрагивало и ситуацию в Воронеже¹. Этот период отмечен работами краеведческого, биографического и очеркового характера, освещавшими моменты деятельности местных органов власти и событий гражданской войны².

После распада СССР интерес к изучению воронежских властных структур во время революции времени упал. В 1990-е единственной заметной работой такого плана была книга краеведа Д. Д. Лаппо, в очерковом духе освещавшая события гражданской войны на территории губернии³. Тем не менее, в за последние время регулярно появляются работы, посвященные периоду революции и гражданской войны и затрагивающие вопросы советского управления. Их авторы более углубленно изучают эту тему, затрагивая ранее не исследованные сюжеты⁴. Стоит отметить работы Н. А. Алексанян о деятельности местных советских органов, базирующихся в основном на документах ГАВО⁵. Есть ряд изданий о ранней

¹ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября : По материалам Московского военного округа. М.: Наука, 1978; Торопов Л. Н. Советы солдатских депутатов Центральной России в 1917 году // Вопросы истории. 1977. №8. С. 46-70.

² Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году: (материалы для студентов). Воронеж: ВПИ, 1967; Гвардейцы революции: Сборник статей. Воронеж, 1967; Фурменко И. П. Очерки истории здравоохранения Воронежского края: в 3 ч. Ч. 2: Народное здравоохранение Воронежской области в довоенный период (1917-1940 г.г.). Воронеж, 1970; Антюхин Г. В. Очерки истории партийно-советской печати Воронежской области, 1917-1945. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976; Лаппо Д. Д. Они защищали Советскую власть. Воронеж, 1977; Гайворонский А. И. Достоинно памяти потомков // Записки воронежских краеведов. Сост. А. И. Гайворонский. Вып. 1. Воронеж, 1979. С.106-109; Он же. Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918-1920 годы) // Записки воронежских краеведов. Вып. 3. Воронеж, 1987. С. 23-58.

³ Лаппо Д. Д. В красно-белом отсвете трагедии: (Воронежская губерния: 1917-1920). Воронеж, 1993.

⁴ Кузин К. И. Из истории органов юстиции Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста. Выпуск 4. Воронеж, 2006. С. 154-164; Перцев В. А. История создания и деятельности Воронежской губернской чрезвычайной комиссии в 1918-1922 годах // Исторические записки ВГУ. Вып. 7. Воронеж, 2001. С. 47-64.; Он же. «Именем революции»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник ВГУ, 2008. С. 28-43; Лесных А. В. Отношение крестьян Воронежской губернии к Советской власти: 1917-1921 гг. Дисс. ... к. и. н. Воронеж, 2009; Ямпольская Г. А. «Военный коммунизм» на территории Воронежской и Курской губерний: складывание и функционирование военно-хозяйственной диктатуры. Дисс... к. и. н. Белгород, 2011.

⁵ Алексанян Н. А. Обоснование классово-борьбы и победы коммунизма в годы Гражданской войны (по материалам прессы) // Преподавание истории в школе. 2012. № 5. С. 73-75; Она же. Советская власть и церковь в годы Гражданской войны: компромиссы и противостояние // Власть. 2012. № 1. С. 140-143; Она же. Деятельность продовольственных органов власти Воро-

советской милиции В. Смирных, основанных в основном на архивном материале¹.

Постсоветская историческая наука отличается возрастанием интереса к дореволюционному периоду истории. Эта же тенденция проявилась и в региональных исследованиях. Благодаря этому уделено внимание деятельности воронежской коронной администрации и органов местного самоуправления в дореволюционный период². Большим вкладом в изучение деятельности губернского земства и воронежской думы стали работы С. В. Филипцевой и П. А. Попова³. Освещался этот вопрос и при изучении деятельности несоветских партий в Воронеже⁴.

Но в целом эта тема исследована недостаточно. Единственной работой, которая проводит последовательный анализ развития местных структур власти в период революции, принадлежит, как ни странно, зарубежному исследователю. Немецкий ученый Стефан Карш в 2006 г. выпустил монографию «Захват власти большевиками в Воронежской губернии»⁵. Сделав предметом своего анализа обстановку в Воронежской губернии с момента Февральской революции до прихода

нежской губернии в годы Гражданской войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 180-185; Она же. Становление и деятельность судебной системы Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917-1922) // *Альманах современной науки и образования*. 2015. № 9 (99). С. 11-15; Она же. Деятельность Советов Воронежской губернии с марта 1921 г. по 1922 г. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. №12-2 (62). С. 23-31; Она же. Ревкомы Воронежской губернии в годы гражданской войны // *Альманах современной науки и образования*. 2015. №7 (97). С. 12-16; Она же. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы Гражданской войны (1917-1922 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 11-2 (61). С. 16-26.

¹ Смирных В. Почти военная организация: очерки истории Воронежской милиции 20-х годов 20 века. К 200-летию МВД России. / Смирных В. М. Воронеж, 2002; Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20–30-х гг. 20 в. / Смирных В. М. Воронеж, 2010; Смирных В. М. Воронежская милиция – в лицах: краткие биографии / Смирных В. М. Воронеж, 2015.

² Нигматов В. В. Эволюция сознания населения Воронежской губернии и взаимоотношения с властью в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2010. № 12. С. 263-267.

³ Филипцева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской области. Дисс... к. и. н. М., 2009; Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870-1918. Воронеж: Кварта, 2006.

⁴ Куцеволов А.А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии: конец XIX в. – 1918 г. Дисс. ... к. и. н. Воронеж, 2007; Михалев О. Ю. Воронежская организация конституционно-демократической партии. 1905-1917 гг.: Дисс... к. и. н. Воронеж, 2001.

⁵ Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronez (1917-1919). Stuttgart, 2006.

белых войск в 1919 г., он разделил ее по хронологическому принципу, а также выделил четыре темы для изучения: экономическая обстановка, позиция армии, идеология воронежских партий и институты управления. Монография основана на уже известных региональных исследованиях, были также использованы фонды воронежских архивов, воронежская пресса, а также материалы центральных архивов – ГАРФ и РГАСПИ. Это позволило ему привлечь богатый фактографический материал, на треть основанный на архивных данных, который в целом подтверждает выводы автора. Согласно им, послефевральская власть была слабо организована и не добилась популярности масс, что позволило большевикам победить ее в опоре на рабочих и солдатские гарнизоны. Однако С. Карш сам неоднократно акцентирует внимание на плохой организации и малочисленности местной большевистской партии, слабой политизации масс и скоротечности популярности плохо организованных Советов, из-за чего кризис народной поддержки поразил и самих большевиков в 1918-19 гг. Причину того, что власть большевиков не была свергнута, автор объясняет тем, что им пришлось перейти к режиму жесткой диктатуры и централизации. Между тем, это не объясняет институциональных отличий двух моделей власти и логики поведения местных элит. Тем не менее, исследование, несмотря на спорность выводов, интересно в качестве первого комплексного труда в Воронежской области о периоде 1917-1919 гг.

Ряд фактов из истории революции и деятельности местных органов власти содержится в опубликованных воспоминаниях участников революционного движения¹. Наиболее подробным из них является сборник «За власть Советов», вышедший в Воронеже в 1957 г.² Он содержит воспоминания большевиков, участников революционных событий 1917-18 гг. и Воронеже и Воронежской губернии.

Таким образом, на данный момент практически отсутствуют серьезные исследования о состоянии органов власти в 1917 г., особенно в отношении других

¹ Рассказывают участники Великого Октября. М., 1957; Кривошеин С. Сквозь бури. Воспоминания. М., 1959; Летопись Великого Октября. М., 1958;

² За власть Советов: сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917-1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова и Т.М. Севостьяновой. Воронеж: Кн. изд-во, 1957.

органов, кроме Советов. Слабо исследовано социально-общественное состояние губернии, развитие органов советской власти в послереволюционный период, события гражданской войны. Более серьезный вклад внесен в изучение дореволюционных органов управления, однако в этом отношении остается много неизвестного, в частности, не изучена подробно деятельность коронной администрации.

Источники исследования. Источниковая база определена в соответствии со спецификой исследования и включает в себя пять видов источников: материалы архивных фондов, законодательные государственные постановления, опубликованные документы постановлений и делопроизводства местных органов власти, региональная периодическая печать и источники мемуарного характера.

Основным источником исследования стали документы Государственного архива Воронежской области (ГАВО) и Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). В первом сосредоточены документы органов управления Воронежской губернии. Были использованы документы 14 фондов досоветского периода. Сведения о работе органов коронной администрации брались в основном из фонда губернского жандармского управления (Ф. И-1), канцелярии воронежского губернатора (Ф. И-6) и Воронежского по земским и городским делам присутствия (Ф. И-21) – так как именно там содержится основной материал на этот счет. В них также достаточно подробно освещена местная социально-политическая обстановка, за которой следили власти, имеется информация о восприятии населением местной власти, а также показано отношение вышестоящих органов к местному самоуправлению. Из доступных фондов была взята информация о деятельности земского самоуправления: фонда губернской земской управы (Ф. И-20) и уездных земств (Ф. И-45, Ф. И-46, Ф. И-47, Ф. И-48, Ф. И-50, Ф. И-51). В них были в первую очередь изучены протоколы заседаний земств и сведения об общей их политике в ходе Первой мировой войны.

Неоценимые сведения об организации власти в 1917 г. содержат фонд Воронежской городской управы (Ф. И-19), Воронежского комитета общественных организаций (Ф. И-217), городского исполнительного комитета (Ф. И-218), а также Острогожского уездного исполкома (Ф. И-220) – одного из немногих, чьи

протоколы относительно уцелели. Особенно ценны протоколы Комитета общественных организаций и городского исполнительного комитета, ранее почти не использовавшиеся исследователями. К сожалению, все эти материалы весьма немногочисленны и отрывисты. В ГАВО также были изучены документы советских органов, которые содержат довольно богатый, хотя и плохо структурированный материал, который рассказывает об организации советских учреждений после Октября. В связи с этим основное внимание было обращено на фонды основных, «организационных» подразделений Совета: Воронежского Совета (Ф. Р-2393), губисполкома (Ф. Р-10), юридического отдела (Ф. Р-36) и отдела управления (Ф. Р-4). Последние три содержат наиболее подробный документальный материал об организации советской структуры в 1918 г.: постановления местных органов, материалы делопроизводства, инструкции центральных учреждений и донесения с мест. Кроме того, именно в фонде Воронежского Совета благодаря связи с другими учреждениями уцелели отрывочные данные о деятельности других органов власти в 1917 г. Также в процессе исследования был изучен ряд фондов других учреждений за 1914-1918 г.: административного, местного, продовольственного характера. Однако в связи с разрозненностью и плохой сохранностью ранних документов в исследовании можно было использовать документы лишь отдельных из них: Ф. Р-13 (отдел управления Павловского уездного исполкома), Ф. Р-35 (Воронежский губернский отдел здравоохранения), Ф. Р-37 (народный суд 3-го района Воронежского уезда).

В ГАОПИВО сосредоточены в основном документы бывшего партийного комитета Воронежского обкома. Были использованы 3 фонда. Ф. 1 – Воронежского губкома ВКП(б), в котором содержится богатая переписка с партийными учреждениями на местах и в Воронеже, что ввиду недостатка материала о Советах на местах частично компенсирует этот дефицит. В Ф. 5 содержатся подготовленные еще в советское время выписки из документов местных органов Временного правительства. Несмотря на то, что их сохранилось не так уж много, они содержат наиболее подробный архивный материал о работе губернского комиссара и деятельности местных учреждений на местах после Февраля. Также в связи с плохой

сохранностью дел о событиях 1917-1918 гг. большую роль в исследовании сыграл фонд редкой периодики (Ф. 290). Важнейшим из сохранившихся в нем источников является губернская газета «Воронежский телеграф» за 1917 г., которая подробно описывала события в крае. Большое значение имеют издания губкома большевиков и Совета, которые подробно описывали свою политическую работу, ряд провинциальных изданий. Вместе это позволило значительно увеличить количество данных о местной власти.

Основная масса этих источников хорошо известна в воронежской историографии, однако информация из них нередко привлекалась ограниченно. Это касается в основном советских хроник и исследований, в которых данные из этих источников приводились эпизодично, без архивных ссылок или в вольном пересказе, из-за чего была слабо освещена внутренняя организация Воронежского Совета и почти не освещена организация других органов власти. Систематическое исследование затруднялось и недостатком документов, многие из которых были потеряны еще в Гражданскую и Великую Отечественную войны. Среди новых материалов, приведенных в исследовании, стоит отметить документы по хозяйственной работе городской думы, данные об организации советских органов в 1918 г. и документы о создании органов власти в 1917 г. – делопроизводство Воронежского Совета, донесения о создании местных уездных исполкомов и в особенности немногочисленные документы делопроизводства губернского и городского исполнительных комитетов, чья деятельность ранее была изучена крайне поверхностно.

Для сопоставления работы местных работ с государственными указаниями использованы законодательные государственные акты, которые взяты из публикаций официальных нормативных постановлений высших органов власти по деятельности и организации государственной аппарата и местного самоуправления¹.

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып.1: 27 февраля – 5 мая 1917 г.; Министерство внутренних дел. Сборник циркуляров МВД за период март-июнь 1917. Пг., 1917; Декреты Советской власти / Отв. ред. Г.Д. Обичкин. М., 1957-1968; Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. / Сост. Д.А. Гайдуков. Т. 1. 1917-1922 гг. М.: Госюриздат, 1959; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов. М.: РГГУ, 1996.

К источникам, содержащим опубликованные документы, постановления и делопроизводства местных органов власти, относятся содержащие постановления губернатора «Памятные книжки» Воронежской губернии, журналы губернских земских собраний и их постановлений, отчеты отделов губернского земства, протоколы съездов Воронежской губернии 1917-1918 гг., документы исторических сборников, публикации документов в прессе¹.

Были изучены доступные номера местной периодической печати. Прежде всего это газеты «Воронежский телеграф», «Воронежский день», «Известия губисполкома Воронежского Совета», «Красный листок» и ряд уездных изданий. Помимо ГАОПИВО, часть их взята в Воронежском краеведческом музее, отдельные номера – в фондах Воронежской библиотеки им. И. С. Никитина и Российской государственной библиотеки.

В качестве мемуарных источников использованы опубликованные воспоминания участников революции и гражданской войны в Воронежской губернии, однако эти воспоминания немногочисленны и имеют незначительную роль.

Научная новизна работы. Новизна работы определяется тем, что это первое комплексное исследование в отечественной науке, посвященное вопросу из-

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 год. Воронеж, 1914; Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 год. Воронеж, 1915; Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж 1916; Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского Союза Городов за 1914-1915 годы. Воронеж, 1915; Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. (16-17 декабря 1913 г. и 16-29 января 1914 гг.). Воронеж, 1914; Журналы Воронежского губернского земства чрезвычайной сессии 3 августа 1914 г. Воронеж, 1914; Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. (15-21 января 1915 г.). Воронеж, 1915; Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Воронеж, 1916; Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Воронеж, 1915; Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Воронеж, 1916; Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 5 марта 1916 года. Воронеж, 1916; Журналы Воронежского Губернского земского собрания очередной сессии 1916 года (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Воронеж, 1917; Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии (16 января 1918 г.). Воронеж, 1918; Протокол губернского крестьянского съезда. Воронеж, 1917; Протоколы Общих собраний II Воронежского крестьянского съезда 15-18 февраля 1918 года с приложением инструкций и декретов СНК. Воронеж, 1918; Протокол III съезда Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов Воронежской губернии. 5-10 апреля 1918 г. Воронеж, б.г.; Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии (1917-1918 гг.). Сборник документов и материалов. Воронеж, 1957; Революционное движение в России в апреле 1917 г. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

менения органов власти Воронежской губернии в течение кризисного периода 1914-1918 гг. Цель и задачи в обозначенных хронологических рамках прежде не ставились. Планомерно исследованы ранее слабо разработанные темы деятельности местных органов в годы Первой мировой войны, процесс свержения органов самодержавия не только на губернском, но и уездном уровне, взаимоотношение органов власти в 1917 году и строительство советского губернского аппарата. В научный оборот введен ряд ранее слабо известных и неизвестных материалов. Все это позволило создать целостную картину преобразования органов власти в период кризиса государства в годы войны, их разрушения при свержении самодержавия, кризиса новых революционных органов власти и складывания на региональном уровне новой системы советской государственности. Выделены этапы, события, причины и следствия этого процесса. Уточнены и подтверждены существующие в историографии факты и оценки.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ходе Первой мировой войны местная система власти отличалась, как и по всей стране, увеличением ответственности местного самоуправления при сохранении надзорных функций коронной администрации. Эта рассогласованность привела к усилению кризиса губернии. При этом деятельность земства была относительно успешна, в отличие от работы Воронежской думы, не обладавшее необходимыми ресурсами. Коронная администрация не смогла адекватно реагировать на изменившуюся обстановку, оставшись в годы войны на уровне прежней эффективности. Это привело к падению популярности местных органов власти у населения и снижению их эффективности в целом, несмотря на отсутствие внутренних конфликтов.

2. Установлено, что свержение самодержавия в Воронеже шла в русле общероссийской тенденции. С его падением власть грозила оказаться в руках самолично организовавшихся Комитета общественных организаций и Воронежского Совета. Под влиянием этого дума и земство, сгруппировавшие местные либерально-буржуазные элиты, пошли на создание исполнительных комитетов, к которым присоединились общественные организации. Особенностью Воронежа была отно-

сительная умеренность установления новой власти и независимая друг от друга работа земства и думы. Благодаря опоре на уездные земства они смогли быстро распространить новую власть по губернии и сохранить порядок.

3. Проведенное исследование показало, что власть в губернии прошла общероссийскую эволюцию: верховную власть имел губернский комиссар правительства и губернский исполком, а на местах – уездные комиссары и исполкомы. Однако эта вертикаль была очень слаба, и при пробуждении общества исполкомы самочинно сменили свой состав на избранных представителей от населения, взяв власть в свои руки. Установлено, что перевыборы исполкомов шли через крестьянские съезды, а основной политической силой, занявшей в них монопольное положение, была партия эсеров, которая к лету 1917 г. на волне популярности также завоевала губисполком и Воронежский Совет.

4. Выяснено, что в губернии сложилось двоевластие – наряду с системой местных исполкомов, на которые опирались губисполком и губкомиссар, существовала и нарождающаяся система Советов. Однако вначале их отношения характеризовались сотрудничеством: Воронежский Совет начал играть активную политическую роль лишь с апреля 1917 г., но первоначально его претензии на власть выражались в борьбе с городским исполкомом Воронежа, которая длилась до самой его ликвидации в августе 1917 г. Лишь к осени 1917 г. в связи с распадом местной управленческой структуры и кризисом ее доверия Совет становится реальным претендентом на власть, что позволило победить большевикам.

5. Утверждение власти Советов в Воронежской губернии происходило в опоре на слои рабочих, солдат и сочувствующих Советам крестьян, причем этот процесс прошел в три этапа: октябрь 1917 – апрель 1918 г. – распространение Советов по губернии в борьбе со старыми органами власти; апрель – июнь 1918 г. – переходный период в деятельности местных органов с сопутствующей импровизацией и чрезвычайными мерами и сохранением земств и дум; август – декабрь 1918 г. – вступление в фазу интенсивного советского строительства на основе разработанного в центре законодательства, укрепление вертикали власти, ужесточение политической свободы. Эффективность новой системы была низка, но все

же большевикам удалось добиться последовательного улучшения ее работоспособности, что выгодно отличало ее от предшествующих.

б. Анализ и сравнение последовательно сменивших друг друга трех управленческих моделей приводит к выводу, что создание системы Советов с ее централизацией и объединением всех функций было адекватным и закономерным институциональным ответом на решение кризисного состояния страны. До и в ходе Февральской революции система власти характеризовалась дуализмом бюрократической и общественной разницы губернской и местной властей при ограниченной компетенции местного самоуправления. Советская система смогла решить это противоречие унификацией и централизацией ввиду наиболее подходящей в кризисных условиях природы своей организации.

Практическая значимость работы. Результаты диссертации могут применяться в дальнейших исследованиях по широкому кругу вопросов истории России первой четверти XX в. Сформулированные выводы и продемонстрированные факты могут быть использованы для последующей разработки заявленной темы, изучения особенностей революционного процесса на региональном и центральном уровне, в преподавании в высших и средних учебных заведениях, при разработке семинаров, лекций, методических пособий, в краеведческой литературе.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседании кафедры отечественной истории России и отражены в 5 публикациях соискателя в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, выделенных по хронологическому принципу, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Деятельность органов власти и местного управления Воронежской губернии в период Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.)

1. 1. Воронежские губернаторы: основные направления деятельности

К началу войны система государственной власти на местах в России прошла долгую историю. Оставляя за скобками порядок особого управления, который касался в основном окраин Российской Империи, кратко очертим структуру власти центральных губерний. В каждой из них ее венчал губернатор, на котором замыкались все функции государственных и общественных органов. Его деятельность определялась законами. Хотя губернаторы считались непосредственными представителями императора на местах и назначались его указами, фактически они в основном были подчинены в своей работе Министерству внутренних дел, являясь высшими правительственными чиновниками в подчиненных им губерниях. Законодательство в виде «Наказа гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г.» определяло их функции в самом общем виде: «...первые в оных блюстители непосредственных прав самодержавия, пользы государства и повсеместного, точного исполнения законов, уставов... обязаны ...охранять повсюду общественное спокойствие безопасность... и соблюдение установленных правил. Им поручены принятие мер для сохранения народного здоровья, обеспечение продовольствием губернии, доставление... надлежащего призрения и высший надзор за скорым исполнением всех законных постановлений и требований». Остальной наказ мелочно регламентировал обязанности губернаторов, которые фактически курировали все управление в губернии¹. Дальнейшие нормативные акты, уточнявшие права и полномочия губернаторов, не меняли принципиального характера Наказа. Период до 1914 г. в основном характеризуется лишением губернаторов функций, которые перешли

¹ Высочайше утверждённый Общий наказ гражданским губернаторам: именной указ, данный Сенату, № 10303 от 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1838. Собрание II. Т. XII. Отд. 1; См. также: Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской Империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003. С. 54.

пореформенным учреждениям, при одновременном усилении ресурсов политического и силового контроля¹.

К началу XX в. основными задачами губернаторов были наблюдение за соблюдением законодательства, контролирующие и охранные функции. Им принадлежало право опротестования любых решений местных органов и ряда чрезвычайных полномочий. Напрямую свою деятельность губернатор проводил через вице-губернатора, чиновников для особых поручений и губернскую канцелярию. Непосредственно губернатору подчинялось губернское правление и полиция.

Губернское правление играло значительную роль: оно представляло из себя учреждение МВД с постоянным штатом, делившееся на присутствие и канцелярию, состоящую из 1-го и 2-го распорядительных отделений, занятых общим делопроизводством, а также пяти отделений: врачебного, строительного, ветеринарного, межевого и тюремного. С его помощью губернатор курировал и проверял хозяйственную деятельность местных органов, правление выполняло и функции кассационной инстанции. Также существовал целый ряд коллегиальных правительственных органов, в большинстве называвшихся губернскими присутствиями (по крестьянским, воинским и др. делам), в которых губернатор в качестве высшего чиновника был председателем, координируя их деятельность через межведомственные совещания с принятием решений по голосованию. Тем самым он держал под контролем все важнейшие стороны жизни в губернии.

Присутствие было в целом органом больше надзорным. Фактически основные функции местного управления осуществляли лично губернаторы, подчиняющиеся центральным органам правительства, губернские организации и местное самоуправление, делившееся на земские собрания и городские думы, выделяющих из своего состава исполнительные органы – управы. Из гласных уездных земств и нескольких руководителей правительственных ведомств формировалось губернское земское собрание. Согласно закону, земства и думы были сословными, но на деле формировались из небольшого слоя населения, в основном

¹ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2001. С. 120-121.

имущего («цензового»), которых подчас было слишком мало, поэтому в некоторых небольших городах применялось «упрощенное городское управление», когда сход домохозяев выбирал 12-15 уполномоченных, а те – старосту с помощниками. Эти органы заведовали в основном хозяйственными и социальными вопросами, подчиняясь в этом правительственным органам. Но на них официально падали и многие важные государственные функции, такие как снабжение полиции и содействие решениям губернатора. Законодательство рассматривало их как одну из форм государственного управления, отличающуюся от учреждений выборным характером: «...в дореволюционной, русской юриспруденции... и правительственные, и общественные есть составные части местного управления»¹. Сам губернатор контролировал их деятельность в основном через губернское по земским и городским делам присутствие, состоявшее из представителей самоуправления и правительственных руководителей с преобладанием последних.

Важную роль в губернском управлении также имел губернский предводитель дворянства – выборная должность, избираемая на дворянских съездах, которая имела общественный характер внутрдворянского управления. Предводитель автоматически участвовал в работе ряда местных комитетов и присутствий на правах их председателя или члена и фактически был важной фигурой в местном управлении. На местах существовали самостоятельные уездные предводители с аналогичными функциями, возглавлявшие уездные комитеты и присутствия, которые на деле были исполнительными инстанциями губернских органов. Одной из обязанностей предводителей было председательство в земском собрании. Из дворян губернатором также назначался уездный исправник.

На сельском уровне были волостные управления, которые составляли волостной сход, волостной старшина с волостным правлением и волостной крестьянский суд. Сельский сход и сельский староста составляли сельское самоуправление. Волостные органы подчинялись по административно-контрольной линии в

¹ Любичанковский С.В. Указ. соч. С. 46.

пределах выделенных участков назначаемым земским начальникам. Те в свою очередь подчинялись губернскому присутствию¹.

Большинство исследователей приходит к выводу, что структура губернского управления накануне войны была внутренне противоречива и нечетко кодифицирована. При сильной бюрократизации власти с минимальным допуском представителей населения, крупным административным контролем и широкими полномочиями губернаторов не было выработано четкого управленческого централизма с его соподчинением органов. Разные уровни власти слабо контактировали, не были ясно определены с законодательной точки зрения и их функции, часто встречалось их переплетение и дублирование. Вместе с прямым управлением МВД и местной администрации существовало земское самоуправление, которое представляло из себя автономный аппарат, что приводило к управленческому дуализму: «По существу с середины 1860-х гг. в России началось сосуществование двух управленческих структур – централизованно-административной и общественной, построенной на началах автономного самоуправления»². Сельские органы подчинялись слабо квалифицированному корпусу выборных из крестьян представителей власти, одновременно представляя старое общинное самоуправление, что ослабляло контроль над ними. Венчал эту противоречивую структуру губернатор, который имел широкие полномочия и проверял деятельность всех органов власти, но проводил свою деятельность опосредованно, через коллегиальные органы и местное самоуправление, фактически только курируя их. Несмотря на контролирующие функции, на деле он был лишен возможности направлять деятельность местных органов – в его руках напрямую были сосредоточены только средства политической охраны и надзора. При этом на нем была ответственность за происходящее в губернии³.

¹ См.: Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / Уч. пособие. Под ред. С. А. Комарова. СПб., 2004.

² Карпачев М. Д. Российское земство (Нелегкий опыт самоуправления) // Подъем. 1994. №4. С. 228.

³ См.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (18 – начало 20 века). М., 2000; Тюрин В.А. Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века (Пензенская, Самарская, Симбирская

Исторически сложилось, что в России деятельность губернаторов при самодержавии исследована слабо. В советское время эта тема была не востребована, так как в соответствии с классовым подходом историческая наука тогда фокусировалась на вопросах революционного движения, социально-экономического и управленческого кризиса империи. Однако исследований кризиса управления на местном материале практически не проводилось. В настоящее же время изучение роли и функционирования государственных органов при самодержавии становится все более популярной темой у историков. Это привело к тому, что появился ряд трудов, переосмысляющих роль и значение губернаторов в местном управлении. Особенно достойна замечаний книга А. Минакова о формировании и управленческой практике губернаторского корпуса Черноземного центра. На основании изучения широкого круга источников автор показал особенности взаимоотношения губернаторов с местными органами власти и самоуправления, придя к выводу, что несмотря на нынешнюю популярность представлений об антагонизме губернаторов и либерального земства, на деле их отношения проходили в рамках делового сотрудничества и редко отличались ярко выраженным антагонизмом. Однако губернаторы как представители высшей власти делали основную ставку на административный ресурс в определенный ущерб привлечению общественных сил¹.

В последнее время в связи с повышением интереса к Первой мировой войне также появляются и работы о действиях губернаторов в этот кризисный период².

губернии). Дисс. ... к. и. н. Самара, 2004; Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; Орлов А. В. Губернаторская власть в дореволюционной России на примере Нижегородской губернии (Историко-правовой аспект). Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2005; Макаров И. А. Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород, 2005; Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892 – 1914). Самара-Оренбург, 2007; Вакилев Т. Р. Роль и место правителя канцелярии губернатора в системе местного управления второй четверти XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 85-88;

¹ См.: Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел, 2011.

² Марасанов В. М. Деятельность губернаторов Верхневолжского региона России в условиях первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 8 (151). Т. 26. С. 132-

Большая часть исследователей пришла к выводу, что несмотря на повышение своей роли, губернаторы оказались неспособны справиться с нарастающим военным кризисом из-за устаревших способов управления и рассогласованности работы с общественными организациями. Это соотносится с выводами оренбургского исследователя Любичановского, который подошел к структурно-функциональному исследованию темы и на материале уральского региона показал кризис внутреннего управления к 1914 г.¹ До вопроса о воронежских губернаторах исследователи еще не дошли – данный сюжет в научной литературе раскрывается лишь в качестве побочной темы в общем контексте изучения вопросов Первой мировой войны или обзорно-исторических работах². Поэтому стоит выяснить основные направления деятельности воронежских губернаторов, их взаимоотношения с другими органами и итог их работы в данный период.

Начало войны застало в Воронеже переведенного туда в феврале 1914 г. из Казани статского советника Г. Б. Петкевича. Он был бывшим уездным предводителем дворянства, карьере которого немало помог брак с дальней родственницей И. Л. Горемыкина. В Воронеже он находился на правах «исполняющего должность» губернатора и официально им так и не стал – что в те годы было обычной практикой. Война придала его деятельности особенно важное значение. Прежде всего, с объявлением мобилизации необходимо было обеспечить необходимый порядок и спокойствие. Поэтому губерния перешла на положение усиленной охраны. 27 июля 1914 г. губернатор издал целый ряд обязательных постановлений для организации тыла – об учете населения, безопасности движения, внутреннем наблюдении за спокойствием в городе, охране имущества, запрете собраний, за-

139; Смирнова А. А. Деятельность губернатора Вятской губернии в период Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. С. 61-64; Букалова С. Могли ли губернаторы спасти Николая II в 1917 году? // Родина. 2016. № 3. С. 106-108; Шестова Т. Ю. Обращения пермского губернатора к губернскому земству в период Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. Пермь, 2014. С. 164-169.

¹ Любичанковский С. В. Внутренний кризис системы управления: тектологический подход // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 53-59.

² Иванов Р. Н. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Воронежской губернии: 1914-1917 гг.: Дис. к.и.н. Воронеж, 2012; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Историко-биографические очерки. / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж, 2000.

прете подстрекательств к забастовкам, запрете самовольных сельских сходов, запрете распространения вредных слухов, запрете на незаконное хранение оружия, запрете на продажу спиртных напитков на время мобилизации¹. В соответствии с правом внесудебных наказаний, дававшегося губернатору при усиленной охране, нарушение любого постановления каралось 3000 руб. штрафа или 3 месяцами заключения. 31 июля 1914 г. губернатор также издал постановление об аресте всех австро-германских подданных мужского пола в возрасте от 18 до 45².

Мобилизация в губернии прошла по плану, без уклонений и осложнений, несмотря на опасения властей. С самого начала войны МВД указало губернаторам на возможность забастовок, которые могут сорвать мобилизацию. В Воронеже произошли именно такие события. За два дня до объявления о мобилизации, 12 июля в 8 часов утра рабочие завода Столь и К^о из солидарности с бастующими Петрограда разошлись, не приступая к работе. Ими была сделана попытка снять с работ и служащих типографии Яковлева. «Причем речей, пения и никаких демонстраций ими проявлено не было», а следовательно, не было выдвинуто и никаких лозунгов. Зачинщики событий были тут же арестованы. В тот же день Петкевич, рассмотрев дознание полиции, признал задержанных 5 рабочих виновными. Все они были арестованы на три месяца тюрьмы. Потом было задержано еще двое рабочих. 2 августа 1914 года губернатор предложил МВД выслать рабочего П. Н. Герасимова на три года, а остальных – на 2 года³. Подобные решительные действия способствовали предотвращению беспорядков при мобилизации. Возможность последних была не исключена: несмотря на ныне принятое мнение, что мобилизация прошла с воодушевлением и при подъеме патриотического духа, косвенные данные дают понять, что все было сложнее: «Громадный Митрофановский монастырь был полон солдатами и их жёнами. Читали манифест. Бабы плакали. Солдаты истово крестились и стучали лбами об пол. Так было утром, а вечером в местах расквартирования “воинства” слышались смех, крик, точнее гряз-

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 год. Воронеж, 1915. Отдел 1. С. 31-37.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 391. Л. 3.

³ Там же. Д. 1993. Лл. 4-15.

ная ругань... Всё было грубо, цинично и непонятно...» (Воронеж)¹; «стражники метались во все стороны, опасаясь беспорядков. ...Женщины причитали, провожая на войну своих сыновей, мужей, братьев. Запасные солдаты слободы Карпенково, хутора Каменки и других селений громко доказывали, что “это пробная мобилизация – до Острогожска и обратно домой”» (Острогожский уезд)². Все это мало похоже на принятые ныне представления о воодушевлении населения³.

Постепенно война затягивалась, что требовало изменения существующего положения управления. Указом 15 февраля 1915 г. губернатору Воронежской губернии было предоставлено право главноначальствующего, т. е. имевшего права на особые полномочия, а губерния, соответственно, переходила на чрезвычайное положение. Эти полномочия постоянно продлевались и в итоге действовали до самой революции. Итогом стало регулярное издание приказов губернатором, в первую очередь касающихся военной сферы. Летом 1915 г. Петкевичем был издан ряд постановлений для регуляции тыла на время войны: запрещались разговоры на немецком, сдача внаем квартир воинским чинам без документов, скупка мелких монет и прочие действия для подрыва бюджета страны, было издано постановление о постановке на учет материалов для военной промышленности и т. д.⁴

Одной из основных задач губернатора было сохранение общественного спокойствия в подчиненной ему губернии. На протяжении 1914-1916 г. в деревне произошло несколько волнений и бунтов. Стоит отметить бунт в с. Козловка Бобровского уезда, когда 12-14 августа 1914 г. крестьяне провели погром отрубщиков и организовали отпор прибывшим стражникам, причем волнения перекинулись и на другие деревни. Было арестовано 75 человек, 29 осуждено⁵. Конфликт был одним из многих проявлений вражды общинников и частных хозяев, выделявшихся на отруба в ходе столыпинских преобразований, что позволяло им получить в

¹ Булдаков В. П. 1914 год: русская культура перед лицом европейского кризиса // Политическая концептология. 2015. №1. С. 160.

² Серегин Л. Родное и близкое. Краткая история Дегтяренского сельского поселения. Воронеж, 2015. С. 34.

³ Иванов Р. Н. Указ. соч. С. 101.

⁴ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Воронеж, 1916. Отдел 1. С. 18-21.

⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2042. Лл. 21-26.

собственность лучшие земли. Бунты были спровоцированы землемерными работами, которые крестьяне приняли за подготовку передела земли. В целях сохранения спокойствия Петкевич их приостановил, но отказал в прошении амнистировать арестованного Т. Бельченко, считая, что это приведет к новым бунтам. Стоит согласиться с выводами современных исследователей, что решительные действия власти способствовали нормализации обстановки¹.

Внимательно наблюдал губернатор и за состоянием на заводах. В 1915 г. губернатору пришлось следить по жандармским сводкам за положением на трубном заводе и в железнодорожных мастерских, где постоянно сохранялась угроза волнений из-за дороговизны. Следил губернатор и за легальными организациями. Например, 3 октября 1914 г. Петкевич сообщил начальнику гарнизона о том, что «Вольное Экономическое Общество рассылает по госпиталям для раздачи раненым книги и брошюры нередко тенденциозного содержания», а также о предложении министра внутренних дел «принять меры к тщательной проверке присылаемой названным и другими подобными обществами литературы». Экземпляры же газеты «Донская речь», предназначенные для раненых, были уничтожены². По сводкам полиции и жандармерии губернатор проверял также настроение населения губернии, возможность деятельности революционеров и религиозных сектантов.

Для сохранения порядка в губернии немалое значение имели и социальные вопросы. В задачи губернатора входило непосредственное пресечение нарастания социальной напряженности, которое усилилось после начала войны. Одним из важных вопросов стала антисанитария города. В Воронеже не было централизованной канализации, а прибытие в город в начале 1915 г. большого числа солдат и раненых вызвало опасность эпидемии. 11 марта 1915 года Петкевич издал поста-

¹ Карпачев М. Д. Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. // Из истории Воронежского края. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 129-139; Он же. Воронежская деревня в годы первой мировой войны // Из истории воронежского края. Вып. 9. Воронеж, 2001. Вып. 9. С. 104-109.

² Астапов Е.И. Воронеж в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914 г.) // Битюг. 2014. №3. С. 6.

новление о процедуре содержания сточных труб, канав, протоков и т. п.¹ Позднее в связи со случившимися в губернии вспышками заразных болезней был издан приказ о мерах борьбы с ящуром и холерой, в том числе с требованием сохранять санитарное состояние города². Кроме того, увеличение жителей города вызвало рост квартирных цен и соответственно социальную напряженность. В июле 1915 г. после обследования с помощью местных органов губернатором был отдан приказ о запрете на время войны повышать арендную и квартирную плату, за исключением случаев, когда «такое повышение в достаточной степени оправдывается расходами по улучшению квартирных помещений». Также запрещалось требовать за квартиры семейств призванных более чем за месяц, а с прочих – за три³.

Важнейшей задачей губернатора являлся контроль за соблюдением законодательства и проверка всех нижестоящих распоряжений. По закону, губернатор в случае несогласия с постановлением передавал его для рассмотрения в губернское присутствие. Главным при этом фактически был не столько вопрос целесообразности постановления, сколько соответствия его закону. Приведем несколько примеров на этот счет в период управления Петкевича. Летом 1915 г. губернское присутствие рассматривало решение самоуправления г. Бирюча от 10 июня, которое решило заместить должность городского старосты до окончания четырехлетия его помощником, так как у него не было кандидата. Присутствие отменило его как незаконное. 30 ноября слушалось дело о жалобе председателя продовольственной комиссии при Острогжской городской управе, статского советника Ф. Г. Григораша, который обвинял думу в потворстве хлебопекарям в ущерб горожанам. Присутствие заявило, что председатель действовал по правилам, а заявление о необоснованном повышении цен на хлеб было вне компетенции присутствия⁴. Дело осталось без последствий. Регулярно губернатору также приходилось рассматривать постановления местных органов о таксах, финансовых вопросах, прошениях, перенаправлять ходатайства и т. д. Вся это доказывает, что в годы

¹ Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Отдел 1. С. 27.

² Там же. С. 27-32.

³ Там же. С. 19.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 49-50, 74, 84-86.

войны губернатор строго соблюдал установленные законы, являясь на правах высшего правительственного чиновника неукоснительным защитником существующего законодательного и государственного порядка. В своей деятельности он также получал полную поддержку и губернского правления, что говорит о достаточно высокой степени единства административных органов губернии.

С затягиванием войны встала необходимость усиления государственного контроля в экономике. В связи с этим в обязанность губернатора вошли и некоторые хозяйственные функции. В апреле 1915 г. было издано распоряжение губернатора на основе указания МВД об учете топлива на всех предприятиях и учреждениях с ежемесячным докладом об обследовании¹. В 1915 году с учреждением согласно постановлению Совета министров от 17 августа 1915 г. Особого совещания по топливу Петкевич был назначен его уполномоченным. Согласно приказу губернатора, председателям земских городских и уездных управ, старостам и головам полагалось заняться «всесторонним выяснением вопроса о местной нужде в топливе», сообщением сведений, расчетами топливных нужд, заготовкой и поставкой дров. Сами же Особые совещания занимались сбором сведений от нижестоящих органов, принятием «необходимых мер к принятию запасов» топлива, его распределением и связью с вышестоящими инстанциями².

Логика военной централизации требовала назначения губернатора и уполномоченным Особого совещания по продовольствию. Однако последним стал, согласно установившейся в годы войны практике, глава губернской земской управы В. Н. Томановский. Такое рассогласование, лишавшее губернатора непосредственного влияния на важнейший аспект хозяйственной политики, не пошло на пользу. Тем более что согласно принятому Положению об Особых совещаниях, в целом уполномоченные были независимыми от губернаторов, хотя последние сохраняли право на контроль их деятельности и должны были им содействовать³.

¹ Воронежский день. 1915. 12 апреля. №23.

² Воронежский телеграф. 1916. 1 июня. №116.

³ Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу // Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914 – 1917 гг. Ч. I. Пг., 1917. С. 11-13, 23-32.

Этот недостаток был частично смягчен назначением вице-губернатором В. Н. фон Штейном в местное Особое совещание члена губернского присутствия коллежского советника Н. С. Клобуцкого в декабре 1915 г¹. Однако его роль свелась к функциям представителя губернатора.

Это рассогласование было типичным в годы войны. Такая практика сложилась в результате монополизации продовольственного дела Министерством земледелия, традиционно пользовавшимся ресурсами земств – при пассивном отношении к этому губернаторов. Хотя данная проблема обсуждалась на высшем государственном уровне, альтернативы ей так и не было представлено, что подтверждает – сложившаяся ситуация свидетельствовала об ослаблении роли губернаторов. Стоит согласиться с выводом японского исследователя К. Мацузато, который справедливо указывает, что для борьбы с военными трудностями в руках губернаторов отсутствовали технический аппарат и авторитет: «Губернаторы как таковые не могли быть организаторами, руководителями общественного движения по военно-экономическому регулированию»². Стоит дополнить вывод замечанием – эта ситуация вытекала из всей предшествующей политики государства, которая отводила губернаторам контрольно-надзорные функции при сохранении исполнительных в основном у органов самоуправления.

Между тем продовольственный вопрос оказался самым острым из всех и именно на его основе можно подробно рассмотреть вопросы взаимодействия губернатора и местных органов. Тем более что до введения Особых совещаний губернаторы имели право на самостоятельные меры.

Уже в самом начале войны в связи со спекулятивным спросом резко подскочила дороговизна. Петкевич вел речь о «необычайном, не вызванном притом действительным положением, повышении цен на жизненные продукты первой необходимости». Это требовало от губернатора вмешательства, но борьба с доро-

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2207. Л. 3.

² Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи // Acta slavica iaponica. Т. 9. Sapporo, 1991. С. 89-92, 96.

говизной преимущественно сосредоточилась в руках местного самоуправления, обладавшего весьма скромными возможностями для этого.

Вскоре после начала войны некоторые городские органы начали вводить таксы на товары. Еще 28 августа 1914 г. Воронежская дума установила таксы на продажу хлеба, чтобы скорректировать последствия дороговизны, а в сентябре, после совещания губернатора с представителями самоуправления и промышленности, утвердила новые цены на хлеб и мясо. К концу 1914 – началу 1915 г. таксы на разные товары распространились по всей губернии. Фактически думы были вынуждены выйти за пределы своих полномочий, так как согласно городовому Положению 1891 г. органы самоуправления имели право на установление такс только на хлеб и мясо, что вынуждало губернатора запрещать многие таксы. В конечном итоге требования жизни победили. Губернатор признал: «Положение было чрезвычайное... некоторые города уклонили[сь] и назначили таксу и на другие предметы, которые можно назвать предметами первой необходимости, как-то: керосин, соль, спички, дрова, вода... я решил их все пропустить, и они были за отсутствием протеста подведены под мои обязательные постановления»¹. Тем самым полномочия губернатора позволили обойти законодательство, непригодное в новых условиях, что сыграло положительную роль. Параллельно проходила самостоятельная закупка самоуправлением продовольствия для продажи населению, хотя этот процесс развернулся лишь в 1915 г.

Уже к началу 1915 г. дороговизна стала общегосударственной проблемой. Беспокоясь за последствия роста цен, министр внутренних дел Н. А. Маклаков направил местным руководителям телеграмму с настоятельной просьбой выяснить причины подорожания предметов первой необходимости и выработать меры по удержанию этих цен «на нормальном уровне». Для этого Петкевичем 3 февраля 1915 г. было созвано совещание, на которое прибыли руководители губернской администрации, земства, управления железной дороги, биржевого комитета и видные торговцы. На нем были озвучены существующие цены, обсуждены при-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2237. Л. 50.

чины дороговизны, констатированы изменения в деревне. Участники признали, что за годы войны значительно повысились цены, причем это сочеталось с увеличением денежных доходов крестьян, что произошло за счет повышения спроса на зерно и экономии личных средств благодаря сухому закону. В итоге дороговизна пала в основном на города, которые были вынуждены бороться с этим путем введения постоянных такс на продовольствие – при этом цены на промышленные товары никак не регулировались. Ход и выводы совещания не раз были представлены в воронежских исследованиях¹.

Однако в целом итоги работы оказались неудовлетворительными – не было принято никаких определенных мер по ликвидации дороговизны, не были точно выяснены ее причины и даже не определено точно количество хлеба в губернии². К тому же со стороны губернатора явно было проявлено отсутствие инициативы: следующее междуведомственное совещание состоялось только через год, при другом губернаторе и тоже по циркуляру из МВД. По существу, все ограничилось введением новых такс, которые упорно обходились торговцами. Пресса жаловалась, что в Воронеже, несмотря на штрафы полиции, продолжали торговать хлебом вместо 3 коп. за фунт по 3 ½ или даже 7 коп.³

Так как губернатор получил особые полномочия для издания приказов по губернии, то он в начале 1915 г. стал широко пользоваться ими, стараясь облегчить дороговизну. Однако, как и другие губернаторы, Петкевич пошел в основном по пути ограничения вывоза продовольствия. 1 марта им был издан запрет на вывоз зерна и фуража до 1 апреля, продленный впоследствии до 1 августа 1915 г.⁴ На основании положения Совета министров 11 марта он запретил продажу хлеба иностранцам и вывоз его за границу⁵. Вывоз хлеба, а потом и муки разрешался

¹ Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. №3. С. 68-69; Он же. Власть, крестьянство и город Воронежской губернии накануне падения монархии // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2008. №1. С. 28-33.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2237. Лл. 50-83.

³ Воронежский день. 1915. 15 апреля. №25; 7 мая. №43

⁴ Там же. 7 апреля. №18.

⁵ Там же. 31 марта. №12.

только в Москву и Петроград¹. Вывоз зерна был разрешен губернатором 9 апреля, за исключением овса, шедшего в Москву². Кроме того, губернатор неоднократно устанавливал полученные от командующего МВО цены на продаваемые армии виды зерна, мяса и сена³. Согласно обстоятельному выводу Т. М. Китаниной, данная политика в целом была негативной, так как «страна подверглась искусственному делению на ряд “уделов”, слабо связанных в хозяйственном отношении действиями военной администрации»⁴. Однако в условиях отсутствия централизованной продовольственной политики альтернативы этому не было.

В политике губернатора по отношению к выработанным думами таксам также проявилась рассогласованность его действий с работой органов местного самоуправления, его непоследовательность в деле борьбы с дороговизной. Доказательством этому служит показательный пример – весной 1915 г. Воронежская дума несколько недель обстоятельно высчитывала новые цены на мясо и хлеб. После долгих проволочек проект был передан губернатору, но тот приказал созвать комиссию для проверки расчетов, которая состояла из городского головы, членов продкомиссии, члена губернского присутствия и ветеринарных врачей. Причем это были, по большей части, те же лица, что производили расчеты. Таким образом, губернатор просто дублировал уже проведенную работу. Собралась комиссия только 19 июля. В результате она оставила в силе прежние таксы, поскольку за это время цены успели понизиться. Итог почти месячной работы оказался нулевым⁵. Это было связано с хорошим урожаем, что вселяло во многих надежды на улучшение и позволило смягчить ценовую политику.

Но надежды оказались несостоятельными, так как с середины 1915 г. цены вновь начали резко расти. Все это требовало проведения кардинальной смены управления продовольственным делом, однако губернатор, стоявший на страже

¹ Воронежский день. 1915. 5 апреля. №17.

² Воронежский день. 1915. 10 апреля. №21.

³ Воронежский день. 1915. 15 марта. №4; 17 марта. №5.

⁴ Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 67

⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 36-37.

закона, не имел права на такие серьезные меры. Вынужденный защищать неприкосновенность закона, губернатор фактически усложнял сложившуюся кризисную обстановку в городе. Так, в конце ноября 1915 г. воронежская дума приняла решение о концентрации дела продовольственного снабжения в руках продовольственного комитета, в состав которого планировалось ввести гласных уездного и губернского земств, а также торговцев и специалистов. Однако губернатор запретил это постановление из-за его противоречия городскому положению, по которому такие органы не предусматривались¹. Стоит заметить, что М. Д. Карпачев верно отмечает данную рассогласованность губернской и местной власти, но при этом без особых аргументов квалифицирует планы думы как «политические амбиции»². Однако возрастание роли местных органов и необходимость централизации снабжения были реальностью и требовали закрепления на общероссийском уровне, чего так и не было сделано³.

6 декабря 1914 г. в Воронеже состоялся визит императора Николая II, к которому Петкевичу пришлось обстоятельно подготовиться. В рамках посещения было проведено молебствие, отмечено тезоименитство монарха, посещены военные госпитали. За благополучное состояние города царь вынес ему благодарность с занесением в формулярный список⁴. Однако на сопровождающего императора В. Ф. Джунковского губернатор произвел впечатление человека забитого и мало знающего: «Он произвел на меня странное впечатление, от него с трудом можно было добиться чего-либо, и свое мнение как-либо он боялся высказывать. Жена его, наоборот, была боевой дамой и, как я сразу заметил, всецело командовала им, вмешивалась во все дела и управляла, таким образом, губернией...»⁵. По мнению Джунковского, Петкевич оказался слаб как губернатор и плохо знал дела в городе. Эту характеристику без глубокого изучения нельзя оценить однозначно. С од-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3109. Л. 5.

² Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 70.

³ Мацузато К. Указ. соч. С. 98.

⁴ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 370-371.

⁵ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 468.

ной стороны, губернатор не раз издавал постановления, вызванные текущими нуждами, а потом строго следил за их исполнением, что не похоже на отсутствие инициативы. Но при этом Петкевич в силу недолгого пребывания на посту действительно мог чувствовать себя неготовым к ответственности перед начальством.

Мнение Джунковского было передано министру внутренних дел Н. А. Макакову. Сыграло ли это свою роль или нет, неизвестно. Но позднее император счел нужным перевести Петкевича на второстепенную должность главы департамента духовных дел иностранных вероисповеданий. Хотя причины замены губернатора неизвестны, она соответствовала тенденции последнего предреволюционного десятилетия, отмеченного кризисами в том числе и в сфере управления: «Частая сменяемость кадров высшего, центрального и губернского начальства в последние годы существования монархического строя свидетельствовала о нестабильности политической системы в целом»¹. Воронеж Петкевич покинул в ноябре 1915 г., уступив место временно и. д. губернатора, камер-юнкеру В. Н. фон Штейну, который был назначен на должность вице-губернатора, судя по всему, благодаря личному знакомству с царем. Вступив в нее 26 октября, он прибыл в город 11 ноября и тут же энергично приступил к работе. Он и остался до революции вице-губернатором. На место главы губернии был переведен М. Д. Ершов. Для него этот пост тоже был новым – большую часть своей жизни он провел сначала в МИД, потом Министерстве народного просвещения, а затем занимался земскими делами. В 1906-1909 гг. он был членом Государственного совета от Тульского земства. Возможно, чиновничий опыт и знание черноземных губерний и способствовало его назначению.

Получив приказ о своем назначении от 13 ноября 1915 г., Ершов прибыл в город 15 декабря и остался здесь до самой революции в должности и. д. губернатора². Свои обязанности он выполнял практически так же, как и Петкевич, строго соблюдая порядок и спокойствие в губернии, тем более что на его пребывание выпало несколько крупных крестьянских волнений. Наиболее масштабными были

¹ Марасанов В. М. Указ. соч. С. 133-135.

² Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 378-380.

события в Бутурлиновке и Нижнем Мамоне в мае 1916 г. В Бутурлиновке жены запасных чинов, возбужденные дороговизной сахара и мобилизацией кожи, оставившей население без работы, намеревались в мае 1916 г. разгромить продовольственные лавки. Также в Лосево 18 мая на базарной площади солдатки «говорили, что не дадут разрезать землю, пока не окончится война и не возвратятся домой мужья»¹. Это в итоге вылилось в волнения и угрозу погрома, которая была предотвращена срочно вызванными войсками. В Нижнем Мамоне беспорядки длились 9-23 мая и были вызваны конфликтом крестьян с выделявшимися отрубниками. Бунт перекинулся и на другие села: Осетровку, Нижнюю Гнилушу и Верхний Мамон. Было арестовано 88 человек, приговоренных к срокам от 2-х до 3-х месяцев. Однако в августе Ершов счел нужным передать дело в военный суд, который приговорил всех их к каторге и длительным тюремным срокам.

В литературе эти волнения хорошо известны и не раз точно описаны². Однако в советских исследованиях это преподносилось как «репрессии царских палачей»³ и в них не уточнялось, что власти приняли и другие меры, кроме репрессивных. После того, как в связи с бессилием полиции были вызваны три эскадрона 4-го полка, на место выехал лично В. фон Штейн, обследовавший ситуацию. Для улучшения положения семей запасных он настоял перед волостной властью на формировании комиссии из делегатов от населения – для обследования нуждающихся. Ей было решено отдать под распашку участок в 553 дес. с передачей доходов на обеспечение солдаток. Одновременно для сохранения спокойствия в слободе были расквартированы войска⁴. Обращает внимание, что губернские органы были вынуждены исправлять работу волостной администрации и полиции, которые оказались неспособны справиться с бунтами самостоятельно.

Однако это внимание к местной ситуации было ситуативным. Как правило, власть редко интересовалась проблемами на местах, если они не угрожали беспорядками. Это доказывает следующий демонстративный пример. На протяжении

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2097. Лл. 4-37, 73.

² История Верхнемамонского района. Воронеж, 1990. С. 37-38; Иванов Р.Н. Указ. соч. С. 23.

³ Очерки истории Воронежского края. Т. 1. С. 403.

⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2096. Лл. 1-25.

долгого времени в с. с. Давыдовка, Дракино, Барское и Почепское Коротоякского уезда квартировали маршевые эскадроны 4-го кавалерийского полка – того самого, чьи эскадроны регулярно применялись для «успокоения» деревень. Жалобы с мест показывали очень опасную обстановку в полку. Солдаты регулярно грабили и растаскивали имущество крестьян, дойдя в итоге до прямого вымогательства прямо на улицах. Это проводилось с полного попустительства командования, включая командира бригады Вестингофа. Национальность последнего была лишним поводом населения для ненависти к нему и усиливала германофобию. Жители даже стали считать, что немецкое офицерство потворствует грабежам умышленно. Несмотря на то, что о ситуации сообщали на самый верх исправники, решение зависело от военного командования. Им же серьезных мер принято не было, поэтому население «указанных обществ в минувшем ноябре месяце было вынуждено собрать сельские сходы», приговоры которых о переносе полка были утверждены земским начальником и представлены в губернское присутствие¹.

Хотя в литературе принято отделять бунты против отрубщиков от продовольственных бунтов, эти волнения совпадали с общей тенденцией – весной-летом 1916 г. беспорядки были распространены во многих губерниях Урала, Поволжья и Юга России². В самой Воронежской губернии количество беспорядков нарастало: в 1914 г. случилось 10 выступлений, в 1915 – 43, в 1916 – 64³. Вряд ли можно отрицать их связь с нарастающим кризисом. Параллельно шел и подъем рабочего движения – в 1916 г. прошли волнения практически на всех 7 крупнейших заводах города. Хотя они носили экономический характер, власти упорно искали и политические корни выступлений. Так, в конце января 1916 г. в связи с дороговизной и слухами о переводе завода в казну на Трубочном заводе прошли волнения, в ходе которых рабочие потребовали увеличить плату за сверхурочные работы. Часть их стала бастовать. В связи с этим новый начальник завода полков-

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1252. Лл. 192, 248.

² Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 166.

³ Очерки истории Воронежского края. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. С. 400.

ник Пловозский, «по обсуждении с воронежским губернатором», рассчитал всех рабочих и произвел их перенаём. Сначала губернатор решил, что, «по его мнению, создавшееся положение носит чисто экономический характер... а потому нет оснований, при теперешнем положении, применять к замеченным рабочим какие-либо репрессивные меры». Однако агентурная работа жандармерии позволила выяснить, что волнения были вызваны «незначительной группой» рабочих, участвовавших ранее в забастовках и профсоюзной борьбе. Большая часть их была разыскана и осуждена с полного одобрения губернатора¹.

Продовольственные неурядицы обострили положение и в городе. К весне 1916 г. из-за перебоев снабжения приостановилась работа продлавок городской управы. 22 марта полицмейстер сообщил губернатору, что, по его сведениям, управа прекратила продажу муки в целях потворства «мучным торговцам, которые почти все состоят гласными думы». Он предупреждал, что в связи с этим по городу распространились слухи о погроме базара и лавок. Возмущенный губернатор потребовал представить доказательства, чего полицмейстеру, однако сделать так и не удалось². Стоит заметить, что обвинения торговцев-думцев в сознательном повышении цен было распространено на местном уровне всю войну, например, совещание губернаторов в апреле 1916 г. заявляло, что «состав управы, думы... сплошь сами торговцы, а зачастую – наиболее злостные спекулянты»³. Признавая неэффективность продовольственной работы городского самоуправления и наличие в думах спекулянтов, вряд ли можно считать последний фактор определяющим. Стоит согласиться с мнением тех исследователей, которые, не сомневаясь в фактах торгового саботажа и спекуляции, считают, что причины вздорожания объективно были экономическими, что било и по мелким торговцам, вынужденным поднимать цену, чтобы покрыть минимальные затраты⁴. Перебои в Воро-

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д.1254. Лл. 26-26об.

² Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 70.

³ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм. М., 1987. С. 213.

⁴ Имаев О. А. Проблема снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения губернских городов Южного Урала в 1915-1916 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и прак-

неже, по объяснению управы, были временными и причинами их были трудности покупки хлеба и неудачные переговоры с уполномоченным по закупке хлеба для армии¹. От предложения губернатора 23 марта ввести таксы на муку управа отказалась, считая, что это приведет только к ее исчезновению с рынка².

Таким образом, вскоре после приезда Ершов тоже столкнулся с проблемой продовольствия. 14 января 1916 г. он тоже созвал заседание по поводу борьбы с дороговизной. Как и год назад, поводом послужил циркулярный приказ из МВД³. Этому предшествовало разосланное губернатором 4 января по уездам предложение о созыве земцев по вопросу о дороговизне и количестве продовольствия на местах, чтобы делегаты могли подготовиться. На самом совещании меры борьбы губернатор поделил на две части: «1. Муниципализация, для снабжения населения предметами первой необходимости, сосредоточение торговли в руках органов самоуправления. Затем привлечение к этой работе более мелких единиц – кооперативов и потребительных обществ, что особенно будет нужно, если бы было признано необходимым вести эту борьбу также и в уездах и в деревнях, где иначе ее невозможно вести. И 2. Вопрос о финансировании этих предприятий, т.е. нужно решить вопрос, откуда можно почерпнуть средства для торговли»⁴.

Данные формулировки губернатор, очевидно, почерпнул из ответов уездных земств, которые почти поголовно предлагали для решения дороговизны использовать местные кооперативы и земские органы, организовав из них сеть снабжения населения, дотируемую государством. В итоге собравшиеся начали обсуждать необходимость централизации снабжения, но теперь вопрос был поставлен уже на губернском уровне. Признавалось, что больше всего для этого подходят земства, которые должны проводить сотрудничество с кооперативами.

тики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. I. С. 83; Старков Д. А. Губернаторы в системе местного управления и их вклад в решение продовольственного вопроса в Российской империи в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. №1. Т. 10. С. 68.

¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1254. Л. 11.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2207. Лл. 227-227об.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2207. Лл. 124-145.

⁴ Там же. Л. 125.

Несмотря на разговоры, практические итоги вышли очень скромными – по решению губернатора, который сам же вначале поставил вопрос о «муниципализации» снабжения, было решено передать функции статистического бюро и продовольственного распределения совещанию при уполномоченном, «тем более что состав этого осведомительного органа не может быть пополнен иначе, как силами земскими»¹. По существу, никаких серьезных мер принято не было. В связи с этим вина за продовольственные неурядицы в 1916 г. падала и на губернатора.

Думается, что в таком решении Ершова проявилась та же тенденция, что и в работе его предшественника – ограничиться при решении проблемы действиями в рамках уже существующей системы, даже при ее откровенной неэффективности. Радикальные меры передачи торговли в руки местного самоуправления требовали решений на общегосударственном уровне, на что губернатор, как ставленник государя и государства, не мог пойти. Оказалась не способна это и центральная власть, которая отличалась «неспособностью вовлечь земские и городские учреждения в сотрудничество в условиях тотальной войны»². До самой революции самодержавие не смогло провести изменение системы управления тыла и фронта, централизацию экономики для мобилизации и распределения ресурсов, хотя эти настоятельные требования стали к тому времени во многом очевидными.

Последнее доказывается сообщениями даже на местном уровне. Еще в марте 1915 г. Воронежская уездная управа докладывала: «...все возрастающая дороговизна жизни, вызванная не отсутствием хлебных запасов или дров для отопления, а исключительно неорганизованностью правительственных распоряжений в этой области, все тяжелее и тяжелее ложится на население... Поэтому, по мнению Управы, представляется необходимым создание одного имперского органа из представителей заинтересованных министерств, городов, земств и кооперации для выяснения наличности запасов продуктов в Империи, урегулирования подвоза их

¹ Там же. Лл. 133, 137, 145об.

² Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., РОССПЭН, 2007. С. 94.

и мер для обеспечения населения продуктами первой необходимости, ходатайства о чем уже возбудили Московское и Петроградское городское управления»¹.

Ясной стала необходимость привлечь к борьбе с дороговизной общественные органы и самоуправление. В январе 1916 г. в преддверии совещания по борьбе с дороговизной губернатором были опрошены, кроме уездных управ, и местные исправники, которые единодушно высказались за введение твердых цен и усиление борьбы со спекуляцией. Некоторые высказывались за необходимость распределять товары через кооперативы и земско-городские учреждения. Некоторые шли и того дальше. Острогжский исправник предлагал установить таксу на все предметы первой необходимости «и чтобы таксу устанавливала Земская Управа и по городу при участии городской управы и продовольственной комиссии военно-промышленного комитета». Павловский исправник даже предлагал, чтобы право закупки принадлежало только земско-городским учреждениям «или через их посредство», причем они же должны учреждать таксы: «Но для издания таких такс необходимо расширить права городских и земских самоуправлений и предоставить издание такс непосредственно Губернатору на все продукты потребления»². Уже на самом совещании глава продкомиссии города М. Н. Литвинов прямо заявлял: «Необходимо войну вести не только в Воронеже, а нужно вести планомерную борьбу по общеимперскому плану во всей империи, что признано было в Москве на Съезде уполномоченных Союза городов... Теперь-то необходимо выработать общеимперский план, который должен быть общего характера, который должен дать возможность работать местным силам»³. Докладная записка Воронежского биржевого комитета совещанию при Московской бирже в сентябре 1916 г., опубликованная в местной печати, высказывалась в том же плане. Она твердо выражала уверенность, что решение кризиса может быть найдено

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2225. Лл. 62-62об.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2207. Лл. 58-85об.

³ Там же. Л. 131.

только в мобилизации сельского хозяйства и установлении твердых цен «при полном взаимодействии правительственной власти и общественных сил»¹.

Таким образом, необходимость централизации и мобилизации экономики при участии общественных организаций к тому времени была во многом ясна. Однако Ершов не мог пойти против устоявшейся системы, ограничившись паллиативными мерами, даже более скромными, чем действия других губернаторов, которые иногда сами обращались к самоуправлениям для ужесточения такс и закупки продовольствия². К тому же, были и прецеденты таких попыток. Так, в Тобольской губернии уже в 1915 г. из торговцев и думцев был учрежден губернский продовольственный комитет под председательством губернатора, да и вообще, коронная администрация активно участвовала в продовольственной политике³.

В итоге, несмотря на наличие особых полномочий, губернатор не способствовал решению проблемы, что полностью совпадает с ситуацией в других регионах⁴. Более того – лишение губернатора возможностей влиять на ситуацию привело к его инертности и покорному следованию за событиями, которые постоянно опережали власть. Так, 7 января после директивы МВД о борьбе с дороговизной путем усиления полицейского наблюдения, Ершов отдал соответствующий приказ: «При повышении цен... если окажется, что оно явилось следствием спекуляции или каких-либо других противозаконных действий частных лиц – привлекать виновных в том к ответственности, тотчас же донося мне о таких случаях и о принятых со стороны полиции мерах...»⁵. Но усиление борьбы со спекуляцией приводило только к росту спекулятивных цен и усилению дефицита. Это в свою очередь вело к необходимости увеличения такс. 1 марта 1916 г. продкомиссией при думе было отвергнуто очередное ходатайство хлеботорговцев о повышении цен на ситный хлеб из-за возрастания цен на муку и дрова. Заодно решено было по-

¹ Воронежский телеграф. 1916. 11 октября. №221.

² Старков Д. А. Указ. соч. С. 68.

³ Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917). Омск, 2015. С. 144-150.

⁴ Старков Д. А. Указ. соч. С. 69.

⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2237. Лл. 14-14об.

ставить под контроль управы отпуск муки и сахара¹. Однако 28 марта отстояли увеличение таксы мясоторговцы, обратившиеся с жалобой к самому губернатору. Такса была принята, хотя все высказавшиеся признавали, что проблемы это не решит². Многие местные органы даже начали утверждаться во мнении, что таксы вообще вредны, так как приводят к исчезновению продуктов с рынка.

В других же случаях распоряжения губернатора просто не давали результата. Так, по ходатайству Воронежской управы в начале декабря 1916 г. было издано обязательное постановление губернатора об информировании ее для реквизиции всех имеющихся в городе запасах муки и зерна, превышающих 50 пудов. Но поданных заявлений было так мало, что городская продкомиссия не нашла возможным, кроме двух случаев, даже возбуждать вопрос о реквизиции³. Распоряжения о соблюдении такс, санкционируемые губернатором, как показывает ряд документов, упорно саботировались торговцами всю войну. Это показывает, что губернатор все меньше влиял на обстановку.

Кроме продовольственного вопроса это ярко проявилось и в топливном, который к концу 1916 г. начал играть не менее важную роль. 30 января Ершов издал постановление о контроле за перевозкой дров: «1) все дрова, следующие в Воронеж от частных отправителей, принимать к погрузке и отправке только при условии адресования их на Воронежскую городскую ветку и 2) прекратить на станции Воронеж перевозку дров»⁴. Но, как и запрет на вывоз хлеба, это был только вспомогательный шаг. Решить проблему дороговизны дров в Воронеже Ершов требовал от самого города. Губернатор обратился к городскому голове с предложением принять «самые решительные меры к обеспечению» жителей топливом путем заготовки дров в близлежащих лесных дачах города.

Чтобы ликвидировать очереди за дровами в Воронеже, 10 февраля губернатор приказал открыть новые склады. Ершов с негодованием указывал, как еще 25 января потребовал от думы принять меры по разработке лесных дач, озаботиться

¹ Воронежский телеграф. 1916. 3 марта. №49.

² Воронежский телеграф. 1916. 30 марта. №71.

³ ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1-9.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 1 февраля. №26.

увеличением числа служащих по выдаче дров и открыть три новых дровяных склада. Между тем ничего из этого сделано не было. Из ответа управы выяснилось, что работу нельзя провести из-за недостатка рабочих, занятых расчисткой путей и глубокого снега в лесах¹. Одновременно подсчеты показали, что даже если бы думе удалось заготовить дрова, перевозка их зависела от железнодорожной администрации, над которой губернатор не имел силы. Ершов лишь обратился к правительству с ходатайством об отпуске городу вагонов, хотя было понятно, что это из-за экономического кризиса уже нельзя осуществить². При этом губернатор явно не подозревал, что вопрос о строительстве складов и введении гужевой дровяной повинности обсуждался думой еще в конце 1916 г. и тогда был решен отрицательно. Это показывает, что заготовкой дров губернатор был вынужден заняться в последний момент, когда проблема встала во весь рост.

Последней крупной задачей губернатора накануне революционных событий оказалось содействие продразверстке, с помощью которой правительство пыталось исправить снабжение армии и промышленности. Основная задача по расчету плана и сбора хлеба ложилась на те же земства и уполномоченных. Также в конце 1916 г. на время рождественских праздников министерством земледелия был отменены ограничения на продажу молочных продуктов, масла, копченостей, дичи, свинины, гречки и пр. товаров³, в январе 1917 г. – спущено распоряжение о правилах сдачи зерна, сена и соломы⁴. Роль губернатора и здесь свелась к передаточному звену распоряжений министерства земледелия и изданию специальных постановлений, уточняющих их. Так, 7 декабря Ершов разослал уездным начальникам полиции предложение «спешно принять меры к самому широкому осведомлению лиц, имеющих запасы хлебов и фуража, с содержанием установленных правил и теми выгодами, какие могут быть ими получены в случае немедленной продажи этих запасов, а также оказывать представителям Уполномоченного Председателя Особого Совещания по продовольственному делу всемерное содей-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 16 февраля. №36.

² Воронежский телеграф. 1917. 6 февраля. №29.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2215. Л. 1.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 13 января. №10; 27 января. №22.

ствие...»¹. 2 января он издал циркуляр городам об учреждении надзора за соблюдением постановлений министерства торговли о введении твердых цен на мануфактуру². Последнее постановление большинство городов осуществить не успело, как из-за отсутствия кадров, так и наступившей вскоре революции.

Из всего этого видно, что несмотря на формально верховное положение губернатора, технические функции сосредоточились в руках земств и особых уполномоченных, которые конфликтовали друг с другом, а губернатор мог лишь координировать их работу путем отдельных постановлений и перенаправления ходатайств. Отсутствие у губернатора компетенции, инициативы и последовательности в работе только усиливало бюрократизацию. Стоит привести подобный пример – в начале 1917 г. Богучарская дума решила запретить продажу в городе сдобного хлеба, так как продавцы, чтобы обойти таксу, часто выдавали за сдобный хлеб обычный. Постановление было препровождено губернатором на усмотрение уполномоченного, который признал его «нецелесообразным» и предложил думе выработать на сдобный хлеб таксу. Дума, не подчинявшаяся уполномоченному, решила требовать утверждения постановления губернатором. Тот решить вопрос, очевидно, не успел, так как вскоре произошла революция³.

Из-за усиления кризиса и неэффективности внутреннего управления из рук губернатора выпал контроль над социально-экономической обстановкой, а следовательно, и над самим населением губернии. Несмотря на сводки жандармерии, которая большую часть 1916 г. характеризовала настроение жителей деревни как «патриотическое», а города – как пассивно-равнодушное⁴, фактически стало понятно, что народ все чаще не подчиняется властям. Например, на требования командующего МВО генерала И. И. Мрозовского принять меры, чтобы солдаты маршевых эшелонов не проматывали казенное обмундирование на станциях Ершов мог ответить только, что «все доступные меры» приняты⁵. Силловые органы,

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2084. Л. 9.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2347. Л. 15.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2344. Лл. 35-36.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1248. Лл. 26-26об.

⁵ Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. С. 380

подчиненные губернатору, не смогли решить не только эту проблему, но и пресечь укрывательство дезертиров в деревнях, несмотря на настоятельные приказы власти¹. В Воронеже в 1916-17 гг. случился ряд рабочих забастовок, для которых пришлось держать наготове полицию и даже войска. Незадолго до революции сменился и тон сводок жандармерии, которые писали, что трудности вызывают у населения «острое недовольство на местную администрацию и городское самоуправление»². В них достаточно четко прослеживалась связь вспышек недовольствия и падения духа с общероссийскими кризисами конца 1916 – начала 1917 г.

Таким образом, анализ деятельности губернаторов показывает, что в связи с проблемами регламентирующего его деятельность законодательства и кардинальным изменением обстановки в период Первой мировой войны они оказались лишены возможности оказать серьезное влияние на решение социально-экономического кризиса, в который втянулась в 1916-17 гг. подчиненная им губерния. Воронежские губернаторы проявили себя адекватно своему изначальному назначению – как высшие чиновники, контролирующие порядок и законность в губернии. Они внимательно следили за состоянием дел, отличаясь строгостью в выполнении закона и подавлении беспорядков. В своей работе губернаторы достигли определенных успехов и отличались исполнительностью. Однако они оказались неспособны решить проблемы военного кризиса. Лишенные возможности изменить положение, губернаторы в основном реагировали на ситуацию лишь в случае необходимости, но оказались неспособны решить вставшие перед ними задачи даже с помощью тех ограниченных возможностей, какими они обладали.

В итоге, несмотря на то, что в конце 1916 г. состояние губернии еще было далеко от катастрофического, а работа внутренней администрации была лишена

¹ Иванов Р. И. Борьба с дезертирством нижних чинов на территории Воронежской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2. С. 72-75; ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 1991. Лл. 269-270.

² Карпачев М. Д. Воронежское жандармское управление об общественных настроениях в губернии в годы Первой мировой войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Материалы Восьмой региональной научной конференции. Воронеж, 3 февраля 2014 г. Воронеж, 2014. С. 162-167.

серьезных конфликтов, уже тогда проявились признаки нарастающего революционного кризиса, с которым губернаторы оказались неспособны справиться, как по личным, так и по объективным причинам. И хотя без стороннего фактора проблемы губернии вряд ли бы привели свержению власти, безусловно, что кризис хорошо подготовил Воронежскую губернию к революции. Подтверждается вывод других региональных исследователей: «Неэффективность работы аппарата управления в период войны увеличивала личную ответственность губернаторов за все происходящее в пределах губернии и нарастание кризисных явлений... Но губернские учреждения, довольно успешно справлявшиеся со своими функциями в XIX в., в новых условиях не могли, как ранее, стабилизировать ситуацию в регионах... В условиях войны власть в центре и на местах не справилась с нарастанием кризисных явлений и ростом социальной напряженности»¹.

Кроме того, анализ работы как коронной администрации, так и местного самоуправления подтверждает выводы других исследователей о том, что рассогласованность их работы стала одной из основных причин возникших проблем при мобилизации ресурсов и решении военных задач. Несмотря на формально широкие полномочия, фактически в годы войны губернатор продолжил выполнять лишь контрольно-координирующие функции, что перекладывало всю исполнительную работу на плечи земств и уполномоченных различных ведомств. Это было следствием сложившейся во второй половине XIX в. системы управления, когда, по словам профессора А. Градовского, написанным еще в 1881 г., «в руках правительственных мест и лиц... осталась власть без компетенции; в руках земских учреждений сосредоточилась компетенция без власти»².

¹ Марасанов В. М. Указ. соч. С. 138-139.

² Градовский А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского: в 9-ти т. СПб., 1907. Т. 8. С. 540.

1. 2. Воронежское губернское земство

История земств привлекала внимание исследователей еще с дореволюционных времен. К началу XX в. появляется ряд публицистических работ и обзоров по этой теме¹. Однако в советское время это исследовательское направление не получило развития, история земств изучалась преимущественно с политической стороны и оценивалась невысоко. Тем не менее, работа Г. А. Герасименко, появившаяся в 1990 г. и во многом суммировавшая оценки советской историографии, стала большим этапом в исследовании темы². Постсоветская историография отличается возрождением интереса к земствам, что вызвано актуальностью вопроса о местном самоуправлении. В 1990-2000-е гг. появился ряд центральных и региональных исследований о работе земств³. Многие из них касаются периода Первой мировой⁴. Как правило, исследователи положительно оценивают итоги работы земств, которой больше мешала политика власти, чем военные условия. Авторитетный исследователь Н. Д. Судавцов, автор единственной крупной монографии по этому вопросу в общероссийском плане, пришел к выводу: «В годы Первой мировой борьбы проявились потенциальные возможности местного самоуправления, которые не раскрылись до конца из-за политики самодержавия, которое его давило, не давая возможности свободного развития»⁵.

Это мнение можно проверить на примерах Воронежского губернского земства. Оно также неоднократно становилось объектом исследования региональных

¹ Головачев А. А. Десять лет реформ 1861-71 гг. СПб., 1872; Безобразов Б. П. Земские учреждения и самоуправление. Москва, 1874; Кошелев А. И. Общая земская дума в России. Берлин, 1885; Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет: в 4-х т. СПб.: изд. О. Н. Попова. 1909-11.

² Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968; Пирумова Н. Н. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

³ Матвеев М.Н. Земства Поволжья в 1917-1918 гг.: Дис. ... к. и. н. Самара, 1995; Горская Н.А. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905 – 1918 гг.): Автореф. дис. ... к. и. н. Смоленск, 1996.

⁴ Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – 1917 гг.). Автореф. дис. ... к. и. н. Челябинск, 1999; Алехина Е.В. Тамбовское земство в годы Первой мировой войны 1914-1918 годы. Дис. ... к. и. н. Тамбов, 2005; Суханова О.Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны. Дис. ... к. и. н. Владимир, 2012.

⁵ Судавцов Н.Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. Автореф. дис. ... д. и. н. М., 2002. С. 9.

авторов. Первые работы на этот счет, в первую очередь исследования А. А. Марьяновского и А. И. Чвикалова, обозревают период до 1914 г.¹ История же Воронежского земства в 1914-1918 гг. исследована недостаточно. Его работе посвящена диссертация Д. В. Карманова, однако он сосредоточился только на темах школьного образования и работы губернского комитета Союза земств и городов (Земгор). Диссертация С. В. Филипцевой, включающая в себя этот период, посвящена в основном организационной структуре земства². В остальных работах, как правило, затрагиваются лишь отдельные вопросы деятельности земства³.

В целом оценки работы земств колеблются от двух противоположных крайностей. Первая представлена акцентированием противоречий земского управления и самодержавной администрации, при которой «земства показали себя весьма жизнеспособной управленческой системой»⁴. Последнее представление идет еще из земско-либеральной традиции, которая расценивала историю земства как борьбу «против мертвящего централизма, борьбы местных деятелей против бюрократии»⁵. Второе направление, особенно характерное для советской историографии, считало, что земства были лишены возможности при самодержавии играть самостоятельную роль, хотя и имели чисто практические успехи в хозяйстве. Поразному оценивая значение земств в генезисе политической структуры России и их роль в системе местного управления, все авторы сходятся в важности этого института для страны и фиксируют значительное расширение роли земств в годы войны. Таким образом, необходимо выяснить реальную роль губернского земства

¹ Марьяновский А.А. Воронежское земство в пореформенный период. Дис... к. и. н. М., 1981. Чвикалов А. И. Воронежское земство (1890-1914 гг.). Автореф. дис. ... к. и. н. Воронеж, 1997.

² Карманов Д.В. Воронежское земство: 1914-1918 г.г. Дис. ... к. и. н. Воронеж, 2002; Филипцева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской области. Дис. ... к. и. н. Тамбов, 2009.

³ Винокуров С. В. Народное образование Воронежской области. Воронеж: Воронеж кн. изд-во, 1954; Фурменко И. П. Очерки истории здравоохранения Воронежского края. Ч. 1-2. Воронеж, 1968-70; Степынин В. А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905-1907 гг. Воронеж, 1991; Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-Черноземных губерний в пореформенной России. Воронеж, 1991; Карпачев М. Д. Российское земство (Нелегкий опыт самоуправления) // Подъем. 1994. №4. С. 218-239.

⁴ Государственное управление и самоуправление в России: Очерки истории. / В.П. Семьянинов (отв. ред.), В.С. Кожурин, В.Т. Петров и др. М., 1995. С. 131.

⁵ Веселовский Б. Б. Указ. соч. С. 161.

в предреволюционный период, его взаимодействие с правительственной властью и успехи в условиях военного кризиса России.

Как показывает исследование Филипповой, перед войной структура Воронежского земства развивалась соответственно хозяйственно-культурным успехам губернии и имела к 1914 г. следующий вид. В 1909 г. служащие были объединены в 3 отделения (ветеринарное, статистическое, санитарное) и 7 отделов (секретарский, бухгалтерский, больничный, страховой, дорожный экономический, отдел народного образования). Земский отдел вошел в состав секретарского, но далее фиксируется как отдельный. Отдел народного образования де-факто был сформирован позже, по решению управы от 7 октября 1913 г., когда он был выделен из земского отдела¹. Это свидетельствует о недостатке в тот момент средств и кадров для этой задачи, в результате чего планы земства по развитию школьного образования обгоняли реальность.

Статистическое отделение канцелярии управы представлено в 1909 г. двумя отделениями: оценочно-статистическим и оценочным по торгово-промышленным заведениям. Страховой отдел с 1910 г. стал делиться на три подотдела: обязательного страхования, добровольного и счетоводно-ликвидационный. В 1912 г. был учрежден Страховой совет в составе управы с председателем, 6 гласных земского собрания, председателей уездных управ и их избранных членов, страховых инспекторов, заведующих подотделами страхового отдела, инструктора огнестойкого строительства и гидротехника, 2 страховых агентов по приглашению губернской управы и пр. Быстрое развитие страхового дела было следствием отклика населения, все больше постигавшего плюсы страхования.

В 1914 г. счетоводный и ликвидационный отделы были объединены под начальством одного заведующего, распорядительный и противопожарный функционировали отдельно. В 1915-16 гг. они были перегруппированы: счетоводный и противопожарный возглавил заведующий Ф. К. Држевецкий, распорядительный и ликвидационный – К. В. Туховицкий.

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. (16-17 декабря 1913 г. и 16-29 января 1914 гг.). Воронеж, 1914. Л. 91.

Таким образом, к 1914 г. губернское земство располагало достаточно большой и разветвленной хозяйственной структурой. Управа насчитывала 4, а в годы войны – по разрешению МВД, которое разрешило довыборы нового члена управы – 5 человек (В. И. Раевский, В. И. Змеев, М. Ф. Чертков, А. Н. Де-Витт, М. П. Паренаго). Возглавлял управу бывший задонский уездный предводитель дворянства, помещик В. Н. Томановский. Управа координировала в части исполнения обще-земских программ деятельность 12 уездных земств.

Развитие структуры губернского земства продолжилось и в военный период. В 1915-17 гг. при управе существовало три отделения (ветеринарное, статистическое и санитарное), пять отделов (дорожный, экономический, больничный, народного образования, земская касса местного кредита) и канцелярия, которая делилась на земский и бухгалтерский отделы. Наибольшим изменениям подвергся страховой отдел, который в 1914-15 гг. был расширен до отдельного страхового управления¹. Был также увеличен состав отдела народного образования². Он быстро рос и в 1915 г. должности заведующих народным образованием были введены в 6 уездах³. Регулярно вводились новые должности для расширяющихся отделов. В итоге общее число служащих отделов и канцелярий земства составляло к 1 июля 1915 г. 418 чел.⁴ Все это говорит о том, что земская работа в Воронежской губернии, несмотря на военные годы, достаточно стабильно развивалась, как за счет набора новых кадров, так и за счет финансовых доходов. Среди последних немалую роль играли доходы от земского страхования и дорожного строительства. Положение земства можно признать удовлетворительным, если учесть, что проведение земских работ шло в непростой военный период.

В годы войны очередные земские собрания проводились 15-21 января 1915 г., 15-24 января 1916 г. и 28 февраля – 4 марта 1917 г. Также прошло 4 чрезвычайных собрания: 3 августа 1914 г. – посвященное «нуждам, вызываемым текущими

¹ Филипцева С.В. Указ. соч. С. 246.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. (16-17 декабря 1913 г. и 16-29 января 1914 гг.). Воронеж, 1914. Л. 91.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 287. Л. 3.

⁴ Филипцева С.В. Указ. соч. С. 246.

военными событиями»; 4 апреля 1915 г. – посвященное в основном противоэпидемическим мероприятиям и помощи семьям призванных; 19 сентября 1915 г., главным на котором был вопрос о выборе представителя в Государственный совет (вместо умершего И. А. Лисаневича избран Томановский)¹; 5 марта 1916 г. – по поводу мобилизации скота. Имеет смысл, однако, рассматривать деятельность земства не по хронологии, а его основным направлениям. Их условно можно разделить на два: вызванная военными нуждами деятельность и обычные функции земства (социальное обеспечение, хозяйство, культура).

30 июля 1914 г. в Москве был созван Всероссийский съезд земских уполномоченных, на котором было принято решение об образовании Всероссийского земского союза (далее – ВЗС). Его деятельность поначалу сосредоточилась на организации земской и благотворительной помощи больным и раненым. В 1915 г., в связи с затягиванием войны, правительством было разрешено проводить ВЗС меры для помощи беженцам, заготовки снаряжения обмундирования, производства военной продукции. Аналогичными задачами занимался Союз городов. Обе организации объединились 10 июля 1915 г. в единый комитет – «Земгор».

Идея организации ВЗС, который фактически был единственным всероссийским органом объединения земств, была энергично поддержана земцами на местах. Через два дня после объявления войны, 3 августа 1914 г., Воронежское чрезвычайное земское собрание решило принять все возможные меры для удовлетворения военных нужд государства. 4-го числа им было постановлено присоединиться к ВЗС и ассигновать ему 150 тыс. руб. в качестве вступительного взноса. Был образован губернский комитет ВЗС – в него вошла вся управа под председательством Томановского, 10 избранных земским собранием лиц, 12 представителей уездов, 1 член санитарного бюро губернского земства и представитель губернского санитарного совета. Было также создано местное отделение Всероссийского союза помощи раненым воинам, которому ассигновали 130 тыс. руб. на ра-

¹ Также на собрании был проведен еще ряд выборов: в правление кассы городского и земского кредита, губернское по военному налогу присутствие и присутствие казенной палаты. Взамен вышедшего в отставку члена управы В. И. Змеева был избран В. В. Савостьянов.

ненных и 50 тыс. – наиболее нуждающимся семьям призванных¹. Позднее, 20 января 1915 г., на раненых было отпущено еще 34 тыс. руб., а 21-го – 30 тыс. на увечных воинов². Для пополнения средств комитета перед МВД было возбуждено ходатайство об отпуске кредита в 300 тыс. руб. Земство решило установить практику закупки товаров для их перепродажи по низким ценам³. Собрание также приняло решение произвести в смете как можно более удобные финансовые сокращения и назначить выдачу пособий семьям призванных земских служащих. Также строились уездные комитеты, которые составлялись из управы, пяти избранных собранием членов и местных специалистов⁴. Средства комитет получал сначала от губернского земства. 100 тыс. руб. от ВЗС поступили 1 января 1915 г., позже по ходатайству земцев государством было выделено еще 50 тыс.⁵

Земства оказывали помощь семьям призванных крестьян, которые лишились работников. В сентябре 1914 г. губернская управа передала на пособия 50 тыс. руб.⁶ При земских органах были учреждены канцелярии по выдаче пособий и пайков семьям призванных. Местные управы помогали им в посеве и уборке хлеба. Помощь эта осуществлялась при содействии волостных попечительств, кооперативов и сочувствующих. Воронежская уездная управа докладывала в 1915 г.: «...по возможности, избегалась выдача денег непосредственно нуждающимся и помощь оказывалась там, где это было удобно сделать натурой, нанимались рабочие для постройки, покупались строительные материалы и проч. Хотя, к сожалению, далеко не всегда представлялось возможным это сделать при недостаточности сил и сравнительной многочисленности случаев выдачи пособий...»⁷. В целом эта деятельность была полезна, однако в 1915 г. мобилизации и прошлогодний неурожай яровых в некоторых волостях потребовали увеличения помощи. Между

¹ Журналы Воронежского губернского земства чрезвычайной сессии 3 августа 1914 г. Воронеж, 1914. С. 15.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. (15-21 января 1915 г.). Воронеж, 1915. Л. 157об.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9587. Лл. 13-14.

⁴ Там же. Лл. 1-21.

⁵ Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 гг. Дисс... к. и. н. Воронеж, 2002. С. 138-139.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2225. Л. 9.

тем уездные управы были вынуждены отдавать деньги из займов или ходатайствовать о них перед правительством. Так, Воронежская управа запросила через губернатора у правительства пособия для семей призванных в 25 тысяч рублей¹. Бирюченская управа выпросила на заседании 19 сентября 1915 г. заём в 11,5 тыс. руб.² Пытаясь справиться с дефицитом рабочих, губернская управа создала в 1916 г. при экономическом отделе бюро ученических дружин по уборке посевов, которое сотрудничало с родительскими комитетами школ³.

Большое значение имела помощь больным и раненым воинам. В сентябре 1914 г. губернская управа располагала 350 койками, разбросанными по больницам, еще 50 коек было у общества охраны народного здоровья на ст. Графской, на которые управа отпустила 10 тыс. руб. Предполагалось увеличить к 1915 г. это число до 500⁴. Однако из-за наплыва солдат (к концу года прибыло почти 20 тыс. раненых) пришлось спешно отдать под госпитали целый ряд городских зданий. В итоге к концу 1915 г. под началом земского союза находилось 22 госпиталя на 3983 места. Всего в течение 1915 г. госпитали ВЗС приняли 31.153 чел. из 54.791 раненых и больных. Из них до 1 сентября 1915 г. прошло 42.403 чел., а в уезды эвакуировано 21.635 чел., для которых было организовано 94 госпиталя на 3365 коек. Родственникам больных выдавались справки, для чего было учреждено специальное бюро, а также оказывалась материальная помощь. В госпитали было назначен под 1 старшему врачу, которыми управлял старший врач комитета ВЗС. Уже к началу 1915 г. эту должность занимали три врача земства: А. Г. Русанов, И. К. Никитин и В. М. Вержбловский. Комитетом ВЗС была организована выдача белья, а потом и его производство при складе в швейной мастерской.

Кроме того, с первых дней войны «при складе Земского Союза» образовался благотворительный комитет «Народная помощь», который снабжал одеждой выписывающихся увечных воинов: это начинание было поддержано земцами и во-

¹ Там же. Лл. 9-10об.

² Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Воронеж, 1915. Л. 8.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Лл. 2-4.

⁴ Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 гг. С. 88-89.

енными властями. Вскоре его функции так возросли, что по распоряжению губернского земства ему было передано помещение в госпитале №21 рядом с канцелярией уездного воинского начальника. В итоге комитет сосредоточил все дело снабжения выписывающихся и уходящих на родину солдат, а потом стал оказывать и социальную помощь наиболее нуждающимся инвалидам: подыскивал работу, выплачивал пособия. В мае 1915 г. комитет ВЗС открыл два приюта для увечных воинов – на 12 человек в имении Раевских и 30 в с. Выкрестово. В сентябре они были возвращены в Воронеж, где на базе госпиталя №16 был открыт новый приют увечных воинов на 75 чел., а также устроен патронат на Средне-Московской улице и госпиталь при Земском союзе¹. Губернская управа попыталась распространить деятельность комитета на всю губернию, для чего предложила уездам оказать помощь инвалидам, однако страдавшие от недостатка средств местные органы не поддержали идею и начинание заглохло².

В 1915 г. встала во весь рост проблема наплыва беженцев. По данным Центрального Всероссийского Бюро по регистрации беженцев, 1 января 1916 г. число беженцев в Воронежской губернии составило 39.633³. Из комитета ВЗС была выделена исполнительная комиссия под председательством ректора сельскохозяйственного института (СХИ) К. Д. Глинки. Ею было организовано 18 приютов вместимостью от 30 до 700 чел., организованы бараки и дезинфекция прибывших. Часть беженцев (на 15 сентября 1915 г. – 6621 чел.) была отправлена в уезды. По соглашению губернской управы и комитета ВЗС, размещением их в уездах занимались местные управы, при этом земский комитет сосредоточил всю эту работу в своих руках. К 1 января 1916 г. от МВД на содержание беженцев было выделено 611 тыс. руб., из которых 504 тыс. было отдано уездам, 67 тыс. потрачено на транзитных беженцев и 10 тыс. на заразные бараки, построенные при станциях Воро-

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Воронеж, 1916. Лл. 128-130.

² Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 гг. С. 90.

³ Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России). Дисс... д. и. н. Брянск, 2015. С. 134.

неж-Курский, Касторное, Лиски, Таловая, Поворино. Еще 186, 7 тыс. выдал ВЗС – на одежду для беженцев, медикаменты и содержание канцелярий¹.

Отдельной проблемой была угроза эпидемий, которая обострилась с наплывом беженцев. К концу 1914 г. из-за учащения заболеваний губернскому комитету пришлось взять в свое ведение кроме заразного госпиталя еще и заразное отделение губернской больницы в 210 коек военного ведомства, а потом добавить к ним самостоятельно еще 50 мест. Комитет же взял на себе дезинфекцию и изоляцию больных среди беженцев по прибытии их в Воронеж, для чего на станциях были организованы медпункты. К имеющимся заразным госпиталям был добавлен госпиталь №10 из 110 коек, переделанный в заразный, при госпитале №7 организовано заразное отделение в 50 мест. Для руководства заразными лечебницами заранее был выделен врач от губернского комитета – ординатор губернской больницы Н. И. Вержбловский. После наплыва беженцев в помощь ему было мобилизовано 4 врача с необходимым персоналом. При поддержке управы земский комитет организовал госпиталь на 80 чел. Каждый госпиталь был снабжен дезинфекционным аппаратом «Гелиос», а в городе устроено три дезинфекционные камеры. Всего к 1916 г. было открыто 9 инфекционных учреждений на 709 мест, включая бараки и наблюдательные пункты при госпиталях².

Аналогичная работа проводилась в губернии. 4 апреля 1915 г. губернское земское собрание решило провести в жизнь противозэпидимическую кампанию в губернии путем прививок, на что было выделено 78 тыс. руб. к уже выделявшимся до этого 26 тыс. Так как общая смета составляла 1, 28 млн руб., земство предполагало помощь от государства, тем более, что прошение подал губернатор. Надежды не оправдались – вышестоящие инстанции вместо этого предложили создать летучие санитарные отряды, финансируемые на государственные пособия. Считая необходимым иметь по 3 отряда на уезд, земство высчитало смету в 373.180 руб. Независимо от этого противочумная комиссия выделила пособие в

¹ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Лл. 33-40.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). С. 145-150.

239.575 руб. и еще 16.705 руб. ежемесячно. Увы, на практике земство получило только единовременное пособие вместо ежемесячного. В итоге общие расходы земства, составившие 58.380 руб. 17 коп., легли на его же плечи.

Приход пособия 18 августа 1915 г. как раз совпал с первыми эпидемиями холеры в губернии: в начале июня заболевания появились в Землянском уезде, позднее отдельные случаи отмечались и в других местах. Узнав об этом, управа оповестила медперсонал губернии. Для него были выписаны средства для определения заражения, а по деревням разосланы агитматериалы. В зараженные пункты было направлено 3 врача, 14 фельдшеров, 2 медсестры и 7 санитаров, снабженных всем необходимым. Благодаря этому заболевания прекратились уже в первой половине августа. Было также открыто 7 наблюдательных пунктов, 5 барачных для тифозных и 6 для холерных больных, отпущено 1500 руб. на 15 санитарных попечительств и по 2000 руб. на уезд на водоснабжение, приобретено 12 дезинфекционных камер. На очередном заседании было решено увеличить количество заразных барачных за счет Земского союза. Сначала управой было исходатайствовано об отпуске средств на постройку 12 барачных в губернии по 8 коек, но потом это количество было увеличено вдвое¹. Всего в 1914 г. было отправлено 102 чел., а в 1915 – 107. Из них в 1914 г. умерли от тифа 2, в 1915 г. – 1².

Эта работа проводилась в неблагоприятных условиях: мобилизация на фронт сильно уменьшила численность персонала земства. Из 58 врачей было мобилизовано 30 чел., из 73 фельдшеров – 32, из 62 ветеринарных врачей и 74 ветеринарных фельдшеров – по 34. В итоге часть врачебных участков была объединена, медперсонал местами переведен. Как указывал отчет от 1915 г., взамен вышедших медиков было приглашено 44 врача и 42 фельдшера на 34 участка, оставались незамещенными еще 35 врачебных участков из 188 и 109 фельдшерских вакансий из 459. Пытаясь решить проблему, управа увеличила содержание врачам до 1700 руб. в год (на 300 руб.), а фельдшерам до 60 руб. вместо 40 в месяц –

¹ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Л. 70.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Лл. 61-68.

школьным и до 30 вместо 20 – военным. Однако после новой мобилизации 1915 г. врачей и фельдшеров осталось только 5 чел.¹ Боясь новой мобилизации, земство просило губернатора ходатайствовать об освобождении от призыва медперсонала, состоящего в ратниках ополчения 2-й очереди². Однако ответ государства был неутешителен – за исключением врачей, отсрочки медики почти не получили.

Кроме того, выделенных уездам денег на организацию госпиталей и заразных барачков тоже постоянно не хватало. Как видно из ряда документов, на протяжении 1915-1916 гг. в некоторых уездных городах (особенно в Новохоперске и Острогожске) на этой почве регулярно происходили конфликты между местными органами и военными властями. На заседании земского собрания от 16 января 1916 г. был, в частности, заслушан рассказ об остром конфликте между властями Острогожска и начальником гарнизона, который пришлось улаживать через губернатора и командование МВО. В связи с этим был поднят вопрос о переполненности городов войсками и необходимости постройки заразных барачков. Было решено взять деньги на них из средств ВЗС³. 18 января трем управам – Землянской, Задонской и Нижнедевицкой – было разрешено выдать на строительство барачков сумму почти в 9 тыс. руб.⁴ Тем не менее, барачков все еще не хватало. В 1915 г. Павловское земство постановило, «считаясь с настоящим состоянием финансов», постройку 3 заразных барачков не производить, а лишь подыскать для них помещения, причем только «в случае появления» эпидемии⁵. В конце 1916 г. в том же Острогожске городская дума, не получавшая помощи земства, была вынуждена закрыть свой заразный госпиталь, на который не было денег. Военно-санитарное управление потребовало его вернуть, так как в барачке бесплатно лечились военные. По приказу губернатора голова приказал возобновить работу барачка, куда, по иронии судьбы, вскоре слег сам с оспой, так как мест в местной боль-

¹ Там же. Л. 112.

² Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Лл. 24-26.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Лл. 44-46.

⁴ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Л. 71об.

⁵ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9836. Л. 111об.

нице не было. Думе ничего не оставалось, кроме как срочно просить помощи у земства: «Если же губернское земство не придет на помощь, то город, истощивший все свои средства, при громадной своей задолженности, поставлен будет в безвыходное положение»¹. Итог истории неизвестен, но вряд ли земство могло помочь городу внеплановыми тратами.

Земства также очень беспокоила мобилизация служащих. На заседании 24 января 1916 г. уездные представители предлагали освободить от призыва служащих по выборам, секретарей управ, бухгалтеров, заведующих техническими отделами и делопроизводителей канцелярий, выдававших пайки семьям призванных. Томановский поддержал требование: «По отношению к губернской управе по аналогии и я бы позволил себе просить возбудить ходатайство о всех служащих в губернском земстве по выборам, секретарь, бухгалтер, заведующих отделами и заведующих отдельными частями в составе губернского земства, т. е. заведующих опытными полями, как тем, так и другим, губернского земства, заведующим контрольной станцией, семенной станцией, пастеровской станцией...». Решено также было освободить от призыва и ходатайствовать о возвращении уже призванных членов управ². Однако государство это ходатайство не поддержало. Из этого видно, что хотя земские служащие в годы войны выполняли фактически государственные функции, государство в ответ относилось к ним как к частным гражданам.

«Снарядный голод» 1915 г. и ставшая очевидной техническая бедность русской армии вызвала в России мобилизацию промышленности на военные нужды. В связи с этим образованный в июле 1915 г. Земгор принял на себя эту работу через местные самоуправления и военно-промышленные комитеты. По существу, он стал посредником между военным ведомством и местными предприятиями. Это накладывало на земства новые, ранее не свойственные им обязанности.

11 июня 1915 г. на созванном губернской управой совещании председателей уездных управ и уездных комитетов ВЗС было принято решение о принятии неотложных мер в помощь армии при опоре на местную промышленность. Спустя

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2351. Лл. 68-68об.

² ГАВО. Ф. И-20. Д. 10083. Лл. 29об.-31.

месяц от главного комитета ВЗС был получен список предметов снаряжения, и местные органы стали следовать ему, учредив местный «Отдел снабжения армии». Первоначально его силы были брошены на изготовление земленосных мешков, причем большую часть заказов на холстину принял на себя губернский кооперативный комитет. Также Отдел самостоятельно инициировал производство на месте ручных гранат¹. В связи с аграрным характером губернии, большую часть спущенного из Земского союза списка предметов изготовления составляло конское снаряжение, шанцевый инструмент, теплые вещи, а также простейшие предметы снабжения: штыки, мешки, колеса, гранаты и снаряды к 9-см бомбомету. Для изготовления продукции на мелких кустарных предприятиях были разосланы наряды по уездным органам. Организационным посредником заказов при этом обычно выступали местные кредитные товарищества.

Несмотря на мобилизацию в армию значительного числа кустарей, земствам удалось успешно организовать производство подков, повозок и конского снаряжения в Павловском, Бирюченском и Бобровском уездах, провести сбор теплой одежды². Изготовление же фабричной продукции шло куда хуже из-за слабости промышленности и постоянной задержки материалов. Из-за этого не удалось провести вовремя производство саперных инструментов; лишь после ряда проволок в Воронеже был организован выпуск гранат кустарями-жестянщиками. Также управление ЮВЖД взяло заказ на штыки и 5000 кирко-мотыг, завод Столль и К^о – на снаряды. К концу 1915 г. удалось изготовить около 600 тыс. мешков, 1 тыс. штыков, 11 тыс. торб, 15 тыс. конских щеток и 700 кирко-мотыг. В июне 1915 г. по инициативе губернского комитета началось изготовление противогазов. Производительность была доведена до 15 тыс. экз. в день. К началу 1916 г. было сдано 400 тыс. противогазов, из которых около 100 тыс. были полностью закончены³.

¹ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Лл. 30-32.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Л. 149.

³ Там же. Лл. 149-150.

Несмотря на трудности, работу земств в деле ухода за больными и ранеными и заготовке военного снаряжения можно признать успешной, что подтверждает высокие оценки исследователей о благотворной роли земств в период войны.

Так как война требовала мобилизации ресурсов, то верховной властью был приспособлен для этого технический аппарат земств. Это проявилось в возложении на них обязанностей в многочисленных реквизициях. С июля 1915 г. земство и комитет Земсоюза начали проводить закупку лошадей для армии – так как основное число лошадей набиралось по военно-конной повинности, то земством предусматривалась покупка лишь 1% конного запаса губернии. Однако с середины 1916 г. правительству стало очевидно, что необходима реквизиция лошадей за фиксированную плату. Военным министерством были спущены циркуляры на места с предложением организовать межведомственные совещания по этому вопросу. В Воронеже оно состоялось 8 октября 1916 г. – и определило желательные цены в 500 руб. за кавалерийскую лошадь и 290 – за обозную, в зависимости от разряда. В декабре 1916 г. в Воронеж спущен план на реквизицию 9500 лошадей (1, 35% от числа лошадей губернии на 1916 г.) – 5% верхового разряда, 25% – артиллерийского и 70% – обозного. На это было выделено 3, 04 млн руб. (в среднем 320 руб. на лошадь). Распределением и реквизицией занялись управа и земский комитет, уездные земские органы и военные власти. Кампания началась с 15 февраля 1917 г., но грянувшая революция застопорила и без того туго продвигавшееся мероприятие – к ее началу план удалось выполнить только на 30%. Трудность заготовки лошадей во многом объяснялась конкуренцией с ремонтной военной комиссией, которая предлагала гораздо большую цену¹. В этом лишний раз проявилась рассогласованность работы органов на местах из-за отсутствия централизации. Между тем земство заранее предупреждало: «...необходимо объединение этого дела в одних руках, чтобы на практике не получилось такого недопустимого явления, как взаимная конкуренция... Земства и ремонтных комиссий»².

¹ Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 гг. С. 141-150.

² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10383. Лл. 23-23об.

С начала 1916 г. началась реквизиция крупного рогатого скота. Этот вопрос рассматривался на чрезвычайном заседании от 5 марта. Она была проведена на основе сведений ветеринарного управления от 1913 года, согласно которой, в губернии было 781.340 голов скота. Предусматривалось, что с 1 апреля 1916 года по 1 января 1917 года губерния должна сдать 10, 3% крупного скота – 80 тыс. голов, или около 9 тыс. в месяц¹. В целом реквизиции проходили успешно. Так, за июль 1916 года было заготовлено 9414 голов крупного рогатого скота и 9400 овец. Чтобы облегчить последствия реквизиции, управа установила некоторые ограничения на нее. От реквизиции освобождались хозяйства с одной коровой, чистопородные животные, а также коровы, «поставляющие молоко в крупные населенные пункты» и «до того возраста, когда их производительность начинает падать»².

Для реквизиции скота был организован коллегиальный комитет под началом земства. При этом подчеркивалось, что земство в работе «не может рассчитывать на какую-либо помощь Отдела Заготовок», который будет только поставлять деньги. Вынужденное само проводить всю техническую работу земство в итоге столкнулось с рядом трудностей. Вагоны для купленного скота часто запаздывали, людей для скупки далеко не всегда хватало, купленный корм тоже не всегда отвечал качеству. К тому же трудности встретились в заготовке свинины: земство сочло наряд в 126.449 свиней преувеличенным. По переписи 1916 г. в губернии было 157.456 шт. свиней, включая подсвинков, поэтому земство сомневалось, что удастся набрать нужное количество сала: «...если реквизиция откормленных свиней фактически выполняма, то при нежелании населения заставить его откармливать свиней совершенно невозможно». К тому же свинину, как подчеркивало земство, легко припрятать – в итоге данный наряд, по ее мнению, выполнить было невозможно. Единственный, и то ненадежный выход оно видело в том, чтобы перевести наряды на вес сала: в 100 тыс. пудов³. Те же трудности, жалобы и

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 5 марта 1916 года. Воронеж, 1916. С. 12.

² Нигматов В. В. Сельское хозяйство Воронежской губернии в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 4. Воронеж, 2006. С. 77-78.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10383. Лл. 2, 27об.-28об.

поведение земцев, как показывают исследования, были в других регионах России, в частности, в Тамбовской губернии¹.

Последней важной задачей, которая легла на плечи дореволюционного земства, было проведение продразверстки, установленной министром продовольствия А. А. Риттихом 2 декабря 1916 г. Это было последней попыткой царского правительства выйти из продовольственного кризиса, который постиг страну в конце 1916 г. В ходе разверстки планировалось заготовить 772, 1 млн пудов зерна для армии и голодающих заводов. Предполагалось, что она закончится в течение 35 дней к 7 января, но сроки в итоге пришлось увеличить до весны 1917 г.

Величина наряда устанавливалась председателем Особого совещания по продовольствию в соответствии с урожаем и размерами запасов, а также нормами потреблений губернии. Ответственность за сбор хлеба была возложена на губернские и уездные земские управы. Путем местных обследований было необходимо выяснить нужное количество хлеба, вычесть его из общего на уезд наряда и остаток разверстать между волостями, которые должны были довести величину наряда до каждого сельского общества. Распределение нарядов по уездам управы должны были провести к 14 декабря, к 20 декабря разработать наряды для волостей, те, к 24 декабря, для сельских обществ и, наконец, к 31 декабря о своем наряде должен был знать каждый домохозяин. Изъятие возлагалось на земские органы совместно с уполномоченными по заготовке продовольствия.

Вопрос о проведении продразверстки в Воронежской губернии рассмотрен в статьях М. Д. Карпачева². Однако при точности фактов, приведенных им, трудно согласиться с его выводами, касающимися работы земства. По его мнению, количества хлеба в губернии хватало для ее выполнения, однако земцы отрицали это, не желая принимать на себя лишнюю ответственность. Жалобы земцев объясняются им, по сути, исключительно их оппозиционными настроениями – при

¹ Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / под ред. М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина. М., 2015. С. 215-225.

² Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 74-78.

недооценке или игнорировании остальных причин. Для лучшего понимания этого вопроса надо рассмотреть его подробно.

Получив циркуляр, Воронежская губернская управа созвала 6-7 декабря 1916 г. совещание председателей уездных управ, на котором была выработана схема разверстки и высчитаны наряды по уездам. Управе было поручено выработать схемы и волостных разверсток. Одновременно был поднят вопрос о невыполнимости наряда. По телеграмме Министерства земледелия, на губернию накладывалась разверстка в 46 951 тыс. пудов: ржи 36,47 тыс., пшеницы 3,882 тыс., проса 2,43, овса 4,169 тыс. При этом министр Риттих предупредил, что не исключена дополнительная разверстка в связи с увеличением армии, поэтому «представляю Вам ныне же увеличить назначенное пунктом 1-м в разверстку количество хлебов, причем в случае увеличения не менее чем на 10% обязываюсь отнюдь не включать Вашу губернию в возможную дополнительную разверстку»¹. Это означало, что план повышается до 51 млн пудов.

По мнению земства, полное выполнение разверстки было сопряжено с изъятием почти всего хлеба у крестьян. Так, по его подсчету, из 65 млн ржи от урожая 1916 г. на посев ушло 7 млн пудов, на потребление уходило, согласно нормам по публикациям профессора Чаянова – 30,5 млн: итого оставалось 27,5 млн. С учетом остатков, земство считало, что в случае выполнения осталось бы всего 1,79 млн пудов ржи, а пшенице грозил дефицит в 5 млн. При этом не учитывался прокорм крупного скота, которого в губернии, по приблизительному подсчету земства, насчитывалось более 1, 3 млн голов².

Земства отметили: «В рекордные годы губерния давала в течение всего года 30 миллионов, а теперь предполагается взять 50 миллионов в течение 8-ми месяцев, притом в год с урожаем ниже среднего и при условии, что население, не уверенное в посеве и уборке будущего урожая, не может не стремиться делать запасы». Учитывая, что на железной дороге не хватало 20% вагонов, а эта проблема

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1916 г. (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Воронеж, 1917. Лл. 34-34об.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Лл. 23об.-25.

никак не решалась, совещание сочло: «Все эти соображения приводят к заключению, что взыскание указанного выше количества хлеба на деле неисполнимо»¹. Земство отметило, что Министерство высчитало разверстку, явно не основываясь на представленных ему статистических данных. Хотя М.Д. Карпачев видит в этих словах намеренное самооправдание, ставшее следствием оппозиционности земцев самодержавию, хорошо известно, что подобный грубый расчет, не учитывавший реального положения дел, касался всей страны. Как было выяснено из обследования Союза городов в январе 1917 г.: «...разверстка хлеба произведена была по губерниям неизвестно из какого расчета, иногда ни с чем несообразно, возлагая на некоторые губернии совершенно непосильное для них бремя»². Одно только это свидетельствовало о том, что выполнить план не удастся.

На декабрьском совещании в Харькове глава губернской управы В. Н. Томаковский попытался доказать это Риттиху. То же сделали и представители еще 8 губерний, бывших на совещании. На это Риттих ответил следующими словами, в которых фактически признал – продразверстка исчислена из потребностей государства, а не возможностей губерний: «Да, все это может быть так, но такое количество хлеба нужно для армии и для заводов, работающих на оборону, так как эта разверстка охватывает исключительно эти две потребности, в нее не входят потребности городов, а это последняя потребность должна быть удовлетворена из каких-нибудь других источников... это дать нужно и дать это мы обязаны»³.

Также воронежским совещанием было сообщено Министерству, что «в распоряжении управ не имеется ни материальных средств, ни средств воздействия на нежелающих подчиняться условиям разверстки», поэтому оно ходатайствовало дать им право на открытие ссыпных пунктов и реквизицию помещений для них. Кроме того, для сохранения фуража для армии, совещание попросило отменить

¹ Журналы Воронежского Губернского земского собрания очередной сессии 1916 года (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Л. 43об.

² Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой Мировой войны. М., 1973. С. 489.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2225. Л. 14об.

губернские наряды на жмых. Несмотря на все предупреждения, разверстка была послушно распределена и даже с рекомендованной прибавкой в 10%¹.

Воронежское губернское земское собрание из-за занятости председателей уездных управ, которые занимались подготовкой сбора хлеба в деревнях, было перенесено с 15 января 1917 года на 5 февраля, а потом на 26 февраля. Но и этого числа оно не состоялось – вместо 30 чел., нужных для кворума, собралось 18. 10 человек прислали телеграмму, что не могут прибыть на съезд. Председатель собрания А. И. Алехин был вынужден просить явившихся не уезжать из Воронежа, надеясь, что кворум соберется². Лишь на заседании 1 марта решено было «немедленно» приступить к сбору. После обмена мнениями по предложению представителя Валуйского уезда С. А. Блинова собрание выработало резолюцию для сообщения правительству, в котором признавало его требования невыполнимыми: «Размер данного на Воронежскую губернию наряда без сомнения является чрезмерно преувеличенным и фактически невыполнимым... так как выполнение его в полном объеме должно было бы повести к изъятию от населения всего хлеба без остатка». Собрание опять указало на недостаток топлива для помола хлеба, хлебных мешков, развала железной дороги. Однако заканчивалось все это тем, что собрание, подчинившись, обещало, что «общими дружными усилиями населения и его представителей – в лице земских деятелей» разверстка будет выполнена «в крайнюю меру его возможности»³. Так были поддержаны те «чрезвычайно решительные, оптимистические заявления официальной и официозной прессы», которые сопровождали, по свидетельству современников, кампанию⁴.

Трудно сказать, насколько были реальны заверения земцев об изъятии «всего хлеба без остатка». М. Д. Карпачев на основании подсчетов считает: «Однако земские руководители лукавили... Объективный анализ общих сборов и расходов

¹ Журналы Воронежского Губернского земского собрания очередной сессии 1916 года (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Лл. 44-44об., 35.

² Воронежский телеграф. 1917. 28 февраля. №46.

³ Воронежский телеграф. 1917. 3 марта. №49.

⁴ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 493.

зерна в военные годы свидетельствовал: хлеб в губернии был»¹. Хлеб действительно «был», но конкретное его количество остается неизвестным даже сейчас. Это касается и страны в целом. На основании правительственных подсчетов обычно считается, что в стране был большой избыток хлеба – к 1916 г. он составлял около 1 млрд пудов². Между тем даже поддерживающее эту оценку исследователи отмечали, что подсчеты правительством велись далеко не всегда точно, а разверстка возлагалась даже на потребляющие губернии, что заранее снимало с земств ответственность³.

Факт был в том, что в конце 1916 г. надежной статистики у местных органов не было. Земцы были вынуждены выводить цифры из имеющихся на руках данных сельскохозяйственной переписи, норм потребления и засева, урожайности хозяйств и т. д. При этом земство уточняло, что хлеб предыдущих урожаев (видимо, имелись в виду урожаи 1913-1914 гг.), кроме пшеницы, не учитывался, так как, по мнению управ, он уже ушел на потребление. М. Д. Карпачев высчитывает ежегодный избыток хлеба губернии в военные годы в 35-75 млн пудов, используя при этом ту же самую методику расчетов. При этом он тоже не учитывает необходимость корма скота, на что земцы указывали правительству⁴. Однако он не делает разбивки зерна по видам, считая от общего объема. А между тем по приводимым им данным «Обзора Воронежской губернии за 1915 год» из 150 млн пудов урожая объем всех озимых хлебов составлял 63 млн пудов (42%), яровых – 72 млн (48%), а 33,4 млн (22%) картофель. При этом земские статистики оставляли крестьянству (вычитывая нормы посева, потребления и продукцию частных землевладельцев) 86 млн пудов зерна и 33,4 – картофеля⁵. Это означает, что если бы разверстка правительства пала бы на 1915 год, то крестьянам оставалось бы пи-

¹ Карпачев М.Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 77.

² Сидоров А.Л. Указ. соч. С. 468; Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. С. 197; Анфимов А. Н. Российская деревня в годы первой мировой войны: (1914 – февраль 1917 г.). М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1962. С. 306-309.

³ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 495.

⁴ Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 67.

⁵ Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916. С. 21-22.

таться не столько рожью и пшеницей, сколько просом, ячменем и картофелем – при этом у них формально оставалось свыше 35 млн пудов продовольствия. Конечно, в теории население могло к этому приспособиться. Однако если говорить о конкретной обстановке, то сложно поверить, что привыкшее к потреблению ржи и получавшее именно от ее продажи основные средства, всегда учитывающее угрозу неурожая крестьянство согласилось бы добровольно пойти на такие жертвы. Вполне вероятно, что именно это и имело в виду земство, понимая под хлебом указанные в продрозверстке сельхозкультуры.

К тому же, статистика приводит средние цифры. Чтобы уравновесить потребление производящих и потребляющих регионов, государству надо было пойти на перестройку продовольственного распределения и ввести тщательное планирование. Сама Воронежская губерния была неравномерной в этом отношении. Иначе трудно объяснить, почему недород и случаи голодовок отмечались в воронежских селах даже в конце 1914 года, несмотря на знаменитые урожаи 1913 г. Например, в Задонском уезде недород в Ивановской, Докторовской и отчасти Казиновской волостях был сильнее, чем в 1891 г., и земцы даже решили просить о помощи правительство¹. Ряд фактов свидетельствует о проблемах с хлебом в деревне и в 1916 году. Городские лавки Воронежа регулярно осаждали малоимущие крестьяне из пригородов и даже других волостей². В Коротоякском уезде, по донесениям, крестьяне говорили: «Нам самим еле достанет хлеба, а вот паны /т. е. помещики/ имеют много хлеба и много скота, но скот у них мало реквизируют, а потому следует больше реквизировать и хлеб, и скот»³. Даже наиболее благополучный в продовольственном положении Валуйский уезд, единственный, в котором, по общему признанию, не было дефицита, обеспечивал себя во многом за счет подвоза хлеба из Харьковской и Курской губерний. Когда поставки оттуда

¹ Журналы Задонского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 18 августа и 21 декабря 1914 года и очередной сессии 1914 года. Елец, 1915. С. 6-7.

² Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870-1918. Воронеж: Кварта, 2006. С. 315.

³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1249. Л. 7.

были запрещены, положение в нем заметно ухудшилось¹. Продразверстка никак не решала эти местные проблемы.

Вопрос о размерах избытка хлеба в губернии и возможности выполнения разверстки, таким образом, остается дискуссионным. Остается рассмотреть, что конкретно сделало земство для сбора хлеба.

По плану, за январь 1917 г. губерния должна была сдать 13,45 млн зерна: 10 млн пудов ржи, 1,25 пшеницы, 1,4 овса, 0,8 проса; столько же полагалось заготовить и в феврале. Земством было организовано 120 ссыпных пунктов, по 10 на уезд, располагавшихся в 50-60 верстах друг от друга, причем большинство из них должно было открыться в феврале². Уже при разверстке начались затруднения: Задонский уезд по неуказанным в заседании причинам принял на себя лишь часть наряда (вместо 2,5 млн пудов ржи – 0,7 млн, а вместо 422 тыс. пудов проса – 188), а из определенных на Бирюченский уезд 1,76 млн. пудов к февралю было разверстано только 0,5 млн³. Разверстка наряда волостями сразу была выпущена из-под контроля управ из-за отсутствия с деревнями надежной связи, поэтому там дело сильно затянулось. Регулярные поездки глав уездных управ по местам не изменили ситуации из-за отсутствия у них в деревне адекватного исполнительного аппарата. Скорее всего, земцы старались привлечь к работе, по устоявшейся практике, местные крестьянские органы в виде волостных попечительств или распространившихся за годы войны сельских комитетов, однако не похоже, чтобы эти меры дали результат. Так самодержавие пострадало от своего упорного затягивания введения в предвоенные годы волостных земств⁴, при которых, скорее всего, связь с деревней была бы надежнее.

Уже в период заготовок земцы скептически оценивали их результат: «По крайней мере, в этом убеждают поступившие уже из некоторых уездов сообще-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 19 февраля. №39.

² Воронежский телеграф. 1917. 11 января. №8.

³ Воронежский телеграф. 1917. 4 февраля. №28.

⁴ Шутов А. Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века). М., 2011. С. 332, 336.

ния, во-первых, что целый ряд волостей совершенно отказывается от какой бы то ни было разверстки, и во-вторых, что и в тех волостях, где разверстка была произведена волостными сходами полностью – в дальнейшем, при поселенной и хозяйственной разверстке, обнаруживается невозможность ее выполнения»¹. Действительно, продажа шла неважно. Даже в Валуйском уезде, на который была наложена наименьшая разверстка, а население, по сообщениям газет, было в самом лучшем положении, дело шло плохо – многие крестьяне уверяли, что не имеют столько хлеба². Там же, где хлеб был, законы диктовала спекуляция. По рапорту валуйского пристава Милютин, в одной деревне крестьяне согласились продать пшеницу по 1,9 руб. за пуд, но вскоре негласно отказались от этого: «Случилось затем так, что откликнувшиеся на предложение властей не успели еще получить деньги за поставленный хлеб, как услышали, что твердая цена на пшеницу поднялась с 1,4 руб. до 2,5. Таким образом, более патриотично настроенные крестьяне получают за хлеб меньше, чем те, которые попридержали его у себя. Теперь среди крестьян царит такое убеждение, что чем больше задерживать у себя хлеб, тем больше правительство будет увеличивать твердые цены, а земским начальникам не нужно верить, так как они только обманывают народ»³.

Правительство, которое не могло применить достаточную силу против деревни, пыталось преодолеть это с помощью штрафов – а фактически, лишь угроз. 24 февраля Риттих прислал телеграмму, в которой приказывалось в первую очередь приступить к реквизиции в селениях, наиболее упорных саботажников. При этом надлежало оставлять по одному пуду зерна на душу до сбора нового урожая, а также на весеннее обсеменение полей по нормам, установленным земской управой и на прокормление скота – по нормам, устанавливаемым уполномоченным (даже в этом проявилась рассогласованность действий). Ершов в тот же день разослал телеграммы в уездные управы, в которых потребовал немедленно приступить к поставкам. Если в трехдневный срок подвоз не начался бы, властям пред-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 23об.-25.

² Воронежский телеграф. 1917. 21 января. №17.

³ Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии). С. 77.

писывалось приступить к реквизициям «с понижением твердой цены на 15 процентов и, в случае недоставки владельцами [хлеба] до приемного пункта, с вычетом сверх того стоимости перевозки»¹. Но никаких конкретных указаний по воплощению в жизнь этих мер правительство не предоставило.

Как видим, заготовительная кампания не была подкреплена реальными средствами выполнения – ни агитационными, ни материальными. Вся работа была возложена на местный аппарат земств, уполномоченных и администрации, чьих сил явно не хватало, а отношения их отличались запутанностью и разнонаправленностью. Примечательно, что сам Ершов запретил полиции сбор хлеба, что отмечалось местами в губернии, так как продразверстка по инструкции возлагалась на земства². При этом его же циркуляр от 7 декабря приказывал земским начальникам и приставам заняться агитационным освещением задач продразверстки в деревнях и оказывать содействие в сборе хлеба уполномоченным³. Получалась неадекватная ситуация: сбор хлеба следовал за ответственностью и подготовкой земских управ, проводили его уполномоченные, а освещала задачи разверстки административная власть – за неимением другой.

Таким образом, выполнение продразверстки требовало обеспечения ее разветвленной сетью исполнительного аппарата, который у земств отсутствовал, и который административная власть не собиралась им предоставлять. На это накладывался саботаж деревни и невозможность транспортировки зерна. Неудивительно, что земцы со своей стороны и не пытались усердствовать в выполнении заведомо безнадежного предприятия. Сам В. Н. Томановский, до этого никогда не замеченный в игнорировании государственных интересов, на заседании 1 марта взял более чем умеренный тон: «С моей точки зрения, нам нужно собирать хлеб, насколько это возможно, не прибегая ни к каким крутым мерам, это будет некоторый плюс к тому количеству запасов, которое у нас имеется. Возможно, что движение железной дороги улучшится, появится большее количество вагонов...

¹ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2084. Лл. 95-97.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2084. Л. 108.

³ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2084. Л. 9.

принимать крутые меры в том смысле, что “давайте, везите, во что бы то ни стало”, казалось бы нецелесообразным»¹. Подобное положение с провалом разверстки было повсеместным. М. В. Родзянко перед самой революцией написал императору: «Разверстка, предпринятая министерством земледелия, определенно не удалась. Вот цифры, характеризующие ход последней. Предполагалось разверстать 772 милл. пудов. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 милл. пуд., т.-е. на 129 милл. пудов менее предположенного, 2) уездными земствами 228 милл. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 милл. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки...»².

Как и предупреждали земцы, план выполнить не удалось: было собрано именно то количество хлеба, которое обычно вывозилось из губернии до войны. В конце февраля пресса сообщала: «По полученным экономическим отделом союза городов сведениям, Воронежская губерния, вопреки первоначальным сообщениям, не только не дала при разверстке хлеба и фуража излишка в 10%... но наоборот, недодала до 20 милл. пуд. разных хлебов»³. Однако даже собранное, как было очевидно с самого начала, нельзя было вывезти. В итоге на железной дороге лежало мертвым грузом 5,5 млн хлеба, который порайонный комитет обязывался вывезти не ранее как через 2,5 месяца. Ни вагонов для разгрузки, ни топлива для локомотивов на учете не было. Нельзя было даже перевезти муку на сушильни или зерно на размол, так как внутренними рейсами комитет не занимался. Да и топлива для мельниц тоже не было, из-за чего многие из них простаивали или готовились прекратить работу⁴. Этот вывод об объективных трудностях продразверстки подтверждают и другие исследователи⁵.

Хотя можно упрекать земства в недостатке рвения при выполнении продразверстки, это не объясняет, почему они вполне усердно работали над другими правительственными мероприятиями. Как было показано выше, на протяжении

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 15об.

² Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69.

³ Вестник Воронежского уездного земства. 1917. 24 февраля. №8.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 15.

⁵ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 492-494; Нигматов В. В. Указ. соч. С. 78.

войны земства внесли заметный вклад в разрешение военных нужд. Их труды были оценены и высшей властью. Спустя год после начала войны губернатор Петкевич нашел нужным поблагодарить земцев за их деятельность во вступительной речи к губернскому собранию: «В особенности такой труд выпал на долю всех органов государственного управления, в числе их и, может быть, преимущественно перед другими – на земство». Задачи, поставленные перед ним, как заявил губернатор, были решены «не только с успехом, но, если позволено мне будет так выразиться, с блеском»¹.

Кроме военных нужд, губернское земство продолжало заниматься своей привычной деятельностью: народным хозяйством, образованием, культурой, иными социальными нуждами. За годы войны деятельность земства не упала, а напротив, постепенно развивалась согласно выраженной еще ранее тенденции.

Так, в 1916 г. земским собранием было решено дать санитарным попечительствам юридический статус, а также права на приобретение недвижимого имущества и получение средства из земств, сборов, частных организаций. Решено было выдавать им деньги в размере местных средств попечительства, но не более 100 руб. в год, т. е. 2500 руб. на 25 попечительств губернии². Развивалась программа помощи детям пострадавших от войны семей. На заседании 19 сентября 1915 г. было принято решение о помощи земскими организациями сиротам, для чего было решено произвести перепись нуждающихся детей, распределение их по семьям, открыть сеть приютов для их размещения, начать выдачу пособий неполным семьям и т. д.³

Развивалось и дело народного образования. Земское собрание 1914 года учредило при школьном отделе должности счетчика по статистике и помощника заведующего, с передачей ему всех дел по школьному учету. На сессии 1915 г. земство приняло программу постоянных съездов с решение вопросов об образовании

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Л. 75.

² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Лл. 165-172.

³ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. С. 40-43.

и воспитания¹. Расходы на образование заметно росли: в 1914 г. на него полагалось 6 тыс. 130 руб., в 1915 г. – 7 тыс. 210 руб., а в 1916 г. – 16 тыс. 212 руб.² В 1915 г. земское собрание утвердило план распространения в губернии сети высших начальных училищ³. Все это требовало централизации школьной деятельности. На собрании заведующих отделами образования при губернской управе 1916 г. обсуждались вопросы развития образования, в частности, необходимость введения практики школьных отделов во всех уездах и участия губернского земства в расходах на них. В обсуждении явно просматривалось желание взять школьное дело в свои руки, «потеснив» Министерство просвещения: «...Откладывать решение этого вопроса далее нельзя, ибо уже теперь создается опасность перехода внешкольного образования в чужие руки отдельных ведомств, что совершенно лишит все дело планомерности, стройности и может повести к раздроблению и непродуктивным тратам средств». Планировалось учреждение при управах отделов школьной статистики, залогом работы которых была бы «самостоятельность и независимость их в деле окончательной сводки и обработки материалов»⁴. При этом работа велась в сложных условиях – так, государство ввиду экономии средств во время войны отказало в выдаче денег на строительство новых школ, решив выдавать средства только на запланированные и начатые постройки.

Регулярно проводились совещания и съезды по развитию садоводства, пчеловодства, зоотехники, других сельскохозяйственных практик в губернии. Например, в 1914 г. были проведены съезд сельских хозяев и агрономов губернии, совещание по опытному делу, дважды – комиссия по опытному делу, к 10 существующим метостанциям было открыто еще 13. 20 января 1916 г. было решено пропагандировать среди крестьян разведение скота, для чего выделялось по 1 тыс. руб. на уезд⁵. Не осталась без внимания и промышленность. Земство планировало

¹ Журнал Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. С. 43.

² Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 гг. С. 68.

³ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. С. 34.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2351. Лл. 273, 281.

⁵ Постановления Губернского земского собрания очередной сессии 1915 года по экономическим вопросам. Журналы Губернского Экономического Совета. Воронеж, 1916. С. 20.

для пропаганды и развития мелкой промышленности учредить Техническое бюро при экономическом отделе управы: «Земству более чем своевременно приступить к организации помощи сельскому населению в деле развития и упорядочения обрабатывающей промышленности и в частности кустарных промыслов»¹.

Развивалось пожарное дело. В заседании от 23 января 1916 года губернское собрание постановило пополнить конный и личный состав пожарных дружин вплоть до привлечения женщин для несения дозорной службы. Губернской управе было предложено войти к кооперативам с предложением о помощи ими пожарным. Также было принято еще много иных решений, например, увеличение суммы пособия пожарникам на 6000 руб. ежегодно и выплата пособий тем дружинам, у которых нет лошадей и рабочих². Деятельность по развитию огнестойкого строительства продолжалась тоже успешно, спрос на продукцию повысился, заказов у отдела насчитывалось много. Однако удовлетворить их оказалось нельзя, так как профильные заводы уже в основном работали на военное ведомство³. Все эти данные дают право согласиться с современными исследователями, которые оценивают работу земств в указанный период как достаточно успешную⁴.

Однако в конце 1916 г. хозяйственно-культурная деятельность земства угрожала затормозиться развивающимся финансовым кризисом. Выявился он не сразу и был заметно мягче, чем в других губерниях, тем не менее, он существовал. На очередном земском собрании в январе 1915 г. выяснилось, что баланс сметы земства на 1913 год по расходам и доходам был сведен в сумме 1.899.578 р. 46 к. Дефицит составил сумму почти в 79 тыс. руб., из которых 40 тыс. падало на недобор губернских сборов. Пополнив из текущих средств дефицит, управа уменьшила его до 29 тыс. (1,5% от баланса). Таким образом, дефицит бюджета был минимальный⁵. Несмотря на то, что остатки наличности превосходили про-

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10084. Л. 51.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Лл. 130-134.

³ Там же. Лл. 137-140.

⁴ Карманов Д. В. Указ. соч. С. 165-166.

⁵ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. (15-21 января 1915 г.). Лл. 643-646.

шлогодние почти на 77 тыс. руб., земство подчеркивало тенденцию уменьшения доходов, шедшую еще с 1907 г. Главной причиной было падение вноса губернских окладов. К 1 января 1915 г. сумма недоимок составляла около полумиллиона: увеличение за год на 26,5%. Задолженность выросла на 127.365 руб. 7 коп. (10,7%). Долги же уездов почти не изменились и составили 317.775 руб. 75 коп.¹

Военное время побудило гласных сократить расходы. При этом указывалось, что «сокращения сметы... не должны идти так далеко, чтобы это грозило разрушением уже существующих мероприятий». Земство решило не устраивать новые проекты и не расширять старые, которые можно отложить, но все проводимые при участии казны проекты проводились в прежнем объеме. Уездные управы проводили сокращения самостоятельно². Последние, хотя и говорили, что «в настоящее время и не ощущается финансового кризиса», тоже были обеспокоены возможным недобором и расходами на незапланированные нужды, притом безотлагательные, такие как заразные бараки и лечебницы. Поэтому ряд земств вынесли ходатайства о получении займов, что было собранием удовлетворено: «Разрешить займы Уездным Земствам: Воронежскому – до 100.000 руб., Острогожскому до 200.000 руб., Богучарскому – 100.000 руб., Землянскому – 60.000 руб., Нижнедевицкому до 100.000 руб. и Валуйскому до 70.000 руб. (общая сумма по Валуйскому уезду до 70.000 руб. слагается из трех займов в 25.000 руб., 30.000 руб. и 15.000) на условиях, изложенных в докладе Губернскому Управы. Коротоякскому Земству из испрашиваемого займа в размере до 300.000 руб. разрешить заем в 200.000 руб. на условиях, изложенных в докладе Губернской Управы, а заем в сумме до 100.000 руб. на условиях, установленных Коротоякским Земским Собранием»³. Займы брались из казны или местных банков.

¹ Там же. Лл. 651-654.

² Там же. Лл. 212-213, 218об.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Л. 35.

В запланированной смете на 1915 г. ожидалось 2,45 млн руб. расходов (на 330 тыс. руб. больше предыдущего года) и столько же – доходов. Сумма губернского земского сбора была высчитана в 1,69 млн.¹

Итоги 1915 года были подсчитаны на следующем собрании. Оказалось, что общий недобор по доходам составил 88,5 тыс. руб., а из-за выросших долгов земство потерпело убыток в 97,6 тыс. руб. Цифра расценивалась как значительная – за 8 лет запасные средства земства уменьшились на 440 тыс. и составили к 1 января 1915 г. 87.587 руб. 25 коп. Сумма недоимок населения по-прежнему составляла 0,5 млн руб. Все доходы дали минусовую разницу.

Таблица 1. Доходы Воронежского губернского земства за 1915 – 1916 гг.

	К 1 января 1915 г.	К 1 января 1916 г.	Разница
По губернскому сбору	398.167 руб. 62 к.	342.845 руб. 70 к.	55.321 руб. 92 к.
По страховому капиталу	291.663 руб. 82 к.	183.946 руб.	107.717 руб. 82 к.
По дорожному капиталу	144.886 руб. 80 к.	100.553 руб. 90 к.	44.332 руб. 90 к.
Всего	834.688 руб. 24 к.	627.345 руб. 60 к.	207.372 руб. 64 к.

Таким образом, уже в 1915 г. заметно уменьшились доходы земства, которые нельзя было возместить сборами с населения. Остатки же по расходной смете во многом объяснялись тем, что не было возможности удовлетворить народные нужды – например, из-за мобилизации резко уменьшилось число врачей и траты на них. А так как в стране увеличивалась дороговизна, сомнений в росте дефицита не было². Поэтому общая сумма и доходов, и расходов на 1916 г. была исчислена

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. (15-21 января 1915 г.). Лл. 755-760об.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Л. 759-765.

в 2,43 млн руб., на 23,5 тыс. меньше прошлой¹. Основной доход возлагался на губернский сбор: 1,814 млн, на 309 тыс. больше прошлогоднего. На остальные поступления падало 617.780 руб. 58 коп. Итого, по расчетам управы, принявшей во внимание уменьшение ценности обложенного имущества, если в 1915 г. обложение населения уменьшилось на 0,33%, то в 1916 г. оно увеличилось на 18,7%.

Хотя сметы 1915 г. в уездах были выполнены, 11 из 12 уездных земств запросили о сложении недоимок земского сбора, что показывало – собрать их все равно не получится. Некоторые также попросили о рассрочке отдельных недоимок. В итоге собрание списало земствам 16.638 р. 94 к.² Однако местные власти, по ряду свидетельств, все равно страдали от дефицита денег и для соблюдения сметы были вынуждены постоянно сокращать расходы и покрывать их займами из банков. Так, Бирюченскому собранию пришлось перенести все долги на 1916 год, так как заём в 100 тыс. рублей, который пытались сделать еще с 1914 г., произвести не удалось. Также после ожесточенных споров земцы уменьшили наполовину содержание семьям призванных служащих, что вызвало у последних бурное недовольство³. В 1916 г., согласно ряду протоколов местных земств, заметно подскочила сумма кредитов, которую они вынуждены были брать через губернское земство и Земсоюзы на нужды больных, раненых и призванных служащих.

В конце концов, Валуйское земство в январе 1916 г. поинтересовалось у губернского собрания, нельзя ли принять тому на себя военные расходы уездных городов. В. Н. Томановский весьма неблагоприятно отнесся к этой идее, заявив, что Валуйская управа не представила конкретных требований. Когда выяснилось, что имелся в виду «сам принцип», он туманно ответил, что это слишком сложный вопрос: «Может быть лучше этот вопрос оставить на год открытым, это возможно...» Все же после настояний земцев было решено ходатайствовать перед правительством о взятии им на себя расходов на канцелярии учреждений, ведаю-

¹ Там же. Лл. 838, 842.

² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9839. Л. 221.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9836. Лл. 5-7.

щих выдачей казенных пайков¹. Это более чем скромное прошение на фоне постоянных ходатайств показывает, что губернское земство не было настроено активно защищать перед правительством благополучие местных управ – хотя в условиях войны на них, по сути, возлагались государственные функции. Томановский не поддержал и требований учредить общегубернскую кассу земских служащих, так как правительство все равно не хотело учреждать общеземскую кассу. Выступив в примирительном тоне («очевидно, что ходатайство земства не находится в безнадежном положении») он добился, чтобы требование было снято².

Итоги денежного кризиса 1916 г. точно установить нельзя, так как из-за революции отчет не был подготовлен, но известно, что поступления сильно упали. Итоговая сумма доходов земского бюджета составила в 1916 г. 1, 39 млн руб. Таким образом, если в 1915 г. недобор бюджета составил 25%, то в 1916 – 38%³.

Кроме того, повышение цен влекло за собой повышение расходов на содержание служащих. Земства оказались вынуждены регулярно увеличивать жалование работникам. 19 января 1915 г. земское собрание поручило управе улучшить материальное содержание служащих, для чего та созвала 23 июня их совещание. На сессии 19 сентября 1915 г. собрание увеличило им содержание, то же сделали и уездные земства, кроме Павловского и Бобровского. Прибавки были установлены пропорционально окладам: на 30% получающим до 50 руб., 25% – 50-100, 20% – 100-150, 15% – более 150 руб.⁴ При этом данная прибавка даже тогда была недостаточна, но, как писали земцы: «Все предполагали, что война будет иметь очень временный характер и что поэтому материальное напряжение будет иметь кратковременный характер»⁵. В итоге на январской сессии 1916 г. было одобрено постановление управы о начислении новых прибавок всем служащим кроме прислуги и уже пользующихся ими врачей. Прибавки высчитывались из срока служ-

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10083. Л. 80об.

² Там же. Л. 66об.

³ Журналы Воронежского губернского земского собрания сессии 16 января 1918 г. Воронеж, 1918. Л. 8.

⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9839. Л. 181.

⁵ Журналы Воронежского Губернского земского собрания очередной сессии 1916 года (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Воронеж, 1917. Л. 46об.

бы: по 10% оклада за каждые три года до достижения полуторного оклада жалования¹. Были также увеличены оклады инструкторам, зоотехникам и поставлен вопрос о прибавках агрономам. А 2 марта 1917 г. земское собрание приняло решение о повышении жалования служащим и членам управы с председателем. Вскоре пришли вести о революции, из-за чего новое собрание состоялось только 4 марта. Так начался новый период истории воронежского земства.

Из представленной информации можно сделать следующие выводы. Жизнь губернского земства в годы войны характеризуется двумя главными чертами. Во-первых, земства, традиционно бывшие посредниками между государством и обществом, особенно увеличили в годы войны эту роль. Они занимались как обеспечением народных нужд для минимизации военных тягот, так и поставкой имущества армии. В чрезвычайных обстоятельствах государство было вынуждено передать часть исполнительных функций земствам, стремясь использовать их технические возможности за отсутствием другого исполнительного аппарата на местах. Это означало оживление работы земств.

Но одновременно это означало и резко выросшую зависимость земства от государства. При этом выросшее значение земств не было тепло встречено со стороны последним. Самодержавие не собиралось закреплять это влияние, оказывать земству кадровую и даже лишнюю финансовую помощь, стремясь в целом сохранить старый порядок системы управления. Чисто практическая работа земств была вследствие этого осложнена. Преимущественно земцы были вынуждены выполнять свою работу на основе местных ресурсов и переданных из казны средств, которых регулярно не хватало. Остальное приходилось покрывать в основном займами. Таким образом, работа земского самоуправления, принявшего на себя функции государства, не была подкреплена ни юридически, ни практически. К концу 1916 г. бессилие земств, не имевших необходимого аппарата и полномочий, особенно ярко проявилось в реквизициях продовольствия. Это была одна из причин того, что власть не смогла победить революционный кризис. Взаи-

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Л. 130.

моотношения с другими органами власти, в первую очередь, губернаторами, надо рассматривать именно в такой связи.

Во-вторых, несмотря на военные трудности, в целом успешно продолжилась предшествующая работа земства по социально-хозяйственному развитию региона. Это было следствием напряженной работы земцев, которые в условиях постепенно прогрессирующего кризиса пытались сохранить основные достижения своей работы и даже увеличить их по мере сил. Вызванный войной спрос на промышленную продукцию и повышение благосостояния деревни в связи с мобилизацией ресурсов земств и прекращением экспорта зерна замедлили развитие кризиса в губернии, что вселило в земцев надежды на возможность сохранить темп культурно-хозяйственного развития. Однако период благосостояния был коротким. С затягиванием войны из-за уменьшения губернского сбора и недостатка займов наметилась угроза кризиса. Однако революционный взрыв грянул раньше, чем эта угроза осуществилась.

В заключение стоит упомянуть управленческий кризис, который отмечался в части уездных земств. Успехи губернского земства были во многом связаны с экономическим подъемом 1910-1913 гг., инерции которого хватило на два года войны. Однако развитие капитализма и обезземеливание дворянства постепенно входило в противоречие с цензовым, помещичьим характером земства, что позднее ярко проявилось в период революции. Это неизбежно приводило к оторванности земских органов от широких масс населения, что развивало среди земцев инертность и апатию.

В историографии хорошо известно, что к 1914 году вырождение цензовых земств из-за обезземеливания помещиков поставило местами вопрос о невозможности применения Положения 1890 г. Недобор гласных стал обыденностью. В 1904-1909 гг. в 48 из 322 уездов выборы не проводились из-за абсентеизма избирателей и недостатка кворума (2/3 от числа избирателей). Еще в 90 уездах число

избирателей практически совпало с числом гласных. Таким образом, в 42,8% уездах выборы были фиктивными¹.

Данные процессы не обошли и Воронежскую губернию, хотя и отразились в ней мягче. Здесь эта тенденция поставила под вопрос работу трех уездных земств. Корреспондент «Воронежского телеграфа» меланхолично писал: «Как свежая и близкая к нам иллюстрация полного вырождения земской избирательной организации, списки избирателей Бирюченского, Богучарского и Павловского уездов... дают весьма интересный материал». По его подсчетам, в Бирюче могло быть избрано максимум 49 избирателей (из них 15 – женщины с пассивным избирательным правом). Таким образом, из 34 человек избиралось 24 гласных. В Богучаре в избирательных списках насчитывалось 35 дворян и 7 неполноценных избирателей; из них 15 женщин. Таким образом, не более 21 чел. должны были избрать 19 гласных. В Павловском уезде все избирательное дворянское собрание состояло из 3 человек – а также еще 11 цензовых избирателей не-дворян, которые должны были еще избрать выборщиков из своей среды. Таким образом, 6-7 человек выбирали... 8 гласных, по существу, самих себя².

В реальности было и того сложнее. Вместо 8 дворян в Павловском земстве бывало по 1, из-за чего оно действовало «в половинном составе». По протоколам земства, в 1914-1915 гг. на его собраниях присутствовало не более 11 чел., не считая председателя, предводителя дворянства³. Несмотря на это, власти упорно препятствовали пропуску в земство не-дворян. Павловская дума написала даже жалобу, что земство препятствует прохождению в него кандидатов от города: «...цензовики редуют все больше и больше, а у нас и этих людей почему-то забывают внести в список и преграждают им путь быть представителями городского населения в Земском Собрании». Дума даже позволила себе смелые слова: «Мы знаем и чувствуем, что нашими устами говорит сама созревшая жизнь, что, быть

¹ Шутов А. Ю. Указ. соч. С. 329.

² Воронежский телеграф. 1916. 1 марта. №47.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9561. Л. 68.

может, мы стоим уже при дверях новой лучшей земской жизни, лучшей не только по составу избирателей»¹.

В итоге именно в этих, фиктивно избираемых земствах, работа была поставлена хуже всего. Проверив работу в Бирюча в конце 1915 г., ревизионная комиссия заявила: «...земское хозяйство ведется крайне плохо»². В 1914 г. Павловское земство регулярно спорило с собственным председателем, а также на него жаловалось население³. Из этого видно, что работа собрания настроила против себя даже предводителя дворянства.

Все эти противоречия между изменившимся положением и старой ролью земств объективно должны были вызвать конфликт. Нарастанию кризиса соответствовало и обострение недовольства со стороны либеральных элементов земств. В годы войны работа земств на нужды государства, привлечение к этому земской общественности действительно вовлекли в активную работу оппозиционных земцев. В современной историографии установлено, что это общая тенденция, однако ее масштабы нередко преувеличиваются. Так, стало распространяться мнение, что Земгор был важным центром земской оппозиции, сыграв большую роль в дискредитации самодержавия⁴. Данные утверждения применительно к Воронежской губернии можно отбросить. Единственная попытка комитета Союза городов объединиться с комитетом ВЗС на почве помощи раненым не встретила понимания последнего. Не только политическое, но и чисто практическое влияние обоих органов упало уже в 1915 г. из-за противодействия государства: «Правительство как раз в это время стало стеснять Союзы, и в конце концов получилось, что местные учреждения в деле помощи беженцам оторвались от Союзов, стали получать средства помимо их, от администрации, и перед ней отчитываться, уже без согла-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2274. Л. 55об.-57об.

² ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9836. Лл. 163-163об.

³ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9561. Л. 71; Д. 9836. Лл. 124-128.

⁴ Баринаева Е. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара, 2002. С. 287; Яковлев Н. Н. Последняя война старой России: Книга для учителя. М, 1994. С. 113-120; Пахалюк К. А. Крушение самодержавия в России: идеологические причины // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 46.

сованности с общим планом центральных органов Союзов»¹. Эти слова подтверждают мнение тех исследователей, которые считают, что в целом Земгор не имел серьезного влияния, превратившись после создания Особых совещаний в посредническую организацию². При этом О. Ю. Михалев, отмечая, что оба комитета состояли в основном из кадетов, полагает, что это позволило им увеличить авторитет: «Фактически объединенную либеральную оппозицию от полного контроля над местными органами власти отделяло только наличие царской губернской администрации». Однако он же отмечает, что никаких сведений об их оппозиционной политической деятельности не зафиксировано³.

Неоднозначное отношение земцев к оппозиции самодержавию иллюстрирует следующий факт – когда в губернском земском собрании обсуждался вопрос о присоединении к патриотической резолюции Земского съезда, просившего правительство о возобновлении работы Государственной думы и введении принципа смены лиц, собрание присоединилось к ней с перевесом всего в 5 голосов. Четверо гласных при этом нашли нужным записать в журнал свое мнение о том, что они не хотят присоединяться к части резолюции, в которой говорилось про «необходимость, для достижения победы, замены лиц, назначенных волею Государя»⁴. При двойственности поведения губернского земства, таким образом, лоялисты все же имели несомненное влияние.

Таким образом, за счет искусственно подобранного состава земств и строго контроля государства противоречия земства и государства носили характер деловых и не выливались в политическую борьбу. Это касается как местной, так и общероссийской ситуации. Оппозиционные настроения в условиях самодержавия, даже в случае преобладания их в земских органах, и не могли проявиться. Эта тенденция установилась еще после подавления революции 1905-1907 гг., когда

¹ Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского Союза Городов за 1914-1915 годы. Воронеж, 1915. С. 1-2.

² Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 42.

³ Михалев О. Ю. Воронежская организация конституционно-демократической партии. 1905-1917 гг.: Дисс... к. и. н. Воронеж, 2001. С. 248-250.

⁴ Журнал Воронежского губернского земского собрания от 19 сентября 1916 г. С. 6-7.

земства потеряли роль основы либерального движения, сосредоточившись на практической работе¹. В итоге, несмотря на выросшую активность и допуск к управлению, оппозиционные элементы ограничивались только хозяйственной сферой деятельности, до последнего не предпринимая попыток политической работы. В то же время так создавались предпосылки для взятия ими руководства в местных органах в ходе наступивших вскоре революционных событий.

Рассматривая работу земств в этот период, стоит прийти к выводу, что в ней ярко проявилась двойственность земских учреждений. С одной стороны, традиционно воспринимаемые бюрократией как органы государства, они действительно расширили свои функции, что вызывалось военными условиями. С другой, они не приобрели вытекающие из этих права, да и в целом их деятельность регулярно наталкивалась на финансовые или юридические ограничения. Подтверждается вывод исследователей, что земства не смогли проявить своих возможностей из-за политики самодержавия. Однако обращает на себя внимание, что губернское земство, занятое нуждами войны и расширением своего хозяйственного аппарата, практически не имело конфликтов с коронной администрацией. Это объяснялось накопленными в предвоенный период материальными ресурсами земства, поздним углублением кризиса в губернии, лояльной позицией многих гласных и резко выросшей зависимостью земства от казны. Во многом справедливы выводы советской историографической школы, которая расценивала земства больше как исполнительную привязку к самодержавию, лишённую, при всех хозяйственных успехах, самостоятельного значения². Хотя эта характеристика недооценивает объективную свободу и успехи земств в хозяйственно-культурных вопросах, в силу зависимости от государства земство действительно не могло выйти за эти пределы. И даже рост его роли, не подкреплённый на государственном уровне, не вы-

¹ Данный вывод следовал еще из работ Б. Б. Веселовского: Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: Дис. ... к. и. н. М., 2003. С. 10. См. также: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977; Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993.

² Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1959. С. 721-724; Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 43.

водил земство за рамки подчиненного правительству органа: без его помощи местное самоуправление было не в состоянии справиться¹. По справедливому выражению С. Букаловой, из земств не сложилось «системы, параллельной системе государственной власти»². Как будет показано далее, это имело большое значение в построении послефевральской системы управления, выстроенной во многом на основе земств, но не исключительно ими.

Данное заключение не противоречит как наличию традиционной либеральной оппозиции в земствах, так и расхождению их характера с характером государства и в целом самодержавия. Земства продолжали сохранять свой выборный характер и соответственно – двойственный характер отношений с государством: как органы государства и как органы общественного самоуправления. В итоге в них в той или иной мере сохранялась и оппозиция, хотя и политически пассивная. Несмотря на военную обстановку, требовавшую тесной связи с обществом и централизации, а также деградацию цензового земства, самодержавие не решалось пойти на реформирование земства и вливание их аппарата в государственный, сохраняя управленческий дуализм. Тем самым оно работало на рассогласование внутреннего управления в стране. Между тем реальная, пусть и чисто исполнительная роль земства заметно выросла, что независимо от желания земцев делало из него новую альтернативу управленческой администрации, более тесно, чем губернатор, связанную с населением. Эта рассогласованность сыграла немалую роль в создании в стране революционного кризиса и последующих событиях.

¹ Катков Г. М. Февральская революция. М., 1997. С. 21.

² Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно- управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Дис ... к. и. н. Орел, 2005. С. 177.

1. 3. Воронежская городская дума

История городского самоуправления – набирающая популярность, но еще малоизученная тема, которая до сих пор испытывает недостаток региональных исследований. Дореволюционная историография по этому вопросу относительно немногочисленна, равно как и советская, поэтому этот пробел восполняется медленно. Среди обобщающих работ существуют только сочинения В. А. Нардовой¹. Лишь в последние годы отмечается интерес к данному вопросу и появление региональных исследований. В частности, появился ряд работ по истории городского самоуправления в годы первой мировой². Однако исследования по истории воронежского самоуправления почти отсутствуют – основная информация на этот счет содержится в справочниках, популярных очерках и сборниках документов³. Положение изменилось после выхода фундаментальной монографии П. А. Попова, которая остается наиболее основательным трудом по этой теме⁴. Однако вопрос о деятельности думы в годы военного кризиса еще требует своего изучения.

Согласно Городовому положению 1892 г. формировалась дума на основе выборов от трех курий, численно неравных, но с равенством общих налоговых платежей, что давало им права право избирать одинаковое число гласных. Высокий имущественный ценз привел к тому, что в думу избирался лишь очень небольшой слой населения города, не выше нескольких процентов. Дума издавала постановления, составленные ее управляющим органом, управой – после разрешения губернатора. В своей деятельности дума подчинялась губернскому по земским и городским делам присутствию, осуществлявшему контролирующую функ-

¹ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984; Она же. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994.

² Чудаков О. В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы первой мировой войны (июль 1914 февраль 1917 гг.) // Вестник Омского университета. 2011. № 3(61). С. 146-154; Караваева И., Архипкин И. Финансы городского самоуправления Москвы в годы Первой мировой войны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013. № 5. С. 167-174.

³ См., например: Воронеж в документах и материалах/ Под ред. В. В. Кудиновой, В. П. Загорского. Воронеж, 1987.

⁴ Попов П.А. Городское самоуправление Воронежа. 1870-1918. Воронеж, 2006.

ции, а также губернатору, имевшему над ней достаточно сильный контроль¹. Таким образом, городское самоуправление имело примерно тот же двойственный характер по отношению к государству, как и земство. Однако насколько отличались эти отношения на деле?

Войну воронежская дума встретила не в лучшем состоянии. В течение двух сроков она работала над серьезными хозяйственными преобразованиями, что вызвало управленческие трудности. В самом конце июня 1914 г. после ряда проволочек городским головой был избран дворянин И. Т. Алисов, который и встретил в этой должности войну. Однако он быстро отказался от должности в связи с болезнью и на нее 4 мая 1915 г. был выбран предыдущий голова Н. В. Чмыхов, заслуженный деятель города, которого в случае отсутствия в городе замещал в основном член управы Г. А. Пуле. По правительственному решению перевыборы органов самоуправления были отложены до конца войны. Также накануне войны из МВД пришло разрешение выбирать пятого члена управы, ввиду расширения работы думы. Впоследствии по болезни из состава управы вышел В. В. Семенов и в ней остались В. И. Перелыгин, В. Г. Веселовский, П. Н. Иванов, В. Д. Мироненко и Г. А. Пуле. Число гласных, согласно Положению, составляло 72 чел.

Во время войны военные нужды стали первоочередными для городского самоуправления. После начала войны чрезвычайное думское собрание собралось 23 июля 1914 г. На нем была послана верноподданническая телеграмма царю и принято два доклада – о помощи армии и семьям призванных. В городской кассе на тот момент имелся запасной капитал в 20 880 руб. и свободная сумма в 7500 руб. Все эти средства сразу же были направлены на ликвидацию военных последствий². На этом же собрании дума постановила организовать врачебно-санитарную помощь армии и ассигновала на нее 10 тыс. руб. Осенью 1914 г. Воронеж вошел в распределительный эвакуопункт Курска для приема раненых.

¹ Щербаков С. В. Последствия городской реформы 1892 года для местного самоуправления // Вестник МГОУ. 2010. № 2. С. 17-19.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 302.

Для создания госпиталей была выделена исполнительная комиссия из 8 гласных. В августе под них был отведен ряд городских зданий и помещений: несколько училищ, приют для бедных женщин имени М. С. Ягуповой, казарма имени Н. Н. Раевского, Крестьянский банк, Николаевская женская прогимназия и др. В сентябре для временного размещения больных и раненых воинов был приспособлен даже зал думы, переоборудованный под госпиталь на 100 коек. 28 августа 1914 г. дума вынесла решение о вступлении в организовавшийся одновременно с ВЗС Всероссийский союз городов (ВСГ) и единогласно выбрала представителем в него И. Т. Алисова. Воронежский комитет Союза оформился в октябре, его председателем стал Н. В. Чмыхов. Позднее он разросся до 15 человек, но, как с сожалением писали гласные, из-за «охлаждения» членов к работе работал в половинном составе. Тем не менее, благодаря городским средствам и пожертвованиям комитет открыл 10 госпиталей на 1220 чел. (из 45 госпиталей города на 6833 чел.). При этом комитет ВСГ действовал без помощи губернского комитета ВЗС¹.

К осени 1916 г. стало понятно, что помещений уже не хватает. После обсуждения вопроса о постройке барачков в городе дума из-за недостатка средств постановила ходатайствовать о выделении на них средств ВСГ. Для лечения инфицированных было решено создать отдельную городскую инфекционную больницу. В 1915-1916 гг. под нее была приспособлена «усадьба на Лоску», приобретенная у наследников мещанина А. П. Рыжкова. Для больницы строился и ряд помещений, включая деревянные бараки на кирпичном основании. Здание обычной больницы было передано земству для открытия холерного отделения².

Санитарным нуждам города тоже было уделено внимание. Воронежу было ассигновано по ходатайству Чмыхова 18 тыс. руб. на создание дополнительного ассенизационного обоза. Его управа приобрела в Харькове за 3,8 тыс. руб. (16 бочек, 32 лошади и новый пневмонасос). Тогда же был сделан заказ на 20 бочек мо-

¹ Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского союза городов за 1914-1915 годы. Воронеж, 1915. С. 1-2.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 186.

сковской фирме¹. В конце 1914 г. решено было построить прачечную для нужд больных и раненых. Совместных сумм думы и ВСГ в 24,5 тыс. руб. не хватило, смета быстро разрослась и потребовала затрат в 60 тыс.² Положение облегчил гласный Н. А. Ключков, который продал здание своей фабрики на выгодных для города условиях – за 30 тыс. и в рассрочку. В 1916 г. для прачечной пришлось закупить новое оборудование.

Также дума занималась выдачей пособий семьям призванных. 23 июля 1914 г. думцы признали недостаточным размер казенного пособия (около 2 руб. в месяц на человека) и ассигновали на дополнительные выплаты 10 тыс. руб. Для помощи управе в распределении пособий была избрана исполнительная комиссия в составе 19 чел., расширенная ее в августе до 29. Всего с 26 июля 1914 г. по 5 февраля 1915 г. были выданы пособия 1199 семьям общей суммой 24 415 руб. 80 коп. Число призванных росло и к концу 1915 г. ежемесячная сумма выплат достигла 7 тыс. руб. Для пополнения фонда был введен ряд сборов и налогов. В 1914 г. учреждены процентные отчисления с окладов городских служащих, в 1915 г. – введено обложение в 30% с домовладений, на 20% увеличена такса за водопровод³. От банков и организаций к 1 ноября 1916 года поступило еще 70,56 тыс. руб. Однако общая сумма все равно была потрачена с перерасходом в 24 384 руб. Некоторые гласные предложили прибегнуть к займам, но после выступлений гласных Юхневича и Ключкова дума увеличила таксу на водопровод на 50% и повысила с 1 января 1917 г. сборы за пользование электричеством и сточными трубами⁴.

Кроме того, дума занималась обеспечением и своих собственных служащих. Некоторые из них были мобилизованы и отправлены на фронт. Решением думы они были признаны оставленными на службе и за ними были сохранены их прежние заработки. С увеличением дороговизны думцам пришлось регулярно повышать заработки своим служащим, которые регулярно подавали ходатайства об этом. 16 декабря 1916 г. дума постановила выдать на дополнительные выплаты 28

¹ Там же. С. 306-308.

² Воронежский телеграф. 1915. 13 марта. №59.

³ Попов П. А. Указ. соч. С. 310.

⁴ Воронежский телеграф. 1916. 16 декабря. №274.

постоянным служащим 889 руб. 50 коп., хотя и отказала 36 временным¹. В дальнейшем к этому вопросу приходилось неоднократно возвращаться².

На плечи города легла и помощь военным частям, переведенным в Воронеж. К 1916 г. в городе находились: 58-й пехотный полк, штаб 8-й пехотной бригады, 66-я ополченская бригада, 1-я бригада кавзапаса, управление конского запаса, 681-я и 682-я Воронежские пешие дружины, окружной эвакуопункт, ремонтное отделение лошадей артиллерии и ряд военных канцелярий. Несколько зданий были переделаны под казармы. Всего в 1915 г. расходы на войска составили 244.611 руб. 90 коп., из них доплата города – 115.127 руб. 40 коп. На 1916 г. планировалось 445.523 руб. 40 коп., из них доплата – 238.496 руб. 90 коп.³ В связи с войной дума пыталась привлечь в город военную промышленность, надеясь на «пользу для развития города, для заработков рабочих, для пополнения городского бюджета». Благодаря этому Главное артиллерийское управление запланировало постройку в Воронеже кабельного завода и завода взрывателей. Проект предусматривал получение городских земель, постройку водопровода и узловой станции⁴. Хотя строительство было начато, в целом эти планы остались нереализованными.

Но наиболее важным в те годы для города был вопрос снабжения города, в первую очередь – продовольствием и топливом. В связи с военным подорожанием уже 28 августа 1914 г. дума установила твердые цены на хлеб. После совещания с губернатором в сентябре 1914 г. по Воронежу были установлены новые цены на хлеб и мясо на срок с 1-го сентября до 1-го марта 1915 года. Дороговизна стала расти на все предметы, однако по городовому положению 1892 г. думы имели право на установление такс только на хлеб и мясо, к тому же менять их можно было только через три года. Тем не менее, уже в ноябре 1914 г. была увеличена такса на мясо, а вскоре и на хлеб. Эти изменения были легализованы постановлениями губернатора⁵. К тому времени в Воронеже вместе с уездом цены по срав-

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3007. Л. 15.

² Воронежский телеграф. 1916. 18 октября. №227.

³ Попов П. А. Указ. соч. С. 304.

⁴ Там же. С. 315.

⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2237. Л. 50.

нению с довоенными выросли: на муку ржаную – 50%, первач первый – 50%, печеный хлеб – 20%, белый – 10%, пшено 40%, гречневая крупа 80%, мясо – 35%, сахар – 12%, спички – 91,5%, масло постное – 27%, овес – 70-80%, керосин – 90%¹. В последующем в Воронеже в течение всей войны регулировались таксы лишь на хлеб и мясо, а также на некоторые непродовольственные товары – воду, дрова и т. п. Также в августе 1916 г. по ходатайству думы пришлось обсуждать вопрос об изменении и закона 1891 г. о нормах продажи продовольствия, однако обсуждение ни к чему не привело².

Практика отдельных такс, как было показано, оказалась малоэффективной. В 1915 г. таксы также постоянно повышались. 19 января дума 15 голосами против 9 была вынуждена удовлетворить ходатайство хлебопеков о повышении таксы, что вызвало в городе неудовольствие³. На деле торговцы таксы все равно упорно не соблюдали⁴. Они не без резона указывали на подорожание скота и муки, что вынуждало увеличивать цены, и в итоге заставляло и думу идти на поводу рынка. Вдобавок реакция думы постоянно отставала от темпов подорожания.

Стоит для понимания сложности и противоречивости этого процесса внимательней рассмотреть действия думы весной 1915 года. 2 апреля по распоряжению губернатора дума рассматривала вопрос об установлении новых такс на мясо с разбивкой их по сортам. После долгих прений был утвержден проект мясной комиссии: 20 коп. за фунт мяса 1-го сорта, 18 коп. – 2-го и 15 – 3-го⁵. Заседание комиссии по пересмотру таксы на хлеб и мясо состоялось 18 мая 1915 г. Председательствовал на нем член управы, глава продкомиссии М. Н. Литвинов, присутствовали также городской голова Чмыхов и ряд гласных. Несмотря на заявку, первый день заседания был полностью посвящен рассмотрению постановления от 2 апреля о выработке «действительного надзора за правильным исполнением таксы», которого, очевидно, просто не было. Было постановлено просить полицмей-

¹ Там же. Лл. 28-28об.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2288. Л. 6.

³ Воронежский телеграф. 1915. 22 января. №17.

⁴ Воронежский день. 1915. 15 апреля. №25; 7 мая. №43.

⁵ Воронежский телеграф. 1915. 5 апреля. №73.

стера усилить надзор за продажей с помощью полиции, со своей стороны следить за этим с помощью торговых депутатов, а также пригласить на службу 5 базарных старост, по одному на рынок. Спустя два дня рассматривался собственно вопрос о таксах, так как цены на муку выросли с 3 до 3,37 коп. за фунт. После долгих подсчетов думе рекомендовали таксу на хлеб: ржаной – 3,5 коп, «семинарский» – 4,5 коп., пшеничный – 6. 23 мая аналогичные подсчеты были произведены по мясу, думе предложили утвердить таксу в 24 коп. за фунт для мяса 1-го сорта, 19 – 2-го и 16 – 3-го. Это было ровно на копейку меньше, чем хотели сами торговцы.

26 мая вопрос рассматривался на заседании городской думы. Предложения комиссии прошли, за исключением идеи установления надзора базарных старост, которая была заблокирована по инициативе гласных-купцов со спорной формулировкой: «За дешевое жалование нельзя нанять людей, которые блюли бы общие интересы, а дорогое город платить не в состоянии»¹. Вопрос решили поручить выбранной комиссии. Фактически наблюдение за торговлей так и не было организовано. Созданная торговая полиция из числа двух депутатов в основном бездействовала, из-за чего гласный Веселовский даже назвал ее «богадельней»².

Просьба Литвинова об отпуске управой 30-50 тыс. р. на закупку хлеба была после долгих прений тоже передана в комиссию. Проект таксы был передан губернатору, но тот созвал комиссию повторно для проверки расчетов. Собралась она только 19 июля и оставила прежние таксы, так как цены успели понизиться³. Несколько месяцев работы не дали никаких серьезных результатов на практике.

С лета 1915 г. продовольственное положение начало особенно ухудшаться. К тому же в Воронеже действовало постановление думы от 1891 г., ограничившее торговлю мясом и молочными продуктами в базарные дни 11 часами, но из-за несоблюдения надзора оно фактически не исполнялось⁴. После принятых в январе 1916 г. мер перекупщики просто стали покупать товар за чертой города⁵. Тогда

¹ Воронежский день. 1915. 28 мая. №58.

² Воронежский телеграф. 1916. 22 апреля. №85.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2223. Лл. 36-37.

⁴ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2207. Л. 159.

⁵ Там же. Л. 215.

дума издала 20 января 1916 года постановление о запрете на покупку мяса армией и на торговлю мясом по определенным числам Поста, а также было решено ходатайствовать перед властями об учреждении комитета распределения мяса в губернии¹. Однако губернатор запретил эти постановления как незаконные. Все это показывало, что продовольственная ситуация все больше выходит из-под контроля думы, при отсутствии у нее средств борьбы с дороговизной.

Все это привело к тому, что население стало возлагать вину за дороговизну на гласных-торговцев думы, да и саму думу, будто бы не желающую закупать муку². Как было отмечено выше, все было значительно сложнее. В думских органах избранные торговцы-гласные действительно играли традиционно очень большую роль. Исследовавший вопрос П. Попов показал, что в Воронежской думе существовали «буржуазная» (по его определению) партия, состоящая из «купечества с его твердыми частновладельческими убеждениями» и «партия интеллигенции». Обе делили друг с другом управление и завуалировано конкурировали. Перед войной последние два срока 1905-1917 гг. благодаря обновлению состава на пере-выборах численно доминировала «партия интеллигенции»³. Однако по протоколам видно, что на собраниях все еще довольно четко вырисовывалось «рыночное» лобби из купцов. Это были прежде всего гласные Н. А. Клочков, А. Н. Безруков, И. В. Мещеряков, примыкал к ним и владелец фабрики А. У. Юхневич. Все они неоднократно, прямо или завуалировано, выступали с защитой принципов свободной торговли по самым разным поводам. При этом Клочков, старейший гласный, бывший голова, имевший огромное влияние, придерживался «компромиссной» тактики, уступая нуждам города, но, как правило, учитывая и интересы торговцев – например, выступал против такс на мясо, утверждая, что они неэффективны. Все это, конечно, провоцировало конфликты в среде гласных. Например, после одного из таких выступлений Безрукова, который по традиции возлагал ви-

¹ Там же. Л. 167.

² ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2085. Лл. 14.

³ Попов П.А. Указ. соч. С. 56-57, 116, 209.

ну за дороговизну на «непрактичность» управы, развернулась перепалка, из которой выяснилось, что он сам спекулирует мукой¹.

И все же, хотя противодействие торговцев имело немалое значение, надо разделять влияние гласных-торговцев и реально сложившуюся ситуацию, в которой оказалась дума. Не имея средств для воздействия на торговцев или хотя бы контроля за их деятельностью, она была вынуждена уступать им под действием сложившейся экономической ситуации, в которой дороговизна постоянно опережала их действия. Как справедливо отметил Попов: «Ситуация в Воронеже прекрасно показывает, что бороться надо в первую очередь с причинами кризиса, а не с его последствиями, будь то инфляция или голод»².

Попытки сопротивления «стихии рынка» ни к чему не привели. Конфликт с мясоторговцами вылился в сентябре в законопроект об учреждении городского комитета по распределению мяса, так как торговцы либо саботировали цены, либо просто переходили в пригороды, где таксы власти установить не решились – ввиду формального неподчинения пригородов городу. После острых прений проект был передан на рассмотрение продкомиссии, где он, видимо, и заглох³.

Для решения продовольственного кризиса городские органы пошли по единственно возможному для них пути – самостоятельной закупке товаров с продажей их населению по закупочным ценам. Вся эта деятельность проводилась продовольственной комиссией думы и тесно координировалась с уполномоченными. Зерно получалось из фондов уполномоченного по продовольственному делу и уполномоченного по закупке хлеба для армии⁴, а деньги брались в основном из займов, выданных банками. Так, в апреле 1915 г. решено было просить о займе у правительства для покупки продовольствия на 200 тыс. руб. (разрешено в итоге 100 тыс.) и заняты 50 тыс. в частных банках на закупку 25 вагонов ржи, 1 вагона сахара и 5 соли⁵. В октябре 1915 г. было решено закупить уже 100 вагонов пше-

¹ Воронежский телеграф. 1916. 7 сентября. №196.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 311.

³ Воронежский телеграф. 1916. 7 сентября. №196.

⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2215. Л. 1.

⁵ Попов П. А. Указ. соч. С. 312.

ницы и 100 ржи, 30 вагонов соли. Волжско-Камским банком была выдана ссуда в 13,5 тыс. руб. Голове было поручено переговорить с мельницами о помоле муки¹.

В связи с распространением идей о регламентации торговли 13 ноября губернатор провел собрание, на котором высказал мысль об организации при думе учреждения для руководства кооперативной работой, «могущее пользоваться кредитом и доверием со стороны Правительства». На следующий день продкомиссия управы решила развить идею и создать для руководства всей работой по снабжению городской продовольственный комитет, в который входили бы представители кооперативов². Но эта инициатива не удалась: дума не имела согласно законодательству таких полномочий. Работа по созданию кооперативов шла вне продкомиссии, которая была вынуждена бросить все силы на закупку продовольствия. Да и губернатор не проявлял последовательности в поддержке кооперативов: к тому времени организационным центром кооперативов губернии была губернская касса мелкого кредита, которой была предпринята и попытка создания Общества оптовых закупок, однако губернатор не утвердил его устав³.

К 1 января 1916 г. управой было закуплено 176 вагонов пшеницы, 54 ржи и 12 сахара, для чего пришлось просить у главного уполномоченного внеочередные вагоны⁴. К 1 февраля было получено 170,22 тыс. пудов пшеницы⁵. Были организованы три продлавки, в которых продавались хлеб и сахар, заключены договоры с пятью пекарнями, по которым они продавали хлеб по цене ниже таксы на 10 коп.⁶

Однако продовольственная ситуация продолжала ухудшаться. Новым средством экономической регуляции стали карточки. К этому решению дума пришла в июне 1916 г. Проведенная в октябре перепись в городе и пригородах учла 21.112

¹ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3108. Лл. 1, 4, 10.

² Там же. Лл. 5-6.

³ Солодовникова Т. Н. Сельская кооперативная потребительская кооперация Центрального Черноземья в условиях военного времени (1914 – 1917) // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8. № 1. С. 75.

⁴ Воронежский телеграф. 1916. 3 января. №2.

⁵ Воронежский телеграф. 1916. 9 февраля. №32.

⁶ Воронежский телеграф. 1916. 11 марта. №56; ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 3108. Лл. 11-13.

жилых квартир и свыше 167 тыс. человек. Цена на муку была установлена по 9 коп. за фунт без мешка. На карточку отпускалось 10 фунтов муки или печеный хлеб по 3 фунта на человека в день, а также 5 фунтов сахара в месяц. Особым постановлением продкомиссии от 25 июля 1916 г. была определена норма довольствия мясом в 16 золотников в день¹. Служащие города получали талоны на мясо 2 раза в неделю, от 5 фунтов на человека, с платой 25 коп. за фунт². В июне 1916 г. появляется такса и на сахар (17 коп. за фунт) установленная вначале в Воронежском, Валуйском и Нижнедевицком уездах, но нацеленная на распространение по всей губернии³. На совещании с участием губернатора было решено отпускать Воронежу 9 тыс. пуд. сахара в месяц, передавая их, кроме городских лавок, 15 торговцам⁴. В октябре появились карточки на керосин, для чего пришлось обращаться в правительственный комитет по керосину⁵.

Однако ресурсы думы были ограничены и могли лишь смягчить ситуацию. К концу 1916 г. рост цен в Воронеже по сравнению с довоенными составил: хлеб ржаной – 160%, белый – 186%, пшено – 250%, дрова – 150%, картофель – 243%⁶. Осенью 1916 г. губерния столкнулась с недостатком товаров вообще: на ряде мельниц производство сократилось из-за недостатка топлива или нежелания продавцов привозить хлеб, а некоторые из них были мобилизованы на армию⁷. С введением «мясопустных дней» и истощением запасов из ряда магазинов исчезло мясо. Пропало сырье для маслобоек, а с ним и они сами – из 42 заводов закрылось 23⁸. К концу года торговля хлебом на воронежской бирже почти не велась⁹.

31 октября 1916 г. продовольственный вопрос обсуждался в думе. Уполномоченный по сбору продовольствия не решился выдать 100 тыс. пудов хлеба го-

¹ Вестник Воронежского уездного земства. 1916. 17 июня. №11. С. 19

² Воронежский телеграф. 1916. 1 июня. №116.

³ Вестник Воронежского уездного земства. 1916. 17 июня. №11. С. 12.

⁴ Воронежский телеграф. 1916. 24 июня. №136.

⁵ Попов П. А. Указ. соч. С. 314.

⁶ Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1916 года (28 февраля – 4 марта 1917 г.). С. 46-47.

⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1252. Лл. 208-215; Воронежский телеграф. 1916. 5 октября. №216.

⁸ Воронежский телеграф. 1916. 11 ноября. №247.

⁹ Там же. 1916. 31 декабря. №284.

роду, но разрешил закупить его на мельнице 1-го товарищества и купить или реквизировать еще столько же «по добровольному соглашению». На мельнице удалось достать только 74 тыс. пудов, когда думе нужно было еще 300 тыс.¹ С мельницей 1-го товарищества был заключен контракт на 100 тыс. пудов хлеба, однако в ноябре он был расторгнут, т. к. товарищество продавало муку частникам, а городу поставляло настолько плохой хлеб, что однажды покупатели чуть не разгромили лавку, разбив буханками стекла². Управа подала на поставщика в суд и сообщила об инциденте губернатору, чтобы он принял репрессивные меры.

Для закупки и реквизиции хлеба управой были посланы уполномоченные по окрестностям, которые нашли запасы пшеницы, но «по добровольному соглашению» им удалось приобрести очень мало; «путь же реквизиции оказался для городского управления недоступным». Основной хлеб управа в итоге получила благодаря уполномоченным. В начале декабря 1916 г. управа опять просила у уполномоченного Вансовича содействия в выдаче 200 тыс. пудов хлеба и на сей раз тот ответил согласием. Уполномоченный Шуринов по просьбе думы, просившей отпускать по 22 вагона ржаной муки еженедельно, тоже отправил наряды на мельницы. 1 декабря продкомиссия управы, заслушав доклад уполномоченного об отпуске городу 6 вагонов муки, «ввиду создавшегося острого положения» приняла ее, хотя часть муки была уже явно несвежей³.

Таким образом управа смогла закупить 232.101 пуд пшеницы. Из них лишь 53.060 $\frac{1}{2}$ пудов поступили для помола, а остальное количество лишь ожидалось к прибытию. Управа подсчитала: «если же прекратить выдачу муки пекарям, то они должны будут (у кого нет запасов) перейти на выработку черного хлеба, но зато можно будет продолжать выдачу пшеничной муки населению в течение четырех месяцев по 5 ф. на порцию». Запасов ржаной муки хватало на месяц, но управа желала обеспечить запас месяцев на 5 из ежемесячного расчета 250 тыс. пуд. Для этого решено было взять кредит в банках.

¹ Там же. 1916. 2 ноября. №239.

² Там же. 1916. 11 ноября. №247.

³ ГАВО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 11. Лл. 1-9.

Проблемы затора на железных дорогах и рост дороговизны этим не решались. На заседании 11 января 1917 г. откровенно стал понятен, по словам А. И. Юхневича, «тупик» продовольственного положения. Гласные обсуждали уже не то, как выйти из него, а у кого просить помощи: уполномоченных, губернатора или самого правительства. Решено было ограничиться губернатором, для чего к нему была отправлена депутация, которая должна была доложить о положении в городе. В заключение собрание утвердило очередное повышение таксы на хлеб до 5 ½ коп.¹ На следующем же заседании такса была еще раз повышена: ржаной хлеб – до 6 коп., мясо 1-го сорта – до 45 коп., 2-го – до 42 и 3-го до 39. Зато такса на белый хлеб отменялась – ввиду отсутствия его в городе².

Фактически рынок перестал подчиняться контролю и на нем установилось положение прогрессирующего дефицита. В начале 1917 года с воронежских рынков стали исчезать калоши, нитки, масло. На городском рынке приезжие крестьяне регулярно продавали хлеб и прочие товары по огромным ценам – вплоть до 20-30 коп. за фунт ситного хлеба, а в лавках он же продавался по 25³. В начале 1917 года губернатором было спущено постановление министра торговли о введении предельных цен на ткани. Думой он был признан «довольно сложным» и передан в комиссию по благоустройству города⁴.

Аналогичная ситуация сложилась и в топливном вопросе, который стал накануне революции вторым по важности, тем более, что кроме города на думу легла забота о снабжении дровами гарнизона. Действия местных органов координировал уполномоченный Особого совещания по топливу, которым был губернатор, однако он имел только распределительные функции, т. к. общий план спускался из столицы. По плану разверстки в 1916 г. нужды Воронежской губернии удовлетворялись лишь на 44%: даже предприятия первых трех категорий, работавших на оборону, получили 81-73%⁵. Попытки городской думы самостоятельно добыть

¹ Воронежский телеграф. 1917. 6 января. №4.

² Там же. 1917. 13 января. №10.

³ Там же. 1917. 17 января. №13.

⁴ Там же. 1917. 18 февраля. №38

⁵ Там же. 1916. 28 февраля. №45.

уголь завершились неудачей, так как угольные общества в большинстве ответили отказом. В итоге 1916 год был встречен при остром недостатке антрацита. К этому прибавился и кризис дорог, из-за чего снабжение города углем на деле стало еще меньше. Осень 1916 г. город встретил без запасов угля, вместо которого пришлось выдавать антрацитный «орешник» с сильной примесью мусора¹. Дрова для воинских помещений еще не начали добывать, тем более что для этого требовалось внести залог в казну в 160 тыс. руб., а потом найти еще 384 тыс. на их разработку. Средства пришлось просить у распорядительного комитета².

5 сентября 1916 г. дума обсуждала вопрос заготовки дров в Графском лесничестве, для чего был нужен заём в 200 тыс. руб. Решено было продавать дрова в частных складах на комиссионных началах, так как строительство своих складов, по уверениям Ключкова, вызвало бы удорожание дров³. Обсуждался и вопрос о дороговизне извозчиков, из-за чего многие жители пригородов не могли доставить дрова. Но вместо таксы на ломовой извоз гласные, пошедшие на поводу у купечества, решили поставлять дрова прямо на дом. Для этого решено было задействовать обоз земства из 36 лошадей или три автомобиля, которые еще надо было где-то достать – план в итоге был передан топливной комиссии и, судя по всему, так и не осуществлен.

Топливный вопрос обсуждался и на заседании 31 января 1917 г. Губернатор обратился к голове с предложением принять «самые решительные меры к обеспечению» жителей топливом из близлежащих лесных дач. По подсчетам управы, ежегодное потребление города составляло 13 млн пудов дров или 40-45 тыс. куб. саж., из которых около половины могли бы обеспечить частные торговцы. Городскому самоуправлению оставалось поставить 8 млн, из которых налицо было около половины, а для оставшихся надо было получить разрешение на разработку Графского и Углянского лесных участков. Управа постановила командировать в Харьков своего уполномоченного: «1. Поручить управе установить совместно с

¹ Воронежский телеграф. 1916. 5 октября. №216.

² Воронежский телеграф. 1916. 2 ноября. №239.

³ Воронежский телеграф. 1916. 8 сентября. №197.

администрацией ж[елезной] д[ороги] плановую перевозку дров. 2. Поручить управе пригласить уполномоченного по надзору за перевозкой. 3. Управе возбудить ходатайство об установлении в пригородных селах повинности по поставке дров в город. 4. Одобрить план обеспечения топливом, возбудить ходатайство об отводе 310 дес[ятин] леса. 5. Деньги на оплату китайцев взять из сумм, отпущенных правительством на заготовку дров для воинских помещений»¹.

При обсуждении вопроса о доставке опять развернулись споры о введении гужевой повинности – доставки дров крестьянами пригородов. Некоторые гласные энергично протестовали, назвав проект «крепостным правом». В заключение было решено заявить губернатору, что «если обещание железной дороги о предоставлении вагонов не будет приведено в исполнение, то городское самоуправление слагает с себя ответственность в обеспечении населения дровами»². Правда, подсчеты показали, что 13 млн пудов давали в среднем 53 вагона в день, тогда как дорога с трудом справлялась с 15-ю, а значит не было смысла ждать улучшения³.

Противоборство части думы, которая упорно блокировала мобилизационные предприятия, дорого далось снабжению города. Губернатор 10 февраля с раздражением приказал открыть новые склады дров – то есть, сделать то, что обсуждалось думой еще в сентябре. Также он потребовал начать наконец заготовку дров. Управа ответила, что работа только началась, лес занесен снегом, вблизи него нет жилья для рабочих, да и самих рабочих не набрано из-за спроса на рабочую силу и отсутствия военнопленных, занятых расчисткой путей. Склады управа обещала открыть, но прибавила, что 1200 куб. саж. дров в городском лесу предназначены исключительно для воинских помещений. В конфликт внезапно вмешался и уполномоченный по древесному топливу Хомутов, который тоже счел себя вправе требовать от управы заготовить дрова. Это вызывало возмущение гласных, которые жаловались, что город один бессилен. Пуле предложил думе

¹ Воронежский телеграф. 1917. 2 февраля. №27.

² Воронежский телеграф. 1917. 4 февраля. №28.

³ Воронежский телеграф. 1917. 18 февраля. №38.

обратиться к председателю Особого совещания по топливу с ходатайством о содействии, и в частности, – о предоставлении права на заготовку в казенном лесу¹.

Что же до гужевой повинности, то после долгих прений 15 голосами против 12 она все-таки была утверждена. Интересно, что даже после этого повинность не коснулась главных владельцев лошадей – помещиков: «Гласный Н. Г. Пихтовников указал думе, что справедливость требовала бы распространить подвозную повинность и на землевладельцев. Но на это предложение никто из гласных почему-то не откликнулся и оно осталось открытым»².

Все это происходило на фоне тяжелого экономического и финансового кризиса города, который постиг Воронеж в первый же год войны. По смете 1914 г. превышение расходов воронежской думы составило почти 300 тыс. руб., несмотря на то, что усилиями финансовой комиссии дефицит был устранен. В 1915 г. покрыть дефицит предыдущего года удалось только частично, для чего были использованы поступившие недоимки в сумме 55,3 тыс. Смету же на 1915 г. управа представила на утверждение лишь в июне. Как отметил корреспондент, уставшие от споров гласные приняли ее второпях: «Видно было, что торопились покончить с запоздавшей сметой». Планировался бюджет в размере 3,745 млн руб. – увеличение более чем в два раза. При этом в открытую говорилось о неизбежности крупного дефицита (по плану – в 272 тыс. руб.), который решено было решить займом. Этот дефицит в 1916 г. оказался превышен более чем вдвое и составил 605,5 тыс. руб. После принятия сметы на 1915 г. дума, по предложению финансовой комиссии, ходатайствовала перед правительством о 4-летней отсрочке уплаты долгов по ссудам из казны и Госбанка и 2-летней отсрочке Главному управлению квартирного довольствия войск в 10.655 р. 22 к. Также в попытках поправить финансы дума предложила государству взять на себя расходы на полицию, пересмотреть воинские оклады, дать думе право на новые сборы и пересмотреть городское Положение, выделив город в отдельную земскую единицу, чтобы выйти

¹ Воронежский телеграф. 1917. 18 февраля. №38.

² Воронежский телеграф. 1917. 17 февраля. №37.

из-под земского налогообложения¹. Г. А. Пуле писал, что из-за расходов на военные нужды «в будущем в течение целых десятков лет городское хозяйство будет в состоянии крайнего упадка». Эти ходатайства, особенно в части права на дополнительные сборы и налоги, будут продолжаться всю войну – и будут также упорно игнорироваться правительством. Более того, городу пришлось потратиться на новую, 4-ю полицейскую часть города в районе храма св. Владимира².

Чтобы решить финансовый кризис, думе пришлось регулярно обращаться с ходатайствами к Земгору, банкам, военному ведомству, правительству, а также увеличить все доступные налоги. Был введен 30%-ный налог на большинство домовладений, все разрешенные законом сборы доведены до высшего размера. Было удовлетворено ходатайство о разрешении городу займа на те же цели в размере 42 тыс. руб., а в расчете на погашение увеличена такса на водопровод на 20%³. В 1916-1917 гг. на собраниях думы и управы были составлены ходатайства о новых займах – в 50, а затем 180 тыс. руб. Воронеж также просил правительство о выдаче безвозвратного пособия на 238, 5 тыс. р. на военные расходы⁴. Дума даже пошла на авантюристический шаг – 27 июня 1916 г. она решила объединить все долги города в один облигационный заём на 47 лет с выплатой 5, 5% с изданием купонов «на английском и французском» (газеты иронически рекомендовали на это выпустить облигации еще и на японском). Сумма его составляла 5, 174 млн руб. Потом было решено добавить 4 млн руб. на постройку канализации. При этом заём не включал в себя большинство других долгов – общая сумма их составляла 11 млн руб.⁵ В целом в годы войны вся практика города оказалась построена на политике займов, что грозило городу невыполнимыми долгами.

Кризис перечеркнул надежды думы на улучшение города. Воронеж и раньше не мог похвастаться благоустроенностью, но во время войны инфраструктура его еще больше пришла в упадок. Городские помещения ветшали, ряд училищ и

¹ Воронежский день. 1915. 29 мая. №60.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 304-305, 311.

³ Там же. С. 301-304.

⁴ Воронежский телеграф. 1916. 11 марта. №56.

⁵ Воронежский телеграф. 1916. 29 июня. №140.

домов был отдан под военные учреждения, половина города осталась без электроосвещения, большинство улиц без мостовых, водопровод обслуживал только часть домов, трамвай, несмотря на титанические усилия, запустить не удалось, из-за чего ограничились конкой. Мостовые чинились плохо, не помогло и учреждение «мостовой комиссии». Дошло до того, что в конце 1916 г. дороги заваливали золой и перегоревшим углем¹. Население выросло с 83 до 126 тыс. человек. Все это грозило вспышками эпидемий, но средств против этого у города не было.

В этих условиях управе приходилось прилагать огромные усилия для достижения самого необходимого. Еще в марте 1916 г. было решено построить центральный водопровод, но это так и не удалось сделать. Вместо двух электронасосов пришлось ограничить покупкой одного². Успешнее шло создание водонапорной башни на 100 тыс. ведер. Ее действительно построили, но ввели в строй уже в 1920-е гг. После множества усилий удалось в 1915 г. выкупить электростанцию фирмы «Сименс и Гальске»³. Очень долго решался вопрос о канализации. В распоряжении города были лишь старые сточные трубы, арендуемые у С. И. Попова, и ассенизационный обоз, увеличившийся за время войны втрое, но все еще не справляющийся с нагрузкой⁴. К тому же он втайне от полиции упорно выливал нечистоты прямо в жилых кварталах и пригородах⁵. Гласные никак не могли решить, что им делать с канализацией. Так, на заседании 2 апреля 1915 г. было решено устроить коллектор для нечистот в северной части города стоимостью в 60 тыс. рублей и разделить свалочные места в городе для засыпания их известью⁶. Регулярные прошения правительству остались без удовлетворения, хотя дума писала, что необходимо, в целях предупреждения заболеваний, «немедленное канализирование переполненных помещений»⁷. Лишь в июне 1916 г., губернское присутствие передало прошение в МВД. Между тем еще 25 февраля 1916 г. упра-

¹ Воронежский телеграф. 1916. 22 октября. №231.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2275. Лл. 62-63.

³ Попов П. А. Указ. соч. С. 317.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2296. Л. 1.

⁵ Воронежский телеграф. 1916. 27 ноября. №259.

⁶ Воронежский телеграф. 1915. 5 апреля. №73.

⁷ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2296. Л. 1.

ва выкупила сточные трубы за те же 60 тыс. руб., взяв обязательство хозяина за свой счет заменить деревянные трубы на гончарные и подсоединить к канализации ряд общественных зданий. Это было сделано как раз к марту 1917 года¹.

Кроме бюрократических преград и недостатка ресурсов работа думы буксовала из-за конфликтов среди гласных. Главным образом это были споры «интеллигенции» и «торговцев». Но были и другие, например, между составом думы и ее управой. При обсуждении сметы на 1915 г. гласные удивлялись пренебрежению управы к ним и возмущались, что управой делались перерасходы, на которые задним числом просится утверждение. Голове Чмыхову пришлось оправдываться, что расходы оказались больше расчетов. Пуле вообще заявил, что он «не обязан давать объяснения, так как заведует он этим делом недавно, не он и смету составлял». На это гласный М. Н. Литвинов заявил, что виновата система города, где «правая рука не ведает левую»². Литвинов вообще часто конфликтовал с управой, обвиняя ее в оторванности от населения: «В прошлом году в деятельности городского самоуправления, кроме отрицательного, ничего найти нельзя... Что-то строят, но ни члены комиссии фактического контроля, ни я, заместитель председателя комиссии, не знаем, что строят. Городская управа не извещает. Царит до-реформенный порядок. У комиссии руки отпадают. Деятельности их сводится к нулю». В ответ Юхневич потребовал прекратить разговоры «не по смете»³.

Оторванность от населения тяготили даже саму думу, столкнувшуюся в одиночку с непреодолимыми хозяйственными трудностями. Воронежский комитет ВСГ искренне жаловался: «...серьезный недочет составляет не только немногочисленность его состава, но и односторонность и однообразность этого состава. В Комитет входит целиком Городская Управа, члены его за единственным исключением, все гласные Городской Думы; элементы не цензовые совершенно не

¹ Попов П. А. Указ. соч. С. 317-318.

² Воронежский день. 1915. 14 марта. №3.

³ Воронежский день. 1915. 28 мая. №59.

представлены: ни представителей кооперативов, ни представителей рабочих или ремесленников в нем нет»¹.

Резюмируя, стоит признать, что деятельность городского самоуправления в годы Первой мировой столкнулась с рядом проблем, с которыми дума не могла справиться собственными усилиями. Деятели города старались преодолеть их, но они оказались способны лишь на минимизацию негативных последствий, так как структурное решение проблем зависело от правительства. К тому же деятельность думы часто не встречала понимания со стороны правительства и других учреждений и тормозилась противоречиями в собственной среде. Кризис Воронежской думы отразил указанные недостатки системы управления Российской империи – неточность и неопределенность полномочий властей разных уровней; высокая ответственность самоуправлений и перенаправление им исполнительных функций – при отсутствии фактических прав; постоянное недоверие правительства.

Кризис думы оказался намного сильнее, чем у губернского земства – во многом из-за более сильных военных расходов. Кроме того, дума, в отличие от земства, не имела посреднических функций и полномочий от государства. Период Первой мировой войны показал всю сложность работы численно и технически слабого ее аппарата, который оказался неспособен справиться с работой без посторонней помощи, но был в итоге предоставлен самому себе.

Проведенное рассмотрение деятельности всех трех линий управления показывает, что их взаимодействие было затруднено раздробленностью и неэффективностью, что было следствием неэффективности в новых военных условиях традиционной управленческой структуры Российской империи. Стоит также указать, что затягивание кризиса приводило к постоянному увеличению недоверия населения к местной власти. Ввиду этого все три линии власти по отдельности и вместе не смогли справиться с кризисными проявлениями в губернии. Это стало одной из причин обострения кризиса к 1917 г., завершившегося революцией и падением самодержавия.

¹ Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского Союза городов за 1914-1915 г. Воронеж, 1915. С. 10.

Глава 2. Органы власти Воронежской губернии после Февральской революции (март – октябрь 1917 г.)

2. 1. Устранение царской администрации и формирование новых органов власти в губернии (февраль – март 1918 г.)

Свержение самодержавия повлекло за собой кардинальную трансформацию системы управления как на общероссийском, так и местном уровне. Последовательность этих событий в Воронеже хорошо известна благодаря хронике Б. М. Лавыгина¹. Затрагивался этот вопрос и другими советскими исследованиями². Однако этот процесс до сих пор не исследован подробно, с анализом действий как органов власти и общества. Это приобретает еще большее значение в связи с изучением послереволюционной управленческой структуры. Главным вопросом здесь является оценка того, кому конкретно стала принадлежать власть в результате революционного переворота и каково было взаимодействие новых органов?

В советской историографии на основании трудов Ленина утвердилось непреложное определение послереволюционной власти как одновременного существования двух диктатур и их переплетение, подчинение одной другой: буржуазной диктатуры Временного правительства и рабоче-крестьянской диктатуры Советов³. Образовавшиеся в первые дни революции исполнительные комитеты, созданные местными органами самоуправления на широкой коалиционной основе из представителей общественности, расценивались исключительно как органы Временного правительства, состоявшие из буржуазных элементов и социалистов-соглашателей. Факт наличия Советов, сотрудничавших и даже прямо подчиняв-

¹ Лавыгин Б. М. 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж, 1928. С. 6-12.

² Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / Под ред. И.П. Тарадина; Сост. И.К. Александров. Воронеж, 1927. С. 9-18; Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году: (материалы для студентов). Воронеж, 1967. С. 15-20.

³ Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах: сборник статей. Вып. 2 / под ред. Д.А. Чугаева; ред.-сост. В.С. Васюкова. М., 1959; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963; Городецкий Е. Н. Ленин – основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М., 1970; Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. М., 1987; Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.

шихся исполкомам и комиссарам правительства, толковался в духе ленинской концепции как «переплетение вместе, воедино двух властей»¹.

В постсоветской науке во многом сохранилась концепция двоевластия как представление о противостоянии структур Временного правительства и Советов, однако она часто подвергается корректировке и пересмотру. Общеизвестным является лишь признание слабости Временного правительства. В. П. Булдаков справедливо замечает, что ликвидация органов самодержавия привела к тому, что «легитимной законодательной власти не стало вообще» и «неудивительно, что власть на местах (в том числе и законодательная) оказалась в руках различного рода общественных организаций)». Однако вместо того, чтобы объяснить это логичным следствием разрушения прежней структуры управления, он вдруг делает вывод, что «комитеты общественной безопасности, как и иные общественные организации, стали возникать в результате стихийной реакции на “чужую власть”». Факт того, что организаторами комитетов в подавляющем большинстве были деятели старого местного самоуправления, он не затрагивает. Основываясь на постсоветской историографии, он вовсе отвергает концепцию двоевластия, считая, что на местах власть принадлежала именно исполкомам, при этом без всяких доводов усматривая в их возникновении влияние российского традиционализма².

Многие исследователи также предпочитают считать коалиционные исполкомы отдельной ветвью власти: «Реальная власть на местах принадлежала разнообразным по названиям коалиционным комитетам общественным организаций. Всюду рядом с комитетам возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, быстро сложившиеся в параллельную систему общественных организаций, имевших и определенные властные функции»³. Распространились утверждения о безвластии в регионах: «Что касается ситуации на уровне регионов, то здесь имело

¹ Бабилова Е. Н. Указ. соч. С. 11.

² Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 305-312.

³ Чудаков О. В. Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 – октябрь 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2012. №1. С. 20.

место и двое- и трое- и многовластие, что в конечном счете вело к региональному безвластию и ослаблению центральной власти»¹. Те же определения звучат и сейчас при анализе ситуации в Воронежской губернии². Сложность исследования вопроса еще в том, что, «власть делили самые различные организации, а сам механизм власти находился в подвижном, переходном состоянии»³.

Таким образом, современная историография не выработала однозначного взгляда на проблему. Поэтому встает вопрос, как кризис управления повлиял на ход революционных событий на местах, в чем конкретно состоял переход власти в руки новых органов, какова была их структура.

Сообщение о революции пришло в Воронеж по телеграфу 28 февраля. Узнав об этом, губернатор М. Д. Ершов приказал уездным исправникам не допускать об этом никаких известий, а начальнику гарнизона генерал-лейтенанту К. Д. Тимковскому – усилить охрану города. В связи с этим тот приказал разделить город на участки для охраны и выслать по ним роты при офицерах. В приказе подчеркивалось, что работа должна проходить без вреда для обучения запасных частей и подготовки команд на фронт⁴. На вокзалах была выставлена охрана из жандармов, которая охраняла прибывшие из столицы газеты.

Однако сама обстановка отсутствием вестей побудила общественность к консолидации. Вечером в подвальном помещении кафе «Чашка чаю» прошло частное собрание представителей общественности. Власть не проявила на это никакой реакции. На следующий день, 1 марта, состав собрания расширился до 40 чел., среди которых были земские служащие, кооператоры, преподаватели и другие общественные деятели. Собравшиеся решили обратиться к думе для формирования при ней выборного органа «вроде» продовольственного комитета. 2 мар-

¹ Голдин В. И. 1917 год в России: поиски объективного осмысления // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 6.

² Зверков Е. А. Октябрьская социалистическая революция в Воронеже и большевики // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2016. №3. С. 60.

³ Хлыстов Е. А. Отечественная историография политических партий Восточной Сибири в феврале 1917 – середине 1918 гг. Улан-Удэ, 2010. С. 67.

⁴ ГАВО. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 2. Лл. 62-63.

та делегация во главе с членом земства, кадетом П. Я. Ростовцевым предъявила думе это предложение¹.

Вечером того же дня по этому поводу состоялось новое собрание, на котором присутствовало 42 человек от 27 организаций, и оно могло претендовать на то, что выражает интересы населения города. Присутствовали на нем, что показательно, и рабочие. Председателем его был избран тот же Ростовцев, секретарем И. Трунов. Впервые были оглашены сведения «о событиях в Петрограде и о настроении рабочих масс». Город впервые осознал суть столичных событий, что добавило ему смелости: членами делегации Ростовцевым и А. В. Ключаревым было доложено о переговорах. И на сей раз говорилось уже не о продкомитете. Целью провозглашалось создание «Комитета всех объединенных организаций и учреждений г. Воронежа» (КООУ). Делегаты сообщили, что дума отнеслась сочувственно к предложению и сама собирается созвать по этому поводу собрание. Более того – губернатор, выслушав доклад головы, тоже проявил к этому интерес и «просил представить сведения, какие организации и в каком числе имеют послать своих представителей». Это было очень показательное поведение для защитника самодержавия, который лишь недавно тщательно боролся со всеми непризнанными проявлениями общественной активности. Очевидно, губернатор уже понимал масштабы событий и надеялся таким образом утихомирить общественность, а заодно решить проблему с продовольствием.

Собранием было решено сформировать из присутствующих на нем лиц КООУ на принципах коллегиальности: «Включить в состав Комитета представителей от рабочих, национальных и общественных организаций, кооперативов, Губернского и Уездного Земств и Всероссийского Земского и Городского Союзов». После обсуждения был принят следующий порядок делегирования: 1) от рабочих 32 чел.: от больничных касс – 8 чел., завода Иванова – 2, завода Столля – 3, трубного – 5, Рихард-Поле I – 3, Рихард-Поле II – 3, мастерских управления Юго-Восточной железной дороги – 5, при ст. Отрожка – 3; 2) от кооперативов с числом

¹ Лавыгин Б. М. Указ. соч. С. 6-7.

членов до 1000 человек – по 1; свыше 1000 – по одному на 1000; 3) От студентов СХИ – 2, преподавателей – 1; 4) Союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ – 3, товарищества кооперативов по посредничеству – 2; 5) От всех остальных организаций и учреждений по 1.

Задачи комитета не определялись, но явно подразумевалось, что КООУ примет активное участие в событиях. После этого началось обсуждение воззвания к населению. Идея о написании его думой была отвергнута, и собрание решило поручить это бюро комитета. В комиссию по выработке текста были избраны представители общественности и думы: А. Н. Татарчуков, А. И. Ходский, И. В. Шауров, Новинский, Н.А. Милицын и Лихоносов. После этого было решено продолжать собрания ежедневно, для чего подыскать помещение¹. Таким образом, общественность активно вступила в политику буквально накануне отречения царя и отнюдь не собиралась доверять старой думе.

Местные власти серьезного участия в событиях не принимали, хотя о брожении в городе были осведомлены. Губернатор никак не проявлял своей деятельности. Дума продолжала свою работу прежним порядком. Воронежское земство события застали во время его ежегодного собрания. 2 марта гласные, посовещавшись, решили прервать его до 4 марта. По предложению председателя собрания А. И. Алехина, заявившего, что жизнь земства «не должна замираться», они лишь подготовили сметные документы, на случай, если «ввиду особенностей переживаемого момента» на это не будет времени².

Меж тем распространились слухи о падении власти. На станциях стали проходить митинги рабочих. 2 марта губернатор вынужден был выпустить обращение, где заявил, что известия о событиях в столице противоречивы и призвал поэтому сохранять спокойствие: «Мы должны спасти и сохранить созданную Царями и народом русским по милости Божией великую Империю и должны помнить,

¹ ГАВО. Ф. И-217. Оп. 1. Д. 1. Лл. 1-2.

² Воронежский телеграф. 1917. 4 марта. №50.

что всякие беспорядки и междуусобия, всякое расстройство дел и всякое бездействие грозит ей гибелью»¹.

Но уже 3 марта выяснилось, что самодержавие пало. В тот же день Тимковский получил приказ командования округа о запрете стрельбы по выступающим². Вскоре в город прибыли иногородние войска, приступившие к разоружению местных вооруженных сил. 4 марта Ершов отправил Временному правительству телеграмму, что прибывшие в Воронеж неизвестные солдаты разоружили стационарных жандармов и угрожают общественному порядку³. Началось и разоружение полиции. Ершов вынужден был опубликовать краткое сообщение об отречении императора. К сожалению, этот весьма важный для понимания динамики события день остается в документах почти неосвещенным, поэтому уточнить, кто именно занимался разоружением, не удалось. Между тем, именно это полустихийное движение масс сыграло огромную роль. Обществу было продемонстрировано, что высшая власть устранена и необходимо формировать новую для защиты порядка.

По этому поводу 3 марта состоялось срочное заседание городской думы. Голова Чмыхов огласил телеграмму М. В. Родзянко о свержении царя. Это было принято с восторгом. По предложению гласного И. В. Шаурова Родзянко была послана приветственная телеграмма. Думцы обсудили предложение представителей КООУ о введении их в городской продовольственный комитет. Признав это «не только крайне важным, но и безусловно необходимым», управа постановила пополнить состав своей продкомиссии (10 гласных и 2 члена управы) 12 новыми членами. При этом делегатов КООУ предполагалось ввести в «*совещательный* (выделение в оригинале – прим. Н. З.) продовольственный орган». Официально это было сделано для технического удобства. Гласные утверждали, что сами представители общества говорили лишь «о пополнении» имеющейся продкомиссии. Это были явные отговорки – ведь это было еще до победы революции. Тем не менее, выступление давнего противника управы М. Н. Литвинова, заявившего,

¹ Воронежский телеграф. 1917. 3 марта. №49.

² ГАВО. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 2. Л. 67.

³ Борьба за советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг.: Сборник документов и материалов. Воронеж, 1957. С. 15.

что население само должно формировать орган, ответственный за свое снабжение, было решительно отбито Клочковым, Веселовским и Шауровым¹.

4 марта – особый день в хронике этих событий, так как в этот день в городе появилось три новых органа власти: городской исполнительный комитет, губернский исполнительный комитет и Совет рабочих депутатов.

Вечером этого дня дума экстренно собралась для обсуждения вопроса о сохранении порядка в городе – очевидно, гласных особенно взволновали аресты полиции. Единогласно было решено взять охрану в свои руки. Дума учредила городской исполнительный комитет – или, как его также называли, исполнительный комитет общественного спокойствия (далее – ИКОС). В него были выбраны 3 гласных от думы (М. Н. Литвинов, С. Ф. Романихин и В. Г. Веселовский), 1 от уездной земской управы (С. Н. Крашенинников) и разрешено было прислать представителей КООУ. Управой была тут же учреждена должность начальника охраны, на которую был назначен присяжный поверенный, гласный И. В. Шауров. Ему предоставили право лично решать судьбу полицмейстера и личного состава городской полиции².

Тем же вечером члены делегации КООУ И. А. Кожевников и У. Г. Полуэктов сообщили собранию комитета, что они приняты представителями от комитета в ИКОС. Собравшиеся единогласно признали, что «избранный цензовою Думою Комитет не заключает в себе представителей от широких слоев населения», а потому потребовали, чтобы в думу вошли «представители от демократической части населения». Также собрание потребовало арестовать всех полицейских для отправки в армию. Кроме того, было сообщено, что 5 марта в здании Союза кредитных товариществ состоится собрание представителей общественных организаций для создания Губернского исполнительного комитета. Одобрив это, КООУ выбрал представителей и пополнил свой исполнительный орган, бюро КООУ, Н. Г.

¹ Воронежский телеграф. 1917. 5 марта. №51.

² Там же.

Андреевым от союза педагогов, рабочим П. А. Барановым от Воронежского трубного завода и рабочим И. М. Антипиным¹.

Все это происходило без сопротивления старой власти. Губернатор не влиял на обстановку, и его поведение, как и всей государственной машины, вылилось в «выжидание... дальнейшего развития событий»². Командование гарнизона, судя по всему, было озабочено сохранением контроля над солдатами, не выпуская их на улицы. Понятно, что оно с радостью откликнулось на призыв ИКОС признать облеченную доверием общества власть, чтобы сохранить порядок. Уже 5 марта состоялось торжественное принятие гарнизона членами думы и ИКОС³.

Итак, к 4 марта старой власти де-факто уже не существовало. В самом Воронеже власть и охрану порядка взяла на себя дума, однако произошло этого не сразу, а после того, как думцы точно удостоверились в падении старой власти. Причем дума приняла на себя эти функции после угрозы беспорядков и фактического давления общественности. Последняя также образовала свой, отдельный орган для объединения усилий. Историк О. Ю. Михалев обоснованно, на наш взгляд, считает, что КООУ состоял из представителей политически активных элементов общества, разных по ориентации. Однако главенство в нем принадлежало либеральной буржуазии и в первую очередь – представителям кадетов⁴. Все это отделяло его от цензовой думы, которой многие члены КООУ явно выражали недоверие. В итоге власть и охрану порядка принял на себя ИКОС, результат компромисса между думой и общественностью.

Таким образом, несмотря на то, что первоначально задачу сохранения порядка взяла на себя дума, смена власти в Воронеже происходила под несомненным и сильным влиянием демократической общественности. Она быстро включилась в этот процесс, и ее вмешательство определило исход дела.

¹ ГАВО. Ф. И-217. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2-5.

² Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. С. 226.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 12.

⁴ Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 256.

Быстро оформилось представительство пролетариата – как видно, уже на заседаниях КООУ группа политически активных рабочих играла заметную роль. В итоге одновременно с заседанием КООУ 4 марта от него отделилась группа рабочих, которая созвала в подвале кафе «Чашка чаю» отдельное собрание представителей заводов и рабочих организаций. Эта группа объявила себя Советом рабочих депутатов. Ею была разработана предварительная схема представительства: предприятия с числом рабочих свыше 300 чел. посылали по 1 депутату от каждых 300 выборщиков, от 30 до 300 – 1 депутата и «более мелкие предприятия соединяются вместе и посылают представителя по тому же расчету»¹. Также было решено дать право делегирования по 1 представителю от социалистических партий.

К сожалению, неизвестно, кто стал инициатором создания Совета. По информации И. Г. Воронкова, 3 марта находившиеся в городе эсеро-меньшевики послали призыв по заводам выбирать представителей в КООУ. Лишь после того, как в КООУ пришли большевики во главе с С. С. Комиссаровым, было решено создать Совет. Однако в протоколе КООУ ничего подобного не упоминается². Напротив, не исключено, что одним из инициаторов создания Совета был его первый председатель, эсер В. П. Кобытченко. О нем самом известно очень мало. Благодаря слухам, обвинявшим его в службе охранке, в печать попали сведения, что он занимался в 1905 г. организацией забастовок на ст. Глубокое ЮВЖД. До революции работал на ст. Лиски и в Ростове-на-Дону. Комиссия Совета на заседании 12 мая заявила, что не обнаружила никаких данных о его провокационной работе³. В сам Совет он баллотировался от Союза городских служащих. Это единственные сведения, которые удалось найти. Остальными членами Совета были профессиональные революционеры-социалисты, разными путями оказавшиеся в Воронеже и в основном работавшие на заводах.

Характерно, что занятые событиями в городе революционеры совершенно не обращали внимания на необходимость сместить остававшегося на месте губер-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

² Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 28.

³ Воронежский телеграф. 1917. 14 мая. №100.

натора. Ни в одном известном документе тех дней эта задача даже не упоминается. Лишь на заседании КООУ от 4 марта, как указывалось выше, было решено принять участие в выборах губернского исполнительного комитета. Причем, судя по контексту, это была инициатива общества. Возможно, что идея зародилась в правлении союза ссудо-сберегательных обществ, так как именно его председатель Лихоносов огласил это предложение¹. К тому же, никакой информации о выборах нет. Наоборот, в этот день напуганная дума, получив сообщение о погроме в Острогожске, телеграфировала в Петроград с просьбой «немедленного утверждения в губернии представителя центральной власти»². Очевидно, идея общественности погибла сама собой после того, как оказалось, что еще 4 марта власть во всегубернском масштабе приняли на себя члены земства.

На этот странный момент историками никогда не обращалось внимания. Создается впечатление, что в те дни на низовом уровне о губернаторе, как и губернской администрации, просто забыли. Не стоит забывать и о социально-экономическом (а следовательно, и политическом) развитии Воронежа. Если в ряде других мест тесное взаимодействие общественных сил по организации власти не в последнюю очередь объяснялось активностью восставших рабочих и солдат, что вызывало у местного самоуправления желание срочно наладить порядок, то в Воронеже этот фактор проявил себя куда слабее: гарнизон, судя по косвенным данным, в революционные дни вел себя спокойно, а рабочий класс был относительно немногочислен. В любом случае, взятие власти проходило земством без стороннего вмешательства.

¹ «Д. Г. Лихоносов сообщает, что 5 марта состоится в помещении Союза Кредитных и Ссудо-сберегательных Т-в Воронеж. губ. собрание представителей общественных организаций. Цель Собрания организовать Губернский Исполнительный Комитет, задача которого будет организация власти на местах и пробуждение общественной жизни в уездах. Этот Комитет должен будет принять также участие и в упорядочении продовольственного дела. Д. Г. Лихоносов предложил избрать собранию своих представителей на организационное заседание Губернского Исполнительного Комитета» (ГАВО. Ф. И-217. Оп. 1. Д. 1. Лл. 4об-5.). Судя по тому, что предлагалась организация ГИК, а не выборы в уже существующий ГИК земства, о последнем Лихоносов явно не знал.

² 1917 год в Воронежской губернии. С. 12.

4 марта, одновременно с формированием ИКОС и Совета, сообщение Родзянко об отречении царя огласил на заседании земского собрания Томановский, что вызвало радость гласных. По предложению Томановского, оно отправило телеграмму правительству: «Воронежское губернское земское собрание постановило довести до сведения Вашего, что оно, признавая власть Временного Комитета Государственной Думы, искренне, сердечно и с большими надеждами ожидает, что Временная власть, которая так необходима в данный момент для нашего отечества, будет иметь достаточно доброй и сильной воли и организационной силы для того, чтобы осуществить меры, необходимые для блага, спокойствия и процветания нашей родины, а также, что Временный Комитет, опираясь на мощные силы народные, доведет Россию до одоления ее лютого врага»¹. Собранием были посланы приветственные телеграммы в Петроград. По предложению острогожского гласного А. В. Пассека был учрежден губернский исполнительный комитет (ГИК), который мыслился как временный орган власти до утверждения порядка. В него собранием были избраны: от губернского земства – В. Н. Томановский, от земского союза – М. Ф. Чертков и от земского союза снабжения армии – П. Я. Ростовцев. Последний же стал главой ГИК. По предложению Временного комитета Государственной Думы земство организовало продовольственный комитет для реквизиции хлеба, который также возглавил Ростовцев, назначенный вскоре уполномоченным министерства земледелия². Все члены ГИК были умеренными либералами: задонский помещик Томановский был известен до революции как октябрист, а после – кадет; Чертков был беспартийным членом управы, бывшим мировым судьей, главой Земсоюза; и лишь глава правления завода Столь и К^о кадет П. Ростовцев зарекомендовал себя противником самодержавия: в 1906 г. его за подписание Выборгского воззвания на 3 месяца заключили в тюрьму, а также отстранили от должности городского головы³. Неудивительно, что он принял ак-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2323. Л. 57.

² Журналы Воронежского губернского земского собрания. Очередной сессии 1916 г. (28 февраля – 4 марта 1917 г.). С. 21; 1917-й год в Воронежской губернии. С. 10, 12.

³ Попов П. А. Указ. соч. С. 147.

тивное участие в революционных событиях и одновременно был избран на такой важный пост.

Интересно, что 5 марта ГИК решил переговорить с губернатором, который тоже был на его собрании, о совместной работе, что явно характеризует специфику местных властных отношений. Однако уже 6 марта окончательно смирившийся Ершов послал телеграмму Родзянко: «Убедился, что в интересах дальнейшего сохранения порядка предпочтительно замещение Высшей администрации новыми лицами. Посему прошу указать лицо, которому я мог бы сдать управление губернией»¹. Ответ пришел независимо от этого тем же днем. Согласно телеграмме Львова управление губернией передавались губернским комиссарам правительства, которыми назначались главы губернских земских управ. В итоге губкомиссаром стал Томановский, который сохранял за собой и старую должность главы управы. 6 марта Ершов и фон Штейн сдали должности и вскоре покинули город². В уезды было спущено распоряжение правительства о назначении уездными комиссарам глав уездных управ. При этом ГИК и после этого не оторвался полностью от привычек старого управления, назначив старшего советника губернского правления «вице-губернатором» (т. е. заместителем) при Томановском³.

Это, на наш взгляд, еще раз доказывает отсутствие конфликтов между воронежским земством и губернатором и определенную консервативность даже либеральной части земцев. Данная ситуация была не самой типичной, что можно доказать другими примерами Центрального региона. В Калуге губернатор Н. С. Ченькаев был насильно отстранен от власти местным комитетом уже 3 марта. В Твери 2 марта губернатор Н. Г. Бюнтинг был убит толпой после отказа признать местный народный комитет. В Курске, Тамбове, Рязани и Туле народная стихия смела губернаторов, прежде чем они смогли признать новую власть: одни были

¹ ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 323. Л. 5.

² Филиппева С.В. Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии в феврале – декабре 1917 г. // Из истории Воронежского края. сб. статей. Вып. 19. Воронеж, 2011. С. 151.

³ Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. С. 11.

вынуждены бежать, другие были арестованы¹. Наиболее похожими на Воронеж были события в Орле, где губернатор граф П. В. Гендриков 4 марта согласился управлять при четырех комиссарах комитета общественной безопасности, но уже 6-го был отстранен телеграммой Львова. С. В. Букалова отмечает, что его поведение заключалось в лояльном подчинении верховной власти и пассивной защите статус-кво. В отношении Ершова можно сказать то же самое². Такое поведение вполне импонировало членам ГИК, тоже не настроенным на радикализм. Из всего этого видно, что действия ГИК в Воронеже определялись не столько личными отношениями местных административных деятелей, сколько удобно сложившейся для них ситуацией, при которой общественное влияние на новую власть было гораздо слабее, чем в целом по стране. Возможно, именно с этим связано то, что не известны попытки ГИК в начале работы привлечь к себе представителей общества, несмотря на объявление себя именно общественным органом. В дальнейшем, судя по косвенным данным, ГИК все же был ими пополнен, однако его состав за март-май 1917 г. остается абсолютно неизвестным. Стоит также обратить внимание, что ГИК не привлекал к своей работе ресурсы губернского земства, совершенно отделяя свою работу от него³.

Зато в распоряжении ГИК оказались все бывшие учреждения, находящиеся под началом губернатора. И хотя только 25 сентября вышло «Временное положение о губернских (областных) и уездных комиссарах», которое прямо указывало использовать губернаторскую канцелярию, переименовав ее в канцелярию губкомиссара, на местах это было осуществлено уже в первые дни. Губкомиссар стал осуществлять руководство губернией через непременно члена по земским и городским делам присутствия, губернаторскую канцелярию и губернское правление

¹ Андреева Н. И. Калужские губернаторы: биобиблиографические очерки. Калуга, 2001. С. 178; Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март – октябрь 1917 г. М., 1967. С. 60; Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. 27 февраля – 6 мая 1917 года. М., 1957. С. 44; История Рязанского края. 1778-2007. Рязань, 2007. С. 135; Установление советской власти на местах в 1917-18 гг. М., 1959. С. 114.

² Букалова С. В. Революционные события февраля 1917 г. в Орле и тактика действий губернатора // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 182-183.

³ Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 255-256.

– т. е., старые учреждения. Телеграмма № 1993 от 1 марта 1917 г. товарища министра внутренних дел Д. Щепкина рекомендовала использовать правительственных служащих. Также согласно указаниям ВП губкомиссар должен был при своих решениях опираться на авторитет и поддержку ГИК, как на «высший в губернии, руководящий ее общественно-политической жизнью, орган»¹. Как показывают документы, это было сделано: губкомиссар и ГИК проводили работу в тесном единстве, и часто П. Я. Ростовцев подписывал распоряжения за Томановского. При этом именно он, а не Томановский, оставался председателем ГИК.

Первоочередной задачей ГИК стало обеспечение строительства новой власти: старая структура управления была непригодна в новых условиях, что земцы поняли с первых дней. Для этого еще до присланных из столицы указаний ГИК решил использовать уездные управы. Это было следствием стремления обеспечить порядок на местах. Воронеж особенно взволновали слухи о событиях в Острогожске, где запасные солдаты совершили погром магазинов и избили командиров. Получив 5 марта об этом сообщение, ГИК послал инструкцию председателям уездных управ по формированию уездных исполнительных комитетов (далее – УИК)². В ней он прямо указывал избирать власть по принципу коллегиальности:

«Впредь до указания Центральной Власти в губернии образован Общественный Губернский Исполнительный Комитет, который совместно с губернатором принимает все меры к поддержанию порядка и спокойствия в губернии. Такой же Комитет немедленно организуйте в составе: председателя уездной земской управы, представителя города, представителя кооперативов, земского гласного от крестьян и представителя рабочих. Этим комитетам подчиняется уездная полиция, о чем приказ ей послан губернатором. Войдите в соглашение о поддержании спокойствия с начальниками квартирующих воинских частей, широко оповестите население о последних распоряжениях нового правительства и манифесте. Примите все меры к поддержанию порядка. В больших слободах и селах Вашего уез-

¹ Филиппцева С.В. Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии... С. 151, 157.

² Воронежский телеграф. 1917. 10 марта. №55.

да организуйте при посредстве кооперативов местные Комитеты общественного спокойствия»¹.

Что касается земских начальников, то ГИК постановил отстранить лишь тех из них, которые «не сумели установить добрых отношений с населением». Но уже 15 марта ГИК был вынужден телеграфировать в МВД просьбу отменить должности начальников «для спокойствия сельского населения». Из одного этого видно, что недовольство ими было повсеместным². Таким образом, 4-5 марта, до получения указаний правительства, ГИК пытался лавировать между демократическими требованиями революции и использованием старой системы управления. Основную задачу он видел в «сохранении порядка» – причем сохранять порядок можно было только от волнений низов, то есть, народа. О возможности хотя бы гипотетической контрреволюции даже не упоминалось.

К 14 марта ГИК убедился: предварительные сведения показывали, что в уездах вполне спокойно – формируются уездные исполкомы, идет замена полиции на милицию, эксцессы при этом единичны³. В связи с этим представляет интерес, в каких условиях проходило формирование новых органов власти в уездах Воронежской губернии. Никто в литературе еще не предпринимал этот вопрос, за исключением кратких описаний⁴. К сожалению, эта информация отрывочна, но позволяет установить некоторые тенденции.

В некоторых уездах формирование УИК началось почти сразу после падения самодержавия, 3-4 марта. Инициаторами их учреждения были в основном представители местной власти: причем явно прослеживалось воздействие на процесс движения масс. В Новохоперске общественный распорядительный комитет был избран 4 марта, что произошло не без воздействия солдат и рабочих, устроивших митинг. Выступивший на нем командир гарнизона капитан Глинский, пы-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2378. Л. 26. Примечательно, что в своем первом же обращении на места ГИК называет себя «общественным» органом, хотя не имел делегатов общества.

² Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. С. 12; Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. С. 209.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1-3.

⁴ Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 33-36.

тавшийся убедить всех, что в России возможен другой царь, был вынужден уйти в окружении офицеров. 5 марта после еще одного митинга рабочими и солдатами были арестованы уездный воинский начальник и местная полиция. Глинский остался на месте, но позже был вынужден оставить полк¹. 5 марта и в Острогожске прошли беспорядки: около 1000 солдат и горожан избили командира 184-го полка, освободили заключенных и разбили несколько торговых лавок. Однако ситуацию быстро взял под контроль УИК. Уездный комиссар А. В. Пассек сообщал: «Бесчинства толпы отвлечены организовавшимся общественным комитетом к... организованному митингу... где... произносились речь некоторыми членами общественного комитета. Полиция разоружена. Оружие сдано комиссару[,] завед[ующему] полицией... сопротивления со... стороны полиции не было, благодаря организации представительства от солдат, рабочих и участию офицеров [в] общественном комитете...»². Так же проходили события на ст. Лиски, где толпа солдат 4-го кавалерийского полка заставила командование объявить Манифест об отречении и освободить арестованных накануне солдат, а вскоре рабочие-железнодорожники освободили арестованных. В то же день солдаты стихийно сменили командира³. В Павловске УИК учредили 8 марта после демонстрации, инициированной учащимися⁴. В тот же день комиссар Тучнев телеграфировал: «В городе и уезде спокойно, полиция обезоружена без сопротивления, организована милиция под непосредственным наблюдением местного исполнительного комитета. Освобождены из тюрьмы участники аграрных беспорядков в связи землеустройством 1916 г... общество по организации учреждения функционирует правильно... поставка хлеба идет слабо вследствие высоких цен на хлеба... превышающих твердые цены. Необходима реквизиция при строгом учете всей налично-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 28 марта. №68; Воронков И. Г. Указ соч. С. 34.; Анчуков Г. А., Петров В. Т. Из истории земли Новохоперской. Воронеж, 2005. С. 137.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 20.

³ Воронков И. Г. Указ. соч. С. 34; Афанасьев И. А. Лискиведение с древнейших времен до наших дней. Воронеж, 2006. С. 137

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 20 марта. №62.

сти хлеба... Считаю крайне необходимым выждать время для большего выявления настроения в связи с переживаемыми событиями»¹.

6 марта образовался Воронежский УИК. Он был образован управой по инструкции ГИК из гласного от крестьян Подгоренской волости Акулова, представителя города и представителя рабочих Рамонского завода Полянского. Вместо делегатов от кооперативов дума, за недостатком времени, пригласила представителя ссудо-сберегательного и потребительского общества земских служащих Н. Г. Кольцова. В таком составе УИК в первом же заседании признал нужным образовывать волостные исполкомы. Разработать наставления он не успел, вместо этого управой были лишь командированы инструкторы, которым было указано «на необходимость привлечения в волостные комитеты всех слоев населения деревни для представительства различных интересов». Рекомендовалось включать также представителей от частных владельцев, духовенства, кооперативов и земских служащих. Так в уезде были избраны волостные комитеты, причем выборы от крестьян в одних случаях были произведены волостными правлениями, в других – волостными сходами и в некоторых местах – всем населением волости. На 15-16 марта УИК решил созвать съезд волисполкомов, чтобы огласить инструкцию с их функциями. Они сводились к охране порядка, помощи армии, продовольственной работе и «улучшении работы» старых волостных органов. Кроме того УИК попросил сам ГИК образоваться «на выборных началах от населения всех уездов»².

В Боброве весть о падении самодержавия была получена 5 марта, после чего прошел митинг рабочих, солдат и горожан, разоружена полиция³. Но новая власть образовалась лишь 7 марта: «7 марта организовался исполнительный комитет, пока в составе четырех лиц: представителей города, кооператива и гласного от крестьян и начальника гарнизона. Организован продовольственный комитет...»⁴.

В Бирюче телеграммы о перевороте стали получать с 3 марта. Земцы не решились принять на себя власть и скрылись. Лишь городской староста просил у

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 24.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2378. Лл. 26-28.

³ Воронков И. Г. Указ. соч. С. 35; Сказ о земле Бобровской. Воронеж, 2009. С. 30.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 15.

исправника разрешить напечатать манифест об отречении, но тот отказал. В итоге инициатором создания власти стала общественность. 5 марта потребительское общество на общем собрании избрало 5 человек и поручило им организовать временные искокомы: городской и уездный. В УИК были приглашены представители от организаций и учреждений в числе 60 чел.: от волостей 23, от рабочих 10, от земских служащих 3, от кооперативов 3 и т. д. Первое заседание УИК прошло 8 марта, а 9-го он запросил у губкомиссара разрешения произвести выборы уездного комиссара. Комитет взял в свои руки всю власть в уезде и организовал ряд комиссий: продовольственную, организационную (для формирования комитетов в уезде), просветительную, кожевенную, по делам милиции, по делам военнообязанных. Члены УИК были назначены во все учреждения.

В провинциальном Задонске, напротив, не нашлось претендентов на общественное самоопределение, поэтому инициатором собраний членов думы и других организаций стал голова. 5-6 марта при его помощи был сформирован уездный исполком, а дума пополнена новыми делегатами. УИК был образован в составе главы и члена управы, городского старосты и председателя кредитного товарищества. 7 марта на нем присутствовало 10 делегатов от мещанского общества, 2 – от торговцев, 1 от приказчиков, 6 от рабочих, 1 от торговой школы, 1 от городских служащих, 3 от педсоветов, 1 от учащихся приходских училищ, 2 от духовенства, 1 от военных, 4 от земства и 2 от правительственных учреждений. Первые заседания исполкома были посвящены обсуждению улучшения продовольственного дела. Решено было провести проверку торговых лавок с реквизицией товаров по довоенным ценам и взять беспроцентную ссуду в 30 тыс. руб. для закупки предметов первой необходимости. Для охраны города был выбран начальник милиции с двумя помощниками и 20 милиционеров. Несмотря на предложение некоторых гласных, городской исполком было решено не учреждать. Считалось, что его функции выполняются пополненной думой. В итоге комитет в числе 10 чел., избранных по пропорциональной системе, был учрежден только 4

апреля¹. Но и тогда работа УИК была так неудовлетворительна, что командированный в Задонск инструктор ГИК М. Нескоромный лично провел его реорганизацию. Это вызвало протест некоторых членов исполкома. Нескоромный заявил, что он провел реорганизацию на принципах демократизма, за что его работа заслужила благодарность волостных комитетов. Протестовали же те, кто «не сочувствовал новому строю»: «Там, где нужно было работать на благо всего народа, я не считался с отдельными личностями»².

В Землянском уезде лишь 11 марта было приказано отстранить личный состав уездной полиции – на следующий день был арестован и отправлен в Воронеж уездный предводитель дворянства³. Но исполком окончательно был сформирован лишь 12 марта. Причем он был организован уездным комиссаром, который просто пригласил в него по одному представителю от кооперативов, купцов, духовенства и городского старосту. В ситуацию вмешалось общество потребителей, которое созвало съезд и благодаря представителю ГИК организовало новый комитет⁴.

Очевидно, позже всего состоялся переход к новой власти в Богучаре. Организация местного УИК прошла лишь 17-18 марта. Комитет был организован в составе 4 представителей от крестьян, 2 от кооперативов и по 1 от землевладельцев, духовенства, земских служащих, земского союза и городского исполкома. В состав комитета вошел и уездный комиссар. Собрание признало желательным формирование волисполкомов на основе прямых и всеобщих выборов и даже выработало их систему. Число представителей должно было быть пропорционально числу жителей каждой слободы – по 1 представителю на 1000. Отдельные слободы величиной от 300 до 1000 жителей выбирали тоже по 1 представителю. Было также решено, чтобы в комитеты непременно входили волостные старшины⁵.

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 27; ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2347. Лл. 24-27, 29об., 33об., 46.

² Воронежский телеграф. 1917. 4 мая. №93.; 24 мая. №107.

³ Мокшин Г. Н. Летопись города Землянска (1661 – 1923). Воронеж, 2012. С. 229.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Лл. 5-5об.

⁵ Там же. Л. 7об.

Из изложенного видно, что события застали местные власти врасплох. Отдаленность от губернского центра, слабость связи не позволяли действовать по распоряжениям новых властей. Наиболее быстро смена власти проходила в относительно развитых городах. И наоборот – чем дальше было к окраинам, тем дольше там затягивался переход к новой власти. Вполне ожидаемо, что в этих условиях действия уездных властей нередко расходились с планами ГИК. Формирование новой власти шло под влиянием общественных масс, зачастую вмешивавшихся в этот процесс, и все УИК стремились сохранить спокойствие на местах. Несмотря на различия, все исполкомы создавались на основе представительства от общественных организаций и социальных групп, а нередко шли еще дальше в этом вопросе, выступая за введение избирательного права, что явно являлось отражением низовых настроений. Последнее подтверждает и сам факт распространения исполкомов по всей стране в первые дни революции, причем часто без сторонних инструкций «сверху». Такое объединение широких общественных кругов не менее показательнее, чем формирование на местах Советов, и является ярким проявлением как антисамодержавных настроений всего населения, так и «устремленности страны к народовластию»¹. Это показывает, что земства и думы объективно не смогли бы принять на себя единоличные функции государственного управления в связи с недоверием населения их цензовому составу, поэтому ставка ГИК на коалиционное формирование исполкомов была верной, несмотря на явные консервативные поползновения такой политики в Воронеже. Видимо, по тем же причинам выборное начало поддерживалось и инструкторами ГИК.

Как и по всей стране, «когда не только основная масса населения, но и армия, флот, буржуазия выступали против самодержавия, оплотом старой государственности осталась практически одна полиция, поэтому она подверглась наибольшему разрушению»². На местах она сразу арестовывалась и заменялась добровольческой милицией. Полицейские не оказывали сопротивления. Возможно,

¹ Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты 1917 г. М., 1992. С. 299.

² Милованова Л.В. Гражданская милиция в России в 1917 году (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... к. и. н. М., 2004. С. 19.

единственным местом, где полиция пыталась защитить власть, был Задонский уезд. Исправник Куколевский здесь выслал по волостям отряд, который, как сообщали, «провоцирует за старое правительство», запугивая население репрессиями. Однако после известий из Воронежа исправник был отстранен. 10 марта начальник милиции города Тимофеев просил о его высылке из-за недовольства населения¹. 7-9 марта ГИК получил телеграммы из ряда уездов, в которых полицейские выражали верность новому правительству и просили принять их на службу. На все эти телеграммы губкомиссар поручал вопрос уездным комиссарам. 26 марта он еще раз подтвердил: «Зачисление в милицию бывших чинов полиции зависит всецело от Вас»². В итоге милиция перешла в ведение непосредственно исполкомов, а старая централизованная полиция прекратила существование.

Другими первоочередными действиями УИК, как правило, были срочная организация продснабжения, создание нового аппарата и распространение своей власти. Практически все исполкомы озаботились вопросами о введении продовольственных такс и обследованием запасов хлеба. Так, в Землянске была издана такса о продаже мануфактуры в 20% сверх твердой цены³. В Задонске уже 7 марта было решено устроить ревизию торговцев и организовать продажу хлеба по твердым ценам для рабочих и солдат. Комиссия даже разработала проект реквизиции хлеба у торговцев, однако его отказался подписать уездный комиссар, сославшийся на то, что право реквизиций принадлежит представителям министерства земледелия и продовольственных органов⁴. Все это показывает, что новые органы с самого начала вели себя деятельно, стремясь лично решить назревшие к тому времени проблемы, приняв на себя все функции местной власти.

После формирования УИК появилась необходимость в оформлении структуры власти и в деревне, где активно началось формирование волостных исполкомов. 14 марта и МВД форсировало этот процесс, предложив губкомиссарам формировать на местах исполкомы, опираясь в деревне на все волостные общест-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Лл. 13, 32.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Лл. 29, 66.

³ Воронежский телеграф. 1917. 12 апреля. №75.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2347. Лл. 26, 43.

венные организации, включая уже избранные волисполкомы. При этом телеграмма указывала: «К работе этих комитетов рекомендуется привлечь также местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни»¹. Официальное решение правительства о создании волисполкомов вышло 19 марта, на них была возложена административная власть до образования волостных земств. Функции земских начальников переходили уездным комиссарам, которые и должны были проводить организацию, признание и направление деятельности волисполкомов.

Конкретных инструкций по формированию, однако, предоставлено не было. ГИК был вынужден самостоятельно разработать проект организации волисполкомов. За это Воронежский Совет подверг жесткой критике ГИК, «не согласующегося... с требованиями демократии». По проекту выборы шли по старой куриальной системе. «Четырехчленную» схему (всеобщие, прямые, равные, тайные выборы) ГИК отверг, заявив, что это «значительно удлинит срок конституирования волостных комитетов». По его проекту, избирались представители кооперативов, землевладельцев (отдельно от имеющих до 10 десятин земли и отдельно – более), ремесленников, торговцев, земских служащих и духовенства. Представительство было равным, а не пропорциональным, что ограничивало влияние крестьян и усиливало землевладельцев. Совет выразил протест, требуя, чтобы «в состав комитета были введены представители крестьянства, избранные, если не на началах всеобщего и т. д. избирательного права, то хоть сельскими сходами». Чтобы «отстаивать интересы крестьянства», он заодно потребовал увеличить свое представительство в ГИК². Нам неизвестен результат этот спора, но очевидно, что ГИК потерпел поражение, так как волисполкомы обычно формировались как выборные.

Эта инструкция еще раз демонстрирует консервативность новой власти, состоящей из государственных и земских чиновников. Даже в условиях революции, когда лозунг равных выборов быстро стал главенствующим, они еще пытались держаться за знакомую куриальную систему, чтобы сохранить хотя бы частично влияние старых привилегированных слоев.

¹ Гайда Ф. А. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.). С. 147.

² Воронежский телеграф. 1917. 23 марта. №65.

В самой деревне смена власти происходила, судя по всему, относительно бесконфликтно, хотя советская историография предпочитала утверждать, будто крестьяне повсеместно изгоняли прежнюю администрацию¹. Однако есть основания считать, что хотя в ряде случаев крестьяне добивались смены старых сельских старост и волостных старшин, на первых порах это было еще не преобладающим. Например, о ситуации в Воронежском уезде сообщалось: «Всюду старые сельские власти не только остались на свободе, но и не были сменены в своих должностях»². 14 марта Воронежский уездный комиссар сообщал Томановскому: «... во всех волостях образованы волостные комитеты, в состав которых вошли представители волостной и сельской администрации, частные владельцы, духовенство, земские служащие и кр[естья]не. Полиция обезоружена... оружие поступило в распоряжение волостных комитетов общественной безопасности. При сдаче оружия сопротивления не оказалось... волнений не было, если не считать двух волостей, где среди крестьянского населения обнаружено желание образовать волост[ной] комитет исключительно из кр[естья]н, без участия частных владельцев»³. В первой половине марта из Павловска сообщали: «Все волостные старшины приняли присягу на верность Временному правительству»⁴. В Бобровском уезде даже в мае старшины и волостные писари оставались на местах⁵. То же просматривается по сообщениям и с других мест. Тем не менее, исключения старшин были тоже частыми. Например, в с. Верхняя Хава Воронежского уезда при первых известиях о революции были выгнаны волостной старшина и полиция, на сходе избран исполком из 67 человек с президиумом из 9 членов. Его председате-

¹ Очерки истории Воронежского края. Т. 1. С. 406.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Л. 2об. Правда, это противоречит некоторым краеведческим данным, которые говорят об изгнании волостных старшин – именно так было, по словам В. Смирных, в с. Верхней Хаве: Смирных В. Такое было время. Воронеж, 2011. С. 6.

³ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Лл. 45-46.

⁴ Сказ о земле Бобровской. Воронеж, 2009. С. 30.

⁵ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 117-117об.

лем стал крестьянин-середняк И. Ф. Попов¹. Не исключено, что дело в близости к железной дороге, где от рабочих и были получены вести о революции.

В советской историографии неоднозначно оценивался вопрос, кем формировались воронежские волисполкомы. Одни исследования считали, что «некоторые из них возникли в первые дни революции стихийно, но большинство их было создано в апреле уполномоченными губернского исполнительного комитета»². П. Соболев же писал, что исполкомы «создавались по инициативе самих крестьян»³. Насколько можно судить по донесениям, истина посередине: процесс протекал во многом самостоятельно, но был инициирован и поддерживался комиссарами исполкомов. Например, в с. Карпенково крестьяне сами сменили старшину и разоружили урядника. В начале мая в село прибыл представитель ГИК, который провел переговоры с начальствующими лицами, священниками, торговцами, помещиками. Вскоре на общем собрании представителей сел волостное правление было сменено на волисполком во главе с председателем Ф. Я. Панковым⁴. В итоге, несмотря на различия, обычно организация шла в духе постановления ГИК от 5 марта, хотя и с различными вариациями, что позволило сохранить местным властям определенный контроль над деревней.

Многие корреспонденты сообщали, что первым побуждением крестьян было стремление разделить земли помещиков. Однако исполкомам и комиссарам удалось убедить их в несвоевременности этого и доверить этот вопрос Учредительному собранию⁵. 19 марта появилось постановление ВП, обещавшее то же

¹ Старцев Т. А. В центре Черноземья (краткий очерк истории Верхнехавского района). Воронеж, 1970. С. 27-28; Смирных В. Такое было время. С. 6.

² Очерки истории Воронежского края. Т. 1. С. 407.

³ Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 17.

⁴ Серегин Л. Родное и близкое. Краткая история Дегтяренского сельского поселения. Воронеж, 2015. С. 41-42. В книге говорится об инструкторе губернского земства и организации земской управы. Но описание гораздо больше напоминает создание волисполкома, тем более что сведений об инструкторах земства больше нет. Видимо, Ф. Я. Панков, с чьих слов сделано это описание, называл исполкомы земствами по советской традиции, не видевшей между этими органами принципиальной разницы.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Л. 5.

самое, что на первое время позволило сохранить в деревне относительное спокойствие – аграрные беспорядки были в марте 1917 г. единичны.

Волисполкомы старались разрешить насущные проблемы, назревшие к тому моменту. Недовольные работой старого аппарата, они взяли в свои руки практически все функции старых учреждений: распределение пайков, проверку военных отсрочек, сбор и распределение продовольствия, охрану порядка. В первые дни на волне энтузиазма повсеместно выражалось желание победоносно закончить войну с Германией. В связи с этим исполкомы, по распоряжениям сверху, начали сбор продовольствия, фуража и пожертвований в пользу армии. Крестьяне на это отзывались весьма охотно. По тем же соображениям во многих местах активизировалась борьба с дезертирами и проверка белобилетников, агитация за «заём свободы», а также другая помощь фронту. Крестьяне также просили объяснить, кому следует платить подати и особенно требовали реквизиций хлеба у помещиков: «Крестьяне высказываются в том смысле, что они хлеба дадут, но предъявляют требования к крупным землевладельцам, чтобы они тоже давали хлеба»¹.

Исполкомы сыграли большую роль в реализации интересов крестьян. Так, делегат ГИК, командированный в Бирюченский уезд, писал: «Организованное волостным исполнительным комитетом равномерное распределение рабочих военнопленных, а также распределение материальной повинности между всем населением устраняет, сглаживает ту несправедливость и то неравенство, которые царили при старом режиме»². По существу, исполкомы быстро стали в деревне самой властью – как и по всей стране³.

Однако это произошло не сразу. 8 апреля в Воронеже прошел съезд представителей волостных и уездных комитетов. Он показал, что их организация была далека от завершения. Касалось это в основном отдаленных уездов. Если в Воронежском уезде все волости сформировали комитеты к 20-м числам марта, то в Задонском даже волостные комитеты были далеко не повсеместны, не говоря уже о

¹ Там же. Л. 1об.

² Воронежский телеграф. 1917. 21 июня. №131.

³ Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917). М.: Наука, 1983. С. 19.

сельских. Причем делегаты жаловались, что даже сформированные комитеты вели себя пассивно, не получая указаний сверху¹. Очевидно, формирование исполкомов затянулось до конца весны.

Процесс свержения самодержавия шел почти безболезненно и занял всего несколько дней, а процесс распространения революции по губернии – несколько недель. Все новые органы (ГИК, ИКОС, КООУ и Совет) разместились в бывшем здании губернатора, переименованном в «Дом народных организаций». Решение об этом было принято ИКОС 8 марта². Заведывание им было поручено хозяйственной комиссии, позже присоединившейся к Совету.

Таким образом, в Воронежской губернии по-своему преломились очень схожие процессы в столице. Как известно, в Петрограде власть была вынуждена взять на себя Государственная Дума, выделившая из себя Временный комитет, причем он, точь-в-точь как воронежская дума или ГИК, объявлял своей задачей организацию порядка, а также «формирование нового состава правительства, которое пользовалось бы доверием населения». Именно это, по словам историка Ф. А. Гайды, высветило позицию умеренных цензовых сил: «Ни изменять государственный строй, ни, тем более, покровительствовать революции в их планы на тот момент не входило, да и не могло входить». Результатом стало создание Временного правительства, которое «явилось тем компромиссом, к которому были вынуждены прибегнуть Временный комитет и Петроградский Совет. Первый олицетворял собой умеренные силы общества, которые одни только к этому времени являлись более или менее организованной силой. Второй представлял реальную, но совершенно не организованную силу толпы и поэтому мог диктовать условия Комитету, но был не в состоянии организовать управление государством»³.

В Воронеже действовали схожие тенденции. Губернатор оказался неспособен адекватно реагировать на ситуацию и вел себя пассивно, выжидая развития событий. И дума, и земство также были захвачены врасплох и предпочитали дер-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Л. 5об.

² Там же. С. 15.

³ Гайда Ф. А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 35.

жаться той же тактики. Гораздо большую активность проявило местное общество в лице рабочих, интеллигенции, земских служащих. Когда же свержение самодержавия стало фактом, губернатор окончательно сдался, а местное самоуправление, приняв события с внешним энтузиазмом, тут же предприняло усилия для организации порядка под своим началом. Действия и заявления местных деятелей отличаются отчетливым пониманием того, что смена власти может повлечь за собой выплеск народного возбуждения, поэтому сохранение порядка в своих руках понималось как первоочередная задача. К этому подталкивала и активность общественных масс, распространившиеся аресты и угроза беспорядков. В связи с этим как губернская, так и городская власти на первых порах старались не отстранять от работы прежнюю администрацию, стремясь сохранить преемственность функций. В то же время обе силы отчетливо понимали, что в условиях революции авторитетом может пользоваться только власть, облеченная доверием общества, поэтому новые органы были сформированы по принципу коалиции и социальной пропорциональности. В итоге местные цензовики были во многом аналогом «умеренных сил» Думы в Петрограде.

Необходимость стабилизации обстановки привела к тому, что они вошли в союз с активными слоями общества, объединенными в Воронеже в КООУ. Базой объединения был надпартийный характер организации. Это было тем же компромиссом старой власти и новой, что наблюдался и в столице. Говоря о союзе с Петросоветом, П. Н. Милюков говорил: «Предполагалось, что мы вместе будем делать одно будущее дело, воздерживаясь каждый от преследования своих определенных политических задач»¹. Однако активность представителей общества, ранее отстраненных от политики, оказалась настолько сильной, что они быстро потеснили думцев, взяв под контроль ИКОС, а вскоре и саму думу.

В этом справедливо можно видеть двойственный характер думы, которая, как выборное учреждение, должна была соответствовать демократическим лозунгам момента и возглавить переворот, а с другой стороны – формировалась из уз-

¹ Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. С. 91.

кого цензового слоя имущих граждан, не настроенных на радикализм. К тому же дума, из-за ее цензового характера, не обладала достаточной популярностью населения, что побуждало ее саму против своего желания ставить вопрос о демократизации своего состава¹.

Вся эта работа протекала без согласования с губернским земством, которое, ввиду отсутствия влияния со стороны, самолично приняло на себя функции организации губернской власти, выделив из себя ГИК. Его действия также были продиктованы стремлением сохранить хотя бы частично старые управленческие кадры – что объяснялось не только практическими соображениями, но и умеренными настроениями консервативных земцев. Ведь первый состав ГИК, за исключением П. Я. Ростовцева, не был замечен в оппозиции. Тем не менее, два крыла земского движения пошли на сотрудничество для сохранения порядка.

Вместе с тем, понимая требования момента, ГИК распространил на губернию систему коалиционных исполкомов, проводя эту работу в основном через председателей уездных управ и инструкторов. Как показало дальнейшее, такое решение, несмотря на нередкие затруднения на местах, позволило в короткий срок выстроить определенную вертикаль власти и обеспечить хотя бы кратковременный порядок. Причем легализация исполкомов опередила их непосредственное формирование на местах.

Динамика событий в Воронеже подтверждает адекватность стремлений главы ВП Г. Е. Львова опереться в распространении новой власти на органы земства и их председателей. Хотя в 1917 г. многие соратники Львова обвиняли его за это в скоропалительности², это было достаточно адекватное решение. Так в условиях дискредитации и полной деморализации губернаторов и полиции была в короткие сроки достигнута цель распространения и утверждения новой власти по стране с помощью разветвленного и приспособленного к работе института, который работал в опоре на общество. Подтверждается мнение Михалева о том, что активность

¹ Мамаев А. В. Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб, Киев, Минск, 2008. С. 525.

² Архив русской революции. Т. 1-2. М., 1991. Т. 1. С. 26-27.

и авторитет местного самоуправления помогли ему взять власть под контроль при отстранении коронной администрации.

К тому же назначение глав выборных управ в то же время соответствовало демократическим лозунгам момента, обеспечивая их легитимность. Кроме того, по резонному замечанию Н. Н. Кабытовой, формирование новой власти общественностью могло отстранить ВП от этого процесса, поэтому его было необходимо взять под контроль¹. Правда, как видно по приведенным фактам, исследователь упустил из внимания, что в некоторых регионах общественность не проявила должной инициативы в формировании власти.

Стоит обратить внимание, что эти события шли без серьезного давления на власть солдат и рабочих. В итоге в Воронеже объединявший местные общественные силы ИКОС был сильнее, чем местный Совет. Последний, хотя и организовался довольно быстро, вначале не имел достаточного влияния для самостоятельной работы и первый месяц участвовал в работе ИКОС, тем самым признавая и легитимизируя его. Хотя в Воронеже Совет сорганизовался достаточно быстро, уже в начале марта, первоначально он не обладал достаточным влиянием на другие органы власти. То же самое было и в уездах. Данная тенденция сотрудничества Советов и исполкомов в те дни была очень распространена². Это позволяет заключить, что первые недели революции в Воронежской губернии не было классической схемы двоевластия буржуазно-демократических органов и Советов – в том смысле, в каком это традиционно принято понимать в отечественной историографии. Не было и «многовластия», о котором можно было бы говорить. Как видно, все местные исполкомы признавали власть губкомиссара и ГИК и подчинялись ему в своей работе. Правильнее говорить о единовластии губкомиссара и поддерживающего его ГИК в масштабах губернии и ИКОС – в масштабах города. Так как эти ветви слабо контактировали между собой, можно говорить об управленческом (но не политическом, так как все органы поддерживали ВП) «двоевла-

¹ Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара, 2002. С. 41.

² Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России. С. 233.

стии» двух ветвей управления: назначенного губкомиссара и выборных местных комитетов. Существовали и другие органы, которые могли претендовать на исполнение власти – дума, Совет и КООУ. Однако, как будет показано ниже, дума сохраняла только хозяйственные полномочия, а КООУ и Совет были общественными органами, чье влияние определялось через другие организации.

Положение в уездах, насколько можно судить по скудным данным, складывалось примерно так же. И хотя все органы были де-факто автономными в своих действиях и оторваны от непосредственного влияния губкомиссара (даже многие сообщения с мест он получал спустя недели и месяцы), исполкомы как органы кооперации и объединения общественных усилий обеспечивали определенную стройность управления. Отсутствие других серьезных претендентов на власть, признание политики Временного правительства, их полномочия на местах, доверие общества – все это в короткий срок создало систему власти после революции. Можно считать верным и мнение советских историков, считавших исполкомы фактически местными органами Временного правительства, хотя оно само этого не признало¹. За это говорит то, что исполкомы в целом проводили политику Временного правительства и были его опорой на местах.

В свержении самодержавия отразились особенности управленческого кризиса, постигшего Россию перед революцией. Он сам по себе сильно деморализовал губернаторов, а отречение царя окончательно лишило их воли к сопротивлению. Несмотря на возможность хотя бы частично воспрепятствовать событиям, на протяжении всего переворота их поведение отличалось пассивностью и лояльностью правительству. Общественность и большая часть местного самоуправления, в котором прошло группирование либерально-оппозиционных элементов, выразили самодержавию недоверие, что вырывало у губернаторов инициативу из рук. Силловые структуры при уничтожении коронной администрации целиком подчинились новой власти и были расформированы. Земские и муниципальные органы

¹ Лисовский Н. К. Некоторые проблемы истории Октябрьской социалистической революции на Урале // Установление и упрочение Советской власти на Урале. Тезисы межвузовской региональной научной конференции. Челябинск, 1983. С. 14.

местного самоуправления, как наиболее приспособленный для этого институт, приняли на себя задачу формирования новой структуры управления, обеспечив определенный порядок. Вместе с тем действия местного самоуправления в Воронеже тоже были разъединены, отражая сложившуюся тенденцию рассогласованности работы земства и думы, что компенсировалось активизацией общественности, фактически принявшей на себя все основные задачи момента и потеснившей цензовые элементы старых органов. В итоге старая, бюрократическая структура управления была фактически сломлена в ходе событий, и власть была вручена непосредственным социальным катализаторам этого процесса – общественным объединениям, которые руководили при формальном главенстве старых управленческих структур. Это позволило достичь легитимации местных органов и единства их действий. Но одновременно это порождало тенденцию противоречия между общественным характером управления и бюрократической деятельностью государства, что не замедлило проявиться.

2. 2. Губернские органы власти и трансформация местного самоуправления (апрель – сентябрь 1917 г.)

Изменения в структуре губернского управления были кардинальные, однако характеризовались сохранением основного принципа старой системы – бюрократического характера главы губернского управления и выборного – местных органов. После революции это противоречие не только не было смягчено, но и напротив, разгорелось в полную силу, сильно ослабив местную власть. Для понимания этой проблемы необходимо внимательно изучить вопрос о том, как конкретно реализовывала свои полномочия губернская власть, на основе каких законов и что ей препятствовало в ее работе.

Хотя указание Львова о назначении губкомиссаров было отправлено 6 марта, окончательно их полномочия были определены лишь постановлением ВП 1 апреля. Согласно ему, комиссар назначался правительством и являлся главным «носителем власти правительства в губернии». 1 апреля комиссарам были посланы инструкции об их функциях, а 15 апреля – уточнения о сути их управления, которые сводились к тому, чтобы «реорганизовать губернское (областное) и уездное управление на основе сохранения старого административного аппарата, ограничившись его демократизацией и назначением на места комиссаров»¹.

Губкомиссар признавался представителем Временного правительства и подчинялся ему через МВД. Он возглавлял все гражданское управление, имел право надзора за всеми его отраслями. Губернское правление заменялось очень схожим по функциям и структуре советом при комиссаре, в составе которого были общее, административное, сельское и хозяйственное присутствия. В него входили назначаемые комиссаром помощники, инспектора милиции, строительные и врачебные инспектора, председатель окружного суда и прокурор. В уездах ранее правлений не было, поэтому такие советы там не предусматривались. В ведении губкомиссара были также строительство, общее землеустройство, «общий над-

¹ Тригуб Г. Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Дис. ... к. и. н. Владивосток, 2004. С. 124.

зор» за милицией и право вызова войск. Постановление тем самым официально передавало комиссарам практически все функции и права старых губернаторов¹. Однако от губернаторов они отличались тем, что не имели административной власти – в случае несогласия с местными постановлениями местных органов (земств и исполкомов) комиссар имел право лишь протестовать через суд и направлять жалобы начальству². Съезд губкомиссаров 22-24 апреля уточнил и подтвердил эти полномочия. Уже гораздо позднее, в сентябре, функции и полномочия губкомиссаров были значительно пересмотрены. «Положение о губернских уездных комиссарах» и «Временное положение о губернских (областных) комиссарах» от 19 сентября вернули им большинство функций губернаторов: председательство во всех губернских учреждениях и комиссиях, право на непротиворечащие закону обязательные постановления, надзор за соблюдением законов и местными органами. Сохранена была защита губкомиссаров от административных жалоб губкомиссара рассмотрением их через Правительствующий Сенат. Уездные комиссары назначались и смещались МВД через посредство губкомиссара.

Таким образом, губкомиссар в целом весьма сильно напоминал старого губернатора, что дало право советской историографии обвинять за это Временное правительство в реакционности. Действительно, он занимал то же доминирующее положение в системе управления, продолжая традицию бюрократического управления на местах от правительства, сохраняя надзор за обществом и исполнением законов: «...в 1917 г. Временное правительство, теряя управляемость страной, пыталось вернуться к жесткой вертикали исполнительной власти на местах, подчиненной центральному правительству. В условиях углубляющегося кризиса и развала страны оно шло по пути усиления власти губернского комиссара, во многом используя дореволюционный опыт института губернатора в чрезвычайных

¹ Гордеев О. Ф. Февральская революция и Сибирское земство // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей. Красноярск, 2002. С. 38.

² Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. Вып. 2 / Под ред. Л. С. Гапоненко. М., 1958. С. 311-312; Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на пути к власти. С. 346-347.

условиях»¹. Однако эта власть строилась в основном на признании его правительственных полномочий и правопреемстве функций старых органов власти. Губкомиссар имел те же недостатки, что и старые губернаторы: отсутствие возможностей при сохранении административного доминирования. Это усугублялось революционным распадом. Исполнительный аппарат попал в руки исполнительных комитетов, и поэтому комиссарам было указано управлять в опоре на общественные объединения.

К сожалению, из-за небольшого количества документов почти отсутствуют данные о непосредственной работе воронежского губкомиссара. В архивах сохранились только донесения с мест и его реакция. Документы в архивах содержат в основном переписку губернских органов с уездными комиссарами, УИК, думами и военными властями. Судя по всему, Томановский и члены ГИК были озабочены исключительно сохранением спокойствия в губернии. Например, 17 апреля губкомиссар спустил в уезды распоряжение МВД о процедуре реформирования жандармских управлений². При этом не найдено никаких инструкций об организации милиции. Не выявлено пока и тесных контактов комиссара с судебными, продовольственными и другими подобными организациями. Нет сведений о реализации постановления от 1 апреля. Во многом это объясняется потерями архивов, но нет таких материалов и в местной прессе. Создается впечатление, что в этот период губкомиссар не вмешивался во внутреннее управление, а лишь покорно выполнял функции верховного блюстителя, передавал распоряжения сверху и пытался соблюдать порядок в губернии, который с каждым днем нарушался все больше. При этом старый аппарат управления в лице губернского правления, губернской канцелярии и т.п. остался почти в неизменном виде вопреки инструкциям.

Так же практически нет данных, даже газетных, о работе в это время ГИК. Судя по всему, ГИК не был выбран на съезде свободно избранных делегатов, как это часто происходило в других губерниях, а только пополнен представителями

¹ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2001. С. 116.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 101.

общественных организаций Воронежа – но неизвестно, в каком числе. Лишь в мартовской жалобе Совета упоминается, что в ГИК было 6 его представителей и 1 крестьянин, прошедший от кооперативов¹. Первые документы о роли ГИК касаются мая 1917 г., когда он уже был демократически переизбран общественностью. Из этого можно предположить, что его деятельность тоже была слаба.

Очень скупы и сведения о работе УИК. Тем не менее, на основе сохранившихся документов можно считать, что в целом двоевластия в широком смысле в уездах не было. Советы рабочих и солдатских депутатов в этот период были весьма немногочисленны и первую половину 1917 г. не оказывали серьезного влияния на обстановку, сотрудничая с другими органами. УИК, тесно кооперируя с думами и другими организациями, были практически полновластными органами управления на местах – за счет объединения усилий всех слоев общества и отсутствия других претендентов на власть. Они регулировали местную общественную жизнь и порядок, решали наиболее актуальные вопросы. Конфликты, возникающие в этом вопросе, не смогли поколебать этой системы, хотя случаи борьбы с УИК известны.

Показателен в этом плане конфликт в Павловске. После революции начальником милиции здесь стал присяжный доверенный А. М. Дрожжин. Сам себя он называл эсером. Благодаря этому он же стал председателем Совета. Однако так как рабочие и солдаты в городе были немногочисленны, то Дрожжин начал утверждать свое влияние, опираясь на бывших дезертиров. Он обнаружил явные диктаторские поползновения – стал посылать в волости личных агитаторов и выпускать листовки. Встав в конфронтацию к УИК, Дрожжин решил воспользоваться гарнизоном, который был в его подчинении как начальника милиции. 6 апреля 1917 г. он отправился в казармы солдат и заявил им, что УИК назвал их «шайкой хулиганов». В результате солдатами за ночь было арестовано 12 чел., включая 10 членов исполкома. Наутро у тюрьмы с арестованными собралась толпа в 3 тысячи человек, которая начала требовать отпустить узников. На штурм толпа не реши-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 23 марта. №65.

лась, так солдаты пообещали открыть огонь. Все же Дрожжин отпустил пленников, взяв с них подписку об отказе от сопротивления. Одновременно он стал спаивать солдат денатуратом, а населению – обещать передел земель и имущество богачей. Запуганные члены исполкома не решались ему возражать, и Дрожжин сохранил всю полноту власти. 23 июля он был выбран уездным комиссаром, что привело к целому ряду возмущенных протестов местных жителей. В частности, Лосевский волисполком аттестовал его как «демагога, политического недоноска... провокатора, свободно распоряжающегося общественными денежными суммами». Лишь после телеграммы в Воронеж оттуда была послана следственная комиссия, которая восстановила порядок¹. По существу, в Павловске имел место единоличный террор ловкого авантюриста, который воспользовался разложившейся военной силой.

В свою очередь некоторые члены УИК тоже претендовали на доминирование, что вызывало конфликт. Так случилось в Задонске. 14 мая председатель Задонского УИК, городской судья Данков пытался арестовать членов землеустроительной комиссии думы Марковского и Плотникова. 12 июня он приказал распустить, как «незаконные», городской исполком и городскую милицию, а 20 июля уволил начальника милиции Поташева со службы и приказал заменить его И. И. Артемовым, передав всю милицию города начальнику уездной милиции². Однако по настоянию думы Данков был смещен с должности и конфликт был исчерпан. Обращает внимание, что Данков, как и Дрожжин, старался опираться на военную силу, лишь косвенно используя общественные организации.

Это свидетельствовало о проблемах разлада в новых органах власти, попытках отдельных лиц воспользоваться обстановкой неопределенности законодательства и оторванности от ситуации верховной власти, чтобы добиться личных целей. Все же, хотя данных о ситуации на местах сохранилось мало, создается впечатление, что такие бунты амбициозных провинциальных Робеспьеров были исключениями. Система УИК, несмотря на ее рыхлость, была единственной серьез-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Лл. 197-200; Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2354. Лл. 5-7.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2347. Лл. 65-65об., 87об., 91-91об.

ной структурой власти в губернии и не имела серьезных конкурентов. Исполкомы, как полновластные на местах органы, подчинявшиеся правительству, обеспечивали относительно четкую вертикаль власти и управления, что давало губкомиссару возможность защищать их от прямых посягательств. Однако система исполкомов вскоре начала трансформироваться – причем процесс шел в виде смены членов исполкомов и уездных комиссаров.

Вскоре после революции начало шириться недовольство назначением комиссаров сверху и участились требования избирать их напрямую. Для успокоения населения правительство было вынуждено утвердить принцип смены комиссаров, но «исключительно по представлению губернских комиссаров»¹. Этот порядок подробно разъяснялся в телеграмме Львова от 1 апреля 1917 г. Они должны были сами или по представлению УИК представлять кандидатов в уездные комиссары МВД. Уездные комиссары имели аналогичные права в уездах. Увольнение уездных комиссаров могло совершаться только по постановлению правительства на основании прошения губкомиссара при условии представления кандидата для замены. Фактически это была уступка исполкомам, стоявшим во главе таких требований, причем правительство старалось сохранить контроль за властью на местах.

Однако на деле все получилось по-другому. Уездные комиссары не столько руководили работой волостных комитетов и общественных органов, сколько сами испытывали на себе их сильное влияние. Как следует из информации местной печати, уже к началу мая комиссары были сменены в 5 уездах. Полный список уездных комиссаров, назначенных губкомиссаром, был опубликован в «Воронежском телеграфе» 6 мая². Причем этот список был уже неверным. Во-первых, к тому времени во многих местах комиссары начали сменяться под давлением общественных кругов. Во-вторых, многие из избранных комиссаров официально не были признаны губкомиссаром, хотя фактически вступили в должность. А некоторые из этих комиссаров сменили предыдущих.

¹ Воронежский телеграф. 1917. 2 апреля. №71.

² Воронежский телеграф. 1917. 6 мая. №95.

Другая газета, «Воронежские губернские ведомости», показывает, что к июню 1917 г. уездные комиссары сменились уже в 9 уездах из 12. Коротоякский комиссар В. Н. Ровнев 17 апреля уступил пост заведующему отделом народного образования земства А. Н. Яковлеву; павловский комиссар И. Д. Тушневу 29 апреля – С. Я. Склобовскому; землянский комиссар И. А. Крутиков 16 мая – Я. И. Алехину; нижедевицкий комиссар А. Н. Харкевич 16 мая – С. П. Бочарову; задонский комиссар Б. В. Савельев 16 мая – С. А. Данкову; воронежский комиссар Н. А. Александров 23 мая – отставному генерал-майору С. Н. Крашенинникову; бирюченский комиссар Д. М. Гревс – преподавателю местной женской гимназии М. В. Котловскому; валуйский комиссар К. Д. Блинов 5 июля – А. И. Пеленкину. В Бобровском уезде к июлю 1917 г. уездный комиссар был смещен дважды: В. А. Павлова сменил И. Н. Завадский, а после него – лесничий Л. А. Козловский¹. Сравнивая два этих списка, можно заметить, что фактически не были смещены только комиссары Богучара и Острогожска, а в некоторых уездах комиссары сменились по два раза. Причем в Острогожске Пассек возглавил переизбранную управу (в отношении Богучара сведений не имеется).

Это говорит о большой непопулярности комиссаров из бывших земцев. Процесс их смены был прямо связан с подъемом активности крестьянства. Если аграрное движение было выражением его экономической борьбы за землю, то в смене земств и комиссаров проявилась их политическая организованность. Из документов видно, что противостояние уездным органам выражалось в виде съездов волостных комитетов или крестьянских съездов, которые избирали новые УИК, а те в свою очередь меняли состав земских управ. Суть конфликта была в их борьбе против старых цензовых элементов, которыми деревня была недовольна за их преимущественно помещичье происхождение и слабую работу. В этом отношении требования крестьян совпали с настроениями демократической общественности городов, которая активно включилась в процесс и старалась его направлять.

¹ Филиппева С.В. Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии... С. 159. При сравнении с документами исправлены ошибки в инициалах.

Историками уже неоднократно был показан, как на центральном материале, так и на региональном, этот процесс смены местных органов¹. Он проходил обычно в три этапа: март – апрель 1917 г. – появление исполкомов; апрель – май 1917 г. – их конституирование, смена цензового состава земских органов на выборный от исполкомов; май – декабрь 1917 г. – регламентированное демократическое избрание новых органов на основе постановлений правительства. Исследование воронежских архивов показывает практически полное совпадение с общероссийской тенденцией. Рассмотрим события на основе сохранившихся документов, охватывающих 9 уездов.

В ряде случаев уездные комиссары сами подавали в отставку, фактически вручая свою власть новым выборным представителям. 15-16 марта при Воронежской уездной земской управе состоялось совещание представителей волостных комитетов. На нем управа сама предложила дополнить состав УИК делегатами волостей. Однако последними вместо этого был поставлен вопрос о дополнительных выборах 3 членов в управу. Были избраны владеющий купленной товариществом землей С. Т. Грохов, крестьянин Верхне-Катуховской волости, владелец наделной земли в Верхне-Хавской волости крестьянин Попов и агроном Березовского сельскохозяйственного общества В. И. Малышкин. Последний даже не был делегатом, а был приглашен на совещание для обсуждения вопроса о поставке скота и хлеба в армию². Ожидая нового закона о земствах, управа постановила рассмотрение вопроса отложить, однако делегаты настояли на своем. 16 апреля прошел съезд представителей волисполкомов, на котором председателем был избран глава Рождественского волисполкома – земский врач К. В. Попов. Вместо старых членов управы были выбраны К. В. Попов, В. И. Малышкин и крестьяне И. А. Рублев и А. Г. Тимохин, а также почетными членами – Н. М. Чебалак и заведующий техническим отделом управы Н. Г. Кольцов. Отстраненные съездом глава управы Н. А. Александров и ее член С. Н. Мельников подали в отставку. Из

¹ См.: Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917). М., 1983; Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты 1917 г. М., 1992.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2378. Л. 28.

трех членов управы остался лишь С. Н. Крашенинников, избранный председателем. Первым делом новая управа, выполняя требование съезда, постановила организовать исполкомы в деревне согласно резолюции губернского крестьянского съезда 8-9 апреля, по которой на исполкомы возлагались все хозяйственные и социальные нужды. УИК решил взять средства для них «от подесятинного налога на земли еще не облагавшиеся – т.е. частновладельческие, церковные, удельные и пр., а также пособия из казны». В свою очередь Томановский сообщил, что товарищ министра внутренних дел Леонтович признал УИК, так как довыборы одобрялись как временная мера до реформы местного самоуправления. Однако «подесятинный налог» комиссар на основании телеграммы Львова комиссар запретил¹.

Довольно легко прошло обновление в Острогожске, где сам уездный комиссар А. В. Пассек, ставший эсером, на заседании 28 марта предложил приступить к демократическим выборам. Было признано необходимым участие в качестве гласных крестьян от волостных сходов – по 2 человека с волости начиная с 20 лет. От городской думы было выделено 8 человек вместо 4, «с тем, чтобы число гласных от думы увеличилось за счет представителей от солдат и рабочих и представителей от земских служащих»². 20 июня губкомиссар получил сообщение комиссара Пассека, что управа была переизбрана 25 апреля. Членами ее стали почти исключительно представители общественных «низов»: острогожский мещанин Т. П. Медведев, фельдшер из с. Ольховатки В. И. Чоба, почетный гражданин из сл. Кординцевой И. В. Дахневский, ефрейтор из с. Колчедина Камышловского уезда Пермской губернии А. П. Мизгирев и крестьянин сл. Всесвятки А. Х. Петров³.

В Валуйках глава управы К. Д. Блинов под напором крестьян отказался от должности комиссара и его сменил 22 мая А. И. Пеленкин⁴. 2 июня прошло заседание, на котором земство по инициативе исполкома было переизбрано принципом всеобщего избирательного права. Постановлено было пополнить состав вдвое

¹ Воронежский телеграф. 1917. 11 апреля. №74; 2 мая. №91; ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 5-10об.

² ГАВО. Ф. И-220. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Л. 109.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 3 июня. №116.

– до 62 членов. В комиссию вошли 1 представитель от партий, 1 от союза учителей, 2 от земских служащих, 1 от Совета офицерских, солдатских и рабочих депутатов. 5 июня закрытой баллотировкой главой управы избран преподаватель Уразовского коммерческого училища Г. С. Лордкипанидзе. Товарищем его К. Д. Блинов. Гласными были избраны: В. Г. Лукин – инструктор потребкооперации при Валуйском союзе потребительских обществ; Н. Р. Никитин – бывший земский учитель; А. И. Бакум – крестьянин Погромецкой волости¹.

Мало известно о ситуации в Нижнедевицке. Здесь 16 мая по постановлению УИК «особое собрание уполномоченных» полностью сменило земскую управу на 6 членов: С. П. Бочаров, М. Е. Нестеров (оба земские учителя), И. В. Вяхирев (земский врач), А. Б. Прасолов, М. А. Рахманин и В. Д. Шакин (священник)².

Благодаря единению политических сил безболезненно прошла смена власти в Новохоперске. Местный УИК стал всерьез работать с начала апреля. Уездным комиссаром был глава управы М. Е. Никитин, но он сдал вскоре должность главе УИК врачу Зинину. Это породило в УИК мысль об объединении должностей, но без разрешения он на это не решился – губкомиссар и без того не признал назначения. Правление УИК ограничилось отстранением членов земской управы П. П. Доломанова и В. В. Емельянова. 6 мая уездный крестьянский съезд постановил распустить земство до его перевыборов и все дела передать исполкому. В итоге УИК, оставив для преемственности главой управы Никитина, ввел своих трех представителей – И. А. Венцова, А. А. Буханцева и Г. В. Зинина. Победе УИК способствовало, кроме напора крестьян, наличие в городе крупного и политически активного гарнизона и тесная кооперация соцпартий. За это местные жители назвали новую управу «коалиционной», подобно коалиционному правительству. Действительно, Никитин был из близких к кадетам землевладельцев, Венцов – прогрессистом, Зинин эсером, а Буханцев социал-демократом (а вскоре – большевиком). В связи с намеченными демократическими выборами новая управа решила не менять порядка работы, лишь проведя проверку дел прежнего земства. В

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 83-84об.

² Там же. Л. 78.

июле Зинин отбыл в Воронеж на работу в губернский земельный комитет, на его место был временно избран А. А. Ермолаев¹. Начиная с этих дней, политика «коалиции» дала трещину. Ермолаев оскандалился, разрешив владельцу типографии исключать слишком «левые» замечания в газете социал-демократов, «прогрессисты» быстро стали врагами не только последних, но и эсеров. Социалисты же, несмотря на совместную работу и победу на выборах в думу в составе «социалистического блока», все чаще стали спорить по поводу отношения к большевизму. Однако рост авторитета последних привел к тому, что в августе уездным комиссаром стал глава Совета прапорщик-большевик Е. В. Плотников².

В то же время в некоторых местах губернии уездные комиссары и цензовые элементы земств вступали с оппозицией в острую борьбу. Тогда кроме опоры на всеобщее избирательное право, легализованное революцией, противники цензовиков использовали и силовые методы.

Бирюченский УИК по своему решению арестовал двух земцев, а потом заставил управу подать в отставку. 15 мая он провел перевыборы «согласно заявления членов старого состава Бирюченской земской управы о сложении полномочий и решения назревшего вопроса о демократизации земства в духе текущих событий». Под давлением УИК подал в отставку и уездный комиссар Гревс, замененный на учителя женской гимназии Котловского. Правда, уже спустя несколько дней большинство членов УИК подало в отставку и их пришлось заменить новыми. 17 мая старая управа отправила губкомиссару жалобу, в которой утверждала, что Котловский не обладал нужным авторитетом. Город, по заверениям управы, был поражен избранием его уездным комиссаром, «в зале заседаний с полчаса раздавались крики протеста всей публики, но президиум настоял на своем». Причиной был «большевизм» Котловского: «Новый комиссар вошел в душу комитета своим большевизмом. “Долой войну”, “Да здравствует братанье”, “Берите сами землю”. Эти лозунги сбили с толку крестьянский комитет, который и отдал Котловскому большинство своих голосов». Остальных членов комитета управа оха-

¹ Свободное слово (Новохоперск). 1917. 3 мая. №1.; 13 мая. №9; 7 июня. №11.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 85. Лл. 8об., 14об., 16об.

рактизовала как «ничем себя не заявивших». Заканчивалась жалоба черным пессимизмом: «Словом, живем в Бирюченской республике. Гражданам приходится тяжело. Предстоят аресты земских служащих, протестующих против незаконных выборов в управу. Начат разгром союза земских служащих и т. д. Просим помощи». Пытаясь сопротивляться УИК, губкомиссар заявил, что необходимо сохранить в городе преемственность и финансовую стабильность уезда, поэтому отставку управы счел недопустимой. 27 мая он послал телеграмму УИК, в которой отказался утвердить новоизбранный состав управы. Томановский потребовал новых выборов в согласии с МВД¹. Судя по всему, это так и не было сделано.

1 мая Задонская управа сообщила губкомиссару, что в состав земства были избраны новые члены: В. И. Пендюрин от села Верхне-Казачьего и рабочий г. Задонска П. М. Широкожухов. Однако этого было недостаточно, так как вскоре давление местных жителей на цензовиков выросло еще больше. Управа жаловалась, что ее нужно срочно пополнить представителями нецензовых кругов населения, так как созыв по правилам 1890 г., пусть и с пополнением делегатами от волысполкомов, «не удовлетворял бы требованиям настоящего момента». Местные жители требовали предоставить выборы новой управы самому УИК, «как созданной самой жизнью организации с широким представительством демократических кругов». Тогда уездный комиссар заявил в Воронеж, что выборы Пендюрина и Широкожухова прошли с нарушением ряда правил: о дне выборов не были оповещены волостные комитеты, на собрании не присутствовал избранный делегат Некрасов, а избранный Пендюрин ранее был полицейским урядником, «о чем он сам лично не довел до сведения». Комиссар считал возможным допустить лишь Широкожухова и опротестовал избрание Пендюрина, с чем и согласился губкомиссар. Тем не менее, своего УИК добился: управа была переизбрана 17 июня. Председателем стал Я. А. Кириллов, заступающим место председателя – Широкожухов, членами – А. П. Союзов, М. Л. Челядинов, М. Я. Кондратьев².

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 57-58, 43-44, 46, 50-50об.

² Там же. Лл. 32-32об., 41, 111.

Но самым громким событием, ставшим известным даже за пределами города, стала смена власти в Боброве. В этом уезде волисполкомы образовались очень быстро, еще в начале марта. Уездная управа же продолжала работать в старом составе и целиком вошла в УИК. Недовольное этим население перестало платить подати. 21 марта уездный крестьянский съезд потребовал переизбрать буржуазию и цензовиков в УИК, заменив их на крестьян. Как жаловались земцы, на съезд не были допущены ни землевладельцы, ни земские служащие, ни даже духовенство. На следующий день новый УИК вместе со съездом переизбрал всю управу. Все новые члены были крестьянами: председателем – эсер Н. С. Разумный, членами – Т. Л. Новиков, Е. К. Пузаков и Н. С. Синегуб.

Заместитель министра внутренних дел Леонтьев пригрозил управе запретом на выдачу государственных денег¹. 6-7 апреля управа созвала земское избирательное собрание, на сей раз уже от всех избирателей волостей. В итоге на съезде присутствовали представители духовенства, служащих и землевладельцев. Результат, однако, был тот же – крестьяне шумно протестовали против вхождения старых земцев в новое собрание, из-за чего те были вынуждены покинуть зал. При выборах духовенство было решено вовсе не выбирать. Земские служащие были забаллотированы шарами. В собрание попали только учителя. Сама управа была переизбрана с тем же составом. Из старых членов были оставлены только председатель полковник Чхеидзе и секретарь Богородицкий². Так как казначейство не желало выдавать кредиты новым членам, было разрешено остаться на службе Студеникину и Масичу. За их подписью и получались деньги из казначейства.

Новым уездным комиссаром был выбран Шибловский. Его предшественник послал Томановскому бурный протест: «...в выборах Шибловского в кандидаты комиссара... принимали участие такие лица, которые не имели ни только полномочия, но и права в выборах и вошли произвольно в члены Бобровского Исполнит[ельного] Комитета, кроме того, меньшинство голосов участвовали в выборах

¹ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 89.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 118-119, 24-25об.

г. Шибловского»¹. Несмотря на это, губкомиссар, убедившись в законности выборов и правильности получения денег, признал управу². Однако Масич и Студеникин не сдались, пытаясь бороться против нового земства. К тому же их присутствие по-прежнему вызывало ненависть у крестьян. Управе пришлось их снова исключить, но после этого казначейство снова отказало в выдаче денег³. Три месяца управа была в тяжелом финансовом кризисе, из-за чего хозяйство уезда быстро пришло в упадок. Возмущенное население стало угрожать бунтами. Проезжавший позже корреспондент отмечал, что со стороны верховной власти велась «очень опасная игра с огнем»⁴. На выборах в Бобровский волисполком было заявлено, что «на поддержку председателя Уездной Земской Управы население Бобровской волости идет силой». В июне УИК сообщил губкомиссару, что ввиду назревающих беспорядков слагает с себя ответственность за последствия⁵.

25 июня вопрос был рассмотрен в Воронеже на совместном заседании ГИК, ИКОС и Совета, которое заслушало сообщение Разумного. Командированный ГИК для разбора дела делегат А. Инцертов встал на сторону УИК. Заседание постановило открыть уезду кредит. Однако казначейство продолжало отказывать, ссылаясь на указания начальника департамента министерства финансов. Тогда совместное совещание поручило Томановскому открыть кредит в нарушение требований – что, как оказалось, он сделал и сам⁶. «Временное правительство проиграло тяжбу с местными организациями», – резюмировал Герасименко⁷. Как видим, правительственные структуры не смогли ничего противопоставить массовому противоборству населения, настроенному резко против имущих слоев, что продемонстрировало, как власть ускользала у них из рук.

Примерно так же проходили события в Землянске. Первое собрание Землянского УИК, реформированного по инструкции губернского крестьянского

¹ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 323. Лл. 51-52.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Л. 26.

³ Там же. Лл. 119-122.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 5 июля. №142.

⁵ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 121, 119.

⁶ Воронежский телеграф. 1917. 29 июня. №138.

⁷ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 90.

съезда, прошло 30 апреля – 1 мая. В него вошли по 2 депутата от волостных комитетов, представители Совета рабочих и солдатских депутатов, городских общественных организаций, уездной земской управы и служащих уездного земства. Так как из состава управы остался только один член, А. И. Семенов, исполком постановил избрать новый. В результате двойной баллотировки были избраны: председатель – И. А. Крутиков, члены – Я. Н. Гладких, С. К. Дедов, И. Т. Ключанцев, П. А. Лопухов. Новым комиссаром был выбран эсер Я. И. Алехин. Президиум собрания, доводя до сведения губкомиссара об этом, просил утвердить управу. Губкомиссар 10 мая ответил, что согласно телеграмме Леонтьева следует оставить А. И. Семенова для получения денег казначейства. Однако Семенов при выборах не прошел, поэтому управа ответила казначейству, что кредиты необходимо передавать на имя Крутикова и Гладких. Губкомиссар был вынужден передать вопрос на рассмотрение МВД¹. Дальнейший ход событий установить из имеющихся документов нельзя, но скорее всего, итог этой истории был тот же, что и в Боброве.

Хотя в нашем распоряжении отсутствуют материалы по остальным 3 уездам, можно полагать, что там действовали те же тенденции. Тем более, по данным печати, в Коротояке и Павловске комиссары были сменены еще 17 и 29 апреля соответственно, а в Богучаре возможна была смена управы с сохранением комиссара. Данный процесс в целом шел в том же русле, что и в общероссийском масштабе². Уже к концу марта из 55 прежних губкомиссаров осталось лишь 23, из 439 уездных – 177³. Ситуация в Воронежской губернии отличается лишь деталями. Например, в Пермской губернии все уездные комиссары, кроме одного, были смещены уже в апреле 1917 г. Причина этого в том, что там они испытывали сильное давление со стороны общественных организаций, особенно Советов⁴. В Воронежской же губернии в связи со слабым экономическим и общественным

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 27, 30-34.

² См. Герасимов Г. А. Указ. соч. С. 58-106.

³ Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти. С. 82.

⁴ Баженова Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Научные труды Свердловского юридического института. Вып. 44: Государственный аппарат (историко-правовые исследования). Свердловск, 1975. С. 77.

развитием смена состава шла в основном через крестьянские съезды. Однако общий процесс был тот же – упорное недоверие к старому цензовому составу и его смена на считавшихся демократическими представителей, близких крестьянскому населению. Практически всегда на пост комиссара попадали представители либо интеллигенции, заслужившей доверие, либо крестьян.

Что до демократизации городских органов управления Воронежской губернии, то судя по всему, она прошла два этапа: в марте – апреле, когда думы пополнили свой состав делегатами от населения; и второй – уже в рамках общероссийских перевыборов дум, проходивших в основном в июле-августе 1917 г.¹ В рамках последнего губкомиссар разослал циркуляр от 19 апреля с изложением установленных временных правил. Как видно из немногих сохранившихся данных, деятельность дум, исполкомов и Советов в целом проходила в единстве и факты противоборства исполкомов и дум были единичны. Лишь в Богучаре УИК после получения циркуляра губкомиссара от 30 марта о разработке ВП правил избрания думы тут же настоял на ее перевыборах. Проведенные в апреле выборы сменили весь состав управы. После этого УИК и Совет работали в контакте с думой. По предложению УИК дума даже взяла на себя контроль над продажей хлеба². Судя по всему, процесс перевыборов был инициирован эсерами, так как при думе была создана социалистическая группа гласных во главе с эсером Н. Ф. Поповым. Именно она 11 августа установила программу работы думы³.

Да и в целом, хотя процесс демократизации поддерживался разными политическими силами, наибольшее влияние на него приобрели эсеры. 8-12 апреля в Воронеже прошел съезд представителей волисполкомов, на котором главенствовали представители ПСР. Съезд также призвал бороться за организацию политической жизни на трудовых началах, что подразумевало активность деревенских исполкомов и демократизацию власти⁴. Работа эсеров по организации новых

¹ Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronez (1917-1919). Stuttgart, 2006. S. 36.

² ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2344. Лл. 78-78об., 110об., 161.

³ Лавыгин Б. М. Указ. соч. С. 85-86.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Л. 7об.; Воронежский телеграф. 1917. 13 апреля. №76.

сельских органов позволила им в короткий срок завоевать влияние на крестьянство. Во многом именно благодаря их усилиям был форсирован процесс демократизации местных органов.

К тому времени пополнение органов самоуправления было разрешено и правительством, которое пыталось взять этот процесс под свой контроль. 13 июня губкомиссар циркулярно разослал уездным управам сообщение, что вследствие телеграмм министра Львова необходимо срочно приступить к выборам в волостные и уездные органы на основании утвержденных 21 мая временных органов и приступить к предварительным работам, не ожидая наказа. Согласно телеграмме, местные органы могли быть пополнены демократическим составом «в числе равном числу гласных дум, управы, соответственно действительной надобности». При этом демократизация признавалась лишь как временная мера. О случаях, когда состав увеличивался в больших размерах, сообщать МВД и приступать только после его разрешения¹. Однако, как видим, на местах население практически игнорировало это распоряжение, меняя управы целиком.

В связи с этим в середине лета правительством была начата работа по подготовке избрания новых уездных земств. 9 июня принято постановление «Об изменении действующего Положения» 1890 г., подкрепленное 15 июня наказом с временными правилами о производстве земских выборов. Согласно им, сословный ценз отменялся и оставлялась только куриальная система выборов от деревни и городских поселений. Выборы по городской курии шли на основании составленного правительством списка, разделенного на городские округа: по сельской – в избирательном округе, формируемом уездным земством. Проводили их участковые и окружные избирательные комиссии, избрание которых шло на основе Временных правил о производстве выборов дум. Постановление расширяло права земских собраний, в том числе, вводя новую должность постоянного, демократи-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Лл. 74-75об.

чески избранного председателя собрания¹. Контроль за исполнением правил возлагался на губкомиссара.

В историографии давно утвердилось мнение, что Временное правительство сделало ставку в создании местной управленческой структуры на земство². Обычно в этом усматривается приверженность его состава либеральным земским традициям для построения демократической политической системы. Однако стоит присоединиться к тем исследователям, которые указывают, что в обстановке 1917 г. земские управы и УИК самовольно переизбирались массами, поэтому создание земств, начавшееся летом 1917 г., имело и более прозаическое решение – ввести в рамки общественную стихию, создав организованную и подконтрольную государству структуру³. При этом в политике правительства проявились две разнонаправленные тенденции: расширить права местных земств и вместе с тем провести через них четкую вертикаль управления⁴. Поэтому объективно политика ВП во многом преемствовала дореволюционной – четкое отделение органов местного самоуправления от бюрократически назначаемых государственных органов управления и контроля, с сохранением верховенства вторых.

Между тем массовое неподчинение «представителям правительства» со стороны общества давало о себе знать. Представители уездов и здесь пошли наперекор власти. Состоявшееся в начале июля в Воронеже совещание представителей уездных управ постановило, что губкомиссар не имеет права указывать «организации и количество представителей для пополнения состава управ». Поэтому оно лично выработало свой порядок выборов. Согласно ему, состав всех управ не превышал 10 человек и пополнялся представителями демократических организаций уезда: УИК, Советов, крестьянских союзов, земельных комитетов, партий и союзов земских служащих. Собрание проигнорировало и требования ВП, сообщив на

¹ Шутов. А. Ю. Указ. соч. С. 381-382.

² Гордеев О. Ф. Временное правительство и земская реформа в России (март-октябрь 1917 г.): исторические и правовые аспекты проблемы // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. № 11. С. 362.

³ Тригуб Г. Я. Указ. соч. С. 125.

⁴ Дерябина Е. С. Проблемы правового регламентирования местного управления в России в условиях двоевластия (февраль – октябрь 1917 г.) // Государство и право. 2014. №5. С. 59.

телеграмму Львова, что единовременные выборы по губернии нецелесообразны и сроки его будут назначены самими управами¹.

Параллельно происходил процесс строительства новых волостных органов. Вскоре после свержения самодержавия было решено приступить к введению волостных земств, что задолго до революции обсуждалось как насущная необходимость. Отсутствие волостных управ как замыкающих звеньев земских органов создавало серьезные неудобства. К тому же правительство быстро осознало фактическую самостоятельность волостных исполкомов. Требовалось срочно взять данный процесс под контроль.

11 июня правительством был издан «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных». Закон учреждал волостные земские собрания и управы. Они избирались на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. Право участия в выборах получили все российские граждане с 20 лет. При этом разрешалось голосование даже не проживающих постоянно в волости². По «Наказу», волостные избирательные комиссии созывались в составе председателя и 4-8 членов, половина назначалась уездной управой, а другая избиралась крестьянами. Председатель избирательной комиссии назначался волостной комиссией. Выборы шли пропорциональные, по партийным и групповым спискам. Постановление возложило на уездные земские управы задачу оказывать волостным комиссиям полную поддержку³. Позднее последовал еще ряд технических разъяснений. Так, 16 сентября МВД устанавливало порядок формирования и функции будущих волостных земских собраний. Им переходили все функции бывших волостных исполкомов и волостных продкомитетов, которые должны были ликвидироваться. Они же избирали местные волостные хозяйственные органы⁴.

28 июня 1917 г. под председательством В. И. Раевского прошло совещание представителей уездных земских управ по вопросу о волостном земстве. В итоге

¹ Воронежский телеграф. 1917. 16 июля. №152.

² Постановление Временного правительства о волостном земском управлении. Воронеж, 1917. 22 с.

³ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 118, 121-124.

⁴ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Л. 236.

была сформирована губернская комиссия по выборам¹. Такие комиссии начали создаваться и в уездах. Сроки выборов при этом сильно колебались. 4 июля губкомиссаром была получена телеграмма заместителя министра внутренних дел Н. Авинова. Согласно ей, сроки выборов сокращались с 42 до 31 дня². В августе пришли новые поправки – избирательные списки должны были подаваться главе волостной избирательной комиссии не за пять дней до выборов, а за десять³. К тому же с мест регулярно жаловались на отсутствие местных работников и плохую связь с деревнями.

Из-за подобных проволочек выборы волостных земств затянулись до сентября – октября 1917 г. Как и везде, в Воронежской губернии выборы проходили с рядом трудностей и при частом игнорировании населения, не привыкшего к новым выборам и занятого в условиях экономического кризиса собственными проблемами. Всего в них приняли участие 39,3% населения губернии. Для сравнения: в Витебской губернии голосовало 40,4%, в Московской – 47, 7%, Орловской – 42, 4%, Петроградской – 37, 4%, Пермской – 44,5%, Псковской – 32,5%⁴. Особенно заметный абсентеизм отмечался прессой в волостях Воронежского уезда. Так, в Чижевской слободе из 18.000 чел. голосовало не больше 1.000 чел. или 5,5%. Из них наибольшее число составляли голосовавшие за смешанный социалистический список солдаты 5-го пулеметного полка – 794 чел.⁵

19 сентября губкомиссар получил предписание МВД – после избрания земств заполнить присланные анкеты о выборах земств и вернуть их Главному управлению по делам местного хозяйства⁶. Увы, из 246 волостных земств сведения о составе предоставили лишь 136 (55,3%)⁷:

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 66.

² Филиппева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865 – 1918). С. 269.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Л. 236.

⁴ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 129.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 20.

⁶ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2363. Л. 238.

⁷ Герасимов Г. А. Указ. соч. С. 150.

Таблица 2. Избранные в волостные земские гласные Воронежской губернии

Наименование социальных групп	Количество волостных гласных
Земледельцы	3184
Торговцы	52
Фабричные рабочие	619
Учителя	56
Духовенство	32
Государственные служащие	1
Земские служащие	16
Частные служащие	52
Ремесленники	72
Интеллигенция	15
Военнослужащие	10
Капиталисты и помещики	3
Другие	2
Итого	4114

Таким образом, желание реформаторов создать демократически выборные органы управления осуществились: состав земств примерно соответствовал социальному составу государства, поэтому абсолютное большинство в них принадлежало рабочим и крестьянам. Крестьяне составили 77,4% от числа избранных гласных, фабричные рабочие – 15%, торговцы и служащие – по 1,3% , учителя – 1,4%, земские служащие – 0,4%. Появился новый слой общедемократических, часто общекрестьянских органов самоуправления. Но фактическое формирование волостных земств затянулось надолго. В документах даже поздней осенью 1917 г. упоминаются так и не распустившиеся волостные и сельские комитеты.

Значительные усилия для организации волостного земства прилагала, кроме местных органов, крестьянская секция Совета под руководством эсеров. «Для того чтобы закон о Волостном Земстве в его объеме, утвержденном Временным

Правительством 21 мая 1917 года, не остался законом на бумаге, а был проведен Земствами в жизнь, нужны подготовленные люди», – писала она в своем воззвании. Для этого ею был созван на 14 октября съезд председателей и секретарей волостных земских управ. Целью его было ознакомление их с законодательными функциями земств, задачами, способами, ролью и обязанностью земств в подготовке к Учредительному собранию и т. п.¹ Съезд прошел 13-16 октября 1917 г. в г. Воронеже в числе 120 человек. Участники выслушали доклады «Новый закон о земстве», «Земский вопрос» и «Продовольственный вопрос». Обсуждений и резолюций не проводилось².

В отличие от волостных и уездных органов губернское земство вплоть до 1918 г. пробыло в неизменном виде. Смена его произошла только вместе с переборами уездных земств по всей губернии в начале 1918 г. До этого попытки сменить ее не зафиксированы, хотя, по-видимому, определенное давление на управу оказывалось. В середине июня 1917 г. некий член управы писал в МВД: «Есть надежда, что нас реорганизуют не явочным, а законным порядком. Но, конечно, все это завтра может перемениться и губернскую земскую управу постигнет судьба Бобровской управы. Да, при старом строе мы были под большим подозрением, а при новом оказались еще большим»³.

Зато демократизация достигла ГИК. 20 мая с информационными целями состоялось собрание членов ГИК, на которое вместо 46 чел. пришло только 26. Тем не менее, собрание было признано правомочным. На него приехали представители от 6 уездов: Павловского, Бобровского, Богучарского, Землянского, Задонского и Коротоякского. Показательно, что Ростовцев стал лишь товарищем председателя собрания, которым был избран Кобытченко. Эсер Антипин высказал желание, чтобы комитет имел «самую тесную связь» с Советом для «расширения своей деятельности»⁴. Собравшихся беспокоил вопрос о власти. На каких основаниях должны существовать исполкомы и должны ли продолжать работу сельские вла-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8а. Л. 5.

² Филипцева С.В. Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии... С. 161.

³ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. С. 96.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 117-117об.

сти? На это член ГИК Лихоносов неясно ответил, что «необходимость существования исполнительных комитетов, предметы их работы» будут определены в будущем. Собрание заслушало сообщения о создании власти на местах и избрало правление из 9 человек, из которых было кооптировано только 7: Г. К. Плетенский, И. И. Бирюков, С. Д. Пупко, Мандрыкин, И. М. Нигров, В. И. Малышкин и Б. А. Келлер, ставший председателем правления¹. Последний был профессором СХИ, народным социалистом.

По всей видимости, с этого момента эсеры начали завоевывать влияние в ГИК. Уже на заседании 23 мая присутствовало 10 эсеров, 10 беспартийных, 1 социал-демократ, 1 народный социалист (Б. А. Келлер) и 2 кадет (П. Я. Ростовцев и М. И. Паленицын). Если учесть, что часть беспартийных была под эсеровским влиянием (так, среди них был А. Близнюк, представитель крестьянской секции Совета), то можно считать, что эсеры обладали доминирующим положением². Вскоре крестьянская секция потребовала передать ей деньги, отпускаясь на организацию крестьян. Вопрос закончился компромиссом – 3 июня ГИК вместе с членами секции постановил: «Объединиться между собою для дальнейшей организационной работы по губернии, и в частности на ближайшую культурно-просветительную деятельность». В комитет был введен и представитель секции³.

К концу июня давление эсеров и уездных делегатов окончательно увенчалось сменой состава. 24-25 июня было переизбрано правление ГИК. Были избраны: председатель – В. П. Кобытченко (эсер), товарищ – Б. А. Келлер (энес), члены – Г. К. Плетенский (меньшевик), А. В. Скориков (эсер), И. П. Казарцев (эсер), И. Ф. Клейменов (эсер), Антипин (эсер), профессор Н. А. Розанов (энес), М. Беляев (эсер). Итого: 6 эсеров, 2 энеса и 1 меньшевик. Кандидатами в члены правления были избраны 5 эсеров: включая главу Бобровской управы Н. С. Разумного и члена крестьянской секции Ф. Г. Лашина (предыдущий представитель секции, С. Д. Пупко, был ею отозван). Таким образом, эсеры практически полностью взяли

¹ Воронежский телеграф. 1917. 7 июня. №119.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 113-114об.

³ Там же. Лл. 105-106, 111об.

ГИК под контроль. Неудивительно, что правление тут же вынесло решения о своей деятельности, сводящиеся к необходимости «принимать участие в устройении государственной жизни на началах, соответствующих интересам трудовой демократии», что было официальной позицией эсеров. Также оно решило провести в жизнь решения губернского крестьянского съезда.

Комитет окончательно разрешил УИК выбирать комиссаров. О выборах следовало уведомлять ГИК и губкомиссара. Они утверждали избранных, причем в случае, если уезд не получал сведения о назначении, комиссар считался утвержденным. Самого губернского комиссара Томановского, после выслушивания заявлений представителей от уездов было решено сместить. Постановление требовало «выдвинуть на пост губернского комиссара лицо, отвечающее интересам и взглядам демократических слоев населения»¹.

Выборы комиссара прошли того же 25 июня на совместном заседании ГИК, ИКОС и Совета. Инициатором была крестьянская секция, т.е. эсеры. С огромным перевесом, 52 голоса при 2 воздержавшихся, избран Б. А. Келлер. Кобытченко послал телеграмму в столицу с просьбой об утверждении. Томановский, однако, отказался сдать полномочия. 8 июля 1917 г. «Воронежские губернские ведомости» сообщили, что он уехал в Петроград по вызову министра внутренних дел. 14 июля он был отстранен, а Келлер признан правительством. Сложив полномочия, Томановский сохранил должность главы земской управы². Судя по всему, заместителем Келлера и главой ГИК стал Кобытченко. Но при отъезде в начале августа в столицу Келлер назначил заместителем профессора Н. А. Розанова. Одновременно он выдвинул в свои помощники члена крестьянской секции Н. Г. Андреева, который и стал впоследствии и. д. губкомиссара³.

30 июня ГИК объявил себя фактически высшим органом власти в губернии: «Комитет находит, что ему, как органу, выдвинутой волею революционного народа и опирающемуся на доверие широких слоев населения, должна принадле-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 27 июня. №136.

² Филиппцева С.В. Общественно-политическая обстановка в Воронежской губернии... С. 158.

³ Воронежский телеграф. 1917. 3 августа. №167.

жать до коренного переустройства Учредительным Собранием начал управления также и вся исполнительная власть, осуществлявшаяся упраздненным губернатором через такое учреждение, как Губернское правление. Дальнейшее самостоятельное, параллельное с Губернским Комитетом, существование этого учреждения в его дореформенном почти виде, по мнению Комитета, не только не вызывается потребностью условий времени и сложившейся обстановкой, но является даже вредным, умаляя престиж Губернского Комитета и служа тормозом для успешного осуществления присущих Комитету задач».

Новый ГИК не стал посягать на управление земскими структурами, но активно взялся за перестройку административного аппарата. Прежде всего он подчинил себе прежнее губернское правление и ликвидировал его отделы – строительный, врачебный и ветеринарный – слив с аналогичными отделами земства. По тем же основаниям была подчинена ГИК и канцелярия губкомиссара. Для формирования своей собственной канцелярии комитет решил использовать всех необходимых служащих губернской канцелярии и губернского правления, а также свободных членов канцелярских отделов. Обязанности управляющего канцелярией были возложены на бывшего правителя канцелярии губернатора Хопака, помощником его был выбран секретарь губернского правления Родаковский.

Правда, скоро ГИК передумал, решив сократить состав управления канцелярии до минимума. Уже 6 июля было постановлено учредить только должности секретаря, делопроизводителя, двух помощников, переписчика, 2 машинисток и 1 регистратора бумаг¹. 20-21 августа по предложению К. С. Бурового ГИК сократил и свой состав с 9 до 7 человек, включая губкомиссара, чтобы оставшиеся не отвлекались на работу в иных организациях². Так ГИК из широкого коалиционного органа стал узко-бюрократической структурой для непосредственного осуществления административной власти.

1 июля ГИК под председательством Кобытченко произвел реорганизацию канцелярии. Она была поделена на 7 столов: 1-й (личного состава), 2-й (судеб-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 123-124, 100-100об.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 93; Воронежский телеграф. 1917. 23 августа. №181.

ный), 3-й (недоимочный и опекунский), 4-й (денежный и экзекуторский), 5-й (инструкторский), 6-й (по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан), 7-й (газетный). Также была учреждена регистратура и архив¹. Таким образом, ГИК овладел всем прежним государственным аппаратом губернии. По существу, коллективный ГИК принял на себя все полномочия старого губкомиссара. Верховная власть признала правильность таких действий. Правда, очень поздно – разрешение было получено только в начале сентября, когда правительством были опубликованы законодательные акты на этот счет. Кроме того, по циркуляру МВД от 7 июля ГИК оставил в своем ведении врачебное отделение, передав его управление губернскому врачебному инспектору².

ГИК решительно пошел по пути выкорчевывания пережитков «старого режима». 17 июля он признал уездные исполкомы единственным органом власти на местах до перевыборов земств. Уездным земским управам рекомендовалось работать с ними «в полном контакте». Таким образом, если раньше власть принадлежала уездным комиссарам, «опиравшимся» на помощь исполкомов, то теперь исполкомы стали сами властью. Впрочем, учитывая, что уездные комиссары на местах уже фактически были их ставленниками, вряд ли это сильно изменило дело. Кроме того, было приказано немедленно уволить со службы предводителей дворянства и бывших земских начальников, устроившихся мировыми судьями³.

Таким образом, демократический процесс, захвативший к весне 1917 г. уезды, в мае – июне достиг и губернских органов власти. Благодаря давлению избранных комиссаров под руководством эсеров, был смещен слишком безынициативный и консервативный губкомиссар Томановский. Также ГИК был радикально реформирован. Его функции были значительно расширены, для чего был использован старый управленческий аппарат, ранее остававшийся без изменений. ГИК был использован и для окончательного закрепления демократических начал

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1. Лл. 148-149.

² Воронежский телеграф. 1917. 18 июля. №153.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1. Лл. 158-160; Воронежский телеграф. 1917. 25 июля. №158.

в новой политической жизни губернии. При этом губернское земство оставалось в целом в неизменном виде, и его управленческий опыт использован не был.

Тем не менее, демократизация ГИК, видимо, слабо отразилась на его эффективности. Вскоре он выступил в печати с требованием местных органов подчиняться и отчитываться перед ним – «высшим органом власти в губернии»: «Игнорирование распоряжений губернского комитета неизбежно вызовет с его стороны принятие всех доступных ему мер воздействия для устранения условий, препятствующих успешной работе»¹. Однако никаких «доступных ему мер», кроме обращения в МВД или административный суд на самом деле ГИК не имел, что заранее делало его угрозы бесплодными.

Кроме того, к лету деятельность и самих УИК замирает по всей стране в связи с подготовкой к выбору земств. Ту же тенденцию в Воронежской губернии подтверждает заседание ГИК от 20 августа, на котором были заслушаны доклады представителей УИК. Никто из них ничего не сказал о своей работе, но большинство отметили, что уездные комитеты, как и другие общественные учреждения, впали в полосу пассивности и безденежья. Исполкомы Задонска и Воронежа были бессильны перед самогоноварением. Павловский жаловался на отсутствие работников, из-за чего он потерял влияние на массы и те разворачиваются вправо: «В городскую думу прошли только 4 с. р., а остальные гласные – много правее кадет». В Новохоперске УИК «вначале пользовался большим авторитетом, но затем разменял свою деятельность на мелкие дела». Острогожский УИК и вовсе существовал «скорее на бумаге». В Коротояке УИК потерял «всякий авторитет». Лучшее положение было в Нижнедевицке, Бирюче и Землянске, где исполкомы и земельные комитеты контролировали ситуацию, но и там намечался кризис. ГИК оставалось признать, что он изживает себя. Им было в очередной раз переизбрано правление и сформирована ревизионная комиссия для подготовки к выборам в земство и учредительное собрание².

¹ Воронежский телеграф. 1917. 18 июля. №153.

² Воронежский телеграф. 1917. 23 августа. №181.

Процесс формирования и распада исполкомов в Воронежской губернии был закономерен и отличался от других регионов лишь местными особенностями. Причины этого были одинаковы: отсутствие у исполкомов должного административного аппарата, выборы новых органов самоуправления и углубление социально-политического раскола общества, что вело к распаду коалиционных комитетов и укреплению Советов¹.

Исчезновение исполкомов, на которых губкомиссар мог хотя бы отчасти опираться в работе, усиление Советов и волисполкомов сильно поколебали единство управленческой вертикали власти, которую до этого представляла система УИК. Весьма точен вывод советского историка П. Н. Соболева: «Относительная централизация органов власти Временного правительства в губернии, возникшая после Февральской революции, будучи непрочной вначале, так как не опиралась на широкие массы трудящихся, к октябрю начала рушиться»². Хотя к июню 1917 г. в некоторых регионах страны наметилось усиление власти губкомиссаров из-за перевыборов дум, изживания исполкомов и законодательного укрепления роли губкомиссаров правительством, что привело к осени к ликвидации исполкомов³, в Воронежской губернии этого не произошло. Здесь процесс демократизации власти снизу совпал с выборным периодом и привел к смене губернского комиссара прежде деградации исполкомов, что, однако, не усилило его роль.

Перманентно усиливавшаяся слабость представителей ВП особенно ярко проявилась в борьбе с нарастающим аграрным движением, которое продемонстрировало недовольство властью крестьянами. «Успокоение» деревень занимало огромную часть деятельности губкомиссара и ГИК и это именно та часть, о которой можно говорить вполне определенно. Правда, в первые недели революции сообщения о беспорядках были единичны. Однако уже в начале апреля на имя губкомиссара и ГИК стали приходиться многочисленные жалобы на крестьянские

¹ Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России. С. 250.

² Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 83.

³ Дерябина Е. С. Указ. соч. С. 61; Дементьев А. П. Указ. соч. С. 47; Бойко-Павлов Д. И., Сидорчук Е. П. Так было на Дальнем Востоке. С. 53.

бунты. Крестьяне захватывали земли, снимали с нее рабочих и военнопленных, отказывались платить налоги или аренду, отнимали наделы отрубников, грабили имения¹. На все жалобы губкомиссар предлагал обращаться к уездным комиссарам. Если же прошения исходили от них – он передавал командованию требование на высылку военной команды для усмирения.

Несмотря на это, аграрные беспорядки только ширились. 20 мая правление ГИК сообщал МВД: «Крестьяне предпринимают ряд действий, которые ставят землевладельцев в невозможность обрабатывать поля и убирать урожай – снимают рабочих и военнопленных, отбирают подписку у арендаторов об отказе их от аренды и т. п. В этом крестьянская мысль нашла, по-видимому, свой выход для борьбы с высокими арендными ценами и для утоления своего тяготения к земле, так как в случае невозможности для владельца земли обрабатывать ее... естественно, должно переходить в руки сельских и волостных комитетов. Поступают жалобы и на частные захваты земли у владельцев ее. Есть вероятность, что крестьянство пойдет путем личного решения земельного вопроса, а не подготовки к установлению общего земельного закона в Учредительном Собрании... Наблюдаются частные недоразумения с духовенством на почве земельного вопроса и платы за требы...»². Однако вместо того, чтобы приступить к предварительному решению земельного вопроса, ГИК предлагал другой путь – развивать среди крестьян культурно-просветительскую работу для объяснения создавшегося положения в стране, то есть, ограничиться убеждением. Причиной этого было желание правительства любой ценой дотянуть до Учредительного собрания, которое должно было решить все проблемы в стране³. ГИК не решался в этом противодействовать. К тому же у него не было для этого должного аппарата – милиция была в руках УИК, а армия годилась только для прямых подавлений.

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 21. Лл. 87, 90-92, 97, 99, 103; Д. 327. Лл. 1-10, 14-21.

² Там же. Д. 323. Лл. 42-43.

³ Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. / Редкол.: В.Ю. Черняев (отв. ред.) и др. СПб., 1994. С. 141.

В дальнейшем из-за затягивания вопроса властью захваты земель переросли в погромы имений и грабежи хозяйств¹. Четко прослеживалась связь количества беспорядков с развитостью экономики уезда и местного помещичьего землевладения. В ряде мест крестьяне начали предпринимать действия против помещиков – самовольно захватывали их земли, отнимали их орудия труда, разоружали. ГИК на это пытался протестовать, высылая приказы о возвращении имущества владельцам². Но примечательно, что даже служащие властей выступали против своего начальства. Тот же А. Инцертов, разбиравший конфликт в Боброве, в июне был послан в Бирюченский уезд. Там он встал на сторону исполкомов, заявив в печати, что они справедливо борются против своеволия местных помещиков и стремятся захватами их земель решить малоземелье крестьян³.

Конечно, в таких условиях социального раскола и неподчинения крестьянских органов центру власти не могли утихомирить крестьянство. Наоборот, крестьянство, борясь с противодействием помещиков, переходит в августе к насильственным акциям: покушениям, разгромам экономий, вооруженным захватам собственности, терроризированию служащих. Губкомиссар пытался подавлять бунты военной силой, но постепенно и это перестало давать результаты – разложившиеся солдаты, сами состоящие из крестьян, не оказывали сопротивления. Например, 9 октября в разгромленное крестьянами с. Новосильское имение Струкова был направлен отряд солдат. Но сразу после прибытия он был разоружен, что было бы невозможно, если бы сами солдаты этому не подчинились⁴.

Имевшие большой вес среди крестьян эсеры, стоя на точки зрения мирного решения вопроса на Учредительном собрании, пытались оказать поддержку ГИК, неоднократно выступая в печати против беспорядков⁵. В июле Келлер осудил погромы на созванном ими 2-м крестьянском съезде. Благодаря эсерам съезд вынес

¹ Морев П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.). Воронеж, 1961. С. 54.

² Октябрьская революция в Воронежской губернии. С. 57, 30.

³ Воронежский телеграф. 1917. 21 июня. №131.

⁴ Соболев П. Н. Указ. соч. С. 81.

⁵ Октябрьская революция в Воронежской губернии. С. 30; Морев П. Г. Указ. соч. С. 57.

резолуцию с осуждением самовольного захвата земли. Как показывают протоколы Совета, его эсеровский исполком также неоднократно посылал на места эмиссаров и агитаторов для успокоения крестьян. Но на деле крестьянство не прислушалось к этим призывам. Если в июле насчитывалось 67 выступлений, то в августе – 82, причем сильно увеличилось количество погромов помещиков. Очень часто руководство беспорядков принимали волостные комитеты и иные крестьянские организации¹. Таким образом, губернские власти даже при поддержке Совета и эсеров оказались бессильны в борьбе с аграрным движением. Само же крестьянство действовало через исполкомы, фактически ставшие общекрестьянскими органами. В этом проявилось упорное желание крестьянства добиться земли, что привело к падению авторитета власти, которая не решала эту проблему.

Несмотря на то, что данных о работе губкомиссара сохранилось немного, можно заключить, что хотя власть его и губернского исполкома формально имела доминирующее положение, на деле она была весьма слаба. Губкомиссар курировал систему исполкомов, созданную в первые дни революции. Он имел примерно те же функции, что и царские губернаторы: контроль над деятельностью общественных и государственных организаций, наблюдение за законностью распоряжений местного самоуправления, передача прошений и ходатайств правительству, обеспечение порядка. Однако фактически его полномочия были сильно ограничены. Ввиду того, что бюрократическая, оторванная от общества структура управления была невозможна, эти функции были де-факто переданы общественным организациям. Быстро разбуженная политическая активность населения привела к вынужденному ограничению правительством функций комиссаров. Слабость и отсутствие влияния губкомиссаров были повсеместным явлением. Это стало понятно уже в начале работы ВП, и об этом прямо говорили на съезде губкомиссаров 22-24 апреля². Это привело к безынициативности и устранению воронежского

¹ Морев П. Г. Указ. соч. С. 59-60, 71-72.

² Чудаков О. В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. № 1. С. 16; Гайда Ф. В. Механизм власти Временного правительства (март – апрель 1917 г.). С. 149.

губкомиссара от вмешательства в дела других органов, и он стал лишь формальным контролером и посредником между ними и государством.

Функции исполнительной власти оказались разделены между местными выборными организациями: уездными и волостными комитетами, земствами, продорганизациями и т. п. Административных полномочий губкомиссар над ними не имел. Силловые структуры в его распоряжении тоже отсутствовали: и без того немногочисленная полиция была ликвидирована, а добровольческая милиция подчинялась местным комитетам. Единственный доступный ресурс в лице армии оказался ненадежен, так как солдаты быстро теряли дисциплину. В результате структура власти, на первых порах объединенная вокруг вертикали исполкомов, распалась на рыхлую систему автономных организаций. Власть комиссара оказалась во многом номинальной и держалась в основном на отсутствии конкуренции со стороны других органов.

В итоге авторитет губкомиссаров стал быстро падать, чему содействовала непопулярная политика правительства. Развернувшаяся демократизация власти превратилась в борьбу с ней: «“Своеобразие текущего момента”, образовавшегося в результате Февральской революции, в Петрограде заключалось в наличии двоевластия. В провинции те же политические силы составили коалицию, которая от сотрудничества с местной администрацией Временного правительства вскоре перешла в оппозицию к ней. Это привело не к образованию двоевластия, а к смене политических деятелей на постах губернских и уездных комиссаров»¹.

Чтобы правильно понять этот процесс, надо адекватно оценить роль исполнительных комитетов, так как и сейчас эта тема недостаточно рассмотрена в литературе. Изучение их в советское время не велось, лишь повторялось, что они представляли из себя органы правительства под руководством буржуазии – или организации сотрудничества буржуазии и эсеро-меньшевистских оппортунистов. Уже в 1990-е Г. А. Герасименко сетовал, что советская историография игнорировала исполкомы и неверно оценивала их классовый характер: «волей-неволей

¹ Кабытова Н. Н. Указ. соч. С. 7.

приходилось приписывать к буржуазно-помещичьему стану все те организации и учреждения, которые не соответствовали революционно-демократическому лагерю». Сам Герасименко пришел к выводу, что характер исполкомов соответствовал именно последнему и «комитеты были адекватным выражением демократического потенциала российского общества и народного характера Февральской революции... В них входили делегаты и от леворадикального, и от буржуазно-помещичьего лагерей, хотя главной политической фигурой оставались посланцы самого массового центристского лагеря»¹. Примерно тот же вывод следовал из ряда региональных исследований 1970-х о революции на Урале, в Поволжье, Сибири и Центральной России². Тогда же в 1970-е был показан демократический характер деревенских исполкомов, которые из Всесоюзных органов стали общекрестьянскими³. Это способствовало отходу историографии от оценок советского времени, хотя она сама не сформировала ясной точки зрения на этот счет.

В качестве примера стоит указать на оценку исследователя Т. М. Баженовой. В дискуссиях с уральскими учеными ею был проведен анализ деятельности местных комиссаров и общественных комитетов (на Урале они обычно называли «комитетами общественной безопасности»). По ее мнению, вначале комитеты ставили своей целью не допустить монархический переворот и обеспечить порядок на местах, поэтому, хотя обычно их формировали комитеты дум, они и создавались и другими организациями и общественными силами. Коллегиальный характер формирования комитетов приводил к разнородному их составу, но преобладание в большинстве комитетов получала мелкая и средняя буржуазия и интеллигенция. С политической точки зрения они являлись органами классового сотрудничества и поэтому поддерживались соглашательскими партиями. Но проти-

¹ Герасименко Г. А. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе // История СССР. 1990. №3. С. 112-113; Он же. Трансформация власти в 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 63.

² Васькин В. В., Герасименко Г. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976; Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (Март-октябрь 1917 г. По материалам великорусских губерний Европейской России). М., 1971.

³ См. подробнее: Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974. 350 с.; Седов А. Д. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 года: Учебное пособие. Горький, 1977. 50 с.

воречия между их демократическим происхождением и цензово-назначаемым характером губкомиссаров привело к победе комитетов и замене ими комиссаров на своих представителей. Далее комитеты перестали функционировать как органы власти и постепенно вырождались, теряя авторитет в пользу Советов¹.

Исследование на основе материалов Воронежской губернии подтверждает эти выводы. Свержение монархии привело к разрушению традиционной системы управления самодержавия, построенной на основе сочетания бюрократического контроля и цензового самоуправления. Исполнительные комитеты приняли на себя власть на местах. Они обеспечивали относительную вертикаль управления, являясь в той или иной мере стержнем кооперации местных органов. Разрушение вертикали управления при самодержавии привело к тому, что верховная власть потеряла силовые методы воздействия и не могла управлять без общества.

Необходимость единения в условиях переходного периода привела к тому, что исполкомы объединяли все слои общества, находясь при этом под руководством сохранившихся со времен самодержавия управленцев из цензовой буржуазии и земцев-помещиков. Но последние не опирались на популярность в народе и вскоре под давлением снизу передали власть представителям мелкобуржуазных слоев города и деревни, в первую очередь эсерам – как выразителям революционно-демократических настроений². Популярность в массах была, по сути, единственной гарантией власти исполкомов. Понятно, что эсеры, как лидирующая к лету 1917 г. политическая сила, чей авторитет вырос за счет демократических лозунгов, постарались не только завоевать губисполком, но и легализовать его в глазах общества как высшую выборную организацию. В условиях повсеместной демократизации это казалось единственной возможностью завоевать доверие.

¹ Баженова Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Государственный аппарат. Историко-правовые исследования. Сб. науч. трудов Свердл. юрид. ин-та. Свердловск, 1975. С.75; Баженова Т.М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале – октябре 1917 года. Автореф. дис. ... к. и. н. Пермь, 1977; Баженова Т. М. Комитеты общественной безопасности в системе органов власти Временного правительства в феврале-октябре 1917 г. // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1983. С. 101-109.

² Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 256.

Однако скрепить административную структуру новым политическим единством тоже не удалось. Оказалось, что главную роль играют не демократические институты сами по себе, а проводимые ими социальные преобразования. Поэтому сомнительна точка зрения некоторых современных исследователей, что исполкомы были реальной альтернативой построения демократического общества в стране, которую могло бы реализовать правительство, если бы опиралось на них, а не на общесословные думы и земства¹. Чрезвычайные условия 1917 г. требовали для выхода из кризиса проведения политики, резко нарушавшей интересы одного из двух противоположных лагерей – пролетариата с крестьянством и буржуазии с помещиками. «Центристский», по определению Герасименко², характер исполкомов требовал от них склониться на ту или иную сторону.

Вскоре административные и силовые возможности исполкомов оказались ограниченными, а доверие к ним – подорванным. В итоге из трех источников власти по известной классификации М. Вебера (легитимный, традиционный и харизматический) губернские органы потеряли все три. В то же время ликвидация исполкомов разрушила относительное политическое единство системы управления под руководством губкомиссара и привела к усилению процессов децентрализации в губернии. Как и в других местах все завершилось тем, что «ликвидация общественных исполкомов... и лишение комиссаров исполнительно-распорядительных функций усилили децентрализацию власти и выдвинули на первое место, как политические органы, Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»³.

2. 3. Организация исполнительной власти в Воронеже: городской исполнительный комитет и городская дума (март – сентябрь 1917 г.)

¹ Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М.: Газ.-журн. об-ние «Воскресенье», 1995. С. 309; Кабытова Н.Н. Феноменология «смутного времени»: центр и провинция в российской революции 1917 г. // Самарский земский сборник. 2005. № 1 (9). С. 19-22.

² Герасименко Г. А. Трансформация власти в 1917 г. С. 62.

³ Остроухов В. Е. Тульская городская дума 1917 – 1918 гг. // Тульский краеведческий альманах. №2. 2004. С. 114.

Как уже было сказано выше, в первые дни революции в Воронеже образовался городской исполнительный комитет общественного спокойствия (ИКОС), созданный членами управы думы и быстро пополненный представителями общественности. В связи с распадом старых структур власти он стал фактически главным органом управления города, хотя, в отличие от уездных исполкомов, воронежский ИКОС никогда не претендовал на участие в политической власти. Весь период существования его деятельность была ограничена исключительно вопросами охраны общественного порядка. Однако ввиду отсутствия других претендентов на власть и слабости порядка в переходный период ИКОС обладал определяющим влиянием. Его достоинство было также в том, что ИКОС имел право представлять все слои населения города, обладая важной в условиях революции легитимностью выборного органа, что население хорошо понимало¹. Несмотря на это, деятельность ИКОС в существующей литературе почти не изучена, поэтому вопрос требует детального рассмотрения.

ИКОС провел свое первое собрание 4 марта. В первый его состав вошли гласные городской думы М. Н. Литвинов (председатель), С. Ф. Романихин (товарищ председателя), В. Г. Веселовский. Вскоре КООУ признал в нем своими представителями Полуэктова и Кожевникова. Уже 9 марта ввиду оторванности от масс было решено пополнить ИКОС новыми представителями: по 7 от городской думы, Совета и КООУ, 3 от офицеров и 4 от солдат².

На собрании ИКОС назначил начальником охраны гласного думы И. В. Шаурова и постановил представлять ему чинов полиции по вопросу оставления на службе. По вопросу сохранения порядка были запрошены воинские части. Все их представители ответили, что присоединяются к революции и согласны работать на дело охраны города. С этого момента в помощь милиции стали высылались военные наряды, которые назначались командованием по распоряжению Шаурова³. Вскоре приказом ИКОС и губкомиссара был отстранен начальник гар-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 10 июня. №122.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324. Л. 4.

³ Воронежский телеграф. 1917. 5 марта. №51.

низона Тимковский, а вместо него назначен командир 59-го полка полковник В. Д. Языков¹. 11 марта ИКОС приказал Шаурову изъять оружие, укрытое жандармами на перегоне ст. Воронеж-Отрожка². Также член ИКОС Д. Н. Васильев был командирован на железную дорогу для выяснения вопроса о продвижении к городу казачьего эшелона, в котором подозревали карательную экспедицию³.

Ввиду расширения своих функций в марте-апреле ИКОС выделил из себя ряд комиссий: следственную, по продовольственному вопросу, тюремную и по надзору за управлением города⁴. Но первоочередной задачей ИКОС была организация охраны города. Этот вопрос обсуждался Шауровым вместе с Языковым 7 марта. Было решено перевести солдат 58-го полка из Чижевских казарм на окраине города в казарму у Владимирского храма, установить непрерывные смены комиссаров частей города и посты охраны. Функции охраны переходили добровольческой милиции, для которой учреждалась белая повязка с надписью «городская милиция», номером поста и печатью (в документе не указано, чьей печатью – ИКОС или думы). Бывших полицейских в нее было решено привлекать «в пределах крайней необходимости». Видимо, в связи с недостатком оружия было постановлено заменить вооружение милиции «специальными палочками, окрашенными в белый цвет»⁵. Судя по всему, вооружение милиции и далее шло с большим трудом. Известно, например, что часть револьверов для милиции взяли у тюремных надзирателей. Даже спустя полгода милиция отказывалась их возвращать⁶.

В некоторых исследованиях указывают, что Шауров был начальником милиции города⁷. Однако это ошибка, Шауров был назначен именно начальником охраны города, которому подчинялся начальник милиции. Для авторитета милиции Шауров предложил думе выбрать на эту должность кандидата, пользующего-

¹ Воронежский телеграф. 1917. 7 марта. №52.

² ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 16.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 322. Д. 21. Л. 16.

⁵ Воронежский телеграф. 1917. 12 марта. №57.

⁶ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 190.

⁷ Филиппева С.В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии (1865 – 1918). С. 250.

ся «доверием населения». Дума выдвинула на этот пост воронежского полицмейстера А. О. Бернатовича¹. Учитывая, что он служил в Воронеже еще со времен революции 1905-1907 гг., скорее всего, он вовсе не пользовался «доверием населения», настроенного после революции против полиции, однако личность занявшего эту должность неизвестна.

Полностью ликвидировалась жандармерия. На первом же своем заседании ИКОС постановил арестовать всех чинов жандармского корпуса. Нижних чинов было решено заключить в трамвайный парк, а высших под домашний арест. Кроме того, ИКОС издал приказ о принятии всех дел жандармерии. Бумаги, поступающие на ее имя, было решено получать через канцелярию Союза городов. Документы жандармского управления сочли исторической ценностью. Их разбор был поручен архивной комиссии краеведческого музея, в помощь которой были даны М. К. Паренаго и В. В. Литвинов².

Эти постановления вызвали горячие прения в КООУ. Ряд ораторов указал на нерешительность ИКОС и необходимость арестовать всех чинов полиции «ввиду возможного с их стороны противодействия новому строю». Высказывались собравшиеся и против службы в милиции школьников. В результате собрание приняло резолюцию с просьбой думе исключить из милиции учащихся школ и направить всех чинов полиции в распоряжение воинского начальника для передачи в тыловые воинские части³. Процесс, однако, шел не совсем последовательно. Начальника жандармского управления ЮВЖД полковника Деболи пришлось арестовывать дважды. Сначала он был направлен в распоряжение воинского начальника, но тот не нашел нужным принять его и освободил. Вторично Деболи был арестован 12 марта, так как поступило распоряжение по военному округу об отправке в армию всех высших жандармских начальников⁴.

Аналогично шла смена полицейских, которых по настоянию общественных органов тоже поголовно призывали в армию. 14 марта на заседании ГИК было

¹ Воронежский телеграф. 1917. 28 марта. №68.

² Воронежский телеграф. 1917. 14 марта. №58.

³ ГАВО. Ф. И-217. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-4.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 19 марта. №62.

объявлено: «Сначала полиция осталась на своих местах с заменой названия милиция. Теперь полиция устранена». Средства на формирование милиции были взяты из ежемесячных отчислений МВД на полицию¹. Единственными чинами, кто избежал замены, были сотрудники сыскной полиции, которых благодаря их квалификации нельзя было заменить. 26 марта МВД специально указало новым властям о необходимости сохранения сыскных отделений². В связи с политикой Шаурова некоторые полицейские временно оставались на службе в индивидуальном порядке. Так, некоторые стражники, перешедшие в конную милицию, были оставлены на охране города до 1 мая³. Все это проводилось также с позволения нового руководства МВД. 19 и 26 марта оно сообщило, что прием достойных жандармов и полицейских зависит от местных комиссаров. Это положение должно было сохраниться до решения вопроса об организации милиции⁴. Но эта политика вызвала активные протесты. 27 апреля ИКОС по настоянию солдат признал, что стражники должны быть устранены. Было постановлено заменять их «по мере возможности» чинами кавалерийских полков из местных гарнизонов⁵.

К сожалению, данных о воронежской милиции за 1917 год практически не сохранилось. Нет и точных данных о ее составе. Насколько можно судить, в нее входили добровольцы, в которых активно вовлекали эвакуированных солдат. Возглавлял милицию штаб, который подчинялся начальнику охраны. Он в свою очередь контролировал работу комиссаров милиции, назначенных в районы города. В своей деятельности милиции приходилось заниматься в основном охраной города и борьбой с резко возросшей после революции преступностью.

Охранные функции выполняла и боевая дружина. Организатором ее был сам Шауров, бывший социал-демократ, участник событий 1905-1907 гг., видимо,

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 1-3.

² ГАВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Л. 65.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

⁴ ГАВО. Ф. 5. Оп. 321. Д. 21. Лл. 57, 66.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 322. Д. 21. Л. 19.

по старой памяти обратившийся к местным социалистам¹. Командиром ее стал рабочий-меньшевик С. И. Сазонов², его помощником – эсер Козелихин. Они создали дружину из рабочих, в основном завода Столь и железнодорожников, причем подбирались в основном эсеры. Состоя при штабе милиции, она выполняла вспомогательные функции и выделяла ночные караулы. Днем дружинники работали на предприятиях. Жалованье от управы через ИКОС получали только Сазонов с Козелихиным. Источник об истории дружины сообщает, что «первоначально состав дружинников выразился в количестве 80 человек»³. Однако среди документов ИКОС есть список ее членов: по нему, на 5 мая в ней насчитывалось 19 человек⁴. Причем существование дружины нарушало постановление правительства от 17 апреля, по которому рабочая милиция ликвидировалась.

Однако подобные нарушения после революции были широко распространены. Вся организация воронежской милиции не соответствовала изданным 17 апреля 1917 г. правительством постановлений «Об утверждении милиции» и «Временном положении о милиции». Согласно им начальник милиции назначался губернской управой⁵. Местные органы самоуправления выбирали начальников местной милиции и их помощников. Комиссар милиции подчинялся комиссарам правительства и отвечал за создание и деятельность судебно-следственной комиссии. В Воронеже на практике начальник милиции назначался начальником охраны, который подчинялся только ИКОС. Неясно также, насколько широко использовал свое право по управлению милицией губкомиссар. Самые ранние докумен-

¹ Отметим попутно, что помощником Шаурова явно не случайно стал И. Б. Басовский (Дементьев) – ранее активный участник революционного движения, социал-демократ, курьер «Искры», в 1917 – член городского комитета меньшевиков.

² В разных источниках инициалы Сазонова называются по-разному, однако сохранилась заметка воронежской организации меньшевиков, чьим членом он был, и которая именуется его именно «С. И. Сазоновым».

³ Два архивных документа. Морозов А. Я. Доклад по делу о Воронежской рабочей боевой дружине заведующему Губернским Отделом Юстиции. Чернышев М. А. Воспоминания начальника Воронежской боевой рабочей дружины. М., 2006. С. 7.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 83-83об. Это совпадает с другими сведениями о том, что созданная в конце апреля дружина насчитывала 20 чел.: Воронков И. Г. Указ. соч. С. 77.

⁵ Некрасов В. Ф. МВД России: энциклопедия / В.Ф.Некрасов, В.И.Полубинский. М., 2002. С. 14.

ты на этот счет, имеющиеся у нас, датируются серединой сентября, когда губкомиссар Келлер приказал снять милицию с охраны винных складов в Острогожске и заменить ее более надежной (!) рабочей дружиной¹. Насколько можно судить по сохранившимся документам, конфликтов ИКОС с губкомиссаром не было. Очевидно, он просто добровольно передал задачу городской охраны комитету.

ИКОС монополизировал полномочия и по политической охране. Узнав о самочинных обысках и вымогательствах солдат, он поручил расследование полковым комитетам². 17 марта Шауров издал приказ с запретом милиции проводить самоуправные обыски и рекомендовал населению требовать у милиции документов при аресте, для чего издал список милиционеров³. ИКОС занимался и разбором дел арестованных и внес большой вклад в регламентацию репрессий.

Тюремная работа стала еще одним направлением деятельности ИКОС. 6 марта к нему поступила жалоба матросов дисциплинарного батальона на порку розгами. Вскоре жалоба на грубое обращение надзирателей поступила и от арестантов в губернской тюрьме⁴. Комитет сразу предложил начальнику дисбата смягчить режим и, в частности, прекратить телесные наказания. В связи с беспорядками в тюрьме, прошедшими во время военной манифестации на улице, 14 марта ИКОС приказал установить для ее охраны военный караул с передачей всей власти дежурному офицеру. После успокоения заключенных было приказано огласить им телеграмму Керенского о падении старого строя и подготовке амнистии⁵. Вскоре из общественных деятелей была сформирована «тюремная комиссия», проводившая проверку условий заключения. Она через ИКОС много сделала для изменения тюремных порядков, но брать на себя все функции не стала. 9 апреля ИКОС постановил оставить управление тюрьмами тюремной инспекции, поручив тюремной комиссии только функции «общественного контроля». Но и позднее комитет не раз вмешивался в работу надзирателей, в частности, укрепляя

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 340. Л. 66.

² Там же. Д. 324. Л. 25.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 47.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 322. Д. 21. Лл. 5, 10.

⁵ ГАВО. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

их состав эвакуированными солдатами¹. Отношение ИКОС к тюремщикам вообще было негативное. 4 мая он порывался вовсе заменить эвакуированными всю стражу, чтобы отправить тюремщиков на фронт². 21 июня комитет даже постановил отстранить губернского тюремного инспектора с его помощником и надзирателями³, но, видимо, это так и не было выполнено.

ИКОС занимался и другими вопросами по сохранению порядка. 22 марта в целях предупреждения пьянства он принял постановления об ответственности содержателей аптек за продажу одеколона; приказал милиции соблюдать постановления о контроле за перекупкой продуктов; передал выдаваемую городской управой муку на анализ. На следующий день эти решения были дополнены взятием подписки с продающих одеколон аптек⁴. 23 марта ИКОС обсудил вопрос о продовольствии в городе. Учитывая, что ситуация была угрожающая, а продкомиссия думы не предпринимала никаких действий, ИКОС решил действовать самостоятельно. Начальнику охраны был отдан приказ расставить милиционеров на выходах из города для ареста перекупщиков и спекулянтов. Постановлено было составить опись товаров и продуктов в городе, получив информацию от банков и торговцев. Было решено сформировать коллегиальные комиссии для спешной разработки такс на продукты и медикаменты. 30 марта комитет учредил таксы на яйца и молочные продукты и запретил перекупку после 12 ч. дня. 26 апреля, ввиду обострения дороговизны, соединенное заседание исполкома Совета и ИКОС, созванное по инициативе последнего, приняло решение о введении полного контроля за мануфактурой в городе⁵. Таким образом, фактически ИКОС взял на себя дореволюционные функции городской управы.

Итого ИКОС в марте – апреле 1917 г. заведовал широким кругом вопросов, в основном ограниченных сохранением общественного порядка. При этом он нередко вмешивался и в другие сферы, стремясь достичь демократизации бытовой

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Лл. 3, 12-13, 73.

² ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 322. Д. 21. Л. 23.

³ Воронежский телеграф. 1917. 15 июля. №151.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

⁵ Воронежский телеграф. 1917. 28 марта. №68; 30 марта. №70; 28 апреля. №88.

жизни, а также принимал на себя функции городского управления; причем его работа шла под влиянием составляющих его состав представителей демократической общественности. Объединение в ИКОС исполнительных, силовых и контролирующих функций позволило ему достичь достаточно высокой по тем временам эффективности. Этому же способствовало и признание его полномочий обществом, без чего он был бы неработоспособен. В работе ИКОС таким образом проявилось объединение общества, сложившееся на первых порах революции.

Положение ИКОС облегчалось и тем, что в этот период дума вела себя вяло и инертно, добровольно уступив свои функции. Первоочередными для нее оставались вопросы городского хозяйства. В марте дума обсуждала увеличение прибавок служащим управления, таксы на мясо и ткани, отсрочку до конца войны платежей по ссуде в 100 тыс. руб., отпущенной армией на казарменное строительство¹. Почти одновременно с революцией в ведение думы перешла канализация С. И. Попова и общественная канализация, что привело к созданию нового канализационного отдела. Из-за недостатка денег плата за Попову была оформлена в рассрочку². Финансовый кризис вообще стал главной проблемой думы. 29 марта голова Пуле подал прошение губкомиссару, в котором описал, как в 1913 г. Министерство финансов отказало в займе на 210 тыс. руб.: 110 тыс. – на нужды водопровода и 100 тыс. на ремонт казарм и других городских зданий. Пуле писал, что теперь «отсутствие денег создает прямо-таки критическое положение». Ходатайство просило дать разрешение на заем в городском общественном банке. Полученные деньги позволили думе какое-то время продержаться³. Наряду с этим весной-летом 1917 г. дума повысила ряд сборов и налогов с населения.

Вскоре дума окончательно проиграла общественности. Формирование «сообщательного продовольственного органа» не прошло. 12 марта на заседании думы и представителей КООУ утвержден устав продовольственного комитета, созданный на основании распоряжения министра земледелия. Согласно ему, в коми-

¹ ГАВО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 13. Лл. 2-3об.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 319.

³ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2374. Лл. 1-1об., 5, 9, 11.

тет входили 5 представителей думы, 5 – Совета и по 1 от губернской и уездной управ, комитетов ВСГ и ВЗС, биржи, кооперативов, ряда профсоюзов и учебных учреждений¹. А уже 14 марта дума, считая что «она не вправе одна распоряжаться достоянием всего города», постановила включить в свой состав 14 представителей КООУ, 26 – Совета, 3 ГИК и 2 ИКОС. Это разрешило и правительство².

Из этого видно, что цензовая дума, несмотря на некоторые попытки принять на себя руководящую роль в революционном процессе, не смогла защитить даже свой состав и быстро решила пойти на тесное сотрудничество с массами. Возможно также, что политические соображения уступили здесь место чисто практическим: уставшее от разрухи самоуправление хотело привлечь к себе общество для решения городских проблем. Во всяком случае, такие оценки звучали неоднократно. Именно они были высказаны на заседании КООУ 20 марта, прошедшем под председательством Н. В. Чехова. С самого начала дебатировался вопрос, следует ли вообще проводить выборы в думу. Некоторые прямо утверждали, что на новых членов «крайне плачевное состояние городского хозяйства, являвшееся следствием бездействия Думы старого состава, ляжет тяжелой ответственностью...». Другие не без резона указывали, что дума, по обещаниям правительства, и так вскоре будет переизбрана на новых демократических началах.

Однако мнение о пополнении думы решительно возобладало. Был составлен список из 14 представителей. Было решено не давать им определенных указаний «кроме общего призыва дружно работать под руководством велений переживаемого родиной момента». На собрании 23 марта 106 участниками были избраны 14 делегатов: Н. В. Чехов, Н. Г. Андреев, Костянский, Чудновский, Закс, И. Ф. Кирсанов, О. Я. Попов, И. Ф. Данилов, Шишлова, Полуэктов, А. К. Кузнецов, А. А. Ярилов, Наумов и Сафонов³. 17 марта исполком Совета тоже избрал в думу 26 человек. В их числе был и весь исполком. Полный список выглядел так: В. П. Кобытченко, Н. Н. Кардашев, В. И. Крупецкой, Н. И. Григорьев, Меньшиков, В. Д.

¹ Воронежский телеграф. 1917. 12 марта. №57.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 62; Воронежский телеграф. 1917. 18 марта. №61.

³ ГАВО. Ф. И-217. Оп. 1. Д. 1. Лл. 6-7об.

Иконников, П. А. Баранов, М. М. Михайлов, С. С. Комиссаров, А. Н. Татарчуков, С. Д. Турчанинов, С. Н. Закомулин, А. И. Михайловский, Н. Д. Богданов, Полебезьев, Быхов, Норинский, Романов, а также солдаты Мануйло, Клейменов, Колдаев, Бавыкин, Хохолев, Белоусов и зауряд-чиновник Федосеев¹.

Однако в целях работоспособности в думу вошло только 24 новых гласных – по 7 от Совета, КООУ и ГИК. Хотя конкретная процедура принятия этого решения неизвестна, оно было проведено в жизнь. Первое собрание обновленной думы прошло 14 апреля². Постоянным председателем думы стал председатель КООУ, известный педагог Н. В. Чехов, заведующий педагогическими курсами земства.

Даже пополненная дума приступила к работе довольно поздно – лишь 19 апреля состоялось предпоследнее заседание, на котором присутствовали новые гласные от общества. Они заявили, что не будут вмешиваться в характер работы думы, которая не носит «неотложный характер». В свою очередь старые гласные не вмешивались в работу контрольно-осведомительной комиссии, которая должна была провести проверку думской работы для помощи новому составу, который собирались выбрать. Была также избрана комиссия по подготовке к перевыборам³. На деле, впрочем, новые гласные вмешались в «неотложные» дела активно и явно непродуктивно. В тот день обсуждался вопрос о заготовке дров. Новые гласные начали вносить существенные поправки в план управы. Председатель Совета Кобытченко предлагал вообще не запрещать рубку леса частными лицами – это уже сделал крестьянский съезд, который будет давать право на рубку только с разрешения Совета. Также он был так уверен в успехе заготовки дров, что предложил отменить принудительную посылку на рубку леса солдат. Его поддержал меньшевик Татарчуков, предложивший ввести добровольное привлечение солдат за плату. На замечания Клочкова и Мещерякова, что у думы не хватит денег, эсер Н. Г. Андреев ответил, что они просто пытаются «свалить ответственность перед населением на новых гласных». А гласный Радциг вовсе заявил, что «в условиях

¹ ГАВО. Ф. Р-2392. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 62.

³ Воронежский телеграф. 1917. 21 апреля. №82.

нового строя, при новом правительстве» город обязательно сможет найти новый заем¹. Конечно, поведение новых гласных говорило не в их пользу.

На следующий день состоялось последнее экстренное заседание думы, на котором в контрольную комиссию были избраны: председателем Н. В. Чехов, его товарищем В. Ф. Данилов и секретарем – Федосеев. В комиссию по подготовке выборов вошли А. Н. Татарчуков, А. А. Архангельский и А. А. Чудновский². В связи с ожиданием скорых выборов работа гласных в мае – июне почти замерла. Хотя многие современники полагали, что «цензовая дума... совершенно расхлябалась, и “отцы города”, по-видимому, только и думали о том, как бы свалить со своих плеч непосильное бремя городского хозяйства»³, – думается, причина в другом. Очевидно, дума просто была деморализована: «Старая Городская Дума смотрела на себя, как на конченное учреждение, со дня на день ожидая сдачи дел новым хозяевам»⁴. Новые гласные тоже регулярно не посещали заседания: многие из них оказались заняты в других органах. Попытки организовать собрания думы в итоге регулярно срывались, хотя кворум составлял лишь треть гласных.

Рассмотрение работы городских органов в этот период дает основание сформулировать следующие выводы. Вначале ИКОС был сформирован думой для сохранения порядка в городе. Причем на первых порах его шаги отличались определенной умеренностью, особенно в политике сохранения старой полиции, что очень совпадало с тенденцией в ГИК. Но вскоре после пополнения представителями общественности он стал вести себя заметно радикальнее, что привело к взятию им на себя ряда функций думы, отличавшейся явной бездеятельностью. Работа ИКОС шла без поддержки ГИК. Сама дума из-за противоречий между гласными и скорых перевыборов оказалась не способна выполнять даже чисто хозяйственные функции и ее работа почти замерла. Можно считать, что ИКОС был полновластным органом управления Воронежа.

¹ Воронежский телеграф. 1917. 22 апреля. №83.

² Воронежский телеграф. 1917. 25 апреля. №85.

³ Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 272.

⁴ Татарчуков А.Н. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской области. Воронеж, 1921. С. 81.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о составе ИКОС в этот период. Даже вопрос о его председателе туманен – весной М. Н. Литвинова сменил член союза педагогов Н. Г. Андреев, «деятель типа левых кадетов»¹ (впоследствии стал эсером), но неизвестно, когда и при каких обстоятельствах. Состав его насчитывал не более 25-30 человек. Но анализ документов позволяет судить, что, в отличие от ГИК и УИК, где демократизация привела к борьбе общества против цензурной буржуазии, влияние цензурщиков в ИКОС было подорвано почти сразу. Однако после этого ИКОС управлялся близкой им по духу силой: либеральной интеллигенцией и прокадетской буржуазией, в том числе и думской. В то же время ИКОС испытывал сильное давление со стороны делегатов Совета². Видимо, ограничение власти ИКОС охраной порядка объяснялось именно этой его умеренностью руководящих элементов, которые были вынуждены лавировать между интересами разных социальных сил. В итоге единение всех общественных сил в борьбе за революцию сохраняло ситуацию в спокойствии.

Но так было недолго – ИКОС, как и ГИК, быстро начал подвергаться влиянию слева – причем на сей раз давление шло со стороны Совета. Это стало следствием его растущих претензий на самостоятельность. Уже 9 марта гласные Веселовский, М. Н. Литвинов, С. Ф. Романихин, Д. Н. Васильев и В. А. Радциг попросили освободить их от работы в ИКОС. Литвинов мотивировал это тем, что члены Совета в ИКОС стремились расширить его функции, или, как он выразился, превратить комитет «в какой-то конвент»³. Однако дума отказала, считая это несвоевременным. Похоже, трения по этому поводу были и в дальнейшем. В итоге 9 апреля было принято положение, которое ограничивало функции ИКОС как «высшего органа власти по административному управлению городом». Несмотря на давление членов Совета, либеральные элементы сохранили руководство: «и буду-

¹ Чуев И.А. Борьба за власть Советов в Воронеже // За Власть Советов. Воронеж, 1957. С. 16.

² Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 253-254.

³ Воронежский телеграф. 1917. 11 марта. №56.

чи сильно потесненными, они как более опытные в городских делах, продолжали определять основной курс ИКОС»¹.

В связи с этим с апреля окрепший Совет сам начинает посягать на функции ИКОС под флагом борьбы с монархическими пережитками. Так, он самовольно провел аресты нескольких бывших военных и полицейских. По постановлению исполкома от 6 апреля был подвергнут домашнему аресту интендант Данишевич, о чем было сообщено губкомиссару. Через неделю ИКОС по настоянию Совета провел еще ряд обысков и арестов жандармов, включая бывшего начальника губернского жандармского управления полковника В. И. Дацевича и его помощника подполковника П. А. Зякина. Все арестованные были препровождены в губернскую тюрьму². Такая активность Совета требовала урегулирования. Было принято компромиссное решение. 13 апреля было решено, что все аресты проводятся начальником охраны по совместному решению исполкома Совета и ИКОС и от имени последнего. Остальные чины милиции и судебной власти имели право на аресты в пределах, «точно определенных законом». Больше никто правом ареста не обладал³. Также 18 мая были установлены права судебных комиссий и милиции на пользование тюрьмой. Арестованные на срок свыше суток заключались в губернскую тюрьму на довольствие города⁴. Соглашение позволило ИКОС лучше контролировать действия Совета. Когда тот 16 апреля предложил арестовать вообще всех полицейских, оставшихся на воле, ИКОС отказал, отметив, что считает такое решение «недостаточно обоснованным в своей спешности»⁵.

Социалисты решили расширить влияние и в самом ИКОС. Примерно в апреле Кобытченко, недовольный его составом, потребовал дать Совету 11 мест вместо 7, в чем ИКОС решительно отказал⁶. Тем не менее, скоро Совету удалось добиться своего. 11 мая ИКОС предъявил ему новый список членов: 5 рабочих

¹ Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 254.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 15. Лл. 1об., 6-10; ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324. Л. 22.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Л. 122.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 100.

⁵ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 323. Л. 16.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324. Л. 6.

(М. М. Михайлов, П. Д. Полебезьев, В. Н. Скуратов, Д. А. Зазулин, А. И. Кандин) и 6 солдат (И. И. Дягилев, Г. П. Бережинский, В. Е. Петухов, Н. Д. Пажитнов, В. И. Бавыкин, Л. С. Сысоев). Также в ИКОС вошли 2 офицера (Д. А. Спасский, И. И. Игнатов) и 1 врач (И. К. Никитин)¹.

И наконец Совет прямо выступил против ИКОС. Инициатором этого был Кобытченко. Поводом стал вопрос о назначении нового начальника охраны, поднятый Советом 27 апреля. Он предлагал избрать на этот пост делегата 58-го полка, солдата-большевика И. А. Чуева. 7 мая ИКОС отказал в обсуждении, заявив, что на этот пост выдвигается кандидатура полковника Трубникова.

Кобытченко, поддерживаемый другими лидерами Совета, решил не уступать. 19 мая по этому поводу состоялось совместное заседание членов ИКОС и СРСКД, на котором он энергично стал требовать права назначения начальника охраны Советом и доказывать нелегитимность комитета. Он утверждал, что Совет, в отличие от ИКОС – выборная организация, выражающая волю революционного народа, что дает ему право на самостоятельное управление. ИКОС же «не опирается на организованные массы», за исключением членов от Совета. За остальными представителями Кобытченко этого права просто не признавал. Дума, по его словам, дала комитету «неработоспособных членов». КООУ, по его уничижительной характеристике, «представляет собой скорее клуб обывателей для обмена мнениями». Из этого, по его словам, логично вытекало необходимость передать именно Совету право на избрание кандидатов с сообщением комитету «в порядке осведомления». В заключение он предложил реорганизовать ИКОС, послав в него представителей «только организованных общественных сил»: Совета, партий и КООУ – «если он реорганизуется и будет представлять собой действительно организованную массу». В противном случае Кобытченко требовал ликвидировать комитет. Кобытченко поддержали представители Совета И. А. Чуев и М. Л. Коган-Бернштейн. Столкнувшись с таким напором членам комитета нечего

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1. Лл. 5-5об.

было противопоставить. Они фактически признали, что к власти их привели «обстоятельства революционного времени».

Спор протекал бурно. Особенно усердствовал Кобытченко, который неприкрыто угрожал оппонентам, заявляя, что в прошлом комитета были факты, за которые «по законам революции... место в тюрьме». На обвинения председателя собрания и главы ИКОС Андреева в «самодержавии» Кобытченко высокомерно ответил, что обходит их «брезгливо молчанием». Не выдержавший Андреев потребовал занести эти слова в протокол. Лишь после перерыва, во время которого страсти улеглись, стороны начали голосование за резолюции. По проекту ИКОС, его исполком должен был выработать проект реорганизации на усмотрение составивших его организаций. Резолюция же Кобытченко требовала от комитета «немедленно же реорганизоваться и дать представительство действительных организаций». Дважды проведенное голосование дало победу второй резолюции¹.

Так комитет потерпел поражение. Обвинения в отсутствии поддержки со стороны «организованных масс» во многом были правдой. Защищать ИКОС оказалось некому. Здесь ярко проявилась тенденция формирования в Воронеже «двоевластия», когда Совет, опираясь на право представления революционных масс, выступил против коллегиальной буржуазно-демократической организации.

Неизвестно, состоялась ли реорганизация. Но на этом борьба не окончилась. Кобытченко стал прямо апеллировать к Совету. 2 июня на общем заседании Совета он начал требовать, чтобы его исполком взял в свои руки дело охраны города: «...Докладчик находит, что пора задуматься над вопросом, кому принадлежит право выдвинуть кандидатуру. По мнению докладчика, этим правом пользуется только Совет, как единственно революционная сила». При обсуждении некоторыми было замечено, что для этого желательно учитывать мнение ИКОС. Но сомнения были непродолжительны – право на избрание главы охраны было тут же принято большинством голосов при 4 воздержавшихся. Однако новым начальником охраны был выбран не большевик Чуев, а прапорщик Игнатов. Он был чле-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Л. 85-87об.

ном военной секции Совета и главой солдатской группы эсеров. Официально он был выдвинут исполкомом – в основном тоже эсеровским¹. Об избрании Игнатова было сообщено ИКОС, чтобы он утвердил кандидатуру².

Правда, сам Игнатов сомневался в легитимности своего избрания. В заявлении в исполком он указывал, что право управления милицией скоро будет по закону принадлежать думе; а также, что «возбуждение страстей перед выборами в гор[одскую] думу – вряд ли в интересах Совета и той партии, в состав которой я имею честь входить»³. Из этого видно, что при выборе Игнатова исполком не успел даже переговорить с ним. Принять пост Игнатов согласился только после согласия думы и разрешения командующего МВО. ИКОС в ответ предложил дожидаться избрания думы⁴. Однако уже 9 июня вышло постановление ВП о подчинении милиции местному самоуправлению, что делало спор бессмысленным.

С этого момента исполком Совета начал демонстративно игнорировать ИКОС. 4 июня ИКОС, раздраженный тем, что исполком отказывается «обсуждать вопросы совместно на соединенном заседании», постановил: в случае отказа исполкома решать вопросы самостоятельно, с уведомлением Совета в трехдневный срок. Видимо, это немного подействовало, потому что 7 июня на очередном соединенном заседании были и члены Совета⁵.

Следующим серьезным событием в разногласиях сторон стал арест воронежского архиерея Тихона (Никанорова). Он был проведен Советом абсолютно самовольно. 8 июня исполком Совета получил сообщение от Нижнедевицкого УИК. Крестьяне высказывали недовольство Тихоном, который против их желания оставлял на месте непопулярных священников. Последней каплей стало отстранение священника Шакина, который был членом сельского комитета. Получив сообщение, исполком на срочном собрании 8 июня решил, что деятельность архие-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 43. Л. 4об.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Л. 123.

³ Там же. Д. 11. Л. 317.

⁴ Там же. Д. 12. Л. 91.

⁵ Там же. Лл. 48-48об., 80.

рея «явно контрреволюционна» и провел его арест. На следующий день Кобытченко сообщил об этом на заседании Совета, который одобрил его действия¹.

ИКОС попытался протестовать. Он заявил исполкому, что данное решение нарушает их совместное постановление от 13 апреля. На это исполком ответил неприкрытой отговоркой, заявив, что им было постановлено «в экстренных случаях» производить аресты и без согласования². Не исключено, что арест Тихона был не более чем демонстративным выступлением против ИКОС, на что не обращалось ранее внимания в литературе. Позднее было издано постановление Синода вернуть Тихона. Однако в ИКОС обратился задонский уездный комиссар Бочаров, предупредивший, что возвращение может создать беспорядки «крайне возбужденного» населения. ИКОС вынужден был передать прошение исполкому СРСКД, который, ссылаясь на решение 2-го крестьянского съезда, начал требовать отмены возвращения Тихона. Тем не менее, Тихон вернулся в Воронеж³.

Конфликт Совета и комитета приобрел и откровенно комичный характер. 4 июля комитет послал президиуму Совета приглашение на окончательное обсуждение вопроса о тотализаторе на городском ипподроме. Совет, занятый событиями в Петрограде, где в ходе «июльских дней» прошли беспорядки, язвительно ответил, что он «в последние дни занят вопросами более важного значения, чем тотализатор» и предложил комитету использовать заседание для обсуждения об охране города. На это комитет не менее язвительно выразил благодарность за «заботу о наилучшем и наиболее рациональном использовании времени заседаний Городского Комитета» и заявил, что вопрос о тотализаторе тоже связан с охраной спокойствия города, поэтому решен им самостоятельно⁴.

Однако на этом обмен колкостями закончился. 8 июля в Летнем саду в перестрелке с бандитами был убит начальник боевой дружины С. И. Сазонов. Это наглядно продемонстрировало, насколько ситуация с сохранением порядка в городе стала выходить из-под контроля из-за конфликта двух органов. Виновником

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 5.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 94, 95, 98.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 15. Лл. 42, 33, 36.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 94, 95, 98.

был грабитель-рецидивист, солдат Контрим, которого с сообщниками дружина и агенты сыскной милиции пытались арестовать¹. Арест был ответом на инцидент 4 июля. В этот день Контрим, столкнувшийся на рынке с бывшим сыщиком Сысоевым, привел толпу солдат в отделение милиции. Те, не найдя Сысоева, арестовали начальника сыскной милиции Рынкевича. Многие хотели с ним расправиться, но в итоге его сдали в военную секцию, а затем тюрьму².

Это было самое яркое, но далеко не единственное свидетельство проблем в гарнизоне. Многочисленные примеры в прессе и документах показывают разложение частей и рост преступлений со стороны солдат, которые все больше смыкались с уголовной средой. Даже исполком Совета, наиболее авторитетная среди солдат организация, чувствовал предел своего контроля над ними. Так, в начале июля военная секция выпустила обращение к солдатам, отказывающимся нести наряды и караулы. Считая это «глубоко прискорбным», секция призвала исполнять обязанности «честно, аккуратно и без промедления»³.

Недовольство разлагающимся гарнизоном совпало с июльскими событиями в Петрограде, где в результате кризиса власти создалась угроза солдатских беспорядков. Итогом стало единение органов правительства и эсеро-соглашательских Советов и введению чрезвычайных мер в центре и на местах. Подобно правительству, использовавшему разгром демонстраций для чистки гарнизона и высылки на фронт ненадежных частей, в Воронеже тоже решили укрепить власть.

5 июля прошло заседание исполкома Совета, ИКОС и начальников военных частей. Обсуждался вопрос о «мерах борьбы с проявлениями анархических выступлений разного рода темных личностей». Решено было срочно выделить бывших полицейских чинов для посылки их на фронт, отправить в полки агитаторов, выделить дисциплинированных солдат в «определенную вооруженную силу», усилить вооружение рабочих дружин, сформировать пешую и конную милицию⁴. Было опубликовано воззвание от имени Центрального исполкома Советов (ЦИК),

¹ Воронежский телеграф. 1917. 9 июля. №146.

² Воронежский телеграф. 1917. 7 июля. №144.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 61.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8а. Л. 1.

который призвал солдат не верить «неизвестным лицам», призывавшим с оружием в руках протестовать против расформирования частей в Петрограде¹.

В связи с этим начали настойчиво циркулировать слухи, что дезертиры и преступники собираются разгромить Совет. В ночь на 7 июля по городу усиленными отрядами милиции была проведена облава. Было задержано 8 бежавших заключенных, 9 дезертиров и еще несколько преступников. На следующий день арестовано еще 10 грабителей². 14 июля был арестован и виновник гибели Сазонова Контрим с 6 подельниками³. Для предотвращения выступлений при 59-м полку организовали специальную пулеметную команду⁴. Вскоре она была развернута в 5-й пулеметный полк, который считался опорой начальства в гарнизоне⁵.

Отдельно власти беспокоили заполонившие губернию дезертиры. Этот вопрос был рассмотрен 15 июля на заседании исполкома, ИКОС и представителей общественных и воинских организаций. Выслушав доклад начальника гарнизона, собрание постановило организовать «Губернскую центральную исполнительную комиссию» при Совете. Предназначена она была для ловли дезертиров, переосвидетельствования белобилетников, проверки отсрочек и привлечения к ответственности всех виновных в правонарушениях и агитации против правительства и Советов. В состав комиссии вошло 48 членов – по этой причине ее обычно называли в документах «комиссией 48». Состав распределялся следующим образом: от Совета – 15 членов, ГИК – 3, ИКОС – 3, центрального профсоюзного бюро – 6, союза врачей – 3, организации фельдшеров – 2, думы – 1, полкового комитета 59-го полка – 3, губернского воинского присутствия, уездного воинского присутствия, воронежского УИК, прокурорского надзора, начальника гарнизона, начальника охраны, судебной милиции, губернского комиссара, комитетов 681 и 682 дружин – по 1. В распоряжение комиссии была передана команда из 300 эвакуированных

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.

² Воронежский телеграф. 1917. 8 июля. №145; 9 июля. №146.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 14. Л. 165-165об.

⁴ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 72.

⁵ Кузьмина Т. Войска Центра России на пути к Октябрю. («Бюллетени МВО» как исторический источник) // Военно-исторический журнал. №11. 1968. С. 84.

солдат при 12 офицерах. В документах ее называли обычно «отрядом 300»¹. Командиром ее стал комиссар милиции, член военной секции Совета и товарищ председателя «комиссии 48» Л. С. Сысоев – эсер с дореволюционным стажем.

Одновременно резолюцию об охране города от дезертиров вынес полковой комитет 59-го полка. В связи с этим на следующий день состоялось заседание в кинотеатре «Ампир». Единогласно было разрешено полковому комитету и начальнику гарнизона Языкову очистить город от дезертиров – с согласованием мер через ИКОС, исполком Совета и губкомиссара. После этого военные власти, получившие в руки полномочия, перешли к необъявленной чистке гарнизона, который, как ходили слухи, собирался громить город, чтобы не ехать на фронт². По согласованию с командованием округа была резко усилена отправка частей на фронт. Был расформирован и частично направлен на фронт 58-й полк (позднее восстановлен), отправлялись маршевые эскадроны и из 59-го полка, вскоре переформированного в 5-й пулеметный. Усилены нападки на большевиков. По сведениям Протасова, из города было выведено свыше 15 тыс. солдат. В рамках борьбы с «темными личностями» офицерами был, в частности, арестован большевик-солдат 59-го полка Грачев, протестовавший 15 июля на собрании полкового комитета против арестов дезертиров. Вскоре полковой комитет запретил распространение в части большевистских газет. Благодаря стараниям офицеров было арестовано или отправлено на фронт еще несколько большевиков в губернском и уездных гарнизонах³. «Объявлена беспощадная борьба большевизму. Кое-где введена цензура; по провинции, как мотыльки, замелькали распоряжения разных комиссаров и военачальников...», – писала эсеровская газета «Свободное слово»⁴.

После этого работа ИКОС, по существу, теряла смысл. Его функции перешли «комиссии 48». Согласно указаниям правительства, охрана переходила го-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 5. Лл. 13-13об.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Л. 365.

³ Протасов Л. Г. Революционное движение в гарнизонах Воронежской губернии в 1917 году (от Февраля к Октябрю) // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. №250. Некоторые проблемы истории строительства социализма в СССР. Москва, 1967. С. 17-18; 1917-й год в Воронежской губернии. С. 74, 76.

⁴ Свободное слово (Новохоперск). 1917. 5 июля. №19.

родскому самоуправлению. В июле ИКОС принял лишь несколько постановлений. Так, он занялся выделением судебной милиции в особый отдел с подчинением прокуратуре. Судебной милиции же была передана городская гауптвахта. Кроме того ИКОС контролировал вопросы распределения продовольствия в городе. В частности, он вмешался в забастовку официантов, добившихся у СРСКД прибавки в 20%, и постановил создать комиссию для выработки предельных цен в ресторанах и буфетах¹. К тому же 5 июля правительство разослало декрет о ликвидации местных комитетов после выборов городского самоуправления. В связи с избранием 16 июля новой думы уже в конце июля – начале августа началось расформирование ИКОС и опись его имущества для передачи милиции и городской управе. К концу лета он был ликвидирован².

Организация же «комиссии 48» затянулась. Окончательно ее президиум избран лишь в августе. Состоял он целиком из военных. Председателем был избран Н. В. Воронков; товарищами – старший унтер-офицер 58 полка Н. Д. Пажетнов и рядовой того же полка Л. С. Сысоев; секретарями – подпоручик 5 пулеметного полка Шахназаров, прапорщик того же полка В. П. Ковчегов и младший фельдшер П. Д. Жеребилов; казначеем – ефрейтор 5-го полка Г. П. Бережинский³.

На заседании в военной секции 9 августа выяснилось, что комиссия только налаживает работу. Шахназаров признал: «Дело комиссии идет плохо, вяло – члены комиссии плохо являются... Рабочие, работающие в комиссии, требуют вознаграждение, т. к. заводы им не платят. Кроме того, комиссия не имеет писарей, не имеет комнаты, т. к. вся комиссия помещена в одном помещении». Фактически комиссия занималась только поиском дезертиров. С предприятий призыв осуществлялся с согласия завкомов. К тому моменту она отправила на фронт 40-50 дезертиров и еще до 12 чел. сняла с предприятий. Конечно, это была ничтожная цифра. Доктор Никитин признавал, что только на железной дороге укрываются

¹ Воронежский телеграф. 1917. 1 августа. №164.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 132, 142.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.

тысячи уклонистов¹. Таким образом, относительное организационное единство, сосредоточенное в ИКОС, было разрушено и осенью 1917 г. власти это ощутимо почувствовали. Спокойствие гарнизона тоже дало трещину – в конце августа в пулеметный полк прибыло 2000 чел. пополнения из Сибири, которые превратили полк в рассадник большевизма².

После этого единственным органом, кроме думы, который мог бы претендовать на демократическое представительство, был КООУ, однако он так и не смог перейти границ коллегиального «клуба» для обсуждения мнений. Формально КООУ был пополнен на заседании 13 марта, тогда же состав его бюро был увеличен с 7 до 12 человек. Разрешено было выбирать в него представителей от учреждений, насчитывавших не менее 30 чел.³ В своих собраниях комитет регулярно поднимал вопросы гражданского объединения для помощи правительству и организации политической жизни в городе. Однако начиная с конца весны деятельность комитета постоянно падает. В течении 4-5 недель КООУ не мог даже собрать кворума. Лишь 26 июня ему удалось наконец собраться для перевыборов правления. Было выбрано 20 человек, из них 6 – старого состава⁴.

То же самое повторилось и после этого. В конце концов, 16 июля комитет постановил считать заседание правильным и исключить представителей тех организаций, которые систематически пропускали собрания. Кворум был уменьшен до 1/5 от числа входящих организаций. 24 июля комитет, признав усиление разрухи и угрозу распада государства, призвал к поддержке всех действий правительства и национальному единению всех слов населения. Для осуществления этого было решено созвать собрание с представителями Совета и ИКОС⁵. Оно, однако, так и не состоялось. Лишь в начале октября работа КООУ дала хоть какой-то результат – по его инициативе был организован «Союз интеллигенции», который

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 104-104об.

² Кузьмина Т. Указ. соч. С. 84-85.

³ Воронежский телеграф. 1917. 15 марта. №59.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 28 июня. №137.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 74, 79.

выступил в поддержку ВП и политики «национального единения»¹. Это была одна из многочисленных в 1917 г. подобных «аморфных организаций», которая ставила целью «создание общественного мнения для помощи правительству в борьбе с анархией и разрухой»². В итоге КООУ окончательно стал организацией прокадетской ориентации, органом «отдельных представителей либеральной интеллигенции, не опиравшихся на какую-либо организованную массу»³.

В июле 1917 г. совершилось долгожданное событие – была избрана новая дума, первое демократически избранное городское самоуправление. Выборы в думу проходили по постановлению «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» от 15 апреля 1917 г. Оно утверждало принцип равного пропорционального голосования по партийному принципу. Число групп избирателей, выдвигающих гласных, должно было быть не менее половины численности думы. Это вызвало на местах непонимание. Как отмечала комиссия по подготовке выборов, оно было крайне неясным. Например, разрешалось участвовать в выборах тем, кто лишь имеет в городе «домашнее обзаведение», хотя сам там не проживает. Так под выборщиков попадали даже пригородные крестьяне, приезжавшие в город на базары. Поэтому комиссия поступила либерально и разрешила участвовать в выборах всем желающим, подходящим под требования⁴. Воронеж был поделен комиссией на 19 избирательных участков, на которые приходилось по 4000 избирателей. В выборах участвовало 12 организаций, из которых самыми влиятельными были партия кадетов, «социалистический блок» (все соцпартии, кроме большевиков), «блок беспартийных демократических организаций» (состоящий в основном из профсоюзов).

Подготовка избирательных списков закончилась еще в конце мая, но из-за проволочек выборы прошли лишь 16 июля 1917 г. В них приняло участие лишь

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 21об., 28об.

² Борьба за массы в трех революциях России. М., 1981. С. 175.

³ Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. С. 12. Той же точки зрения придерживаются и современные исследователи: Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 257-258.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 30 апреля. №90; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. Отд. II. С. 174.

24% от населения, хотя выборная комиссия рассчитывала на 70%. Большинство получил соцблок (47 гласных, 52,7% голосов), на втором месте была партия кадетов (17 гласных, 19%), на третьем Союз домовладельцев (7 гласных, 7%). Последний провел 5 старых гласных думы: М. И. Агафонова, И. Т. Алисова, В. Г. Веселовского, И. В. Мещерякова, И. В. Шаурова. Из этого видно, что Союз представлял, по сути, старых цензовиков. Еще пятеро прошли по списку кадетов: В. Л. Мюфке, С. А. Петровский, П. Я. Ростовцев, К. К. Шуринов, А. У. Юхневич. В думу попали и три большевика. 4 августа 1917 г. прошло первое, учредительное собрание думы, на котором состоялись выборы новой городской управы. Были избраны И. Д. Смирнов (эсер), А. Н. Татарчуков (меньшевик) и В. К. Ковалев (кадет). 10 августа были избраны ещё двое: меньшевик Н. Д. Богданов и кадет А. Н. Крашенинников. В состав управы вошел и новый голова, эсер Н. Г. Андреев, бывший глава ИКОС. Большевики от выборов демонстративно отказались, не желая связываться сотрудничеством с партийными противниками. Таким образом, управа была поделена на три равных блока: по два эсера, меньшевика и кадета.

Официально было заявлено, что так привлекались «творческие силы, независимо от их партийной группировки»¹. Скорее всего, это была попытка новых гласных создать партийное равновесие. На деле такое положение создало предпосылки для трений, что было очевидно с самого начала. «Единство это при первом подходящем случае будет нарушено», – передавал свои впечатления репортер, отмечая амбиции каждой фракции². В думе к тому же выделилась фракция «независимого меньшинства», под которой выступили делегаты Союза домовладельцев, т. е. цензовики. Особенно недоброжелательность коснулась большевиков. Их предложения по вопросу о выборах делегатов на Московское совещание были забаллотированы даже без серьезных прений. Когда большевики предложили избрать в комиссию по подготовке Учредительного собрания по два представителя от фракции, управа стала защищать принцип пропорциональности – что обеспечивало ей большинство. Правда, после было предложено одно место большевику

¹ Воронежский телеграф. 1917. 5 августа. №168.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 3.

Чуеву, но когда большевики согласились... и это предложение было забаллотировано на голосовании¹. В итоге на совещание были избраны меньшевик И. Б. Басовский и сам Андреев. Были выбраны и члены новых думских комиссий.

Однако члены управы были настроены не только против большевиков, но и друг против друга. Эсеры, активно работавшие в Совете и крестьянских союзах, в думе вели себя вяло. Это усиливало роль меньшевиков и кадетов, хотя дума была под контролем эсеров. 8 сентября при обсуждении посылки делегатов на Демократическое совещание фракции выставили противоположные резолюции. Меньшевики, кадеты и «независимцы» вообще не хотели посылать делегатов, но благодаря своему преобладанию эсеры, подчинявшиеся ЦИК, все-таки послали Коган-Бернштейна и меньшевика И. Г. Бейлина. Но императивных мандатов им не дали, так как меньшевики настаивали, что совещание всего лишь частное. На следующем заседании кадеты с меньшевиками просто ушли, и в зале остались эсеры и большевики – 21 чел., а кворум составлял 30. На следующий день эсеры пытались блокироваться с большевиками, на что кадеты опять ответили уходом. Меньшевики и «независимцы» начали шантажировать эсеров, требуя не допускать не только большевиков, но и левых эсеров, а потом тоже покинули зал². Кризис думы стал следствием политического раскола общества, что заранее обрекало ее работу на неуспех: «Вместо представительства на политической арене интересов горожан и муниципального хозяйства городские думы стали выразителями воли той или иной партии, а потому авторитет таких органов самоуправления растаял с падением популярности представленных в них политических сил»³.

В хозяйственной сфере дела шли также плохо. Новой думе досталась практически пустая касса, в которой было лишь 31.960 руб., да и тех еще не окупленных. Голова Н. Г. Андреев, высказывая точку зрения эсеров, заявил о необходимости переложения расходов на имущие классы, но тут же признал, что за недос-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 48. Л. 3.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 14об., 17-17об.

³ Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917 - 1918 гг. (На материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний). Автореф. дис... к. и. н. М., 2010. С. 20.

татком времени и сведений придется делать новый заем¹. Видимо, работа комиссии по оценке состояния городских дел шла плохо, потому что новая дума повторила ту же процедуру в сентябре. Даже 1 сентября гласные не рассматривали финансовый вопрос. Удивившее некоторых исследователей обсуждение вопроса об истреблении бродячих собак в этот день² объяснялось довольно просто. Как показывают материалы печати, заседание совпало с волнениями в городе – под влиянием кожевенного кризиса началась охота на собак³. Взяв под контроль этот процесс, дума надеялась удовлетворить нужды кожевенного комитета. К сожалению, информации о реальных шагах в этом направлении не имеется. Лишь на следующий день дума приняла доклад о состоянии городского хозяйства, который рисовал ситуацию в черных красках. Комиссии не удалось собрать даже информацию о городской отчетности⁴. К числу очень немногих успехов думы в этот период относится ввод в строй электростанции 25 октября на Большой Успенской улице. Однако это оказалось возможным лишь благодаря подготовительной работе предыдущего состава, к тому же удалось запустить всего одну турбину.

Новой думе вернулись и обязанности по проведению продовольственной работы. Тяжелая обстановка требовала немедленных мер. 24 августа исполком Совета постановил: «Произвести давление на городскую думу о скорейшем упорядочении продовольственного дела в городе с опубликованием в печати о продовольственных неурядицах»⁵. Дума воспользовалась городскими участковыми комиссиями, созданными в процессе выборов. Так, 25 августа под председательством И. Г. Полуэктова прошло заседание председателей комиссий участков и пригородных слобод, а также торговых организаций. Было постановлено силами комиссий заменить карточки на хлеб. В начале сентября дума начала заготовку калош для распределения среди учащихся⁶. У думы даже появились планы орга-

¹ Попов П. А. Указ. соч. С. 322.

² Там же. С. 324; Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии: конец XIX в. – 1918 г.: Дис... к. и. н. Воронеж, 2007. С. 169.

³ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 10об.

⁴ Попов П. А. Указ. соч. С. 323.

⁵ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 3об., 13.

низовать свое районное самоуправление. Так как по закону правительства формирование районных дум разрешалось лишь в городах с населением от 150 тыс. чел., то 16 октября дума решила вместо выборов районных дум переформировать районные комиссии в районные комитеты на принципах утверждения думой назначенных населением кандидатов. Вопрос был передан в юридическую комиссию¹.

Стоит отметить, что постановлением правительства от 9 июня вводился широкий список полномочий городского самоуправления, согласно которому они, сохраняя самостоятельность, подчинялись губкомиссару. Но, по мнению П. А. Попова, с которым можно согласиться ввиду отсутствия противоречащих этому данных, в Воронеже это в полной мере так и не было проведено².

В августе и сентябре на собраниях думы были избраны члены нового городского продкомитета и комиссии по выплате пособий семьям призванных. Однако работа их была слаба и неэффективна. Увеличение дороговизны и перебои со снабжением привели к новой забастовке городских служащих, организовавших стачечный комитет. Он потребовал увеличения прибавок к жалованию. Вопрос пытались решить, помимо думы, и Совет с Центральным бюро профсоюзов (ЦБПС), выступив в роли арбитров. Но из-за недостатка у думы денег забастовка так и не была прекращена и продлилась до самого октябрьского переворота³.

Таким образом, выборы думы совпали с политическим и социальным кризисом страны, в ходе которого вопрос о борьбе за власть не зависел от городского самоуправления, что привело к падению внимания политических сил общества к этому институту. Неэффективная в связи с экономическим кризисом и недостатком финансов у государства и банков работа думы, ее политический раскол усилили ее слабость и падение популярности. В этих условиях дума, несмотря на свои формально широкие полномочия, не могла решить свои проблемы без помощи других органов власти. Это усугублялось и политическим расколом думы, а также ее профессиональной неудовлетворительностью.

¹ Там же. Л. 25об.

² Попов П. А. Указ. соч. С. 64.

³ Татарчуков А.Н. Указ. соч. С. 81-82.

Вышеприведенные факты позволяют лучше оценить устоявшиеся оценки региональной историографии о динамике событий в Воронеже в 1917 г. Явно несправедливы некоторые оценки советского периода, заключающиеся в том, что Совет «был единственной реальной властью в городе и губернии» и только эсеро-меньшевики пытались превратить его «в придаток местных органов Временного правительства»¹. Напротив, долгое время власть в городе принадлежала ИКОС. Однако Совет не был и пассивным зрителем – наоборот, под руководством эсеров он активно влиял на власть. Точной представляется оценка Михалева: «В момент крушения царского режима аппарат управления захватили представители либеральной оппозиции, усилившейся и сплотившейся во время войны вокруг кадетской партии. Но в связи с тем, что либералы имели незначительное идейное влияние на массы, в целом стоявшие левее их, возникшие органы управления не обладали достаточным авторитетом, а кроме того, не располагали реальными средствами принуждения для наведения порядка и проведения своей политической линии. В целях обретения легитимности в глазах масс они вынуждены были демократизировать свой состав, включая в него представителей общественных организаций и набирающих влияние советов. Под давлением снизу либералам уже в течение первых недель после революции пришлось отказаться от своей монополии на власть в городе и губернии»².

При этом либеральная буржуазия перетянула власть из рук представителей старых цензовых органов, заметно более консервативных. Таким образом, процесс демократизации нарастал так же постепенно, как и на губернском уровне. Сначала функции власти вынужденно приняли на себя представители думы. Вскоре они под давлением общественности были пополнены представителями народа и власть возглавили лидеры либеральной буржуазии. Далее их затронул процесс демократизации, который шел в уездах через крестьянские съезды, а в городе пошел через Совет, но в обоих случаях его направляли явно эсеры, кото-

¹ Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 32.

² Михалев О. Ю. Указ. соч. С. 256.

рые благодаря этому к лету стали лидирующей партией в местных органах. Однако в Воронеже, в отличие от уездов, этот процесс застопорился: ИКОС, видимо, не был переизбран сразу представителями «организованных масс» и был ликвидирован только после выборов думы. Очевидно, то же было и в уездных городах.

К тому времени уже проявлялось давление большевиков, которые требовали довести дело до логического конца, признав властью Советы. Усиливалось и падение авторитета официальной власти. Правительство и местные буржуазно-демократические силы были вынуждены искать выход из ситуации недовольства масс из-за неэффективной политики власти. В июле – августе 1917 г. это противоречие фактически пытались разрешить благодаря репрессивной политике государства и поддерживающих его организаций, что привело к укреплению военных методов, дискредитации большевиков и формальному ослаблению «двоевластия» благодаря добровольной коалиции либералов и эсеро-меньшевиков. Эта же тенденция проявилась и на местном уровне. Параллельно правительство старалось решить недостаток легитимности новой структуры управления за счет выборов самоуправления, которому бы принадлежала исполнительная власть на местах. Обладающая репутацией избранного органа, пополненная новым составом дума должна была принять на себя все полномочия, подчиняясь только правительству.

Однако в реальности проблема лежала в иной плоскости. Оказалось, что не обладающие административным и моральным влиянием на массы органы не обладают реальной властью и не могут решить поставленных проблем. Правительство тоже оказалось неспособно оказать им адекватную помощь. В то же время ликвидация ИКОС разрушила единство административной и силовой власти. Созданная из военных «комиссия 48» оказалась слаба и даже свою работу могла проводить только при поддержке эсеровского Совета, который добровольно уступил ей эти полномочия. Избранная же дума не обладала ни авторитетом, ни возможностями, ни политическим единством.

Система «двоевластия» продолжала существовать. В связи с этим остается рассмотреть роль и место Совета в сложившейся структуре управления.

2. 4. Воронежский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

В советской историографии традиционно уделялось большое внимание деятельности Воронежского Совета. Однако даже тогда осталась практически не исследованной повседневная работа Совета в начале существования, с идеологизированной точки зрения освещались позиции его эсеровских лидеров, делались искажения в фактологии. Необходимо выяснить, какое место Воронежский Совет занимал в сложившейся структуре власти и каково было его реальное влияние?

Как ныне известно, в начале Февральской революции Советы далеко не во всех случаях имели претензии на власть. Во многом это объяснялось позицией их организаторов, эсеров и меньшевиков, которые с самого начала заняли монопольное положение в Советах и надолго определили характер его работы. На первых порах среди большинства социалистов была особенно сильной уверенность в необходимости оставить за буржуазией власть в условиях демократической революции. В. М. Чернов об этом писал: «...Соглашались на все, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной»¹. Таких же взглядов придерживались и воронежские эсеры. Лишь впоследствии стало крепнуть убеждение в необходимости усиления власти демократических элементов общества, расширении власти Советов². При этом из всех фракций Совета эсеровская играла решающую роль. Большевики почти до самого Октябрьского переворота обладали относительно слабым влиянием. Меньшевики его почти не имели. Все это требует внимательного рассмотрения вопроса о позиции Воронежского Совета в борьбе за власть.

Для начала надо рассмотреть организацию Совета. Как говорилось выше, Совет был организован 4 марта из группы местных социалистов. Временный исполком Совета был выделен на первом же общем собрании. Он состоял из 7 социалистов: Н. И. Григорьев, С. С. Комиссаров, М. П. Кондратьев, В. И. Крупец-

¹ Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Новикова и К. Хузер. СПб., 2007. С. 396.

² Куцеволов А. А. Указ. соч. С. 160-161.

кой, А. Михайлов, Г. Н. Солодовников и А. Н. Татарчуков. Исполком выделил временный президиум: председатель – меньшевик Крупецкой, товарищ председателя – меньшевик Татарчуков, секретарь – эсер А. В. Михайлов. Но просуществовал он недолго. Уже 7 марта был поднят вопрос о его пополнении, но вместо этого было решено на завтрашний день переизбрать его в составе 15 человек. При этом, как отмечали позже деятели Совета, «было решено... руководствоваться не порайонным представительством, а энергичностью избираемых». Так оказались избраны: И. Антипин, Н. Григорьев, Добринских, Н. Кардашев, Касьяневский, В. Кобытченко, С. Комиссаров, М. Кондратьев, Крупецкой, А. Михайлов, М. Михайлов, Свистунов, Солодовников, А. Татарчуков и С. Трубников. Из них 8 были эсерами, занявшими все руководящие посты: Кобытченко (председатель), Антипин (товарищ председателя), А. Михайлов (секретарь), Кондратьев и Трубников (товарищи секретаря), Григорьев (казначей). Двое – большевиками: Комиссаров и Кардашев (товарищ председателя). Двое меньшевиками – Татарчуков и Крупецкой¹. В исполком вошли и представители соцпартий: от эсеров – Н. М. Норинский (Ю. Н. Подбельский), от бундовцев – Пурыжинский, от социал-демократов – С. Д. Турчанинов и от польской партии социалистов – С. И. Данилькевич².

7 марта на общее собрание Совета были приглашены представители солдат. Была выработана схема представительства военных: роты и команды до 50 чел., а также госпитали посылали по 1 депутату, батальон или «группа, равная ему» – по 1 от офицеров. Вопрос об офицерах явно играл большую роль, поэтому была вынесена резолюция: «1) Присутствие офицеров в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов не только допустимо, но и желательно. 2) Войсковые части выбирают того, кому верят и, следовательно, допустимо принципиально и присутствие “кадровых”. 3) Присутствие начальства при выборах не может быть допущено, чтобы избежать давления на результат выборов»³. 9 марта было постановлено избрать столько же военных, сколько и рабочих – 15 человек: 12 солдат и 3 офицеров. Бы-

¹ Правда, стоит учесть, что в тот момент Воронежская организация РСДРП была объединенной, раскол большевиков и меньшевиков произойдет только в мае.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 43. Лл. 1-1об.

³ Там же. Л. 1.

ли избраны: от солдат – Белоусов, Дмитренко, Клейменов, Ковалевский, Д. Коняев, Кубарев, Кутько, И. Михайлов, Рындич, Тулуевский, Фефелов; от офицеров: полковник Лубянский, капитан Пятницкий и офицер Фишман¹.

Переизбранный исполком выделил новый президиум с делегатами военных частей. Председателем стал Кобытченко, его товарищами Крупецкой, Чуев и Пятницкий, секретарями – А. Михайлов, Кондратьев и Коняев. Таким образом, в президиуме оказалось 7 чел.: 2 рабочих (Крупецкой и Михайлов), 4 военных (Чуев, Пятницкий, Кондратьев, Коняев) и представитель городских служащих – Кобытченко. Все были эсерами кроме социал-демократов Чуева и Крупецкого.

В апреле Совет объединился с делегатами крестьян. Проходивший 8-12 апреля в Воронеже губернский крестьянский съезд делегировал по 1 депутату от уезда, т. е. 12 человек. С 16 апреля Совет стал именовать себя «Воронежский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (СРСКД). Кроме того, на заседаниях 17 и 29 марта было решено пополнить Совет представителями общественных организаций: союзов учителей народных училищ, фармацевтов, студентов СХИ и общества взаимопомощи учителей средне-учебных заведений. Каждая группа выделила по депутату². После вхождения крестьян Совет стал насчитывать 46 человек: 15 рабочих, 15 военных, 12 крестьян, 4 представителя интеллигенции. Несмотря на быструю организацию, сам Совет имел сравнительно неширокое влияние и не претендовал на функции власти. Свою деятельность он проявлял в основном через участие в других органах власти и прежде всего ИКОС.

Параллельно шло и формирование Советов в провинции, но они были сформированы лишь в нескольких относительно крупных уездах с наличием рабочих и крупных запасных гарнизонов. Уже 8 марта был организован Совет солдатских депутатов в Острогожске, на следующий день появился и Совет рабочих депутатов. В апреле Советы солдатских депутатов возникают в Новохоперске и Боброве, которые также объединяются с рабочими Советами³. Из документов

¹ Там же. Л. 1об.

² Там же. Л. 1.

³ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 9-10.

видно существование к 29 апреля Богучарского Совета рабочих и солдатских депутатов, который месяц спустя просил включить в его состав гласного местной думы с правом решающего голоса. Дума делегировала эсера П. В. Данцева, который сам позже возглавил Совет¹. Итого к апрелю Советы были в 4 уездных центрах из 12, нигде не обладая большим влиянием.

В политическом плане Воронежский Совет стоял примерно на тех же позициях, что эсеровский Петросовет. Свое отношение к правительству он выразил на заседании 13 марта. Резолюция объявляла, что оно «выдвинуто революцией подготовленной и сделанной социалистически-революционными организациями армии и народа». Совет постановил: «Оказать ему поддержку в осуществлении его программы в борьбе со старым режимом, созыва всенародного Учредительного Собрания и доведения войны до победного конца». При этом делалась оговорка, что Совет в случае «отступления Правительства от принятых им обязательств... поведет с ним решительную борьбу». Резолюция требовала, чтобы на местах все посты занимались представителями общественных организаций с одобрения Совета. Хотя цели резолюции были сформулированы нечетко, СРСКД решительно выступал на сторону выборного начала и претендовал на широкое участие во власти, одновременно оказывая «условную» поддержку правительству.

Данная резолюция отражала популярную тогда точку зрения на Советы как орган контроля и поддержки нового демократического режима. Подобная поддержка выражалась тогда большинством социалистов, вплоть до части ЦК большевиков. Лишь возвращение Ленина в Россию, выступившего со своими «Апрельскими тезисами», привело к тому, что вопрос о переходе власти к Советам был поставлен в политическую повестку дня и привел к переходу большевиков в лагерь оппозиции². Позиция Совета была дополнена резолюцией от 21 марта о войне, составленной в духе «революционного оборончества». Она выражала уверенность, «что конец европейской войне могут положить только сами трудящие-

¹ ГАВО. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 2344. Лл. 118об., 144об.

² Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 66.

ся, заставив правящие классы отказаться от завоевательных планов»¹. До тех пор солдаты призывались «стойко держаться в окопах» для защиты свободы.

К середине весны Совет четче определился и стал выступать за созыв Учредительного собрания «в такое время, когда наиболее может быть обеспечено правильное участие в выборах солдат, крестьян и рабочих, когда демократия достаточно сознательно отнесется к выборам, когда сорганизуется». А подготовкой должны были заняться реорганизованные на демократических началах городские думы и волостные комитеты².

Если первые резолюции объяснялись неопределенностью ситуации, то данные постановления стали следствием выявившегося управленческого кризиса в стране. Среди умеренных социалистов возобладала уверенность, что страну может удовлетворить только режим «революционной демократии». Под нею понималась широкая коалиция выборных организаций, что подразумевало одновременно отказ от взятия Советом власти. Именно в этом духе Петросовет в конце марта проинструктировал местные Советы³. Воронежские эсеры не раз это подчеркивали. Сам Кобытченко заявлял: «Мы – сила, мы можем свергнуть временное правительство, но сознание этой силы налагает на нас сугубую ответственность за каждый шаг. Сознание своей силы должно заставить нас быть осторожными, а не применять ее только потому, что она у нас есть»⁴.

Вопрос о власти стал решающим в середине апреля. Знаменитая нота Милюкова, обещавшая правительствам союзников продолжать войну, взволновала Россию и привела к первому кризису Временного правительства. Левые партии, недовольные политикой буржуазии, выдвинули лозунг создания коалиционного правительства для обеспечения демократии. Задачей его было доведение страны до Учредительного собрания, обеспечение демократических завоеваний революции и достижение мира без аннексий и контрибуций.

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Лл. 1об.-2.

² Там же. Л. 2.

³ Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. С. 143.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 27 апреля. №87.

23 апреля Воронежский Совет резко оценил ноту как контрреволюционную и прямо потребовал, чтобы постановления правительства принимались только с санкции Петросовета¹. 2 мая он высказался за создание коалиционного министерства по соглашению между Петросоветом, Всероссийским Советом крестьянских депутатов и Временным правительством. Вскоре позиция сменилась: 12 мая резолюция была дополнена уточнением про «оказание самой полной и решительной поддержки Временному Правительству в проведении возвещенной им программы»². Нетрудно заметить, что дополнение полностью меняло смысл первой резолюции. И это понятно: после 5 мая, когда правительство стало коалиционным, уже на следующий день воронежская организация ПСР постановила поддерживать его и начать наступление на фронте во имя «активной обороны»³.

Данные факты показывают, что в марте – мае 1917 г. в руках воронежских эсеров сосредоточилась руководство Советом, и они не преминули этим воспользоваться, чтобы провести через Совет свою политику, отличавшуюся балансированием между признанием роли Советов и требованием коалиции. В дальнейшем эсеры тоже сохранили свое преобладающее влияние в Совете.

Таблица 3. Партийный состав Совета⁴.

	4 марта		8 марта		9 марта		Апрель		Конец июля	
Число членов	7		15		30		42		50	
Эсеры	4	57%	9	60%	20	67%	34	81%	33	66%
Меньшевики	2	29%	4	27%	6	20%	2	5%	3	6%
Большевики	1	14%	2	13%	4	13%	4	10%	5	10%
Кадеты							1	2%	1	2%
Бундовцы							1	2%	1	2%
Беспартийные									7	14%

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

² Там же.

³ Куцеволов А. А. Указ. соч. С. 160.

⁴ Karsch S. Ebenda. S. 47.

Однако активность Совета слишком форсировалась. Насколько можно судить, в марте 1917 г. его состав и система управления еще конституировались. Как показывают разрозненные документы, за счет вовлечения в политику масс его численность выросла до 146 чел. и лишь к апрелю – до 218. Но к двадцатым числам апреля оказалось, что даже этого числа не хватает для работы. Выход был найден в разделении по секциям – на рабочую, военную и крестьянскую. Работой каждой руководила исполнительная комиссия во главе с президиумом из 5-6 чел. Задачей их была предварительная обработка текущих вопросов с направлением их через президиум в исполком. Каждая секция имела право на самостоятельное решение вопроса как в общих заседаниях, так и в заседаниях комиссий и президиумов¹. Несмотря на внешнее удобство организации, права каждой инстанции не были четко определены, что породило вскоре запутанность и конфликты.

Работа секций оказалась очень слабо отражена в историографии (в основном упоминались некоторые действия рабочей секции), что побуждает взяться за разработку этой темы. Увы, о деятельности рабочей и крестьянской секций уцелело мало информации. Зато сохранился газетный отчет о работе военной секции в №3 «Известий» Совета и ее протоколы. Поэтому стоит начать с нее.

Секцию составили военные делегаты СРСКД. Первое организационное собрание они провели 22 апреля. На нем были избраны президиум, мандатная и хозяйственная комиссия. 27 числа было проведено обсуждение о штатах прислуги для секции. Особые прения вызвал вопрос по поводу нормы представительства в секцию делегатов солдат и офицеров. После долгих споров было решено выбрать 1 офицера и 1 солдата. От офицеров был выбран Ковалевский, а от солдат – Веллер. Спустя два дня секции пришлось просить об учреждении исполкомом в Совете 111 мест для солдат и 28 – офицеров, так как по уставу Совета, число делегатов от офицеров и солдат должно было составлять 1 к 4².

Секция оценивалась Советом как «высшая военная организация Воронежского гарнизона», которая была призвана «обслуживать военно-экономические

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 6-8, 10об.-11.

нужды солдат». Состав ее насчитывал 23 чел.: 15 солдат и 8 офицеров. Президиум – 5 членов: председатель солдат Д. Ковалевский; товарищи председателя – солдат Мануйлов и прапорщик Калиновский; секретарь Хохолев-Вишневецкий и товарищ секретаря Оловинский. Исполнительная комиссия состояла 15 членов: солдаты Д. Ковалевский, Мануйло, Хохолев-Вишневецкий, Оловинский, Чуев, Коняев, Тулуевский, Белоусов, Клейменов, М. Ковалевский, Пажитнев, полковник Лубянский, капитан Пятницкий, прапорщик Калиновский и зауряд-военный чиновник Федосеев. Хотя состав секции был многопартиен, руководителем ее стал эсер Ковалевский и в целом эсеровский уклон в секции заметно чувствовался.

Секция делегировала своих представителей в ГИК, ИКОС, губернский и городской продкомитеты, губернскую и уездные комиссии по проверке отсрочек, а после еще ряд организаций. Так, железнодорожная комиссия, выделенная в помощь ЮВЖД, состояла из 4 чел.: корнет Офросимов, прапорщик Спасский, солдаты Петухов и Дягилев¹.

Первым вопросом для секции стали отношения с Гарнизонным советом – общевойскаковой выборной организацией гарнизона, образованным вскоре после революции. О нем сохранилось очень мало сведений – даже время его создания неизвестно. Известно лишь, что устав совета был опубликован 8 апреля: «1. Гарнизонный совет есть орган местного военного самоуправления и представляет единую организацию всех чинов воинского звания. 2. Назначение гарниз[онного] совета, как органа местного военного самоуправления – поддержать новый государственный строй, переустроить правовые, материальные и бытовые условия жизни на основах свободы, равенства и братства, поддержать дисциплину, внести стройный и единый порядок в жизнь военных частей и учреждений г. Воронежа, гарнизона и создать тесную связь с общ. организациями. 3. Всеобщее, прямое, тайное и тов[арищеское] голосование, представительство от всех чинов, от солдат, один от роты, команды, части, независимо от численности, от полкового собр[ания] офи-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 3об.

церов 6 чел., ополченских дружин – 2, от отдельных частей и учреждений – по одному. Гарнизонный Совет выбирает Исполком, а тот выделяет президиум»¹.

Из этого видно, что совет был органом военного самоуправления, который должен был решить актуальную проблему солдатских нужд и одновременно поддержать Временное правительство. По всей видимости, он возник под влиянием командования гарнизона. И. Чуев вспоминал: «Был создан гарнизонный совет. В отличие от ротных и полковых комитетов, где в выборах участвовали одни солдаты, в выборах гарнизонного совета участвовали и офицеры. Им удалось захватить руководство, председателем совета стал прапорщик Калинин, формально беспартийный, фактически же гнувший кадетскую линию»². Очевидно, командование пыталось с помощью общевойскового самоуправления, во главе которого встали в основном офицеры, сохранить контроль над войсками в условиях, когда прямые приказные меры уже не работали, а идеи самоорганизации стали получать среди солдат популярность. В первые месяцы после революции такая тактика офицерства имела широкое распространение, как правило, выливаясь в создание Советов офицерских и солдатских депутатов, обладавших теми же функциями³.

Поэтому Гарнизонный совет был конкурентом Воронежского Совета. В итоге уже на втором своем собрании 25 апреля военная секция обсудила эту проблему совместно с его членами и начальником гарнизона Языковым. Некоторые члены секции открыто дали понять, что считают совет орудием офицерства; так, солдат Дягилев заявил: «Отдельные лица повели Гарнизонный Совет так, как они хотели. Мы создаем в Гарнизонном Совете опасную военную силу. Мы очутились под давлением военной силы». Языков был вынужден признать, что именно он был инициатором его создания и после долгих прений согласился распустить совет. На следующем заседании по предложению Ковалевского его дела окончательно были переданы секции⁴.

¹ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Лл. 6-7.

² Чуев И. А. Победу завоевали в борьбе // Да здравствует революция!: воспоминания участников Великого Октября / сост. М.И. Ступаков. М., 1980. С. 95.

³ Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. С. 116.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 1-5, 8об.

Одной из главных задач секции стала борьба с преступлениями в военной среде и дезертирством. Секция постановила ввести ротные и полковые дисциплинарные суды, руководствуясь приказами по военному ведомству за №213 и по МВО за №555¹. Вскоре возобладало решение о собственном судебном органе. Уже 3 мая секцией была выбрана следственная комиссия. Ее задачей был разбор дел преступников и дезертиров для передачи секции. Если при учреждении в комиссию было выбрано 6 членов, то к июню она была пополнена до 10 – по 5 офицеров и солдат². Фактически комиссия занималась и конфликтами в военной среде. Было решено организовать и суд при секции, для чего была выделена комиссия. Проект суда был утвержден 24 мая, но долгая работа оказалась безрезультатной. Посланные в Петроград офицеры Цибарт и Спасский после разговора с военным прокурором В. А. Алушкиным узнали, что уже принято решение об учреждении военных судов для дезертиров и вернулись обратно³.

Кроме дезертиров, борьба шла с «защитниками старого режима». 29 апреля секция, получив приказ по МВО за №511, начала обсуждение по поводу отправления на фронт полицейских. Подавляющая часть членов стала настаивать на немедленной высылке всех их на фронт. Многие даже требовали не считаться с их возрастом. Однако председателю Ковалевскому удалось несколько смягчить постановление. Резолюция приказывала отправить всех полицейских и жандармов до 46 лет на фронт, свыше – оставить на нестроевых должностях в войсках. Об этом было решено довести через исполком Совета до сведения командующего МВО, Петроградского Совета и военного министра⁴.

Острый характер приобрел вопрос о работе в госпиталях. Одной из основных задач секции была работа по переосвидетельствованию больных и раненых. Это было одной из функций госпитальной комиссии, которая была выделена для работы в военных госпиталях. Комиссия состояла из 10 человек, в число которых вошел главный врач городских госпиталей И. К. Никитин. Секция через нее вни-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 15об.-16.; ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 4.

³ Там же. Лл. 8-8об.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 11-13.

мательно следила за положением в больницах. 16 мая оказалось, что работа тормозится недостатком писарей. Секция постановила привлечь к канцелярской работе сестер милосердия и военных чиновников. Для этого начальнику гарнизона и полковым комитетами предложили прикомандировать писарей из частей¹. Также для контроля за переосвидетельствованиями на них регулярно присутствовали делегаты от солдатских комитетов.

Однако находящиеся в госпиталях солдаты начали регулярно жаловаться секции. Скорее всего, это была не более чем уловка уклонистов, но доказать это было нельзя. После долгих споров товарищ председателя секции Калиновский настоял на передаче дел в полковой комитет. Требования больных о допуске их в комиссию по переосвидетельствованию были отвергнуты. Полковник Лубянский прямо заявил на это: «В комиссии нужны лица незаинтересованные; таковыми и являются солдаты. Больные поддерживать будут друг друга»². По существу, все упиралось в то, что нельзя было удовлетворить солдат, пытавшихся избежать фронта. Хотя прямо об этом не говорилось, из выступлений это видно вполне ясно³. В приказах местного командования тоже неоднократно фиксируется увеличение жалоб здоровых солдат на болезни⁴.

Секция ограничилась избранием комиссии для разборов жалоб, что мало кого удовлетворило⁵. Но требования не прекращались, и секции пришлось пойти на уступки. 31 мая она постановила: «1) Переосвидетельствовать всех больных 15 госпиталя 1 июня с. г.; 2) Вторичных комиссий вообще не назначать; ...4) На комиссии для освидетельствования больных назначать по 2 солдата от гарнизона и по 2 солдата от госпитальных комитетов...»⁶.

Второй проблемой было падение дисциплины среди больных. Врачи регулярно жаловались в военную комиссию на их самовольство. Госпитальные ко-

¹ Там же. Лл. 126-126об.

² Там же. Лл. 1-13, 27об.-28об.

³ Там же. Лл. 31, 33об., 32.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 15; ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 330. Л. 16

⁵ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Л. 34об.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 3об.-4.

миссии бездействовали. Неподчинение к маю-июню достигло огромных размеров. Секции пришлось выделить комиссию для реформы госпиталей¹.

Оба вопроса – о переосвидетельствовании и реформе – рассматривались 7 июля. Фактически упорные настояния больных достигли цели. После долгих проволочек и прений секцией были приняты «Правила освидетельствования во врачебных комиссиях». По ним, в состав комиссии переосвидетельствования входило 3 врача, 1 офицер и 2 солдата от гарнизона. Присутствовали также 2 делегата от госпитального комитета из больных – но только по назначению главного врача. Если хотя бы один член комиссии был не согласен с решением остальных, солдат передавался на освидетельствование в другую комиссию. В противном случае других комиссий не назначалось. Понятно, что на практике это сильно затягивало процесс проверки. Кроме того, многие военные делегаты не посещали комиссий, что вынудило секцию в августе призвать их к порядку².

Для того чтобы утвердить дисциплину в госпиталях, секция одновременно приняла новые постановления: «Инструкцию для внутреннего распорядка в госпитале» и «Инструкцию для больных вне госпиталя». Они требовали от солдат подчиняться установленному порядку. В случае неподчинения больные наказывались госпитальными комиссиями и, в особых случаях, секцией³. Все три постановления были переданы начальнику гарнизона для опубликования.

Вскоре было разработано положение о госпитальных комитетах. Они мыслились как органы самоуправления больных. В них должны были поровну избираться представители от больных и медперсонала, за исключением главврача, который мог входить в комитет только с правом совещательного голоса. Постановления их утверждались главврачом и не должны были касаться персонала. Положение было передано начальнику гарнизона, который объявил его в приказе от 21

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 32об.-33об.

² Там же. Лл. 58, 96.

³ Там же. Лл. 57, 59.

июля 1917 г.¹ Но на деле эти старания мало что изменили. В августе опять был поднят вопрос о дисциплине в госпиталях².

Секция также регулярно отправляла солдат в деревню для продовольственной работы. Для агитации за сбор продуктов военная секция еще 17 мая организовала агитотряд. В ближайшие уезды было послано 45 солдат, снабженных удостоверениями, задачей которых было агитировать крестьян сдавать хлеб армии. Было также признано желательным, чтобы агитаторы занимались и вообще «организацией» деревни в политическом отношении. Эту работу следовало проводить при тесном единстве с продовольственной управой. Кроме того, ввиду недостатка рабочих рук в деревне для обмолота хлебов, военная секция обратилась к командующему МВО с ходатайством о разрешении организовать рабочие дружины из солдат гарнизонов Воронежской губернии для уборки хлеба³. С приближением летней уборки усилилась тяга на полевые работы среди солдат. Секция 13 августа разработала план их отправки, стремясь не нарушить порядка в частях⁴.

В дальнейшем секция окончательно отошла от защиты интересов солдат и посвятила большую часть работы поддержанию порядка в гарнизоне. Так, в августе ее озаботила продажа солдатами обмундирования на улицах. Было постановлено высылать военные патрули с членами секции и предавать суду не только солдат, но и покупателей. То же решение приняли, когда управляющий акцизными сборами пожаловался на продажу солдатами папирос⁵. Неоднократно члены секции участвовали в переговорах с солдатами в случае волнений, командировались для производства расследований в уезды. По ходатайству содержателей кинотеатров секция выработала порядок посещения солдатами сеансов. Пропуск производился за подписью доктора Никитина. Впрочем, постановление было опубликовано 25 октября, т. е. перед революцией⁶.

¹ Там же. Лл. 145-145об.

² Там же. Л. 114об.

³ Там же. Лл. 24-26.

⁴ Там же. Лл. 172-172об.

⁵ Там же. Лл. 120-120об., 138об.

⁶ Там же. Д. 5. Л. 128об.

Совместно с секцией проводились в жизнь приказы командования гарнизона. Так, 16 августа обсуждался вопрос об отправке свободных солдат на фронт согласно приказу военного министра. Не раз решались и вопросы материальной помощи семьям военных. 26 сентября секция по жалобе солдаток увеличила пособия семьям военных до 15 рублей и решила провести проверку весов торговцев¹.

К сентябрю в президиуме секции были следующие отделы: мандатный, финансовый, следственный, культурно-просветительный, госпитальный и редакционный. Последний был учрежден в августе после закрытия из-за банкротства органа СРСКД «Известия». Газета секции «Солдатская правда», вышедшая в начале сентября, должна была освещать жизнь гарнизона. Для политического руководства исполком Совета ввел в редакцию представителя². Учрежденная в сентябре культурно-просветительная комиссия работала среди военных путем устройства лекций и распространения книг.

Таким образом, секция, вначале занятая нуждами солдат, фактически стала заниматься вопросом сохранения спокойствия в гарнизоне, активно сотрудничая в этом с командованием, несмотря на то, что именно из-под его влияния вырвала солдат, настояв на ликвидации Гарнизонного совета. Очевидно, в этом не в последнюю очередь проявилась работа ее эсеровского руководства, которое было заинтересовано в сохранении воинской дисциплины и поддержании порядка.

Перейдем к рассмотрению деятельности рабочей секции. К сожалению, в отношении нее удалось установить только первый ее состав. Выборы в ее президиум прошли 26 апреля. В него были избраны – председателем И. Антипин, товарищем председателя Арсений Михайлов и В. Крупецкой, секретарями – Н. Колдаев, И. Муравьев и С. Трубников³. Таким образом, президиум составлял половину численности секции, причем все, кроме меньшевика Крупецкого, были эсерами.

Основным направлением ее работы стало введение рабочего самоуправления на предприятиях. 2 мая секция призвала рабочих организовывать рабочие ко-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 119-119об., 152.

² Там же. Д. 3. Лл. 140-144.

³ Там же. Д. 1. Л. 4.

митеты и созвала совещание их представителей¹. Вскоре Совет принял «Положение о рабочих комитетах», основанное на аналогичном постановлении правительства «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях» от 23 апреля 1917 г. Согласно ему комитетам придавались функции административных и профсоюзных заводских органов. Они должны были также проводить организацию профсоюзов, чтобы впоследствии самоликвидироваться. На секцию возлагалось формальное управление всеми рабочими комитетами. Фактически она взяла на себя функции высшего профсоюзного органа губернии, чем мешала работе уже существующего в Воронеже Центрального бюро профсоюзов. Благодаря этому секция монополизировала всю общественную работу на предприятиях вплоть до культурно-просветительской².

Расширение функций требовало разделения работы. 28 июня исполком рассматривал поданное ему рабочей секцией предложение об учреждении должности губернского комиссара по фабричным делам. Однако Совет отказал, считая нужным придерживаться инструкций ЦИК³. В итоге должность была учреждена в июле по постановлению правительства. Комиссаром труда, подчинявшимся правительству, был назначен член ЦБПС Татарчуков⁴. В итоге явно формировался дуализм в этом направлении. Лишь спустя еще месяц, 26 августа, секцией был учрежден отдел труда. Он организовывал рабочий контроль над производством и осуществлял представительство в органах по контролю и снабжению. Создаваемые им рабочие комитеты рассматривались, как временная замена профсоюзов, которым они передавали постепенно свои функции⁵. Возникновение отдела было вызвано скачком экономического кризиса в стране и ухудшением положения местных рабочих, что угрожало безработицей и беспорядками – в итоге первой же

¹ Воронежский телеграф. 1917. 2 мая. №91.

² Татарчуков А.Н. Указ. соч. С. 61.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

⁴ Воронежский телеграф. 1917. 26 июля. №160.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 97-98.

акцией отдела труда стало введение рабочего контроля на заводе Столля, который дирекция готовила к локауту¹.

Другим важным органом секции стала конфликтная комиссия, в которой проходил разбор споров в рабочей среде. Обзор ее деятельности с 25 июля по 17 августа был опубликован в органе большевиков «Путь жизни». Как видно из него, до этого жалобы рабочих разбирали исполком или президиум. Как отмечал отчет, они редко касались серьезных противоречий рабочих и хозяев – в основном на долю комиссии выпадал разбор мелких бытовых и служебных конфликтов. Нередко шла речь и о личных спорах вплоть до семейных. Несмотря на то, что целесообразнее было бы передавать эти дела в суд, комиссия, как с гордостью отмечали ее члены, разбиралась и с ними.

Для решения производственных споров комиссией был разослан по предприятиям «Устав фабрично-заводских примирительных камер», снабженный инструкцией. Проект предусматривал их организацию в равном количестве от администрации и рабочих. Он мог стать шагом вперед по введению рабочего самоуправления на производстве. Однако краткость и неопределенность документа, похожего больше на рекомендацию, чем инструкцию, показывает, что даже у его авторов не было понимания, как именно должны работать такие учреждения². Неудивительно, что на местах рабочие не смогли разобраться с этим вопросом самостоятельно, что быстро привело к пробуксовке работы секции³. Это было возможно только в результате отсутствия серьезной просветительской работы секции среди рабочего класса. Занятые политической борьбой эсеры оказались неспособны уделить должные силы организации рабочих.

Неэффективность секции видна из того, что ее член Баранов даже не знал точно условий оплаты труда. На заседании Совета от 23 июня присутствующим пришлось указать ему, что многие рабочие получают меньше половины от мини-

¹ Рабичев Н.Н. Октябрьские дни в Воронеже // За власть Советов. Воронеж, 1957. С. 38-39.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 10. Л. 19.

³ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 54. Л. 4.

мальной платы¹. Активность рабочих в итоге стала расти самостоятельно, после разразившегося весной-летом 1917 г. экономического кризиса. Еще в мае при обсуждении угрозы закрытия трубочного завода Совет просил столичные органы отказаться от этого намерения². Однако в июне завод постиг локаут. Работу потеряли почти 2500 чел., да и вообще безработица усилилась. Все это вело к разочарованию рабочих в органах своего представительства. Газеты писали: «Недостаточная решительность Совета в целом ряде случаев придает смелость предпринимателям в их выступлениях против рабочих. Отказ и отход Советов от центральной власти в стране особенно укрепил позицию предпринимателей. Это вызывает разочарование рабочих в их органах, и сказывается на поступлении пожертвований и взносах в Совет. Массы требуют также отчетов, которых Совет до сих пор не делал»³. Это вынудило секцию более активно вмешаться в защиту прав рабочих. Помимо создания отдела труда и защиты завода Столля, в августе она рассматривала вопрос и о заводе «Рихард-Поле», который тоже готовился к закрытию. Для предотвращения этого в Петроград был делегирован Крупецкой⁴.

Из этого видно, что рабочая секция рассматривалась ее членами как высшая организация Совета по проведению рабочей политики в городе. Однако эта работа была налажена весьма слабо – в том числе и из-за отсутствия у Совета определенного курса в этом направлении. Практические итоги были заметно скромнее тех, что первоначально задумывались. Тем не менее, влияние секции было достаточно высоко, чтобы обеспечить участие рабочих в производственных конфликтах и защите их экономического положения, что заметно продвинуло вперед рабочее движение в городе.

Постепенно стало понятно, что секции необходимо перестроить. 1 августа исполком выслушал доклад М. Л. Коган-Бернштейна об автономии секций. Доклад отмечал, что хотя комиссии должны были решать порученные им вопросы, на деле постановления приходилось принимать исполкому. Была принята новая ин-

¹ Там же. Д. 43. Л. 10.

² ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 54. Л. 4.

⁴ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 95.

струкция, расширявшая функции секций. Все их постановления при этом доводились до сведения исполкома. Также 14 августа был утвержден новый устав военной секции. Солдатам разрешалось не менее чем 50% голосов переизбирать своих представителей в Совет и не менее чем за 3 дня сообщить об этом президиуму секции, чтобы он успел послать на выборы представителя. Без этого выборы считались недействительными¹.

Фактически это не изменило слабости рабочей секции. Анализ протоколов Совета показывает, что вместо получения исполкомом через нее прошений от рабочих получилось наоборот – с лета 1917 г. исполком и президиум были вынуждены передавать прошения рабочих в секцию. Так она из промежуточной инстанции с широкими полномочиями стала отделом исполкома. В то же время военная секция отличалась куда большей самостоятельностью.

Осталось описать работу крестьянской секции. Она представила в исполком список своих членов только 31 мая. Фактически это был список членов президиума крестьянского союза, избранного на губернском крестьянском съезде: председатель К. С. Сопляков (Буревой), товарищ председателя Ф. Лашин, секретарь Д. Пьяных и депутаты от уездов – В. А. Жолудев (Валуйский уезд), К. И. Шатских (Задонский), А. Ф. Сарычев (Павловский), Ф. А. Стадников (Новохоперский), И. В. Еньков (Коротоякский), Я. Г. Колтаков (Нижнедевицкий), А. П. Близнюк (очевидно, Бирюченский), Ф. Ф. Тихоненко (уезд не установлен)². Это определило весь характер работы секции – главной ее задачей стало объединение крестьян под началом эсеровской партии. По существу, секция была автономной и не столько подчинялась исполкому, сколько сотрудничала с ним в своих целях.

Утверждение своего влияния среди крестьян эсеры начали со съезда представителей волостных и сельских комитетов, прошедшем в Воронеже 8-12 апреля. По факту это был губернский крестьянский съезд и именно так его предпочитали называть. Председателем его был Кобытченко, товарищами его – солдат Дроздов, крестьянин Морозов и глава ГИК П. Я. Ростовцев.

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 56об., 61об.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

Кобытченко был главенствующей фигурой на съезде. Он жестко контролировал все заседания, буквально терроризируя неудобных. Кадеты, потерпевшие полное поражение, жаловались, что он «чрезвычайно пристрастно» относился к выступлениям «представителей иных направлений, кроме направления социалистов-революционеров...»¹. Большевики, правда, оценили съезд лучше, отметив активность крестьян. Но они тоже подтверждают сильное эсеровское давление на делегатов и провал кадетов². Сохранились жалобы на Кобытченко даже отдельных крестьян³. Поведение его полностью затмевало присутствие кадеты П. Я. Ростовцева, о котором очевидцы даже не упоминают. И это несмотря на то, что он, по логике, должен был руководить съездом исполкомов.

На съезде Кобытченко также занимался яркой демагогией, занимая леворадикальную сторону в вопросе о земле и мире, и даже призывал захватывать землю сразу, что шло вразрез с курсом партии. Неудивительно, что съезд принял резолюции в эсеровском духе. В земельном вопросе он потребовал уничтожения собственности на землю, ее социализации и безвозмездного выкупа земли у крупных землевладельцев. Было постановлено временно дать широкие права земельным комитетам и обеспечить их для полевых работ. Вместе с тем резолюция доверяла решение вопроса Учредительному собранию и осуждала самовольный захват земель. По вопросу отношения к войне и правительству съезд присоединился к резолюциям Петроградского Совета за «революционную оборону»⁴. Кроме выделения представителей в Совет съезд выбрал президиум «Крестьянского союза», в который вошли уездные делегаты. Главой союза стал эсер К. С. Сопляков, более известный как К. Буревой – позднее член ЦК ПСР.

Съезд даже постановил начать организацию крестьянских союзов по всей губернии при поддержке ПСР. С этого моменты эсеры приобрели огромное влияние на деревню. 4 июня секция выпустила воззвание в «Известиях» Совета, призывав крестьян образовывать «крестьянские союзы социалистов-революционеров»

¹ Воронежский телеграф. 1917. 15 апреля. №78.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 73. Л. 27.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Л. 179.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 44. Л. 7об.; Воронежский телеграф. 1917. 13 апреля. №76.

на основе программы ПСР и указаний Всероссийского крестьянского съезда. К тому времени союзы уже были в ряде уездов¹. Распространение их проходило тем проще, что в деревне эсеры практически не имели конкурентов. Кадеты не имели среди крестьян никакой популярности, а большевики смогли приступить к агитации в деревне лишь осенью 1917 г. Сам Буревой, разъезжавший по деревням, вспоминал, что ему приходилось разъяснять точку зрения разных партий².

Примечательно, что ГИК предлагал съезду 8-12 апреля устроить отдельный Совет крестьянских депутатов, от чего делегаты решительно отказались, считая необходимым поддержать СРСКД³. По всей видимости, это было связано с желанием эсеров усилить в нем свое влияние. Но уже 13-17 апреля в Петрограде прошло совещание крестьянских организаций 27 губерний, которое приняло решение о создании крестьянских Советов. На сей раз это было с энтузиазмом принято местными эсерами. Уже к маю 1917 г. благодаря их агитации в губернии было организовано около 67 крестьянских Советов⁴.

20-24 июля был проведен 2-й губернский крестьянский съезд, на который собралось 500 делегатов. Председателем был избран эсер Коган-Бернштейн, его товарищами Кобытченко, Буревой и делегаты от уездов – Яковлев и Никитин. Съезд и на сей раз проходил всецело под эсеровским влиянием и принял резолюции, отражающие воззрения ПСР. Представители секции рассказали, что фактически стали губернским органом, который сформировал в 9 уездах крестьянские Советы или аналогичные секции, а также активно вмешивался в работу ГИК и земельные конфликты на местах. Эсеры сетовали, что их секция оказалась слишком малочисленной для работы. К тому же из-за недостатка финансов и работников им приходилось пользоваться помощью Совета и брать у него деньги в долг⁵.

Было решено потребовать от правительства принять все земельные законопроекты Всероссийского Совета крестьянских депутатов и передать ЦИК кон-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 5об.

² Октябрьская революция в Воронежской губернии. С. 32.

³ Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти. С. 83.

⁴ Морев П. Г. Указ. соч. С. 20.

⁵ Воронежский телеграф. 1917. 23 июля. №157.

троль за правительством. Кроме того съезд признал волостные земства «самыми близкими к крестьянству органами государственной власти» и постановил на выборах в Учредительное собрание голосовать за эсеровский список. На съезде была переизбрана крестьянская секция в более широком составе – 36 чел.: 12 от пленума и по 2 от каждого уезда. Напоследок было избрано 12 представителей в Совет – все эсеры. Также съезд выразил свою поддержку исключенному из правительства В. М. Чернову. 23 июля эсеры провели демонстрацию делегатов съезда, Совета и солдат за возвращение его на пост министра¹.

Фактически крестьянская секция стала губернским крестьянским органом, объединяя всю работу эсеров в этом направлении. Благодаря монопольному влиянию среди крестьян эсерам удалось значительно упрочить свое положение в СРСКД, для чего они активно использовали возможности самого Воронежского Совета. В итоге от организации отдельного крестьянского Совета эсеры воздерживались до самой осени 1917 г.

Таким образом, в короткий срок Воронежский Совет приобрел значительное моральное влияние на массы рабочих, солдат и крестьян. С помощью работы своих секций он пытался защищать их интересы, одновременно сохраняя в стране порядок и стабильность. Однако в этом отношении Совет встречал серьезные трудности, в том числе из-за неопределенности собственного курса. В целом, весна-лето 1917 г. – это организационный период в его истории, во время которого он только налаживал свою работу. При этом монопольное влияние в его составе и руководстве заняли эсеры, которые стремились проводить через Совет курс на построение «революционной демократии». Последнее предусматривало активное вмешательство Совета в общественно-политическую жизнь губернии, но без принятия им функций верховной власти.

Первый период работы Совета отличался технической слабостью, которая не давала ему получить монополию на авторитет и взять роль главенствующего органа. Сказывалась и спешность создания Совета, недостаток влияния на массы,

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 77-78, 74.

еще не захваченные политической активностью. В апреле воронежские большевики сообщали руководству: «Хотя Совет влияние имеет на население, оторванность от масс чувствуется»¹. Поэтому в конце мая Совет занялся этой задачей. На заседании от 26 мая было заявлено, что местные Советы часто обращаются к нему за инструкциями и справками, из-за чего было решено созвать губернский съезд Советов: для рассмотрения их организации и информирования делегатов с мест. С целью организации съезда исполком выделил комиссию из своего представителя и по члену от секции. Показательно, что комиссия, ввиду отсутствия своего плана, взяла за образец организацию крестьянского съезда.

Было решено, чтобы в волостные Советы избирались представители от селений всеобщим и прямым голосованием, по одному на 300 выборщиков или же от Советов, если они есть. Уездные съезды избирались из представителей каждого селения – по 1 от 500 выборщиков. Выборщиками считались лица, достигшие 18 лет. Общее собрание съезда избирало состав Совета, в который входило по представителю от волости или «района местности». Численность Советов и порядок выборов в исполкомы оставлялись на усмотрение собраний, но рекомендовалось, чтобы исполком состоял не менее чем из 5 человек.

Советы посылали на съезд по 1 делегату от 1000 выборщиков Совета. Избранные числом от 100 до 500 членов посылали 1 делегата, избранные менее чем 100 – 1 с правом совещательного голоса, но конференция могла дать ему право решающего. Те же правила относились к заводам и воинским частям².

Съезд был созван на 11 июня, но по техническим причинам проведен 12-15 июня. Хотя рассчитывали на 100-150 чел., съехалось только 32: 14 солдат и 18 рабочих, представлявших 28.505 избирателей. Делегаты прибыли от 7 уездных Советов: Боброва, Задонска, Землянска, Коротояка, Новохоперска, Острогожска и Павловска. Были делегаты Советов станции Лиски, слободы Калач, сел Давыдовки и Волоконовки. Прибыл и ряд представителей профсоюзов: рабочего комитета маслобойного завода Тарновского на ст. Абрамовка, Бутурлиновской паровой

¹ Борьба за советскую власть в Воронежской губернии. 1917-1918 гг. С. 42.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Лл. 2-2об.

мельницы, Эртильского, Рамонского и Садовского сахарных заводов, завода Санжарова Бирюченского уезда, Валуйского и Кантемировского профсоюзов. Из этого видно, что Советы летом 1917 г. объединяли заметную, хотя численно небольшую часть населения, представленную политически организованными рабочими и солдатами относительно развитых населенных пунктов или крупных гарнизонов. При этом абсолютно не были представлены крестьянские Советы.

На съезде было 15 делегатов Совета и 35 от исполкома. Было несколько делегатов Московского областного бюро Советов, из которых был избран председатель. Товарищами его стали эсер М. Кондратьев (от Воронежского Совета) и прапорщик-большевик Е. П. Плотников (от Новохоперского Совета солдатских депутатов). Секретарями: эсер Е. Муравьев (от СРСКД) и беспартийный Федоров (от комитета 20-го запасного полка). Ввиду малочисленности делегатов было постановлено объявить съезд конференцией и «считать решения свои не обязательными, а руководящими»¹. Большевики поэтому выразили недовольство нормами представительства, и их поддержали делегаты Боброва и Новохоперска, которые заявили, что остаются только для получения информации².

Наиболее значительным итогом конференции стало принятие инструкции формирования секций на местах, которой порядок организации СРСКД распространялся на всю губернию. Организация солдатской секции проходила по 1 представителю от роты, рабочей – по 1 от 100-300 чел. Если в солдатскую секцию рекомендовалось избирать и офицеров, в рабочую секцию инструкция указывала избирать только рабочих, служащих, представителей профсоюзов и «социалистических партий, принятых в интернационал». Норма представительства оставалась на усмотрение местных организаций. Рекомендовалось давать пропорциональное представительство членам социалистических партий в исполкоме.

Конференция постановила также избирать советы крестьянских депутатов из военнослужащих. Из текста видно, что главное значение имело влияние эсе-

¹ Там же. Л. 7.

² Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 33-34.

ровской программы. Функции Советов в тексте даже текстуально совпадали с функциями крестьянских союзов: «1) всестороннее освещение всех вопросов текущей жизни трудового крестьянства, защита его интересов и связь с местами... 2) подготовка к выборам в Учредительное Собрание в соответствии с резолюциями, принятыми Всероссийским Советом Крестьянских Депутатов и постановлением Совета по аграрному вопросу... 3) устройство с этой целью лекций, общений и собраний». По инструкции, выбранный полковой Совет крестьянских депутатов (численность не определялась) избирал исполком из 3 лиц. Он и образовывал крестьянскую секцию в составе исполкома полкового комитета. Общее собрание гарнизона избирало гарнизонный исполком из 15 лиц, который считался крестьянской секцией местного Совета.

Как видно из этого, благодаря влиянию эсеров, инструкция четко отделяла Советы рабочих и солдатских депутатов от крестьянских органов. Конференция также призывала «принять самое деятельное участие» в организации уездных крестьянских Советов, земельных комитетов и выборов в земства. В духе программы ПСР было постановлено: «Признать за основу крестьянской организации волостной к[омите]т до тех пор, пока не будет правильно организовано волостное земство». В середине августа эсерами начата организация Совета крестьянских депутатов из солдат-хлебопашцев в самом Воронеже, хотя, очевидно, и неудачно¹.

Было создано Малое губернское бюро из 5 чел., «которые живут постоянно в Воронеже». В него были избраны от СРСКД: рабочие – Кондратьев, Смирнов; солдаты: Д. Ковалевский, И. Клейменов, И. Чуев; кандидатами: К. С. Сопляков и В. Н. Люблин. Из 7 человек Чуев и Люблин были большевиками, остальные эсерами. Бюро поручалось созвать новую конференцию в течение месяца по инструкциям Московского бюро. В помощь прикреплялось по 1 делегату от уездов.

На конференции была вынесена резолюция об организации местного самоуправления: «демократических» земств и городских дум. В помощь по их избранию было постановлено организовывать при Советах комиссии по делам само-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

управления. На них возлагалась работа по организации предвыборной кампании, соблюдение законности выборов, агитация. И в этом отразились представления эсеров на «революционную демократию», как на тесное единение всех выборных организаций. Газета эсеров «Дело народа» писала: «...Советы не вся трудовая демократия. Помимо профессиональных союзов, кооперативов и т. п. организаций, к настоящей минуте далеко уже продвинулось вперед образование новых представительных органов демократии: органов городского и земского самоуправления»¹. Правда, конференция сделала важное замечание: «Принимая во внимание, что земские собрания, на которые по закону возлагается руководящая работа по выборам в земские собрания... как правило, уже не существуют, конференция выражает пожелание, чтобы избирательные комиссии были построены на правильных демократических началах при участии Советов...».

В рабочем вопросе конференция выступила за массовую организацию фабзавкомов для отстаивания прав рабочих и организации промышленности, контроль администрации, организацию бирж труда при демократических думах и введение твердых цен. В аграрном – Советам предлагалось следовать в постановлениями Всероссийского крестьянского Совета: участвовать в работе земельных комитетов, установить контроль за работой над продовольствием, содействовать организации и контролю продкомитетов, вести строгий учет хлеба, формировать и рассылать агитационные отряды по деревням для сдачи зерна, обратить внимание на железные дороги. Настоятельно рекомендовалось проводить это в союзе с самоуправлением и кооперативами².

Таким образом, все решения конференции были проведены в эсеровском духе, что подтвердило доминирование эсеров в политической жизни губернии.

Однако монополия эсеров на власть стала постепенно подтачиваться усиливающимся расколом Совета и недовольством умеренности эсеровской политикой массами. Симптомы этого появились не сразу, но уже к лету об этом можно было говорить как о факте. Так, 2 июня, во время общего собрания СРСКД, на Кадет-

¹ Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти. С. 235.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 8.

ском плацу состоялся митинг солдат Особой команды 58-го полка. Солдаты требовали отпустить для помощи солдаткам на полевые работы всех свободных солдат и призвать в армию учащихся, рабочих и специалистов, без которых может обойтись производство. Правда, на следующий день была вынесена уточняющая резолюция, объясняющая, что под рабочими и специалистами понимаются только укрывающиеся на заводах, но требование относительно учащихся было подтверждено¹. Собрание Совета раскололось. Итогом стала резолюция, почти повторяющая требования солдат. Это была победа левой части. Газета сообщала: «Из прений ясно можно было уловить два диаметрально противоположных взгляда на характер и происхождение этой резолюции»².

Это стало результатом следования эсерами политике коалиции с буржуазией, которая не дала результатов. I Всероссийский съезд Советов, благодаря эсеро-меньшевикам, одобрил решение правительства о продолжении войны, откладывая решающих вопросов до Учредительного собрания и отказался требовать перехода власти Советам. Это спровоцировало массовое возмущение и недоверие соглашательскому ВЦИК. Для легитимации власти руководство съезда приняло решение провести 18 июня демонстрацию под знаком доверия к правительству. Она в итоге прошла под противоположными лозунгами – с требованиями мира, рабочего контроля и советской власти – что ярко продемонстрировало отрыв обоих центров власти от масс и усугубившийся политический кризис государства³.

Практически аналогичные процессы проходили и в Воронеже. Участились беспорядки в гарнизоне, возникла угроза локаутов, усилились радикальные требования. Так, 25 мая солдатский митинг на Кадетском плацу, несмотря на выступление Кобытченко, принял резолюцию с требованием перехода власти Советам⁴. В связи с подобными случаями ИКОС просил исполком СРСЖД «обратить вни-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 4об. Газетный отчет по ошибке утверждал, что резолюция была вынесена 58 полком.

³ Совокин А. М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. №5. С. 54-55; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 67-70.

⁴ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 46.

мание» на митинги у дома народных организаций, «где часто имеют [место] эксцессы»¹. С аналогичным предложением 24 мая обратилась военная секция Совета, которая просила исполком запретить митинги и проводить их исключительно с разрешения Совета до 8 часов вечера. Исполком в итоге вынес такое постановление 27 мая. Этот запрет осудили конкуренты эсеров, большевики и меньшевики. Большевики также не преминули отметить, что решение выносилось без кворума – в зале было всего 60 чел. из 218².

Еще ярче противоречия выявились 16 июня, когда СРСКД обсудил вопрос «О демонстрации, предполагаемой на 18 июня». Начались острые прения. Большевики выступали за демонстрацию с целью объединения вокруг Советов в знак недоверия к правительству. Это встретило резкое противодействие исполкома. Меньшевик Крупецкой заявил, что не стоит «делать искусственную демонстрацию» и открыто напомнил, что большевики в свое время пытались спровоцировать демонстрации против Петросовета и правительства. Кобытченко вообще заявил: «Довольно праздновать, т. к. праздники эти результатов не дают ни на грош. Поэтому и тратить день не стоит, а нужно работать и работать...». В том же духе выступил и эсер Клейменов. Компромиссной была логика Буревоего. В итоге была принята его резолюция, предлагавшая присоединиться к голосу «революционной демократии» и «ознаменовать день 18 июня посвящением его организационной работе на местах и устройству митингов»³.

Хотя 18 июня прошло спокойно, изменения в настроении масс были фактом. На митинге в 58-м полку было потребовано распустить правительство и передать власть Советам⁴. Участились требования реорганизации Совета. Наметились и падение популярности Кобытченко. В конце июня общество городских служащих постановило отозвать его из Совета и заменить его большевиком⁵. Однако на заседании Совета 20 июня он сам отказался от поста председателя и был

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 57-58.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Лл. 214, 259.

³ Там же. Л. 8.

⁴ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 59.

⁵ Татарчуков А.Н. Указ. соч. С. 81.

переизбран от оргбюро крестьянского союза. Представлять служащих он отказался, как многозначительно сказано в отчете, «по причинам принципиальным»¹.

22 июня председателем стал Буревой. Его товарищами стали член ЦК ПСР М. Л. Коган-Бернштейн, М. М. Михайлов и большевик И. А. Чуев; секретарями – большевик Люблин и эсер Коняев. Тогда раскол эсеров еще не оформился, но дальнейшее показало, что если Кобытченко принадлежал к их правому крылу, то Буревой и Коган-Бернштейн – к центру. В отличие от Буревого, стоявшего за давление Советов на правительство, Кобытченко и позднее был за коалицию с буржуазией, утверждая, что «нужно заставить и Рябушинских нести бремя власти»².

Изменения были не только персональные. Новый Совет действительно занял более активную позицию. На первом же заседании 23 июня исполком постановил провести демонстрацию рабочих и солдат против локаутов: «Пусть демонстрации-протесты докажут буржуазии, что она имеет дело не с распыленной массой, а с сознательно организованной армией революции», – заявил докладчик Пурьжинский. Она прошла с успехом, при этом раздавались требования положить конец саботажу буржуазии и передать власть Советам³.

Однако это не означало, что эсеры действительно решили передать Советам руководящую роль. Вплоть до июля исполком сосредоточился на собственных организационных вопросах. Обсуждались порядок работы и информационно-агитационная деятельность Совета, сокращение его расходов. Также Совет разбирался с многочисленными обращениями, поступавшими со всей губернии⁴. Они, как правило, передавались в соответствующие органы. Эсеровское руководство строго соблюдало принцип революционного демократизма, не признавая Совет главенствующим органом. Так, в постановлении от 28 июня было сказано: «...вообще советы, в том числе и Воронежский комитет, не обладающий верховной властью, ответственности на себя таковой не берет»⁵.

¹ Там же. Л. 8.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 48. Л. 1.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 60-61, 63.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 5-14об.

⁵ Там же. Л. 9.

18 июля на экстренном заседании СРСКД большевики вновь выдвинули лозунг «Власть – Советам». После шести часов прений эсеры победили, получив 35 голосов «за» при 3 «против» и 36 воздержавшихся. Новое руководство отстаивало «тесное единение всех революционно-социалистических элементов и создание революционной диктатуры правительства, организованного ЦИК Советов». ЦИК, согласно резолюции, должен был лишь контролировать деятельность правительства. Интересно, что незадолго до этого, 7 июля, была принята резолюция Когана-Бернштейна, осуждавшая как отставку кадетов, так и «мятеж» в Петрограде. Она же призывала «центральные органы» революционной демократии взять власть в руки и довести страну до Учредительного собрания. Резолюция была принята большинством голосов – 49 против 2. Резолюция большевиков собрала лишь 9¹. Важно, что вторая резолюция, которую формально можно оценить как призыв Советам взять власть, принята куда большим количеством голосов, чем первая.

Все это было признаком несомненного лавирования эсеров, вынужденных отвечать настроениям революционных слоев, среди которых стало намечаться разочарование и переход к большевикам. 7 июля на заводе Рихард-Поле под руководством последних принята резолюция с требованием перехода власти Советам. Вскоре аналогичная резолюция принята в кузнечном цеху Отроженских железнодорожных мастерских². Из-за безработицы и дороговизны упало доверие и к Совету: в перевыборах его в июле участвовало даже на крупных предприятиях не более 10% рабочих³. На прениях 14 июля эсер Кондратьев бросил показательный упрек однопартийцам: «Не большевики повинны в разрухе, а мы, правящая партия с.-р., которая не сумела провести ни одной реформы в пользу народа»⁴.

В итоге в начале июля под давлением снизу исполком объявил о своей реорганизации. На этот счет делались ссылки в основном на причины технического порядка. Так, указывалось, что избранный наспех Совет не мог продуктивно работать: многие члены не приходили на заседания или были плохо осведомлены о

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 76, 69.

² Там же. С. 68, 71.

³ Воронежский телеграф. 1917. 30 июля. №163.

⁴ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 73.

его работе. Также еще 16 июня был утвержден проект реорганизации рабочей и военной секций. Показательно, что споры о военной секции заключались в вопросе об отдельном представительстве офицеров. Большевик Врачев прямо заявлял, что они заражены контрреволюцией, а полковник Лубянский защищал их¹.

В ходе реорганизации было принято два устава. Перевыборы рабочей секции предусматривали избрание от предприятий и профсоюзов: по 1 чел. от 200 рабочих. Предприятия от 50 до 200 чел. получали 1 место, менее 50 – объединялись для выборов. Разрешалось объединение рабочих со служащими. Не представленные в Совете организации должны были послать 1 делегата – в том числе ЦБПС. Что до военной секции, то устав предусматривал выборы от всех рот, эскадронов и команд: по 1 представителю от 50 чел., менее 50 – объединялись. Избрание от офицеров проводилось полковыми или объединенными командными комитетами – по 6 от полка. Врачи и военные чиновники приравнивались к офицерам. Госпитальными комитетами избирались делегаты от больных².

Выборы военных делегатов с обязательным присутствием членов Совета прошли 25 июля³. Вскоре была избрана и военная секция. В связи со слабостью работы делегатов основным рефреном выступавших было желание выбрать «трудоспособных и преданных делу людей». Лично Коган-Бернштейн призывал сохранить «основное ядро из старых членов». Новый состав секции был из 15 чел.: эсеры – 8 (Ковалевский, Федосеев, Коняев, Мануйлов, Игнатов, Колдаев, Салаев, Бавыкин); беспартийные – 6 (Оловинский, Хохолов, Фаюшкин, Смирнов, Ромащенко, Стрельцов); большевики – 1 (Врачев)⁴. Рабочая секция после перевыборов составила 14 чел.: 8 эсеров, 3 большевика, 2 меньшевика и 1 беспартийный⁵.

Обращает внимание, что на заседаниях Совета не поднимался вопрос о перевыборах крестьянской секции. Это подчеркивает, что фактически работа ее велась автономно. Ее президиум был переизбран лишь 20 августа. Его опять возгла-

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 43. Л. 10.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 11. Лл. 297-298.

³ Там же. Д. 3. Л. 52об.

⁴ Там же. Д. 4. Лл. 91об.-92об.

⁵ Куцеволов А. А. Указ. соч. С. 172.

вил К. С. Буревой, товарищами его стали делегаты уездов И. Д. Смирнов и К. Хреновской, секретарями – Д. П. Пьяных и Ольхов¹.

14 августа был выбран новый президиум Совета. В него вошли, по принципу партийной пропорциональности, 4 эсера, 2 большевика, 1 меньшевик и 1 беспартийный. Председателем остался Коган-Бернштейн, товарищами стали эсеры М. М. Михайлов, А. В. Михайлов и прибывший из Петрограда большевик А. С. Моисеев. Секретарями стали эсеры Я. Э. Суров и К. В. Коняев, а также большевик В. Н. Люблин. Малое бюро было решено ликвидировать, а его функции передать секциям, действующим по инструкциям ЦИК².

25 августа от всех секций был выбран новый исполком. Он составил 49 чел.: эсеры – 33, большевики – 4, меньшевики – 3, беспартийные – 7. Также по 1 месту предоставлено представителям Бунда и Польской социалистической партии³. Таким образом, и в новом руководстве эсеры сохранили преобладающее влияние. И это несмотря на то, что в июле самый радикальный 58-й полк был переформирован в 5-й пулеметный полк, пополненный 2000 сибирских солдат, явно большевистски настроенных. Это позволяет оспорить многие утверждения советского времени о том, что большевикам удалось «увеличить свое представительство в военной секции и в исполкоме Совета»⁴. Также это позволяет скорректировать утверждения некоторых большевиков о малочисленности своих членов в Совете ввиду установленных эсерами норм представительства⁵. Правда, следует учитывать дискредитацию большевиков во время июльских событий, а также массовую отправку частей гарнизона на фронт, из-за чего большевики лишились большей части парторганизации⁶.

Тем не менее, давление большевиков действительно росло и дало себя знать. 11 августа после долгих прений по поводу Московского демократического

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 93.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 61.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 97.

⁴ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 22.

⁵ Чуев И. А. Борьба за власть Советов в Воронеже // За власть Советов. С. 14.

⁶ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 17.

совещания Совет принял резолюцию с важной поправкой. В ней объявлялось, что «в противовес к Московскому совещанию, в ближайшее время должен быть созван всероссийский съезд советов... воронежский совет... подтверждает свое прежнее постановление о необходимости перехода власти до Учредительного Собрания советам, центральные комитеты которых должны стать революционным предпарламентом»¹. Это был первый случай, когда Воронежский Совет открыто потребовал признать власть Советов. Но и здесь эсеры проявили непоследовательность. Вскоре исполком отменил по воззванию ЦИК намечавшуюся на 27 августа в честь полугодовщины революции демонстрацию. Вместо этого было решено провести митинги. В постановлении на этот счет четко указывалось: «Выступления против Временного Правительства недопустимы, оставляя ораторам свободу критики»².

Несмотря на все конфликты, Совет постепенно становится, пожалуй, наиболее авторитетным общественным органом города и даже губернии. Весной – летом он фактически служил передаточным звеном для прошений населения власти. Все они передавались надлежащим органам: думе, ГИК или секции. Так, в августе Совет поручил крестьянской секции разобрать конфликт между Нижне-Кисляйским сахарным заводом и крестьянами, занявшими землю сахарной плантации. Узнав об остановке Песковской мельницы, исполком постановил национализировать ее. На место по выбору рабочей секции был послан делегат Крупецкой. 14 июля исполком предложил ресторанам не повышать цены на продукты – до установления таксы городским комитетом или думой³.

Эти и другие примеры показывают, что Совет завоевал большое влияние и фактически стал параллельным органом власти наряду с представителями правительства. К лету 1917 г. в Воронеже окончательно сложилось двоевластие. Однако Совет не мог взять на себя официальное право представлять власть в губернии. Этому препятствовали объективные обстоятельства – отсутствие технического

¹ Воронежский телеграф. 1917. 13 августа. №174.

² ГАВО. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 69об.-70.

³ Там же. Лл. 38об., 49об., 48.

аппарата, недостаточный охват Советами населения и отсутствие с ними связи, наличие других властных органов. Субъективной стороной было нежелание эсеров, самой влиятельной партии в регионе, взять на себя бремя власти.

Помимо нежелания нарушать партийные доктрины, эсеры не могли не понимать, что это лишит их поддержки буржуазии и интеллигенции, приведет к классовому расколу, опоре на плохо контролируемые низы. В этих условиях они старались держаться политики «революционной демократии». Активно вмешиваясь в дела других органов, Воронежский Совет также проводил соединенные заседания с ними для достижения компромиссных решений. Этому способствовало и то, что большинство в других организациях часто принадлежало эсерам. В этом противоречии надежды эсеров были на Учредительное собрание. Считалось, что именно оно сформирует устойчивую систему демократическо-представительных органов, которые решали бы кризис в стране. Но развитие революционного процесса и раскол общества показали тщетность этих планов.

Таким образом, период марта – августа 1917 г. заключался для Воронежского Совета в том, что он организовывал широкие массы в губернии. Его действия заключались в попытках сохранить дисциплину в войсках и госпиталях, соблюсти права масс, одновременно борясь с дезертирством и анархией. В рабочем вопросе он пытался защищать права пролетариата, начав профсоюзную работу, однако из-за отсутствия опыта и четкого понимания целей это вызывало слабый эффект. Работа среди крестьян сосредоточилась в руках эсеров, которые стремились провести через него свои взгляды на государственную власть. Доверие, которое было оказано Воронежскому Совету как представителю народных масс, позволило ему овладеть значительным влиянием. Однако его работа тормозилась недостатком денег, опыта и кадров, а также противоречиями между его попытками добиться порядка и дисциплины и соответствовать актуальным пожеланиям масс: решением вопросов о земле, войне, рабочем контроле и власти Советов.

2. 5. Деятельность органов власти перед Октябрьской революцией и Октябрьский переворот в Воронеже (сентябрь – октябрь 1917 гг.)

Август – сентябрь 1917 г. были переломным моментом в политическом процессе России. Усиление экономического кризиса в стране привело к кризису политическому, результатом чего стал «корниловский мятеж». Попытка Л. Г. Корнилова на рубеже августа – сентября 1917 г. во главе войск подавить влияние Советов и развернуть политический маятник в сторону правых кругов для водворения в стране порядка имела важные последствия. Обществу был наглядно продемонстрирован целый ряд особенностей текущего политического момента: наличие в стране альтернативы власти в виде военной диктатуры, ее связь с буржуазными и кадетскими кругами страны, слабость действующего правительства и одновременно сила Советов и всех революционных организаций, которые оказались способны в кратчайший срок разложить корниловские войска. Одновременно оказался безнадежно подорван авторитет Временного правительства. Все это оказало огромное влияние на политическую трансформацию общества, поэтому не будет преувеличением говорить о подавлении корниловского мятежа как о точке перелома в событиях 1917 г. Все это в полной мере отразилось и на местах.

Узнав о корниловском выступлении утром 28-го августа, исполком Совета срочно принял меры. Было созвано совещание из представителей секций, головы, губкомиссара, главы ГИК и представителей ЦИК. На нем был сформирован Революционный распорядительный комитет, называемый обычно «комитетом пяти». В него вошли глава ГИК Н. Г. Андреев, а от Совета – Коган-Бернштейн, А. Михайлов, Ковалевский и А. Моисеев¹. Комитет назначил комиссара гарнизона с двумя помощниками и направил комиссаров в полки. Во главе полков поставили комиссаров. Были организован контроль и охрана на почте, телеграфе и вокзалах, посланы комиссары на узловыe станции, организована охрана Совета милицией и рабочей дружиной. В тот же день по предложению исполкома комитет пополнен

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 99.

3 представителями от конференции фабзавкомов и профсоюзов. Делегатами конференции избрала Степанова, Вишневого и Вазнера – все большевики¹.

Хотя корниловщина была быстро подавлена, угроза беспорядков сохранялась. В связи с этим по предложению Буревоего 31 августа исполком Совета потребовал от «комиссии 48» ежедневно информировать его и население о своей деятельности. Также было постановлено, чтобы члены исполкома в свободное время сами посещали заседания комитета. Судя по контексту резолюции, это делалось, чтобы побороть «контрреволюционную деятельность в губернии»². 2 сентября в губернии было введено военное положение, в части направлены политические комиссары. Комиссаром 8-й пехотной бригады при полковнике Вознесенском стал К. Хреновской³. Оно было снято только 8 сентября.

Однако ситуация в губернии отчетливо начала выходить из-под контроля властей. Участились беспорядки в связи с попытками ходоков из других губерний вывезти нелегально купленный хлеб. Вскоре в Бутурлиновке был разгромлен винный склад. 13-15 сентября солдаты 2-го кавалерийского полка разгромили склад и в Острогожске, возник пожар, на место пришлось отправить пулеметную команду и боевую дружину⁴. Это побудило губкомиссара призвать уезды к усилению охраны всех винных складов. Он срочно телеграфировал командующему округом о высылке броневиков для охраны. Некоторые комиссары даже поспешили самостоятельно уничтожить спирт, хотя вскоре губкомиссар запретил это⁵. На охрану винного склада в Воронеже пришлось отрядить боевую дружину, а в Острогожск – «отряд 300». При этом, как показывают сообщения газет, всю осень на Острогожском складе упорно шло воровство при явном попустительстве солдат, однако заменить охрану было некем⁶.

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 56. Лл. 3-4.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 70об.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 103.

⁴ Там же. С. 110-111.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 340. Лл. 61, 66, 79, 80.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 34об, 30.

Сохранялась угроза беспорядков и в Воронеже. 15 сентября начальник гарнизона отдал приказ командиру 58-го полка о формировании отряда из 48 солдат при 3 офицерах – на случай волнений. 24 сентября для задержания беглых солдат и прекращения беспорядков в сл. Придаче пришлось отрядить патруль уже из дисциплинарного батальона¹. 27 сентября прошло общее собрание исполкома СРСКД, на котором присутствовали также губернский комиссар, городской голова, представители солдатских комитетов и руководители органов охраны города. Обсуждался вопрос о мерах борьбы с преступностью. Новым начальником охраны в подчинение думы выбран, по представлению исполкома, офицер Минин. «Отряду 300» поручалось взять под контроль военные тюрьмы. На ГИК возлагалось изъятие лишнего оружия в частях и у личного состава тюремщиков².

Поражение корниловского мятежа спровоцировало создание рабочих боевых дружин в Воронеже. 1 сентября решение о формировании дружины было вынесено в Отроженских мастерских, 6 – на заводе Рихард-Поле³. Вскоре это было одобрено исполкомом Совета, который постановил передать дело вооружения дружин «комиссии 48»⁴. Боевая дружина при штабе милиции отделилась и избрала свой комитет. Руководство в нем захватили левые эсеры, как раз выделившие фракцию в городском партийном комитете. Начальником дружины стал токарь М. Чернышев, его помощником – Иенне, член дружины с ее основания. Дружина начала требовать у думы оружия. По воспоминаниям Чернышева, она его получила, но для обучения к ней были приставлены думой два офицера-инструктора, которых все подозревали в слежке⁵.

Все это сильно повлияло на настроения масс. Как с сожалением отметил комиссар в отчете МВД: «В Воронеже за последнее время заметно полевание демократических организаций. В Совете рабочих и солдатских депутатов стало за-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 5. Лл. 70, 85.

² Там же. Д. 3. Лл. 83-83об.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 103, 107.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 72, 76.

⁵ Два архивных документа. С. 62.

метно преобладать большевистское направление»¹. 5 сентября прошло экстренное собрание Совета. Впервые оно приняло постановление об организации «революционной власти из представителей пролетариата и крестьянства». Резолюция открыто требовала, чтобы 2-й съезд Советов сформировал новое правительство. От него требовалось решить аграрный вопрос на основе отмены частной собственности, ввести рабочий контроль, обложить имущество, предложить державам мир и т. д. Полномочия же «комиссии пяти» были продлены на неопределенный срок².

Кризис охватил все сферы общества. Особенно выросло крестьянское движение, крестьяне перешли от экономических конфликтов к захвату земель, погромам, арестам и изгнанию помещиков. Губкомиссар оказался бессилён в борьбе с этим³. Сильно усугубился продовольственный вопрос, который ухудшался весь 1917 год. В продовольственное дело регулярно вмешивался и исполком Совета. 17 августа после доклада о «катастрофическом» положении, он постановил созвать по этому поводу совещание всех секций с продуправой, а также крестьянской секции – с губернским земельным комитетом. На следующем заседании было принято уже более радикальное решение – членам всех трех фракций в составе продкомитета настаивать на принятой социалистической фракцией требованиях. Также исполком потребовал от комитета представить отчет о своей деятельности⁴. Наконец, 19 сентября исполком совместно с губернской и уездной продуправами признал возможность принудительного отъема хлеба у богатых хлебовладельцев. Право на конфискацию было передано Советам, для чего создавалась совместная комиссия⁵.

Продовольственный дефицит повлиял на дестабилизацию положения в Воронеже. Несмотря на попытки думы наладить продработу, к 1 сентября на почве недостатка хлеба в Воронеже развилась антисемитская агитация и даже ожидалась погромы. Совет был вынужден выпустить успокоительную листовку. Также

¹ Воронежские большевики в трех революциях. 1905-1917. Воронеж, 1985. С. 128.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 106-107.

³ Морев П. Г. Указ. соч. С. 71, 80.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 64, 65об.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 112.

он постановил избрать комиссию для охраны города из 6 лиц. Были избраны Антипин, Соколов, Милицын, Оловинский, Попов, Колдаев¹. По ее настоянию торговцы понизили цену за хлеб с 20 до 16 коп. за фунт². В конце сентября дума сама подняла вопрос по поводу комиссии по борьбе со спекуляцией. Было решено поручить это «комиссии 48». Однако в начале октября дефицит еще больше обострился. Ряд организаций требовали решительных мер. Особенно яркой была составленная в радикально-социалистическом духе резолюция собрания служащих думы от 5 октября. В резкой форме охарактеризовав деятельность правительства и уклоняющихся от повышения жалования предпринимателей, собрание постановило: просить Петросовет добиваться государственного контроля над производством и распределением товаров, а также понижения цен на продукты³.

Думе пришлось учредить коллегиальную комиссию для борьбы с дороговизной. Исполком СРСКД обязал ее отчитываться о работе, а также выработать совместно с продуправой и начальником охраны план действий⁴. Насколько можно судить, внешне эта деятельность выразилась в беспорядочных обысках в поисках спрятанного продовольствия, что вызвало панику в городе. Вдобавок под прикрытием обысков часто действовали грабители. Начальник милиции был вынужден в середине октября выпустить воззвание о запрете самочинных обысков и рекомендовал требовать ордера и удостоверения, сообщать об этом в милицию⁵.

Широко распространились забастовки. Особенно тяжело отозвалась на городском хозяйстве стачка служащих города, которые были недовольны зарплатами. 2 октября исполком Совета призвал служащих прекратить забастовку, «принимая во внимание, что городская дума отражает в большинстве демократическую часть населения и поэтому в эксплуатации служащих не заинтересована». Примирение сторон в итоге прошло при посредничестве рабочей секции⁶. Также

¹ ГАВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 340. Л. 42

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 8об.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 65-65об.

⁴ Там же. Д. 3. Лл. 82, 135.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 26.

⁶ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 86-87.

выделялась забастовка изготовительниц шляп и корсетов, которые добивались повышения зарплаты. Секция вместе с ЦБПС также выступила арбитром, но не смогла найти выход из положения, и забастовка продлилась до самого октябрьского переворота. Исполком тогда постановил закрыть шляпные магазины и, несмотря на запрет постановления окружным прокурором и головою, стал настаивать на своем. Постановление было поручено рабочей секции, которой исполком указывал вступить в переговоры с ГИК и комиссариатом труда¹. В итоге губкомиссар формально сам закрыл магазины, отметив, что «в насыщенной атмосфере переживаемого момента даже мелкая вспышка легко может превратиться в источник и повод дальнейших крупных беспорядков»².

Усилилось разложение частей гарнизона, которые командование пыталось вывести их города. Они стали упорствовать в своем решении остаться в городе до созыва Учредительного собрания. 11 октября ополченцы 682-й дружины заявили: «Дружина протестует против расформирования до Учредит[ельного] Собрания, так как потеряла свои голоса. Кроме того, дружина не хочет расформировываться, так как штаб остается»³. Вскоре полковой комитет 5-го полка потребовал, чтобы его отправку на фронт согласовали с СРСКД⁴. Лишь благодаря исполкому отправки солдат обошлись без эксцессов.

Вся эта нервная обстановка побудила власти заняться вопросом об усилении порядка. 12 октября исполком Совета учредил Революционный комитет по охране города. В него вошло по 1 представителю от ГИК, командования, губернского земельного комитета, полковых комитетов двух полков, а также 6 от исполкома. Делегаты исполкома были выбраны по фракциям: 1 беспартийный, 1 меньшевик, 2 эсера и 2 большевика⁵. Работа комитета, видимо, так и не была налажена, поскольку 22 октября новое совещание по охране было созвано уже городской управой. Несмотря на сохранившееся в делах Совета приглашение, его предста-

¹ Там же. Л. 92об.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 117.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 4. Лл. 155-156

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 26об.

⁵ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 95-95об.

вители, видимо, в нем не участвовали. Но совещание все равно ограничилось лишь решениями о реорганизации милиции и учреждении самоохраны¹.

Таким образом, в Воронеже к концу октября сложилась критическая ситуация. С одной стороны, в обстановке распространяющегося кризиса и анархии доверие населения к властям падало, и все реальные рычаги контроля сосредотачивались в руках Совета, как единственного авторитетного и, фактически, единственного работоспособного органа власти. С другой стороны, Совет, явно понимая это и активно вмешиваясь в текущие дела, упорно отказывался брать на себя бремя власти. В этом отразилось желание его эсеровского руководства дождаться Учредительного собрания и 2-го съезда Советов, которые, как ожидалось, должны были решить вопрос о власти. Как следствие, ситуация лишь усложнялась а многочисленные попытки организовать на основе бывлой политики коллегиальности орган для укрепления порядка неизменно срывались.

В связи с поведением исполкома в Совете быстро стал разворачиваться раскол. Недоверие к Коган-Бернштейну, видимо, стало расти уже в начале сентября. 6 сентября была принята резолюция: «Председатель Совета во всех тех случаях, когда его мнение разойдется с резолюцией Совета, то он выявляет точку зрения Совета и заявляет, что он голосует не от Совета, а единолично»². К тому времени и эсеры уже раскололись. Выделившаяся в начале сентября из городской организации ПСР фракция «левых эсеров-интернационалистов» стала конфликтовать с бывшими соратниками. Ей удалось утвердить влияние в рабочей дружине, которой она с самого начала не боялась угрожать³. Уже 28 сентября Коган-Бернштейн сложил свои полномочия. Вместе с ним в отставку вышли эсеры Фаюткин и Пьяных. К тому времени это стало достаточно привычным делом для исполкома⁴. 2 октября на его место был избран товарищ председателя Арсений Михайлов, а на место Михайлова – Д. Т. Ковалевский: оба эсеры⁵. Но партийная рознь в Совете

¹ Воронежский телеграф. 1917. 24 октября. №204.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 71об.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 80-81, 133об.-134.

⁴ Там же. Л. 85.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 114.

только обострилась. 9 октября в связи с отказом меньшевиков от представительства исполком лишил их права на все собрания и съезды, «имеющие политическое значение»¹. 12 октября губком ПСР объявил об исключении из партии левых эсеров и распустил городскую организацию. Уже на следующий день исключенные примкнули к большевикам, и обе фракции составили большинство. Председателем собрания был выбран большевик А. С. Моисеев. Это дало большевикам право поднять вопрос о посылке делегатов на Всероссийский съезд Советов. Собрание по нему протекало так бурно, что один из большевиков даже ударил Буревого. В итоге на съезд были посланы большевик Люблин и левый эсер Григорьев². В тот же день фракция большевиков вышла из «распорядительного комитета» ввиду несогласия с его составом³. В ответ крестьянские Советы отказались от посылки делегатов на съезд, аргументируя это его малым крестьянским представительством, и призвали к переходу власти в руки Учредительного собрания.

Раскол завершился тем, что 14 октября после обсуждения вопроса о переизбрании исполкома было решено переизбрать весь Совет. Для разработки регламента на заседании 16 октября от военной секции был избран большевик Врачев, «кандидатом к нему» большевик Драгачев, а от рабочей секции – Антипин. Было решено произвести перевыборы на принципе пропорциональных списков⁴. Также было постановлено: «Образовать комиссию, для выработки инструкции о взаимоотношениях между губернскими, городскими органами, революционно-демократическими и выработать общий план организации». Для разработки инструкции была выбрана комиссия в составе Антипина от рабочей секции, Врачева от военной, Буревоего от крестьянской и Когана-Бернштейна от исполкома⁵. И хотя инструкция так и не была разработана, это факт показательный: по существу, Совет впервые официально подошел к вопросу о своем месте в сложившейся властной структуре общества.

¹ ГАВО. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 90.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 118.

³ Протасов Л. Г. Указ. соч. С. 26-27.

⁴ ГАВО. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 3. Лл. 132об., 133, 135.

⁵ Там же. Лл. 133-133об.

Ослабление правительства перед 2-м съездом Советов создавало перед большевиками благоприятные условия для взятия власти в опоре на авторитет Советов. Понимая это, они всерьез начали обсуждать эти планы на собраниях губкома с участием рабочих и солдат¹. Вопрос о взятии власти обсуждался и на I губернской партконференции 6-8 октября 1917 г., хотя она не пришла к решению. Тем не менее, большевики были готовы к решительным действиям: «Весь октябрь мы жили в чрезвычайном напряжении. Ко II Всероссийскому съезду Советов мы готовились, прекрасно учитывая, что этот съезд будет не только обсуждать вопросы о власти, но, очевидно, и действовать», – вспоминал большевик Н. Рабичев². Как известно, переворот в Петрограде действительно изменил соотношение между правительством и Советами в сторону последних, что повело к смене власти на всей территории страны.

Уже 25 октября известия о перевороте в Петрограде достигли Воронежа, однако эсеры, которые контролировали телеграф, не допустили их распространения. Позднее большевики вспоминали, что в течение двух дней в городе не было никаких известий из столицы, а сами эсеры даже не заходили в Совет. Зато было заметно посещение ими здания бывшего губернского правления, где размещался губкомиссар. Туда же несколько раз приезжал начальник гарнизона. Узнав о вызове в город кавалеристов и созываемом в театре «Амбир» собрании офицеров, большевики сочли за лучшее вызвать из сочувствующего им 5-го пулеметного полка охрану для здания Совета.

Первые дни после переворота в Петрограде отличались неустойчивым равновесием, когда обе силы пытались добиться влияния в Совете. Преимущество эсеров было в обладании информацией. 26 октября на заседании исполкома они отрицали беспорядки в Петрограде, но под натиском большевиков были вынуждены согласиться на общее собрание Совета. Оно состоялось лишь вечером 27-го, причем на нем было непривычно большое число членов – 97. Эсеры настояли на

¹ Лызлов М. То, что сохранилось в памяти // Известия Воронежского губкома РКП(б). №9-10 (31-32). 1922. С. 15.

² Воронежские большевики в трех революциях. С. 131

отзыве охраны из солдат-пулеметчиков. Глава исполкома А. Михайлов огласил материалы о событиях в Петрограде, причем, разумеется, освещение шло на основе полученных телеграмм ЦК ПСР и других антибольшевистских организаций. Коган-Бернштейн предложил от имени фракции образовать комиссию по охране города – 50% от представителей Совета и 50% от других органов. На это большевики ответили, что не обязаны доверять эсерам и стали настаивать на учреждении Военно-революционного комитета (ВРК) по партийному принципу. Так как на собрании большинство принадлежало эсерам, они постановили учредить «Революционный комитет общественной безопасности» на коалиционной основе. Предложение эсеров прошло всего 51 голосами против 46. Тогда большевики и левые эсеры ушли, заявив, что оставляют за собой «свободу действий». Оставшиеся члены постановили создать ревком в составе: 6 от Совета, 2 от думы, 1 от губернского комиссариата, 1 от главного комитета ЮВЖД и 2 от полковых комитетов¹. Эсеры также повели по поводу организации охраны переговоры с думой.

При этом дума уже сама успела это сделать. Вопрос о создании органа по охране порядка был поднят в думе еще 16 октября гласным В. Г. Веселовским от имени «независимого меньшинства» в связи с незаконными обысками. Он ссылался на циркуляр МВД губкомиссарам, по которому думам, с переходом к ним милиции, «перешло и дело охраны спокойствия на местах»². Тогда дума перенесла вопрос на другое заседание. После переворота к вопросу вернулись. 26 октября управа, считая себя органом, которому «по закону вверена охрана города», созвала совещание отдельных гласных, представителей общественных организаций, губкомиссара, начальника гарнизона и других лиц. На совещании было решено срочно организовать комитет общественной безопасности (иногда в документах назывался «комитетом общественного спокойствия») (КОБ). Он был сформирован из представителей городской управы, губкомиссара, Совета, железнодорожного союза, начальника гарнизона и прокурора. Действовал КОБ под председательством городского головы – и одновременно губкомиссара – Андреева. Очень пока-

¹ ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

² Там же. Л. 2.

зательно, что инициатива создания комитета появилась снизу, от беспартийного делегата, несмотря на то, что еще в начале октября такие органы для укрепления порядка циркулярной телеграммой поручил создавать губкомиссарам министр внутренних дел¹. Все эти факты показывают, что контроль над ситуацией в городе все больше выходил из рук официальных властей, которые даже перед угрозой свержения не могли должным образом наладить свою работу.

28 октября управа обсуждала вопрос с думой. И опять Веселовский от имени «независимого меньшинства» предложил: «1. Поддержать доклад Управы, поручив ей войти в соглашение с организованными слоями населения. 2. Выразить пожелание о скорейшей организации городской милиции, освободив ее от нездоровых элементов и 3. Уничтожить запасы спирта и водки на казенном и частных складах». Его поддержал Коган-Бернштейн, который заявил, что аналогичное решение 27 октября принято исполкомом и ГИК. Дума единогласно одобрила создание КОБ. В заключение была принята резолюция, осуждающая переворот в Петрограде. Причем дума настаивала на том, что только она может сохранять порядок: «Воронежская Городская Дума, являясь единственной выразительницей воли воронежского населения, будет решительно бороться с попытками захвата власти, откуда бы они не исходили, будет охранять нормальный ход жизни в городе и не допустит никаких нарушений порядка, ставя своей задачей безболезненно довести город до момента ликвидации преступной авантюры»².

Большевики же сразу после ухода провели собрание парткомитета, на котором решено было призвать рабочих к бойкоту КОБ. Намечалось поставить на общее собрание СРСКД вопрос о переходе власти Советам, так как представители дружин и солдат ручались за надежность масс. Для этого было решено требовать от исполкома созвать собрание 30 октября. От вооруженного выступления было решено отказаться, но на экстренный случай был выбран «орган действия», позже ставший ВРК. Намечалось, что в него войдут А. С. Моисеев, В. Н. Губанов, И. Я.

¹ Вотинова К. Я. Борьба за победу Октябрьской революции в Пермской губернии // Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах. М, 1953. С. 273.

² ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 35. Лл. 6-10.

Врачев, В. Н. Люблин и Н. Н. Кардашев (от большевиков), А. М. Абрамов, Е. Ф. Муравьев, Н. И. Григорьев, И. Пляпис и С. И. Данилькевич (от левых эсеров)¹.

28 октября в Воронеж пришли газеты с текстом первых советских декретов. Это сильно повлияло на настроения в городе. На ряде прошедших собраний рабочие выразили недоверие эсеровским представителям в Совете. Большевики одержали победу на самых крупных предприятиях – в Отроженских и паровозоремонтных мастерских и даже на заводе Столь и К°, считавшемся цитаделью эсеров. 29-го они провели общее собрание рабочих крупных предприятий в театре «Амбир». На нем от исполкома было потребовано передать власть Советам и перейти к коалиции только социалистических партий в ВРК, в противном случае рабочие угрожали не подчиняться КОБ². Также на подпольном собрании губкома большевиков наметили состав ВРК: Моисеев, Врачев, Губанов (большевики), Абрамов и Пляпис (левые эсеры).

В свою очередь эсеры попытались опереться на крестьянство. 28 октября крестьянская секция постановила отделиться от СРСКД и образовать отдельный Совет крестьянских депутатов. На следующий день эсеры опубликовали от имени губкома партии эсеров, губернской земельной управы и крестьянской секции воззвание к крестьянам с требованием не подчиняться большевикам. Видимо, из агитационных соображений эсеры даже объявили о переходе всех частных земель в ведение земельных комитетов до Учредительного собрания³.

Итак, местные власти в лице эсеров и местных буржуазно-демократических органов пытались найти опору для организации порядка и предупреждения выступления большевиков. Однако успешного единения всех антибольшевистских сил достичь не удалось ввиду слабой популярности большинства участников. Опора эсеров в городе была подорвана: настроения рабочих и солдат решительно склонились в пользу большевиков. Это побудило эсеров опираться на крестьян –

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 126.

² Воронежские большевики в трех революциях. С. 137; 1917-й год в Воронежской губернии. С. 128.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 129; Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление советской власти в Воронежской губернии. С. 92.

маловлиятельную в городе общественную силу. Дума же, ввиду отсутствия у нее серьезного влияния и вооруженной силы, особого значения не имела. Что же до ГИК, то, очевидно, у него не было даже связи с уездами. Острогожский левый эсер Д. И. Карпик вспоминал, как он прибыл в ГИК 29 октября (к тому времени в Острогожске власть уже принадлежала большевистско-левоэсеровскому ВРК): «Им было не до меня, они чувствовали, что из-под их ног уходит последняя почва и что их соглашательская политика народными массами разоблачена. Убедившись окончательно, что дело имею с правыми эс-эрами и меньшевиками, после недолгих споров я им сказал: “Вы не что иное, как штаб без армии”»¹.

Таким образом, КОБ, лишенный опоры, рисковал просто повиснуть в воздухе. Единственной его силой была армия – причем даже не гарнизон, который не внушал доверия, а офицерство. КОБ пришлось перевести в штаб 8-й пехотной бригады, к начальнику гарнизона. Именно в эти дни большевиками была отмечена подозрительная активность штаба, губкомиссара и губкома эсеров, между которыми постоянно двигались связные.

В свою очередь командование тоже пыталось принять превентивные меры. 25 октября полковник Вознесенский срочно послал телеграмму с требованием выслать по одному надежному эскадрону в штабы кавалерийских полков в Острогожске, Коротояке, Давыдовке и на ст. Лиски. Но спустя два дня в Воронеж прибыл всего один драгунский эскадрон, расквартированный во дворе штаба 8-й бригады². В тот же день Вознесенским было созвано собрание офицеров и военных чинов в театре «Ампир», которое охранял драгунский взвод. Кроме того, на собрание прибыли представители губкомиссара, думы и полковых комитетов. По словам Вознесенского, собрание было вызвано «переживаемыми тревожными днями и особо тяжелым положением офицеров». Много говорилось о том, что солдаты якобы замышляют погром офицеров³.

¹ Известия Острогожского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 ноября. №120.

² Воронежские большевики в трех революциях. С. 133.

³ Бакулин И. Ф. Петроград – Воронеж // За власть Советов. С. 80.

Очевидно, инициаторами собрания действительно были военные, так как губкомиссар и делегаты думы ушли, заявив, что не успели созвать своих представителей, а делегат Совета Кондратьев присутствовал только как наблюдатель. По его же предложению собрание удалило от театра взвод драгун. Была принята резолюция Языкова о создании организации офицеров, военных врачей и чиновников, «а также всех лиц, желающих примкнуть к этой организации, следовательно, и солдат». Задачей этого органа провозглашалась поддержка порядка и охраны города, а также действующих властей¹. Из этой неопределенной резолюции можно заключить, что командование, до которого дошли сведения о революции в столице, не надеясь на гарнизон, стремилось прощупать настроения в частях, а также организовать офицерство для защиты власти. Причем все говорит за то, что работа командования была самостоятельной. Рабичев вспоминал: «Оказалось, что представителей Совета Арсения Михайлова и Кондратьева там встретили таким злобным свистом и такими недвусмысленными угрозами, что теперь, возвратившись с этого собрания, они, несмотря на эсеровскую дисциплину, говорили об офицерах с волнением и злобой»². Все это явно отдавало планами военной диктатуры. На следующий день согласно приказу командующего МВО полковник Вознесенский объявил о введении в губернии военного положения.

Поняв, что силового противостояния избежать не удастся, большевики открыли тайное заседание ВРК: «Перед открытием собрания состоялось заседание нашего комитета, было решено организовать подпольный ревком из пяти товарищей». Был создан тайный ревком и в 5-м пулеметном полку, посланы делегаты в рабочую дружину, которая на своем собрании переизбрала командование³.

Предполагалось 30 октября, в день открытия заседания Совета, объявить на общем собрании о недоверии эсерам и передать власть ВРК. Однако события развернулись по-другому – военные власти попытались пойти на упреждение. В ночь на 30 октября с разрешения КОБ штаб во главе с Языковым разоружил 682-ю

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 125.

² Рабичев Н. Н. Октябрьские дни в Воронеже // За власть Советов. С. 38-39.

³ Борьба за советскую власть в Воронежской губернии 1917 – 1918 гг. С. 191.

дружину, несколько мелких частей и взял под контроль пороховой погреб. Одновременно с этими событиями в полковом клубе прошло заседание ревкома 5-го полка. На нем присутствовали представители большевиков и члены ВРК («органа действия»). Уже когда собравшиеся расходились, пришло сообщение о разоружении. Позднее большевик Врачев вспоминал, что ему пришлось бежать за Моисеевым и возвращать его обратно. Моисеева весть поразила настолько, что он настоял на немедленных наступательных действиях. Комиссаром 5-го полка был спешно назначен солдат-большевик Н. К. Шалаев, которому было передано командование. Было приказано привести в боевую готовность полк и подготовиться к выступлению¹. Об этом было срочно сообщено через курьеров штабу дружин, которые сразу выступили к Дому народных организаций.

Утром Языков по телефону потребовал от 5-го полка сдачи оружия в 10-минутный срок, угрожая артиллерией. Полк в ответ двинулся к штабу 8-й бригады, чтобы окружить его и принудить к сдаче. Однако Языков тоже успел получить сообщение о выдвижении пулеметчиков, поэтому срочно вывел около 300 офицеров из тетра «Ампир» к штабу, где, как позднее оказалось, хранилось привезенное из частей оружие. Около штаба на улице Свободы два отряда встретились. Началась перестрелка, несколько офицеров было убито и ранено. Офицеры отступили в штаб, возле которого стоял драгунский эскадрон и были приготовлены пулеметы. Через несколько минут драгуны, не желавшие сражаться, выбросили белый флаг и сдались. Часть офицеров была арестована, раненого в ногу Языкова на носилках понесли в ближайший лазарет. Однако он «не унимался и осыпал солдат руганью», и те в ярости убили его. Одновременно рабочие дружины заняли все ключевые пункты города. К 12 часам дня власть перешла в руки ВРК².

Сразу после столкновения у штаба ВРК приступил к аресту старого исполкома. Снова дадим слово Д. Карпику: «Я поспешил в Воронежский Революционный Комитет, откуда в полном его составе (Максимов (очевидно, имелся в виду

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 130.

² Борьба за советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг. С. 196-197; Воронков И. Г. Указ. соч. С. 60-62.

Моисеев. – прим. Н. З.), Люблин, Абрамов и Пляпис) мы отправились в помещение Исполкома, для ареста телефона №1. Но присутствовавший там оборонический Исполком чуть не в полном составе начал упорствовать. Тогда тов. Пляпис, от имени Временного Революционного Комитета объявил, что весь Исполком арестован»¹. Все очевидцы отмечали яростное сопротивление эсеров при аресте, которые особенно напирала на то, что их нельзя арестовывать как представителей крестьян. Особенно бушевал Буревой, который даже попытался устроить драку. Вскоре с улицы солдаты привели Арсения Михайлова, который пытался их агитировать. Так как это могло закончиться плачевно, арестованные были заключены в комнату боевой дружины и вечером отпущены, за исключением Буревоего².

На всех перекрестках города были расставлены военные патрули и рабочие-дружинники. Они охраняли все важные городские объекты и контролировали пропуск в центр города, разоружая офицеров. Вечером солдаты по приказу ревкома провели обыски в военных учреждениях и на квартирах офицеров, конфискуя оружие. На следующий день порядок охраны города не изменился³. Лишь 1 ноября было опубликовано воззвание о переходе власти ВРК.

Жертвы переворота были относительно небольшими. В столкновении у штаба со стороны офицеров было около 4 убитых на площади и 6 раненых, со стороны солдат – один убитый и несколько раненых. Очевидно, надо добавить сюда убитого Языкова, скончавшегося вскоре от ран в больнице прапорщика А. А. Помазанова и похороненного 2 ноября погибшего Попова. 3 ноября состоялись организованные полковым комитетом 5-го полка похороны Языкова, прапорщика Грицко и солдата Кустова⁴.

31 октября прошло срочное заседание думы. После краткого обсуждения вопроса об охране было решено выслушать Моисеева. Это дало ему право изло-

¹ Известия Острогжского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 ноября №120. Ту же сцену вспоминал В. Н. Губанов: Губанов В. Н. За рабочую власть! // За власть Советов. С. 164.

² Рабичев Н. Н. Указ. соч. С. 55-56.

³ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 53.

⁴ Там же. Лл. 49, 55.

жить свою версию событий. Он заявил, что когда большевики узнали о перевороте, они должны были «занять определенную позицию», так как Воронежу угрожала офицерская контрреволюция. Отметив, что сначала они не хотели выступать до 30 октября, Моисеев взял ответственность произошедшего на себя. По его словам, он лично приказал сгруппировать полк, так как ему стало известно, что Вознесенский выписал для расстрела пулеметчиков 13 орудий. По приказу Моисеева на станции был задержан эшелон с 31 пушкой. Все это и побудило, по его словам, «совершить тот шаг, который, к моему сожалению, должен был быть закончиться некоторым количеством кровопролития». Под конец он призвал подчиняться ревкому для сохранения спокойствия. Ответив на вопросы, он покинул заседание.

Конечно, собравшиеся думцы были глубоко шокированы. Голова Андреев произнес взволнованную речь, обвинявшую Моисеева в авантюризме. Был объявлен перерыв, после которого собрание утвердило резолюцию Татарчукова, от имени эсеров и меньшевиков осуждавшего переворот. Резолюция левого эсера Григорьева (члена ВРК!), пытавшегося всех убедить передать власть «революционному распорядительному комитету» из представителей всех соцпартий Совета, провалилась – он голосовал за нее один. Сам же характер переворота дума даже не обсуждала, решив, что достаточно осуждения событий в Петрограде¹.

Резолюция думы сообщала, что ей необходимо «сохранить нормальное течение» жизни города, обеспечить «правильную работу продовольственного аппарата», безопасности граждан, свободу слова и «другие гражданские права населения». Дума отдельно отмечала, что она «не может ставить себе агрессивных задач и организовывать военную борьбу в стенах города», но призывала все общественные организации сплотиться вокруг нее для единой работы².

Подобное поведение объяснялось не только фактической невозможностью думы организовать «военную борьбу», но и отсутствием у нее адекватных сведений. 25-30 октября в Воронеж поступил ряд телеграмм из Петрограда от имени Временного правительства, которые призывали к неподчинению большевикам и

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 48-49об., 51.

² ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

защите власти на местах. Их общий тон создавал у воронежских властей впечатление, что выступление большевиков – авантюра, которая потерпит поражение. Например, телеграмма комиссара МВО сообщала, что правительственными войсками уже заняты Петроград и Москва¹. Лишь 31 октября в печать проникли точные сообщения, но и тогда многие продолжали верить, что большевикам не на кого будет опереться в предстоящей работе. В тот момент дума была больше озабочена охраной города. Ею началась работа по организации самообороны. Для информирования граждан было выпущено воззвание с перечислением адресов постов и телефонов чинов милиции. Голова Андреев приказал банковским управлениям составить точные списки имеющегося у них оружия и никому его не выдавать. То же было сообщено и начальнику милиции².

Соперниками большевиков были и члены старого исполкома, которые пытались утвердить себя как единственное правомочное руководство Совета. 31 октября они опубликовали в печати заявление, что не несут ответственности за происходящее в городе и призвали не подчиняться захватившим Совет большевикам. Исполком заявлял, что перевыборы, созванные на 1 ноября, были большевиками сознательно сорваны и пообещали, что они состоятся при первой возможности. Но уже следующий день они выпустили заявление, в котором целиком изменили тактику. Воззвание утверждало, что только их исполком имеет право созывать собрание совета. Вместо того чтобы участвовать в выборах Совета, исполком объявил намеченное большевиками собрание 3 ноября неправомочным и призвал к его бойкоту. К исполкому присоединилась конференция правлений профсоюзов, созванная по инициативе ЦПБС и представлявшая 14 из 20 профсоюзов города³.

Однако агитация не удалась. 3 ноября большевики провели собрание Совета. На нем присутствовало 83 чел. – куда больше обычного. Было выбрано временное бюро для подготовки перевыборов в составе 14 чел.: 5 большевиков, 3 левых эсеров, 3 эсеров, 2 меньшевиков и 1 беспартийный. Собрание также послало

¹ Там же. Лл. 16-18.

² Там же. Лл. 39-40, 160-161.

³ ГАВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 52об., 55.

приветственную телеграмму Совнаркому¹. 14 ноября для текущей работы Совета было учреждено временное исполнительное бюро из 6 большевиков и 4 левых эсеров². Спустя два дня исполком решил провести новые выборы в Совет по пропорциональной системе – на всех воронежских предприятиях. Решено было разграничить дела Совета и ВРК. ВРК оставил в своем распоряжении охранные и военные функции. Совету должны были перейти продовольственные, топливные и рабочие вопросы³. На следующий день было определено провести выборы в середине декабря. Для этого была выделена комиссия из 4 человек: Врачев, Драгачев, Сабин, Рабичев. ВРК при этом предусматривалось оставить, «строго ограничив его функции, оставив ему лишь некоторые специальные функции»⁴. До той поры он оставался официальным органом власти города.

12-14 ноября в Воронеже, как и по всей стране, прошли выборы в Учредительное собрание. За исключением ареста накануне двух гимназистов, инцидентов не было. Выборы прошли в спокойной, даже будничной обстановке. В связи с недавним чрезвычайным положением уличной агитации почти не велось, наглядная агитация, по словам «Воронежского телеграфа», соскабливалась большевиками. В целом интерес к выборам был достаточно скромным: в Воронеже проголосовало 22808 чел. – почти столько же, сколько на выборах в думу в июне – 20840. Неожиданно для многих победила партия кадетов – 54% голосов, в то время как большевики получили 11%, эсеры 11,5%, меньшевики – 6,7%⁵. Отчасти это связано с посещением города накануне выборов бывшим министром А. Шингаревым, но думается, основная причина в другом. Такой резкий успех кадетов всего лишь через полгода после победы на думских выборах социалистов довольно адекватно, на наш взгляд, объяснил «Воронежский телеграф». Он отметил, что городской обыватель голосовал не столько за партию кадетов, сколько против большевиков, чей переворот спровоцировал поправление: «голосовал он главным образом за ее

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 137.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 15; 1917-й год в Воронежской губернии. С. 145.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 142.

тактику, или, вернее, за ее обещания внутреннего мира, потому что ему этот мир, грубо нарушенный большевиками, дороже всего»¹. Поэтому воспринимать выборы надо как свидетельство слабости радикализма в широких массах городских обывателей. Сохранились интересные данные о классовом составе голосовавших: процент явившихся избирателей относительно общего числа в списках составил среди интеллигенции и духовенства 66%, «буржуазии» 53,4%, рабочих – 48,4%². Примерно половина избирателей проигнорировала выборы, а другая нет, что, по нашему мнению, говорит о том, что в эти дни шел процесс постепенного отхода масс от этого лозунга, но он еще сохранял заметную популярность. В губернии же, где ни одна партия, кроме ПСР, не проводила работы, эсерам благодаря их активной общественной позиции, руководству во многих органах власти и популярной земельной программе была гарантирована победа. Они получили 79,7% голосов, а большевики 13,8%, причем больше всего большевики получили в городах с гарнизонами и рабочими, а также в уездах с наибольшим помещичьим землевладением³. Все это показывает, что революция встретила в Воронеже противодействие политических противников большевиков, пользовавшихся достаточно внушительной поддержкой населения, что мешало влиянию советской власти. Однако, как будет показано дальше, поддержка эта не была ни безусловной, ни решительной и в следующие несколько месяцев политическая ситуация поменяется кардинально.

Несмотря на настроения значительных слоев населения, что давало поддержку эсерам и кадетам, последние не смогли использовать этот фактор для удержания власти. Местные особенности системы управления сыграли в этом немалую роль. Достаточно сильная и работоспособная коалиция антибольшевистских сил, сгруппировавшаяся вокруг официальных органов власти, могла бы серьезно затормозить победу Совета, как это произошло в других регионах страны. Однако сформированный КОБ сразу после переворота развалился и больше о

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 1. Д. 84. Л. 76.

² Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938. С. 53.

³ Протасов Л.Г. Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 363, 217.

нем не встречается никаких упоминаний – он изначально был слишком слаб. Губкомиссар оказался фигурой формальной и не имел влияния на обстановку, дума могла ограниченно влиять только на хозяйственное положение, эсеры успели потерять большую часть своей популярности. Пользовавшегося широким доверием населения органа в Воронеже не было. Это позволило Совету взять власть в опоре на сочувствующие ему слои гарнизона и рабочего класса. Борьба была последовательной, шла в опоре на организованные слои рабочих и солдат и состоялась после серьезных колебаний при опасениях перспективы военной диктатуры.

Все это показывает нелепость многих современных упреков большевиков в «бланкистском» характере переворота, обвинений, что «опиравшиеся на вооруженный охлос экстремисты в некоторых центрах страны чувствовали себя настолько уверенно, что им достаточно было сигнала для захвата власти»¹. Так, автор этих слов, известный специалист по революции В. П. Булдаков, предпочитает видеть ее причины в «психоментальной сфере» и антропологической традиции, как распространение хаоса из-за традиционалистского поведения масс, что привело к их дезориентации и переходу на сторону демагогии большевиков. Экономический фактор им принижается и расценивается как «борьба за выживание», в ходе которой среди низов возобладали общинные идеалы власти, из-за чего предлагается рассматривать события 1917 г. как «общинную революцию»².

Между тем, как было показано выше, массы вполне осознавали собственные интересы в борьбе с буржуазно-помещичьими верхами и не препятствующими им властями, объединяясь на почве не «общинной», а вполне социальной солидарности. Объективная неэффективность политики власти привела к разочарованию в идеалах «революционной демократии», что уже тогда многие осознавали. 15 октября 1917 г. неизвестный автор писал в одной из газет: «Обанкротились не “товарищи” и “доктринеры”, а все наше интеллигентное общество, оказавшееся

¹ Булдаков В. П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. С. 114.

² См.: Булдаков В.П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 51; См. также: Булдаков В.П. Quo vadis?: Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Он же. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

неспособным взяться за дело, применившее к государственным делам практику культурно-просветительных обществ, в которых было много разговоров, взаимной критики, пикировки, но мало дела. Уж очень мы любим объяснять все некультурностью и безграмотностью широких масс, засильем “демагогов” и т. п., на себя же не оглянемся, а виноваты-то прежде всего мы, интеллигенция... Самодержавно-бюрократический строй... развалился под влиянием экономической разрухи, с которой не могла справиться, и не силах справиться пришедшая на смену бюрократии общественность»¹.

Итак, на этом завершился первый этап революционных событий в Воронеже, начавшийся в марте 1917 г. свержением самодержавия. Процесс в сфере создания нового управления развивался постепенно. Сначала были смещены наиболее скомпрометированные представители старого режима и его непосредственные защитники – полиция и губернаторы. Власть перешла к назначенным Временным правительством комиссарам, которые были, как правило, местными главами земств. Предполагалось, что их управленческий опыт и народное доверие позволят им, вместе с другими органами, взять под контроль ситуацию для того, чтобы укрепить тыл во время войны и довести страну до Учредительного собрания.

Однако на деле губкомиссар оказался слабой фигурой в управлении. Временное правительство сознательно скопировало управленческую практику самодержавия, оставив комиссарам функции прежних губернаторов, что заранее лишило их эффективного влияния на общество. К тому же благодаря революции, лишившей власть авторитета и полиции, в руках комиссара осталась только армия и контролирующие функции. Исполнительные и силовые рычаги власти оказались в руках демократических органов в лице исполнительных комитетов, а также Советов. Во многих отношениях они были гораздо радикальнее и последовательнее в преобразованиях, чем официально назначенные лица. Разбуженное революцией демократическое обновление быстро вырвалось из-под контроля властей и привело к кардинальной смене революционных органов к лету 1917 г. Правитель-

¹ Тульчинский Г. Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетей, 2014. С. 80.

ство пыталось ввести этот процесс в управляемое русло, легализуя такие органы с помощью комиссаров и вводя новые избирательные правила. Так как к лету 1917 г. процесс борьбы с цензовыми элементами завершился, на местах большинство функций перешло демократически избранным земствам, думам и крестьянским комитетам. Усилился и социальный раскол общества, и выполнившие свою роль исполкомы потеряли значение. Однако самостоятельности комиссарам это не прибавило. Из-за непопулярности политики правительства общественная обстановка все больше начала выходить из-под их контроля. Особенно ярко это проявилось в деревне, где крестьяне создали свои классовые органы, проводившие собственную политику.

Одновременно наравне с общесословными органами демократического управления начала формироваться параллельная структура в виде Советов как органов революционной диктатуры. Несмотря на то, что она опиралась только на рабочих, солдат и крестьян, в короткий срок Советы завоевали заметное доверие и влияние на массы: как благодаря своей активной работе, так и тому, что они являлись единственными органами, прямо выражавшими настроения широких масс. В условиях 1917 года при нерешенности основных социальных проблем, Советы были единственными органами, через которые те могли ставить насущные и актуальные требования, а Совет немедленно их решал. Этому способствовала и активная работа деятелей Совета. Так в Воронеже сложилось двоевластие.

До поры это противоречие гасилось – как из-за сотрудничества организаций в условиях послереволюционной слабости власти, так и из-за того, что вначале Советы не обладали серьезными возможностями для самостоятельности. Роль и значение Советов росли параллельно кризису страны, из которого Временное правительство и поддерживавшие его силы не нашли выхода. Первоначально же усилия обеих ветвей власти были направлены на борьбу с «пережитками старого режима» и демократизацию политической системы. Благодаря этому главенствующей партией стали эсеры, чья революционно-демократическая программа отвечала лозунгам момента и нашла популярность у большинства слоев общества. Это позволило им в короткий срок ликвидировать все остатки цензового прошло-

го местных органов. На пике своей популярности эсеры надеялись на построение в России системы «трудовой демократии» – демократического устройства на основе широкого представительства. Однако такая формула требовала низведения Советов до положения общественных организаций и лишения их власти, что, как оказалось, не отвечало реальности.

Советы на живой практике оказались единственными органами, которые имели политический авторитет, технические средства для его использования и административный потенциал для того, чтобы стать фундаментом новой государственной структуры общества. Нерешенные социальные и экономические вопросы, саботируемые представителями буржуазных и умеренно-социалистических партий, привели к массовому разочарованию в правительстве и общедемократическом устройстве общества, компрометации лозунга «национального единения». Встал вопрос о взятии Советами власти – лозунг, впервые выдвинутый большевистской партией, которая упорно соблюдала его в любых обстоятельствах. Даже от правящей эсеровской партии откололось левое крыло, которое пошло по этому поводу за большевиками, что стало показателем нарастания революционных настроений в массах. Данный конфликт завершился Октябрьским переворотом, и переходом власти к Советам. Борьба двух ветвей власти оказалась проявлением классовой борьбы российского общества, в котором возглавляемые революционными партиями рабочие и солдаты одержали верх.

Глава 3. Формирование советской системы государственного управления в Воронежской губернии (1917 – 1918 гг.)

3. 1. Противоборство в ходе смены власти. Укрепление власти Воронежского Совета (декабрь 1917 – апрель 1918 гг.)

Несмотря на то, что после Октябрьского переворота Совет принял на себя функции власти, процесс овладения им государственным аппаратом был гораздо более медленным, чем свержение самодержавной администрации ранее. Поэтому можно говорить о наличии определенного двоевластия и после Октября – в масштабах страны, где наряду с Советами сохранялись старые структуры власти. Процесс их ликвидации и взятия власти Советами был неравномерен и протекал с заметными вариациями. Этот период получил благодаря Ленину название «триумфального шествия советской власти». В Воронеже Совету необходимо было укрепиться, против чего активно боролись представители антисоветских политических движений и старых органов.

Военные силы были взяты под контроль ВРК быстро. Сразу после переворота ВРК инициировал перевыборы гарнизона. 31 октября он предписал выбрать комиссаров рот и команды, которым было приказано прийти в ВРК для получения инструкций. 2 ноября в Доме народных организаций были проведены собрания всех солдатских комитетов, на которых было переизбрано командование и избран гарнизонный совет из 6 большевиков и 2 левых эсеров¹. Были проведены перевыборы и в частях. Так, 3 ноября прошли выборы в 5-м пулеметном полку. Командиром избран полковник Герасимов с помощниками, подпоручиками Романовым и Сахаровым. Комиссаром остался солдат Шалаев. В тот же день командиром 681-й дружины выбран зауряд-капитан Мясоедов. Были отстранены, ввиду явной враждебности «против революции и нового правительства», 12 офицеров во главе с бывшим командиром полковником Липсбергом. Последний вместе с прапорщиком Кочергиным был заключен собранием в тюрьму за то, что они без ведома комитета дружины отдали оружие посланцам Языкова. В тюрьму за агитацию про-

¹ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. С. 179.

тив ВРК попал и член Совета капитан Пятницкий¹. 11 ноября был переизбран исполком военной секции, в который прошли почти одни большевики. Комендантом города был назначен член «комиссии 48» поручик Шахназаров, которому был выдан соответствующий мандат. Сама комиссия не оказала сопротивления ВРК и была распущена 17 ноября – ее функции были переданы начальнику гарнизона². Остался действующим и «отряд 300». Где-то на рубеже ноября – декабря он был, очевидно, пополнен, так как после этого фигурирует под названием «отряд 500». Очевидно, он был ликвидирован в ходе демобилизации, так как упоминания о нем встречаются до февраля 1918 г.³

В подчинении ВРК находилась и боевая дружина. В ее функции входили охрана учреждений, патрулирование, производство обысков и, по указанию ВРК, арестов. 14 ноября «Воронежский телеграф» сообщил об аресте дружиной двух гимназистов, задержанных за расклеивание кадетских воззваний. Он добавил, что арест за пропаганду неподчинения произведен по приказу ВРК, который рассчитывал арестовывать вообще за критику партии⁴. Газета проявила подозрительную осведомленность. В архивах ВРК действительно есть документ, предписывающий дружине «арестовать всех гимназистов, расклеивающих на улицах ложные обвинения по отношению Революционного Комитета». Также было написано: «призывавших не голосовать за список» (при выборах в Совет), но эти слова автор, одумавшись, зачеркнул⁵.

Главнейшим противником Совета стала дума, в которой сотрудничали антисоветские партии, от меньшевиков до кадетов. Несмотря на победу Совета, дума продолжила свою работу и сохранялась вплоть до 1918 г., пытаясь препятствовать большевикам доступными ей средствами. Первоначально она просто не признавала Совет, надеясь, что он не справится с работой. В этом противостоянии важнейшим стал вопрос о контроле над таким силовым ресурсом как милиция. 2

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 10. Лл. 574, 767-767об.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 142, 145.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 9. Л. 2; Д. 10. Л. 342.

⁴ ГАВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 70-70об.

⁵ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.

ноября управа сообщила ВРК, что «городская милиция должна оставаться нейтральной и нести обязанности исключительно по охране личной и имущественной безопасности граждан». «Нейтралитет» понимался думой в том смысле, что ВРК должен был отозвать комиссаров из штаба милиции, а руководство ею переходило к члену управы И. Д. Смирнову и членам старого исполкома СРСКД – Оловинскому и Хохолеву. Также дума предложила организовать домовую самооборону и дать право арестов и обысков только милиции, т.е. по сути, предлагали взять под свой контроль и милицию, и город. Разумеется, большевики на это не пошли. 4 ноября ревком, «не посягая на внутреннюю жизнь городской милиции», потребовал назначения Чуева начальником охраны. Предусматривалось, что это будет «впредь до восстановления нормальной жизни», причем «как в городе, так и в стране»¹. Дума отказала, и Чуев безрезультатно посетил штаб милиции, где встретил решительный отказ. Тогда большевики сменили тактику. Ими была учреждена должность комиссара милиции от ВРК. Им стал Станкевич, бывший комиссар милиции Мещанской части города, который как раз был большевиком. 13 ноября был назначен и комиссар уголовной милиции – И. С. Садковский².

Управа энергично этому сопротивлялась. 4 ноября она уволила Станкевича. На введение уголовного комиссара она пригрозила судебной милиции лишить ее жалования и объявить распушенной³. Из этого видно, что на самом деле думу волновали явно не вопросы порядка. Все же уже 17 ноября Садковский рапортовал ВРК о вступлении в должность⁴. В начале декабря исполком постановил, что начальник милиции Станкевич подчиняется юридическому отделу Совета: «Последнему предоставляется подыскать себе помощника, предоставив его на утверждение Отдела при Совете. Поручить Станкевичу разработать проект назначения разных комиссаров, сообразуясь с существующим положением и представить на утверждение Отдела при Совете. Назначается комиссаром судебной милиции... т.

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 12. Лл. 71-71об., 69, 67.

² Там же. Д. 10. Л. 320.

³ Там же. Л. 753; Д. 11. Л. 33.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 125.

Чернышев»¹. Так дума потеряла контроль над охраной города. Даже мобилизованный ею у С. И. Попова для этого автомобиль был реквизирован ВРК².

Правда, думе удалось провести организацию самоохраны. Решение об этом было принято на совещании членов думы, Совета и других организаций 3 ноября. Для этого управа воспользовалась силами представителей участковых избирательных комиссий, которые проводили выборы в районные комиссии. Согласно проекту управы, каждое районное собрание граждан избирало участковый комитет общественной безопасности, который брал на себя охрану своего участка. От него избирался представитель в общегородской КОБ. В обязанности их входило формирование дружин из мужчин от 20 до 50 лет для ночных дежурств, обхода милицейских постов и сторожей, информирование граждан о самозащите. На время дежурств выделялось оружие и удостоверения. Порядок охраны устанавливался комитетами по соглашению с начальником милиции и комиссарами городских частей. Внешним отличием являлась белая повязка с печатью участкового комитета. Самоохрана была на принципах самообложения граждан, суммы передавались в городской КОБ, который устанавливал обложение с согласия думы.

Проект был одобрен на совещании представителей участков 3 ноября, созванном управой³. Общими собраниями был избран ряд комитетов в числе от 16 до 34 человек, которые избрали президиумы. Согласно инструкции, они состояли из 5-8 членов: председателя, товарищей председателя, секретаря и казначея⁴. К 15 ноября КОБы были сформированы почти в половине участков: в 1, 2, 5, 7, 10, 12, 14-17. Судя по документам, комитеты были сформированы во всех участках, кроме 3, 4 и 13, относительно которых нет данных. Позднее городской КОБ сообщал: «Введение самоохраны в пригородах г. Воронежа относится еще к осени 1917 г., в городе же она вводилась постепенно по отдельным участкам с февраля 1918 г.»⁵. По всей видимости, формирование их затянулось до самой весны 1918 г.

¹ Там же. Д. 2. Л. 12.

² ГАВО. Ф. 218. Оп. 1. Д. 2. Лл. 30-34.

³ ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Лл. 51-51об., 36-38.

⁴ Там же. Лл. 72-121.

⁵ Там же. Л. 184.

Всего дружины насчитывали 600-700 чел., по несколько десятков на участок. Из документов видно, что они были в основном безоружны. Слабая самооборона не могла конкурировать с ВРК, хотя и играла важную роль в сохранении безопасности, просуществовав до лета 1918 г. Видимо, этим объясняется то, что большевики ей не препятствовали. Даже скорее наоборот, 6 ноября ВРК разрешил жителям окраин получать оружие для самозащиты, но только лишь «по рекомендации лиц, хорошо известных ВРК»¹. В декабре он приказал командиру 58-го полка выдать 50 шинелей самообороне Придаченской волости².

Когда стало ясно, что переворот в городе не привел к анархии, дума сменила тактику. От позиционирования себя «защитницей порядка» она перешла к заявкам на власть. 18 ноября ее управа объявила, что только она имеет право издавать «обязательные постановления, имеющие силу местного закона». Фактически дума призывала не подчиняться ВРК, хотя демонстративно даже не упоминала его. В тот же день собрание думы постановило признать себя «единственным правомочным органом власти», призвав объединиться вокруг себя население³.

Однако ей было не на кого опереться, кроме как на враждебную большевикам интеллигенцию в лице профессиональных служащих. Те в свою очередь пытались воздействовать на ВРК саботажем. После переворота это стало главной формой борьбы поддерживавшим старый режим служащих. 14 ноября отказался признать комиссаров ВРК союз служащих телеграфа, 15 – объявило о саботаже совещание представителей профсоюзов под председательством члена думы меньшевика Н. Д. Богданова, 18 – «Союз союзов» служащих правительственных учреждений. Дума в свою очередь обещала саботажникам полную поддержку. Таким образом, после переворота забастовали служащие думы, губернской управы, банков, телеграфа, железной дороги, торгово-промышленных заведений. После смещения губкомиссара в знак протеста и по призыву «Союза союзов» забастовали служащие губернского правления и губернского комиссариата, а также

¹ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 139.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 10. Л. 635.

³ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 146-147.

правительственных учреждений¹. В ответ исполком пригрозил, что в случае забастовок или «других мер сопротивления» он «вынужден будет вступить на путь решительных мер»². Меры выразились в показательных репрессиях в виде увольнений, лишения жалования, пенсий и наград, а также кратковременных арестах.

Ярким эпизодом противостояния стала денежная конфискация в Государственном банке. Нуждаясь в деньгах, большевики приняли решение взять 150 тыс. руб. в его отделении до перевода сумм из центра. 1 декабря члены ВРК взяли деньги с помощью боевой дружины. Как сообщает «Воронежский телеграф», служащие составили акт, что деньги взяты под угрозой насилия³. Газета, впрочем, не сообщила, что представители ВРК созвали собрание низших работников, которые и настояли перед дирекцией на выдаче денег. Конфискацией руководили члены ВРК Моисеев, Григорьев, Павлуновский и Карпусь. Надо сказать, что она и в самом Совете вызвала острые споры, так как была несогласованна с исполкомом. В тот же день вопрос рассматривался на собрании ВРК и исполкома под председательством Люблина, который даже не знал о реквизиции. Исполком настаивал на том, что несогласованное решение является исключительно самовольством отдельных лиц, а члены ВРК оправдывались сложившимися обстоятельствами. Особенно оправдывались левые эсеры, которые ссылались на аналогичные действия Петроградского ВРК. В итоге исполком победил, и реквизиция была осуждена. Было постановлено вернуть деньги банку и ограничиться вводом в него комиссара. Видимо, этот случай, выявивший проблемы новой власти, повлиял на то, что уже на следующий день было решено в скорейший срок упразднить ВРК⁴.

Однако члены ВРК, ссылавшиеся на объективный недостаток средств, оказались правы. Деньги фактически остались в их распоряжении. В конце 1917 г. И. Чуев, бывший в Петрограде, привез около 100 тыс. руб. от Совнаркома, что по-

¹ Борьба за Воронеж. Под ред. Комиссии Обкома ВКП(б): Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1939. С. 17, С. 21-22.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 38об., 40.

³ Воронежский телеграф. 1917. 2 декабря. №235.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 36-37об., 38.

зволило погасить две трети суммы¹. А уже в начале января 1918 г. Совет постановил взять снова 150 тыс. руб. и «употребить на удовлетворение нужд». Относительно возможного противодействия думы было без обиняков указано: «Мы сумеем просто распустить ее»².

Подобные решительные действия повлияли на постепенное сворачивание саботажа. Это позволило ВРК взять под контроль учреждения к началу 1918 г. Большевик Рабичев заявлял: «...благодаря нашей твердости и непреклонности саботаж ломался. Этому содействовал и роспуск Учредительного Собрания, бывшего руководителем саботажа»³.

Дума же, как и остальные учреждения, остро страдала от финансового кризиса. 9 ноября при обсуждении сметы оказалось, что из-за расходов дефицит составил около 1 млн руб. И это при том, что доходы за 1917 г. составили 5, 5 млн руб., почти на 1 млн больше чем по смете, что объяснялось повышением до крайности думских налогов. Стало понятно, что думу может спасти только заем. Положение города и в остальном было удручающим. Ржаной мукой он был обеспечен до 1 января, дров же не хватало: железная дорога за весь октябрь поставила 470 вагонов дров, хотя должна была поставлять 270 в неделю. Гужевая повинность провалилась из-за саботажа крестьян. Правда, перед переворотом МВД разрешило думе отсрочить реализацию облигационного займа на 1, 825 млн руб.⁴

Из-за недостатка денег весь ноябрь-декабрь прошел для управы в борьбе со стачечным комитетом профсоюза городских служащих, который упорно добивался повышения жалования. Как выяснилось на заседании 2 ноября, дума задолжала им 125 тыс. руб., а для уплаты было только 15 тыс. Было решено взять эти деньги в местных банках, а также просить о займе в 0, 5 млн руб. Однако спустя две недели удалось взять всего 130 тыс. до 1 января. Тогда служащие устроили 27 ноября забастовку с разрешения ВРК. Комиссия по переговорам с участием Н. В. Че-

¹ Известия Воронежского Совета. 1917. 24 декабря. №16.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³ Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5-10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 16.

⁴ ГАВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 66об., 61.

хова сумела убедить стачком продолжить работу – служащие согласить ждать до 1 декабря. Сам Чехов же обратился к населению с просьбой пожертвовать 0, 5 млн руб. и вскоре сумма «благодаря усилиям гласных» была собрана¹.

Однако служащие так не думали. 2 декабря стачком пожаловался ВРК, что дума должна была уплатить до 1 декабря 200 тыс. руб., но большую часть так и не дала: «Оплата прекратилась в... 1 час дня, что совпало с созывом секции Интеллигентных служащих. В Городской кассе и Банке есть достаточное количество денег для оплаты списков. Кроме того списки, составлены тенденциозно и вызывают огромное возмущение рабочих». Стачком запросил права со своей дружиной из 30 чел. опечатать кассу думы. Исполком согласился, отправив в помощь двух представителей². В ту же ночь Андреев был приглашен в городской общественный банк, где его встретили представители ВРК Григорьев и Бардзевич с 60 солдатами. Они опечатали кладовую, кассу банка и кассу управы. Днем возмущенный Андреев заявил думе, что служащим не было уплачено всего 50 тыс. руб. «по причинам технического порядка» и расценил это как «формальный повод». Стачком в ответ покинул заседание, но потом вернулся и согласился снять печати в обмен на деньги. Тем не менее, вернувшись в банк Андрееву пришлось спорить с большевиками, желавшими пересчитать деньги, пока они не вывели охрану³.

Уже 10 декабря стачком неожиданно предъявил новые требования. В основном они касались уплаты жалования, но кроме того, стачком требовал признать «Положение о рабочих комитетах». В ответ собравшаяся дума заявила, что претензии стачкома необоснованны и нарушают соглашение от 5 декабря, на что тот парировал тем, что желает их пересмотреть⁴. Конфликт был решен лишь 3 января при посредничестве отдела труда Совета. Корреспондент газеты при этом жаловался на «бестактность» стачкома: часть его даже без ведома остальных участников послала отряд в управу, объявила забастовку, остановила работу электро-

¹ Там же. Лл. 54-54об., 93, 96об.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 38об.-39.

³ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 102об., 106об.

⁴ Там же. Лл. 110об., 112.

станции и водопровода¹. Из всего этого видно, что стачком раскололся, причем часть его явно большевизировалась.

Чтобы объяснить такое упорство, гласные делали в печати прозрачные заявления, которые сводились к тому, что забастовщики управляются корыстными лицами, за спинами которых явно стоит Совет². Однако, как показывают протоколы Совета, утверждения, что исполком подталкивал стачком к противостоянию, были явными домыслами. Скорее наоборот, он действовал при побуждении забастовщиков. Но, разумеется, он и сам старался использовать ситуацию в свою пользу. 3 декабря исполком решил предложить думе сообщить о причинах нарушения договора со служащими, при этом предусматривалось действовать «не предрешая вопроса о роспуске думы, оставляя за собой свободу действия»³. Очевидно, что союз служащих старался использовать поддержку ВРК в своих целях. Тот в свою очередь шел ему навстречу, чтобы окончательно дискредитировать думу.

Очень показателен в этом плане недовольства думой служащими конфликт в отделе топлива. Из-за беспорядка с документами им был в июле 1917 г. нанят новый бухгалтер З. Ф. Шпринг. Однако из-за запутанности бумаг отчет за апрель составили лишь в мае, а в начале октября начали записывать дела только за июнь. 1 октября продкомитет перешел в ведение управы. Первым делом она объявила служащих уволенными. Их прошение о принятии на службу рассматривалось целых 3 недели. На все жалобы назначенный по отделу топлива И. Г. Полуэктов «все время отказывался неведением и ссылаясь на то, что этот вопрос будет решать комиссия». Лишь 1 ноября служащим выдали жалование за октябрь и надбавку в 50 рублей, и те поверили, что их примут на работу. 6-7 ноября отдел перевезли в думу, из-за чего работа отдела не велась. На основании этого в декабре 1917 г. продкомитет уволил Шпринга «до разбора дела» его в профсоюзе, которое так и не состоялось. Позднее голова Андреев объяснил, что бухгалтер обвиняется комиссией в подлоге, из-за чего ему не будет выдано жалование. Шпринг жало-

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 9 января. №5.

² ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Лл. 112об.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

вался: «На мой вопрос – кто именно из членов комиссии заявлял о том, что мною совершен подлог, г-н Андреев указать отказался»¹. При этом еще 23 октября управа постановила, что прием и увольнения проводятся с ее разрешения специальной комиссией с участием члена управы, секретаря, заведующего отделом и профсоюза². Были конфликты у думы и с другими органами. Так, уже 8 ноября 1917 г. член управы кадет В. К. Ковалев обвинил губпродуправу в порче закупленного ей мяса. Та потребовала доказательств, угрожая привлечением к ответственности³. В свете таких фактов поведение служащих смотрится куда логичнее.

Упорное противодействие ВРК оказывали и эсеры, действовавшие от имени Совета крестьянских депутатов. 21-23 ноября в Воронеже состоялся созванный ими 3-й губернский крестьянский съезд. На него прибыло 552 чел., из которых было 487 эсеров, 35 большевиков, 3 левых эсера. Выступал на съезде и член ЦК ПСР П. Н. Смирнов, который в своих сообщениях о событиях в Петрограде не стеснялся и откровенной лжи, утверждая, будто в октябрьских боях погибло 5 тыс. чел.⁴ В ответ большевики Чуев и Врачев при поддержке пришедших солдат 5-го полка пытались переспорить ораторов. Острые прения завершились тем, что съезд поддержал эсеров и призвал распустить ВРК⁵. Заседания съезда были омрачены происшествием, наглядно продемонстрировавшим накал противоборства в городе. К помещению цирка, где проходил съезд, подошли солдаты-пулеметчики, которые загнали обратно в помещение собравшихся и даже избили некоторых из них. Бесчинство было прекращено быстро прибывшим на место Моисеевым⁶. Хотя Буревой возложил на большевиков всю ответственность за произошедшее, этот эксцесс явно не был провокацией власти, что подтверждают документы исполкома Совета. Согласно им, его собрание постановило передать о случившемся начальнику гарнизона, комитету боевой дружины и «отряду 500». Также решено

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Лл. 92-95об.

² ГАВО. Ф. И-19. Оп. 2. Д. 50. Л. 88-88об.

³ ГАВО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Лл. 137-137об.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 88об.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 148-149.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 89.

было созвать гарнизонное собрание для обсуждения внутриказарменной жизни с представителями рабочей дружины¹.

В Воронеже эсеры, тем не менее, потерпели поражение. 8 декабря собрался переизбранный Совет из 95 чел.: 52 большевика, 23 левых эсера, 4 правых эсера и 16 беспартийных. Это наглядно показывало, насколько изменились настроения рабочих и солдат в городе. Советом была вынесена резолюция, объявившая, что только Советы, имеющие классовый характер, являются органами власти в России. Исполком было решено избирать пропорционально фракциям и постановлено, что все председатели отделов утверждаются на общих собраниях Совета. В связи с этим были ликвидированы рабочая и военная секция. Также был упразднен ВРК – его функции переходили военно-административному отделу². Совет вошел в стадию своего конституирования. Началось активное создание отделов управления. В начале декабря был создан культурно-просветительский отдел из 3 секций: театральной, редакционной и агитационно-пропагандистской³. 10 декабря исполком распределил помещения в Доме народных организаций для 6 своих отделов: борьбы с контрреволюцией, снабжения, труда, военного, культурно-просветительского и иногороднего⁴. Из протокола от 16 декабря видно, что прибавилось еще 4 отдела: судебный, земельный, информационный и общего делопроизводства. Последний представлял из себя президиум, который заведовал канцелярской работой исполкома. Отдел борьбы с контрреволюцией при этом называли обычно «военно-административным отделом». Ему принадлежали все охранно-силовые функции⁵. 24 декабря был организован отдел снабжения с подотделами: губернский продовольственный, городской продовольственный, топлив-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 41об.

² 1917-й год в Воронежской губернии. С. 157-158; Сиволов Д. В. Борьба воронежской губернской большевистской организации за создание и укрепление советского государственного аппарата (1917 – 1920 гг.): Дис. ... к. и. н. Воронеж, 1968. С. 63-64; Битва за Воронеж. Воронеж, 1939. С. 15.

³ Известия Воронежского Совета. 1917. 21 декабря. №13.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 45.

⁵ Там же. Лл. 48-48об.

ный, транспортный, кожевенный и реквизиционный¹. Лишь 24 декабря появилась «Инструкция о правах и обязанностях Советов», изданная НКВД, которая устанавливала порядок и обязанности 12 отделов Совета, поэтому уже сложившаяся в Воронеже структура просуществовала дольше².

Одновременно Совет перешел к взятию власти в губернии. Полномочия по управлению губернией до перевыборов исполкома были переданы коллегии из 4 комиссаров, по 2 большевика и 2 левых эсера: Люблин, Рабичев, Абрамов и Григорьев³. Коллегия приступила к этому 9 декабря. И. д. губкомиссара Андреев ответил отказом и лишь после ввода в кабинет красногвардейцев передал дела⁴. 12 декабря был избран новый исполком, заслушавший доклад о смещении губкомиссара. Требование правых эсеров ввести в состав коллегии представителей крестьянского съезда было, конечно, отвергнуто⁵. Новый исполком составил 29 чел.: 19 большевиков, 8 левых эсеров и 2 беспартийных⁶.

Сместить губкомиссара оказалось легко. Однако взять под контроль все прежние органы было гораздо тяжелее. Помимо саботажа чиновничества на ситуацию повлиял и специфический фактор. Особенностью существования советской власти в Воронеже была близость к фронту гражданской войны. В конце 1917 – начале 1918 г. Воронежу угрожало наступление Каледина. Как показывают протоколы Совета, местную власть события в Ростове волновали с самого начала, так как угроза калединщины подрывала стабильность и в самом городе. Уже в начале декабря положение в Воронеже было далеко от спокойствия: началась забастовка дворников, в пулеметном полку начали распространяться антисоветские прокламации, в губернии шли погромы винных складов⁷. Все это стало поводом для введения военного положения. Вскоре объявила о своей независимости Цен-

¹ Комаров А. Революционное движение: Хроника 1918 г. / А. Комаров, П. Крошицкий. Воронеж, 1930. Т. 1. С. 4.

² Чугаев Д. А. Триумфальное шествие советской власти // Установление советской власти на местах в 1917-1918 гг. М., 1953. С. 64.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 111.

⁵ 1917-й год в Воронежской губернии. С. 159.

⁶ Сивоволов Д. В. Указ. соч. С. 67.

⁷ Там же. Лл. 20-22об.

тральная Рада Украины. В декабре 1917 – феврале 1918 г. Воронеж стал промежуточной базой для красногвардейских отрядов, шедших на Дон и Украину. Часть войск выделил и сам город. В этих неопределенных условиях Совету было не до укрепления административного управления.

Лишь в начале 1918 г. Совет начали брать в свои руки все функции старых органов, ликвидируя их один за другим. В конце декабря земельный отдел Совета принял функции губернской земельной управы ввиду ее отказа работать в контакте. 11 января управа была ликвидирована¹. 6 февраля губисполком взял дело снабжения города продовольствием из рук городской управы². 9 февраля заявили о признании советской власти служащие Воронежской казенной палаты и эвакуированных учреждений³. В начале марта упразднен Губернский комитет по топливу, вместо него был организован отдел по топливу⁴. Таким образом, к марту Совет контролировал практически все старые правительственные учреждения.

Советом была начата работа по перестройке управления. Важнейшей задачей стала реорганизация юридической системы. На тот момент руководящие указания на этот счет отсутствовали. Единственным распоряжением СНК был декрет от 23 ноября 1917 г., который распускал все судебные учреждения кроме мировых судов, и заменял их местными народными судами. Политические преступления передавались ревтрибуналам при советах. До прямых выборов местных судов они назначались местными Советами⁵.

В связи с этим 22 декабря исполкомом было постановлено организовать юридический отдел при Совете⁶. Он состоял из назначенного исполкомом председателя, двух его заместителей, делопроизводителя и членов. Решения принимались кворумом из 4, «а в исключительных случаях» из 3 членов⁷. В. А. Перцев утверждает, что первым его главой был избран левый эсер Черный, а с апреля

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 23 января. №16.

² Комаров А. Указ. соч. С. 19, 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

⁵ Собрание узаконений РСФСР. №4. 1917 г. С. 50.

⁶ Комаров А. Указ. соч. С. 4.

⁷ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.

1918 г. – Эглит¹. Однако из документов видно, что в декабре 1917 – январе 1918 г. председателем был И. А. Чуев, который имел юридическое образование, полученное в Харьковском университете. Вначале реорганизация встретила противодействие юристов. 15 января прошло общее собрание служащих окружного суда и прокуратуры, которое в связи с присылкой комиссара Чуева решило «уступить насилию и покинуть здание»². В тот же день из-за саботажа были уволены служащие судебного отдела губернского присутствия, а сам отдел расформирован³. 29 декабря 1917 г. на своем первом заседании юридический отдел ликвидировал старую судебную систему и заменил военные суды военными ревтрибуналами⁴.

На отдел были возложены следующие задачи: выработка плана реорганизации судебных ведомств; решение всех юридических споров, оказание юридической помощи населению, заведование тюрьмами, изменение мер пресечения и наказания, функции высшего кассационного органа губернии, а также все задачи и полномочия губкомиссара Временного правительства. Подчинялся отдел исключительно исполкому Совета. Вплоть до февраля-марта 1918 г. запросы местных органов на имя губкомиссара передавались на заключение отдела. 30 января ввиду ликвидации окружных судов и прокурорского надзора, он взял под свое начало следственные функции и в его распоряжение была передана судебная милиция, выделенная из городской⁵. Тогда же в январе 1918 г. в связи с конфликтами младших надзирателей с администрацией юридический отдел постановил признать полномочия тюремных инспекторов⁶.

8 февраля в связи с ликвидацией губернского правления исполком направил отделу перечень переходящих ему от нее дел:

¹ Перцев В. А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2008. №1. С. 30-31.

² Комаров А. Указ. соч. С. 12.

³ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 38-39, 54.

⁶ Там же. Л. 19.

«1. Регистрация возникающих общественных организаций и сведения о личном составе их. 2. Ревизия и расследование действий подведомственных Комитету учреждений, организаций и должностных лиц и устранение замеченных неправильностей. 3. Привлечение к ответственности виновных в различных неправомерных действиях и злоупотреблениях. 4. О шпионаже и провокаторах. 5. О высланных по распоряжению военных властей и амнистированных. 6. О ликвидации немецкого землевладения. 7. О казенных беспорных взысканиях и сопряженных с ними продажах имуществ. 8. Учреждение опеки, наблюдение за деятельностью опекунских установлений и переписка по управлению имуществом подопечных. 9. Рассмотрение приговоров мещанских обществ о раскладке общественных сборов и жалоб на эти приговоры, а также ревизия денежных книг ремесленных и мещанских Управ»¹.

Таким образом, кроме контрольно-юридических функций юридический отдел приобрел и судебные полномочия, приговаривая к наказанию провинившихся.

Параллельно проходила организация губернского ревтрибунала. 17 января было опубликовано объявление о его полномочиях. В компетенцию трибунала входили все дела о контрреволюции, нарушении постановлений местных органов, должностных преступлениях, самосудах и погромах. Согласно объявлению, трибунал составлял 9 чел.: председатель, заместитель, секретарь и 6 членов. Состав президиума назначался юридическим отделом, члены – им же специальным списком по жребию. Сам отдел вел рассмотрение жалоб населения, проведение предварительного следствия и передавал трибуналу материалы на заключение². 6 февраля 1918 г. трибунал разослал в уезды телеграмму с предложением о создании местных ревтрибуналов. По информации В. А. Перцева, первым председателем трибунала был назначен И. В. Бузов³, однако известно, что на 16 февраля состав ревтрибунала насчитывал 14 человек: председатель И. А. Чуев, секретарь Оловинский, 6 членов (3 от рабочих, 2 от военных, 1 от РКП(б)), 6 заместителей (4 от

¹ Там же. Лл. 40-41.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 17 января. №11.

³ Перцев В. А. «Именем революции!». С. 31.

рабочих, 1 от военных, 1 от Союза молодежи). На тот момент в трибунале было всего 3 дела: об обвинении члена боевой дружины в убийстве товарища, об обвинении двух австрийцев в продаже водки и об обвинении в провокаторстве¹. И впоследствии трибунал занимался в основном рассмотрением дел о контрреволюции, спекуляции и административных нарушениях².

Функции борьбы с контрреволюцией и охраны порядка выполнял, после упразднения ВРК, военно-административный отдел. По большей части отдел сосредоточился на охране города и посылке отрядов на места для подавления волнений. 28 февраля он был разделен на два: военный и административный³. Административному было поручено сосредоточиться на охране города. Очевидно, в этом деле он управлял милицией и боевой дружиной. Военный отдел же, как показывают его протоколы, выполнял функции прежней военной секции: рассматривал вопросы снабжения гарнизона и жалобы солдат. Так, узнав о выдаче обмундирования солдатам, прибывающим на вторичные комиссии по переосвидетельствованию, отдел постановил признать эти действия незаконными, выслать караул на бельевой склад и запросить у воинского начальника объяснений⁴. Также отдел формировал первые части Красной Армии, в основном для отправки на украинский и калединский фронт. Из Москвы было на это отпущено 50 тыс. руб.⁵ 1 марта 1918 г. отделу был поручен роспуск старой армии, а также ликвидация губернского и уездных воинских присутствий и комиссий по переосвидетельствованию солдат с принятием их функций⁶. Для этого он был разбит на подотделы: снабжения, снаряжения и ликвидации старой армии. В течение марта-апреля отдел в основном завершил эту работу. 11 марта исполком постановил окончательно исключить из своего состава всех представителей военных частей⁷. С исчез-

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 25об-26.

² Перцев В.А. «Именем революции!». С. 31.

³ Комаров А. Указ. соч. С. 34.

⁴ Известия Воронежского Совета. 1918. 21 февраля. №29.

⁵ Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии. С. 18-19.

⁶ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 104.

⁷ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 48.

новением старой армии работа отдела окончательно направляется на набор добровольцев в новые красноармейские отряды. Наконец с появлением декрета от 4 апреля в мае на основе отдела был сформирован губернский военный комиссариат. Его задачей было исключительно формирование частей Красной армии. Первым председателем комиссариата был назначен И. А. Чуев.

Таким образом, в течение января – марта 1918 г. Советом проводилась энергичная работа по взятию под свой контроль старых структур власти и формированию своей системы управления в виде отделов. В итоге к весне 1918 г. Совет сумел построить более или менее стройную организацию.

Однако его власть в масштабах губернии ослаблялась тем, что Советы на местах утвердились не сразу. Это давало надежды политической оппозиции в лице несоветских партий организовать отпор большевикам, опираясь на земства, старых правительственных комиссаров, бывшую милицию и антибольшевистские слои города и деревни. На своем крестьянском съезде эсеры постановили созвать 29 декабря съезд для организации волостных земств и крестьянских союзов. Созвать его решили в г. Валуйки, одном из наиболее проэсеровских городов губернии, где эсерам была гарантирована поддержка. В ответ Воронежский исполком 10 декабря постановил созвать свой, альтернативный съезд. Им по деревням было послано 50 солдат-агитаторов, было решено также телеграфировать о съезде в уездные Советы и напечатать воззвания в количестве 1 млн экземпляров¹.

Съезд в Валуйках прошел 28 декабря – 1 января и выявил серьезные противоречия в крестьянской среде. Показательно, что эсеры так и не решились опубликовать его протоколы, поэтому о нем известно лишь в переложении отчета из «Известий» Совета. По данным эсеров, в нем участвовало 450 чел., хотя большевики говорили про 160 чел. в первый день и 260 – на второй. Выступавшие эсеры пытались склонить крестьян к резолюции за Учредительное собрание. Левая часть съехавшихся делегатов активно выступала против. Судя по всему, споры приняли такой характер, что начальник милиции Кузнецов открыл огонь по большевист-

¹ Там же. Л. 43.

ским ораторам, убив одного из них. Часть крестьян в итоге ушла. Была вынесена резолюция с требованием передать власть учредительному собранию, а на местах – волостным земствам и милиции. Также резолюция требовала восстановить должности мировых судей и упразднить ревкомы¹. В итоге в своем противостоянии с большевиками уже тогда эсеры откололи от себя часть крестьянства.

Одновременно 28-31 декабря 1917 г. прошел созванный Советом съезд в Воронеже из 169 чел. На нем присутствовало 92 большевика, 61 левый эсер и 16 беспартийных. Съезд отменил полномочия крестьянской секции, полностью одобрил политику большевиков и приветствовал Совнарком. Также были оглашены 15 резолюций с мест: наказания волостных комитетов, крестьянских сходов, земских управ и местных Советов. Это очень интересные документы, так как они показывают настроения, которые бытовали тогда в деревне.

Из 15 резолюций 6 признали советскую власть, и еще 6 призвали к созыву Учредительного собрания. Причем из них две снабдили лозунг оговоркой о поддержке только того собрания, которое будет «выражать волю трудового народа», и еще 2 одновременно выразили доверие Советам. Только один наказ выступил в защиту эсеров, требуя прекратить их аресты и создать власть на «общей социалистической платформе». Все обращения при этом единодушно требовали принятия мира, передачи земли в руки крестьян и национализации производства². Это показывает, что хотя лозунг Учредительного собрания еще пользовался популярностью, его половинчатый характер начал осознаваться в массах. Настроения крестьян под воздействием ситуации все больше сдвигались влево, а лозунги большевиков начали получать отклик в деревне.

Съезд ввел в Воронежский Совет 12 представителей и принял инструкцию по организации власти в деревне. Согласно ей власть передавалась сельсоветам из 3 членов – по 1 от 250 чел. Волостной Совет формировался по схеме 1 делегат от 300-500 чел. в количестве, определяемом на месте. Члены исполкома являлись одновременно главами его отделов. Выбирались Советы на 3 месяца, разрешалось

¹ Комаров А. Указ. соч. С. 7; Воронков И. Г. Указ. соч. С. 153.

² Известия Воронежского Совета. 1917. 31 декабря. №19.

отзывать членов по требованию 150 избирателей. Из представителей волсоветов, по двое от каждого, избирался временный уездный крестьянский Совет, который следовало переизбрать на крестьянском уездном съезде. Предусматривалось, чтобы крестьяне не составляли отдельных секций в Советах¹. Съезд также принял постановления о передаче продовольственного дела в руки Советов, развитии широкого товарообмена и введении «монополии на предметы первой необходимости». Было решено сформировать продовольственные комиссии при местных Советах, в помощь которым для реквизиций было разрешено отпускать из Воронежа вооруженную силу².

31 декабря съезд утвердил важнейший для деревни документ: «Инструкцию о проведении в жизнь декрета СНК о земле». Согласно ей, при Советах создавались земельные отделы, в чье ведение переходили все помещичьи, удельные, церковные и монастырские земли, а также инвентарь и постройки помещиков и земли крестьян³. Инструкция была основана на положении «О земельных комитетах и об урегулировании сельскохозяйственных отношений», принятом СНК 4 декабря 1917 г.⁴ Для распространения Советов на местах 24 декабря 1917 г. в «Известиях» Совета была опубликована «Инструкция о правах и обязанностях совета», составленная главой губкома большевиков Н. Н. Кардашовым⁵. Процедура организации власти по ней была упрощена до предела: вначале на сельском сходе признавали власть СНК и губсовета, а далее избирали ревком или Совет: «...обо всем составить приговор и переслать его в город». В статье особо подчеркивалось, что в волостной Совет надо включать делегатов рабочих и солдат⁶.

Воронежский Совет не только смог взять на первых порах под контроль учреждения и укрепить свою власть, но и приобрел определенную поддержку крестьянства, что легитимизировало его характер. Однако эта поддержка была еще

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 13 января. №8.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 9 января. №5.

³ Морев П. Г. Указ. соч. С. 91.

⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1917 г. № 7. С. 105.

⁵ Комаров А. Указ. соч. С. 4.

⁶ Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж, 1952. С. 148-149.

ограниченной и оспаривалась со стороны антибольшевистской оппозиции. К тому же установление власти губернского Совета было еще в значительной мере формальным. Распространение советской власти в уездах шло постепенно и закончилось только вместе с утверждением влияния Воронежского Совета, в марте 1918 г. Этот процесс, уже исследованный в литературе¹, показывает, что установление власти Советов проходило практически по одной схеме – путем насильственной или моральной победы над прежними органами власти с одновременной или последующей легитимизацией Совета на уездных крестьянских съездах.

Лишь в трех уездных центрах губернии переход власти к Советам прошел в первые дни после переворота в Воронеже: Острогожске, Новохоперске и Боброве. Это произошло благодаря крупному влиянию, которое Советы завоевали здесь еще до революции. Все города отличались наличием крупных гарнизонов. Через Острогожск и Новохоперск также проходила железная дорога, что делало их относительно крупными рабочими центрами. Здесь было и наивысшее аграрное движение, так как в уездах была наибольшая концентрация помещичьего землевладения: «...на эти три уезда из двенадцати приходится 43% всех крестьянских выступлений и почти половина всех захватов помещичьих имений»².

В Острогожске располагались крупные военные части: запасная кавалерийская бригада и 184-й пехотный запасный полк. Уезд отличался наивысшим помещичьим землевладением, здесь была и активная большевистская парторганизация. О перевороте в городе позже рассказывал один из его участников, левый эсер Д. И. Карпик: «27-го октября 1917 года телеграф принес весть о вспыхнувшей в Петрограде и Москве Революции. На следующий же день было созвано экстренное собрание Совета Р. и К. Депутатов...» На этом же заседании 28-го октября выделен Временный Революционный Комитет из 4 лиц, которому передали власть: «Для наблюдения же за назначением и передвижением частей была выделена Военная Комиссия, в состав которой вошли Кузьмин и Шевелев». ВРК пре-

¹ Фефелов В. М. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XXXI. 1960. С. 28-51.

² Морев П. Г. Указ. соч. С. 86.

дотвратил отправку частей 217-го полка в Нижний Новгород для борьбы с рабочим движением. Хотя вначале революция в Острогожске прошла только декларативно и, по словам Карпика, «дальше стен Советского здания... не простиралась», 31 октября автору удалось привезти тексты декретов СНК из Воронежа¹. На заседании 2 ноября было решено образовать уездный Совет Комиссаров, что повлекло ликвидацию ВРК и военной комиссии. Председателем был избран глава большевиков Н. В. Лисицын. Было образовано 8 комиссий: административная, земельная, труда, военная, финансовая, торгово-промышленная, продовольственная, по делам Украины. 14 ноября Совет предписал всем учреждениям выполнять его постановления. Был создан «Социалистический отряд» из 103 человек. Положение Совета укрепил прошедший 21-25 января 1918 г. уездный крестьянский съезд бедноты (211 делегатов от 27 волостей), который принял «Инструкцию об организации советской власти в уезде»² и избрал делегатов в уездный Совет. Было решено ввести 10 представителей съезда в земскую управу для ее ликвидации³.

В Новохоперске положение коммунистов облегчалось тем, что их лидером был голова А. А. Буханцев. Большевики имели значительное влияние и на солдат 214-го полка. Власть Совета победила 2 ноября 1917 г.⁴ 26 ноября представители 11 волостей уезда, собравшись на частное совещание, приняли решение об образовании уездного съезда крестьянских депутатов. Съезд от 15 волостей прошел 3-7 декабря и выбрал уездный Совет из 28 большевиков и левых эсеров, при котором был революционный отряд. При Совете созданы отделы: земельный, продовольственный, финансовый, труда и др. В январе 1918 г. начали свою работу уездный ревтрибунал и местные народные суды. С 3 марта 1918 г. при Совете стал функционировать военный отдел⁵.

¹ Известия Острогожского Совета. 1918. 7 ноября. №120.

² Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930. С. 123.

³ Фефелов В. М. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского государственного педагогического института. Том XXXI. 1960. С. 32-36; Известия Воронежского Совета. 1918. 5 февраля. №25.

⁴ Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. С. 420.

⁵ Фефелов В. М. Указ. соч. С. 166.

Параллельно существовало и уездное земское собрание, выбранное в декабре 1917 г. Как показывает анализ сохранившихся протоколов, обе силы – Совет и земство – пользовались определенным влиянием. Лидеры Совета вошли на правах гласных в земство. Первое его заседание прошло 17 декабря и на нем тут же начался спор о полномочиях земства и Совета. Выступивший гласный, глава Совета солдат Е. В. Плотников заявил, что как левый эсер, считает тактику большевиков «гибельной», но считает, что декреты СНК «исполнять обязано все трудовое население». В свою очередь гласные от крестьян заявили: «...крестьянам партии безразличны. Им нужна работа на пользу населения. Они будут приветствовать таких работников, к какой бы партии они не принадлежали... Гласный по поводу власти Советов говорит, что Советы должны стоять исключительно на точке зрения проведения в жизнь законов и не проявлять мелочного вмешательства в дела земства, где управляют гласные, избранные тем же народом, но только более правильным способом, чем избраны Советы». После острых споров председатель резюмировал, что гласные, «не возражая в принципе по вопросу о признании власти Советов, расходятся только в частных вопросах». Собрание вынесло компромиссную резолюцию о признании советской власти и Учредительного собрания, работающего под контролем Советов¹. Из протокола видны попытки эсеров провести в ней поправки, но они умело гасились оппонентами из Совета.

Однако далее эсеры вновь повели бой, потребовав обсуждения антибольшевистских решений 2-го Всероссийского крестьянского съезда. Тогда члены Совета 20 декабря вышли из собрания. Вместо них были избраны гласные от крестьян, с недовольством отметившие: «...крестьяне согласились баллотироваться в управу только потому, чтобы спасти земство, так как интеллигенция от этого отказалась». На это эсер Юркевский заявил: «...в данном случае, когда возникает конфликт между крестьянским советом и крестьянским земским собранием, она считает более целесообразным составить чисто крестьянскую управу и тем скорее достигнуть соглашения между ними, оставляя в то же время свои руки развязан-

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 21. Лл. 173об.-176об., 15-16об.

ными для борьбы с большевиками в советах». Эсер Скорников и вовсе злорадно объявил: «Кто же теперь саботажничает, кто не дает работать спокойно и продуктивно: это они, Буханцов, Плотников и Верховых!»¹. Земцы-эсеры начали прорабатывать вопрос сохранения волостных земств наряду с Советом и разграничения их полномочий. Но земство так и не смогло утвердить свое влияние и в конце марта 1918 г. управа была распущена Советом.

В Боброве основное влияние большевиков также было среди запасных солдат 186-го полка. К тому же уезд отличался активными аграрными бунтами. Вечером 29 октября военная секция Совета собрала митинг гарнизона, на котором объявила о революции. 30 октября объединенное заседание Совета совместно с делегатами солдат и крестьян постановило передать власть Советам. Был создан ревком, но старые органы власти сохранялись до самого января. Решение закрепил созванный 8 января по инициативе крестьянской секции уездный съезд. Он резко выразил недоверие земской, земельной и продовольственной управе. Было решено наладить продвопрос, был пополнен исполком². Вскоре земство было распущено солдатами³. Был распущен и эсеровский Совет крестьянских депутатов. Избранный на съезде новый крестьянский Совет объединился с Бобровским. 25 января земельная управа была вынуждена передать дела земельному отделу. К апрелю создано уже 10 отделов: военно-административный, земельно-агрономический, юридический, труда, хозяйственный, финансовый, народного образования, продовольственный, врачебно-санитарный и «сообщения с мест». Кроме того, 5 ноября взял власть Совет на крупном железнодорожном узле в Лисках, который располагался в уезде⁴.

Если в этих трех уездных центрах Советы взяли власть быстро, благодаря распропагандированным военным гарнизонам и активности крестьянства, то в других городах борьба растянулась до февраля-марта 1918 г.

¹ Там же. Лл. 48-48об.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 2 марта. №37; Сказ о земле Бобровской. Воронеж, 2009. С. 31.

³ Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 222.

⁴ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных... С. 39-40.

Так, в Бирюченском уезде Советская власть раньше утвердилась не в самом Бирюче, а в более крупной Алексеевской слободе. Местные большевики создали ревком, который предложил думе передать власть Совету. После ее отказа в ночь с 5 на 6 ноября 1917 г. отряд Красной гвардии занял почту, телеграф и другие учреждения. Милиция была разоружена. Утром 6 ноября ревком сообщил населению о переходе всей власти в руки Совета. При нем были созданы отделы: военный, административный, финансовый и земельный. Вскоре председателем исполкома стал видный большевик Г. В. Рудниченко¹.

В самом Бирюче в ответ на переворот в Петрограде местными учреждениями был создан «комитет поддержки Временного правительства». 27 ноября 1917 г. по его инициативе собрался земский съезд, который призвал сохранить старый аппарат управления в неприкосновенности до созыва Учредительного собрания. Однако после разгона последнего большевиками это теряло смысл. С помощью представителей Воронежского партгубкома 1-3 февраля 1918 г. был созван I уездный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В его формировании приняли также участие представители всех организаций и волостей слободы Алексеевки. Съезд обсудил и одобрил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятую III Всероссийским съездом Советов. Затем делегаты приняли постановление: «...организовать в Бирюче власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В состав исполкома вошло 14 человек: президиум из 4 лиц (председатель, заместитель, секретарь и казначей) и 10 комиссаров – по земским и городским делам и призрению, административный, военный, продовольственный, земельный, почтово-телеграфный, финансовый, труда, по торгово-промышленным делам, юридический². Позднее при Совете был создан ревтрибунал из 5 членов и 3 их заместителей. Уезд был разделен на 14 судебных участков: 1 судья на 2 волости и по одному в Бирюче и Алексеевке³.

¹ Там же. С. 42.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 108.

³ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 41-42.

Утверждение советской власти было омрачено внутренней политической борьбой. Одновременно с проведением съезда взявший власть в конце ноября Алексеевский Совет, расценивая себя как уездный, разослал телефонограммы с требованием не признавать Бирюченский Совет. Вскоре в Бирюч прибыл отряд красногвардейцев с членом губисполкома Дашковым, который настоял на созыве объединенного съезда депутатов для реорганизации. После его отъезда отряд оказал вооруженное давление на съезд для признания Алексеевки новым уездным центром. В итоге были проведена срочная перевозка учреждений и имущества в Алексеевку, и фактически именно он стал новым уездным городом¹. Но и местный Совет утвердился не сразу – в феврале ему пришлось пережить бунт, который удалось подавить только отрядом из Острогожска. Лишь 19 марта на общем собрании уисполкома Алексеевки окончательно было постановлено именовать уезд Алексеевским. В новый исполком было выбрано по 1 делегату от волости, Алексеевки и Бирюча: всего 26 чел.² 1 апреля это решение было утверждено губисполкомом. Но из-за наступления немцев лишь в начале мая 1918 г. в Алексеевке открылся уездный съезд Советов, который пришлось проводить в обстановке яркой борьбы с антисоветскими слоями духовенства и крестьянства – последние подняли вооруженный мятеж, пытаясь добиться присоединения уезда к Украине³.

В Задонске все старые учреждения сохранялись до конца января 1918 г. На месте остался и уездный комиссар эсер Данков. Уездный земельный комитет и продуправа во главе с правыми эсерами упорно игнорировали распоряжения губисполкома. Совета в Задонске не было, большевики влиянием не обладали. Более сильными благодаря прибытию с фронта солдат были волостные парторганизации. 2 декабря 1917 года Хлебенский комитет по поручению Воронежского губкома провел уездное партсовещание, на котором присутствовало около 200 человек. Совещание приняло решение: «1. Создать в городе Задонске уездный крестья-

¹ Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии. С. 88.

² Комаров А. Указ. соч. С. 43; Кряженков А. Н. Алексеевка: историческая хроника. Белгород, 1992. С. 43-44.

³ Известия Воронежского Совета. 1918. 19 мая. № 91.

янский съезд и организовать Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 2. Организовать по деревням и волостям сельские и волостные революционные комитеты. 3. Упразднить уездный земельный комитет, передав его дела Совету РСКрД. 4. Потребовать отчет уездной продовольственной управы и переизбрать ее. 5. Организовать по селам Красную гвардию для защиты революции, охраны порядка и борьбы со спекуляцией». Был создан ВРК во главе с Я. В. Пожидаевым. 23 декабря Хлевенское волостное земство, обсудив вопрос об отношении к ВРК, постановило признать власть СНК. В январе Советы утвердились в Александровской, Ксизовской, Тешевской волостях. Был выделен временный исполком из представителей Александровской и Хлевенской волостей по созыву съезда. К этой работе примкнул временный исполком Задонского съезда, который образовался после прибытия 6 февраля 1918 г. красногвардейского отряда из Ельца. Съезд открылся 3 февраля. Он подавляющим большинством голосов одобрил декреты СНК и избрал уездный Совет, в который прошло и несколько эсеров. Совет с помощью отряда разоружил солдат и офицеров конного резерва и милицию. В волостях и селах были созданы Советы, а там, где они возникли раньше, проведены перевыборы¹. 31 марта из Совета был выделен Совет народных комиссаров для непосредственного управления городом и уездом. Очевидно, в этом местные большевики скопировали опыт Ельца, где местный исполком имел такое же название. Были образованы комиссариаты продовольствия, внутренних дел, труда, юстиции, земледелия, вооруженных сил, финансов и другие: всего 10 комиссариатов. 30 мая название «уездный совнарком» было ликвидировано, а в июле 1918 г. весь его состав был включен в исполком Совета².

В Землянске, несмотря на наличие Совета, сохранялись все старые органы власти. 12-13 декабря в городе прошел уездный крестьянский съезд, созванный эсерами. На нем собралось 250 чел., из них большевиков – 20-25. Но, по словам «Известий» Совета, «течение большевистское все же взяло верх». Обсуждение переворота в столице заняло два заседания. В итоге эсеры победили в осуждении

¹ Перелыгин Н. Указ. соч. С. 51-55.

² Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 161.

СНК, но резолюция за передачу власти Учредительному собранию собрала всего 50 голосов при остальных воздержавшихся. Согласно резолюции власть перешла уездному «комитету защиты». Опубликованное вскоре большевиками письмо сообщало, что в Землянском земстве есть большевистская группа из 8 человек, а население откровенно устало от эсеров. Группа стала энергично готовиться к созыву крестьянского съезда¹. Авторитет Землянского земства тем временем стал резко падать. В начале декабря забастовали земские служащие, протестовавшие против нарушения устава своего союза. Земство было вынуждено 6 декабря принять их условия. Рубеж года был для города бурным. 29 декабря большевикам удалось провести в Землянске уездный съезд бедноты, на котором присутствовало 600 чел.² На нем ситуация вышла из-под контроля – съезд совпал с дефицитом сахара, что стало поводом для бунтов в пригородах. В этот день крестьяне устроили бунт у здания кассы мелкого кредита, где избili члена продуправы А. С. Баева. Часть крестьян потребовала оружия «для защиты порядка», с помощью которого они отняли со склада 165 пудов сахара для продажи через лавки. На следующий день обыски продолжились. Испуганная администрация города сбежала из него в полном составе, за исключением начальника милиции. Однако крестьяне сами разоружили милицию и даже захватили 30 винтовок у воинского начальника. Большевики решили воспользоваться ситуацией. 31 декабря на заседании Совета крестьянских и Совета солдатских депутатов они объявили о создании временной власти – Совета десяти. Было заодно постановлено продавать сахар бедному населению города и пригородов через избранную от населения комиссию. На следующий день Совет десяти был переформирован в ВРК под руководством большевика А. И. Романовского, который стал готовить уездный съезд Советов³. Фактически власть перешла ему. Тогда 11 января 1918 г. группа эсеров во главе с Несте-

¹ Известия Воронежского Совета. 1917. 21 декабря. №13; 24 декабря. №16.

² Комбеды Воронежской и Курской областей: Материалы по истории комитетов бедноты. / сост. С. Л. Ронин. Воронеж, 1935. С. 257.

³ Мокшин Г. Н. Летопись города Землянска (1661 – 1923). Воронеж, 2012. С. 232-233, 235; Мы с тобой с рождения землянцы...: Пособие по краеведению. / Авторы-составители Т. Ф. Гафонова, Н. М. Трофимова. Воронеж, 1999. С. 35-36.

ровым попыталась арестовать членов ревкома, но потерпела неудачу. Совет начал утверждать свое влияние. В январе 1918 г. уездная продуправа сдала дела его продовольственному отделу. А 25 февраля прошел уездный рабоче-крестьянский съезд, на котором был образован Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При нем созданы отделы, заменившие бывшие управы. Совет организовал отряд Красной гвардии из 80 человек¹.

В Нижнедевицке власть была у думы, в декабре 1917 г. организовавшей комитет народного спокойствия. Созванный 30 октября крестьянский съезд встал на сторону эсеров. Используя помощь инструкторов Наркомпрода, 10 января 1918 г. большевики и левые эсеры созвали свой уездный съезд Советов. На нем после долгой борьбы победили большевики. Было решено организовать уездный крестьянский Совет, в который прошли только большевики². Съезд постановил: «Организовать в уезде и на местах Советскую власть для устранения развивающейся анархии и погромов и установления порядка». Также Совет решил организовать для охраны порядка отряд Красной гвардии³.

В Валуйках, где эсеры обладали наибольшим влиянием, Совет был слаб. Обращение Валуйского земства гласило: «Мы вместе со всей земской крестьянской Россией негодуем против насильников, своими действиями срывающих Учредительное собрание...». Земство призвало «всецело поддерживать свои законные власти, порядок и нормальное течение жизни, так как вне этого не может быть спасения Родины и завоеваний революции»⁴. Однако после скандала на крестьянском съезде большевики начали агитацию по селам, опираясь на прибывших фронтовиков. 24 января 1918 г. начал работу уездный съезд крестьянской бедноты. На нем присутствовало около 300 делегатов, в основном большевики и сочувствующие им. Делегаты приняли решение: «Организовать уездный Совет крестьянских депутатов и влить его в существующий в Валуйках Совет рабочих и солдатских депутатов». Все существовавшие органы власти объявлялись распущен-

¹ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 44.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 16 января. №10.

³ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 44.

⁴ Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 236.

ными, а единственной властью в уезде признавался объединенный Совет. Уездные управы упразднились. Вместо них были созданы земельная (17 членов) и продовольственная (из 7 членов) комиссии. В волости были направлены инструктора, в казначейство назначен комиссаром член Совета. Всю текущую работу по управлению уездом выполнял Совет Комиссаров¹.

В Коротояке временный уездный Совет был создан лишь в конце января 1918 г. и опирался на 20-й полк. Вскоре город посетил по вопросам службы работник земельного отдела Воронежского Совета Косяков. Узнав, что «советская власть не упрочилась», он предложил главе Совета Красикову созвать уездный съезд, на что дал 25 руб. Съезд прошел 4-5 февраля. Собравшиеся делегаты обсудили целый ряд вопросов: об организации Советской власти в уезде, создании народных судов, упразднении буржуазных органов управления и т. д. Был избран объединенный уездный Совет из 54 человек и исполком из 15 членов². Совет взял под свой контроль и земскую управу³.

Необычная ситуация сложилась в Павловске. Власть здесь сохранялась за земством, думой и другими старыми учреждениями. Совет обладал скромным влиянием. Движение по передаче власти Советам шло снизу – 15 декабря 1917 г. фронтовики Верхней Гнилуши, против воли эсеров волисполкома, создали волостной совет из 174 чел. Связавшись с другими нарождающимися Советами и левыми эсерами, они создали ревком для распространения Советов в уезде, который возглавил учитель Верхней Гнилуши большевик В. Т. Попов. Лишь 11 февраля, после приезда фронтовиков в волости, ему удалось провести уездный съезд в числе 300 делегатов от 27 волостей. Был избран уездный Совет из 135 членов, по 5 от волости. 33 его члена составили исполком, который формально стал властью⁴. Однако на деле реальная сила была у общественного органа – «военно-гражданского» союза. На этот счет есть два важных документа – жалоба в Воронежский Совет председателя союза земских служащих В. Морозова и сообщение

¹ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 44-45.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 26 февраля. №34.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 62. Л. 10.

⁴ Сыроватский Н. И. История Верхнемамонского района. Воронеж, 1990. С. 41-42.

главы Совета В. Т. Попова¹. Первый документ был написан 28 января 1918 г., а второй – в конце февраля.

Как оказалось, в состав земства прошли недемократические элементы – два бывших стражника: десятник технического отдела земства А. Д. Цибулин и С. А. Шубин, «не постеснявшийся даже на заседания... явиться в форменной тужурке с ясными пуговицами». С их подачи земство, состоящее из крестьян-торговцев, сильно урезало все земские расходы как «ненужные». Конфликт закончился забастовкой союза служащих в декабре 1917 г. В ответ земское собрание насильно сменило управу. Новым председателем стал бухгалтер союза земских служащих Иванов, отколовшийся от товарищей. Также собрание для найма служащих обратилось за помощью в «военно-гражданский трудовой союз» (по всей видимости, организацию безработных). После этого союз фактически стал главенствующей организацией города и попытался, при поддержке земства, завладеть оружием милиции «для установления якобы охраны города». Хотя это не удалось, вскоре земство одержало победу над испуганными забастовщиками и сменило начальника милиции. Все постановления управы стали приниматься с разрешения «военно-гражданского союза». Все это не лучшим образом отражалось на состоянии города. Так, население жаловалось городской управе на то, что уездная управа не желает следовать декретам СНК в выборе мировых судей². «Союз» вошел в конфронтацию и с Советом и сделал попытку сорвать съезд 11 февраля, скрыто послав на него своих членов. После неудачи он послал в Совет своих представителей – землевладельца Боровикова, эсера Попова и ряд «кулаков-торговцев». Сила союза приобрела такие масштабы, что советские власти всерьез боялись за свою жизнь и не могли даже сообщить об этом в Воронеж. Глава Совета просил прислать «хотя бы пару пулеметов и человек 30-40 красногвардейцев». Видимо, такая ситуация во многом объяснялось традиционным влиянием в Павловске правых элементов: торговцев и землевладельцев. К тому же Павловск в начале 1918 г.

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 122-128.

² ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 21. Лл. 141-142.

был перевалочной базой для офицеров, пробиравших на Дон к Каледину, что тоже отличало его от других городов¹.

В город был направлен отряд из 40 красногвардейцев с двумя пулеметами. Лишь после этого Совет смог встать на ноги. Лишь к маю 1918 г. им была завершена ликвидация старых учреждений. Был организован отряд Красной гвардии, в который вошла рабочая дружина, часть милиционеров и по два представителя от рабочих и крестьян каждой волости, преимущественно солдаты-фронтовики².

Позже всех новая власть утвердилась опять в самом южном уезде – Богучарском. Здесь на стороне эсеров были уездная управа, дума и Совет крестьянских депутатов. Узнав 1 ноября о событиях в Воронеже, земство и дума категорически его осудили и постановили создать вооруженный отряд, однако эта попытка не удалась – наоборот, под Советом были сформированы отряды беспартийной милиции для охраны порядка. Тогда 14 ноября 1917 г. земельная управа запретила распространение декрета о земле. 21 ноября на заседании управы члены Совета во главе с П. В. Данцевым потребовали прекращения двоевластия, но получили отказ. Положение для большевиков осложнялось эсеровским составом Совета, пусть и сильно левеющим. Лишь в декабре большевики упрочились в Совете. И лишь 17 февраля в город прибыли большевики с. Журавка во главе с парторганизатором М. А. Пархоменко, фельдшером-фронтовиком. После их настояний 14-18 марта 1918 г. прошел уездный рабоче-крестьянский съезд, на котором было 270 делегатов. Съезд образовал объединенный Совет из 78 членов и 15 членов в исполкоме и принял инструкцию об организации Советов. Однако даже тогда из 15 членов 8 были эсерами. Из них до апреля 1918 г. в большевики перешло 6 членов исполкома, включая председателя Данцева. Поэтому в апреле уездная организация большевиков провела реорганизацию Совета. Комиссары уездного комитета РКП(б)

¹ Горяинов Т. И. Волостной совет в селе Верхняя Криуша // За власть Советов. Воронеж, 1957. С. 106-107.

² Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 47-48.

были назначены во все отделы, почту и телеграф. Также в апреле приступили к созданию новых судов. По уезду было образовано 13 судебных участков¹.

Одновременно с Богучарским уездом Совет утвердили и в Воронежском. 25 февраля пошел уездный крестьянский съезд из 221 чел. от 21 волости. На нем было решено избрать уездный совет по 3 чел. от волости, который выделяет исполком из 21 чел. Всего в Совет избрали 60 чел.² Вскоре местные уездные учреждения прекратили работу и были подчинены Совету.

Таким образом, распространение уездных Советов заняло период с октября 1917 по март 1918 гг., а их укрепление затянулось до апреля-мая. Быстрее и легче всего они победили в относительно крупных уездных центрах с большим числом запасных солдат и рабочих, где Советы уже обладали серьезным влиянием. В других уездах борьба заняла несколько месяцев, причем большевики часто действовали в союзе с левыми эсерами и опирались на солдат, деревенскую бедноту, а также присланных инструкторов и вооруженные отряды. Утверждение всех Советов происходило на уездных крестьянских съездах, которые должны были легитимизировать их полномочия во всеуездном масштабе. Это оказалось возможным благодаря ряду причин, главнейшими из которых были: опубликование декрета о земле и мире (что способствовало популярности СНК); определенное разочарование в старых органах власти; роспуск Учредительного собрания, уничтоживший создание альтернативного советскому строю; наличие на стороне Советов вооруженной силы из солдат и рабочих-красногвардейцев; падение популярности партии эсеров параллельно с ростом числа большевиков. Очевидно, левые эсеры тоже играли роль во взятии власти. К середине марта 1918 г. в губернии из 639 членов 12 уездных Советов большевиков и им сочувствующих было – 452 (70,7%), левых эсеров – 138 (21,6%)³.

¹ Фефелов В. М. Установление советской власти в уездных центрах... С. 48-49; Романов Е. П., Романова З. М. Богучар: научно-популярный очерк. Воронеж, 2016. С. 93-95.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 2 марта. №37.

³ Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. С. 35.

В связи с аграрным характером губернии победа новой власти зависела от позиции основной массы населения – крестьян. Процесс формирования Советов начался в деревне в основном после декабрьского съезда 1917 г., с укреплением уездных Советов и возвращением в деревню демобилизованных солдат. В ходе его удалось успешно склонить основную массу крестьянства к признанию Советов. Это произошло во многом из-за разочарования крестьянства старыми органами власти и их политическими руководителями. В доказательство последнего существует немало свидетельств. Так, крестьяне с. Ивановки Бобровского уезда уже 7 ноября 1917 г. потребовали передать власть Советам. За ними были приняты такие же резолюции еще в ряде сел, начались перевыборы и даже разгоны местных земств, высказывание недовольства эсерами¹. Очевидно, Советы опирались и на беднейшее крестьянство. Именно съезды бедноты утвердили Советы в Нижнедевицке, Острогжске, Новохоперске, Землянске, Валуйках². Вместе с тем утверждение Советов было бы невозможно без как минимум нейтрального к ним отношения крестьянства.

Важнейшим фактором победы Советов стало возвращение в январе-феврале 1918 г. радикально настроенных солдат, которые становились опорой новой власти в деревне. Именно они оказали на деревню революционизирующее влияние. Так, письмо из Великоархангельской волости Бобровского уезда, сообщало: «С приездом солдат на места организуется в волостях и деревнях из бедняков Красная гвардия. Она раскинута по всей губернии, для осведомленности устраивают съезды по 1 человеку из волости. Такое вооруженное крестьянство представляет большую силу»³. О выборах совета Больше-Липягинской волости очевидец вспоминал: «На волостной съезд прибыли волостные делегаты, больше демобилизованные солдаты, с большевистским духом, хотя членов партии и не было... Первый волостной съезд советов избрал волостной совет... Наказ от волсъезда был –

¹ Борьба за Воронеж. С. 25-27.

² Абрамов П. Н. К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917 – май 1918 г.) // Исторические записки АН СССР. №81. М: Наука, 1968. С. 11-12.

³ Советы в Октябре: Сборник документов / Под ред. и с предисл. С. А. Пионировского. М.: Коммунист. акад., 1928. С. 223.

немедленно разогнать учредилровку и передать всю полноту власти, как в центре, так и на местах, советам...»¹.

Именно солдаты оказывали сильнейшее влияние на население, которое под их агитацией сменяло земства. Типичным можно назвать пример Верхне-Хавской волости – здесь первый Совет был организован 14 января в с. Шукавка прибывшими солдатами. Выслушав их, население постановило: «Выразить полное доверие народным комиссарам, Советам, большевикам». 10 февраля на собрании земств, земельных комиссий и гласных общества из 57 чел. после выступления фронтовиков земство упразднено и заменено Советами. То же было и в волостном центре: 8 февраля население Верней Хавы постановило образовать Советы, для чего селам было предложено избрать на сходах «двух лучших людей» от 300 выборщиков и прислать их для создания избирательной комиссии. Земство было смещено 16 февраля и заменено Советом из 5 отделов и 7 лиц. Организаторами его были местные большевики-фронтовики². Все это подтверждает традиционные оценки, что именно влияние солдат в волостях в начале 1918 г. вместе с вставшими на их сторону крестьянами сделало возможным утверждение Советов³. Свою роль сыграл, несмотря на всю малочисленность, большевизированный рабочий класс губернии. Так, Рамонский сахарный завод со своим партактивом, поддержанный фронтовиками сел, провел в Рамони съезд Березовской волости, на котором после ожесточенной борьбы с эсерами земская управа была заменена Советом. К 20 марта Советы были организованы по всей волости⁴.

Как показывают исследования, основное время в появлении Советов в деревне пришлось на январь – март 1918 г. За это говорит статистика, проведенная весной 1918 г. НКВД. По разным оценкам, объединенные волостные Советы ох-

¹ Воронежская коммуна. 1925 г. 7 ноября. №255 (1795).

² Старцев Т. А. В центре Черноземья (краткий очерк истории Верхнехавского района). Воронеж, 1970. С. 31-32; Смирных В. Такое было время. Воронеж, 2011. С. 12.

³ Абрамов П. Н. К вопросу о времени создания первых волостных Советов (по материалам центральных губерний РСФСР) // История СССР. 1960. №5. С. 160.

⁴ Ильинский Н. В. Рамонь: из истории района. Воронеж, 1984. С. 46-47.

ватывали к апрелю 1918 г. от 32,9% до 49,46% волостей в губернии¹. По данным советских исследователей, в ноябре 1917 г. в губернии был 1 волсовет, в декабре – 3, в январе 1918 г. – 35, феврале – 54, марте – 21, апреле – 2².

Формирование советов в Воронежской губернии шло теми же темпами, что и по всему Черноземью: в январе 1918 г. волсоветы были созданы в 35,5% волостей Черноземья, в феврале – 41,2%, марте – 16,2%, апреле – 2,3%³. Д. Сиволов, со ссылкой на орган НКВД «Власть Советов», давал информацию, что в феврале 1918 г. в Воронежской губернии было 5 городских, 10 уездных и 186 волостных Советов. Последнее составляет 76,2% от 244 волостей. Близкое совпадение с приведенными уже цифрами позволяет судить о достоверности данных. Параллельно шло формирование сельских советов. Из 85 волостей они полностью отсутствовали лишь в 10. Как правило, сельсоветы состояли из председателя, секретаря и членов исполкома. В большинстве случаев (50 из 75) они состояли из 2-5 чел., в 1 – из 1, во всех остальных от 3 до 80⁴.

Распространению Советов способствовало то, что в условиях политической отсталости крестьянства волостные земства просто не успели закрепиться. Очень часто следовало простое переформирование земства или волостного комитета в Совет без изменения содержания. Процесс шел на местах почти бесконфликтно. Согласно анкетному исследованию НКВД, в Воронежской губернии из 108 волостных управ 107 передали свои дела без сопротивления⁵. Волсоветы также ликвидировали продовольственные и земельные комитеты, вливая их в свой состав на правах соответствующих отделов.

¹ Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М., Мысль, 1967. С. 18; Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 103.

² Гришаев В. В. Указ. соч. С. 19. П. Н. Абрамов дает те же сведения, за исключением того, что в январе 1918 г. он насчитал 31 волсовет (Абрамов П. Н. Указ. соч. С. 160.).

³ Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 34. См. также данные по Центральному промышленному региону: Абрамов П. Н. Опросный лист волостного Совета // Исторический архив. 1960. № 3. С. 197-200.

⁴ Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 103, 118-119.

⁵ Гришаев В. В. Указ. соч. С. 22.

Таким образом, по словам П. Соболева, «к марту-апрелю 1918 года во всех уездах была установлена Советская власть»¹. Распространение советов в начале 1918 г. позволило Воронежскому Совету провести 15-18 февраля 2-й губернский крестьянский съезд. Всего он насчитывал 381 чел. с правом решающего голоса и 12 – с совещательным: 201 большевик, 110 беспартийных, 45 левых эсеров, 2 анархо-коммуниста. Причем по упоминанию «Известий» Совета, из 393 чел. солдаты составляли 391². Это еще раз подтверждает, что именно фронтовики были одной из определяющих сил в утверждении Советов в деревне.

На съезде были решены вопросы: о красной гвардии, земельный, продовольственный и организационный. Левые эсеры настояли на пополнении Совета крестьянских депутатов, увеличив его состав до 60 человек. Для этого съезд выделил Совет из 54 депутатов, а тот – 24 члена в исполком к уже имеющимся 12³. Несмотря на возражения большевиков, не желавших отдельных органов крестьянского представительства, это позволило в конечном итоге подорвать влияние эсеров и способствовало укреплению Воронежского Совета. Но после этого нужда в крестьянском Совете отпала, и он был ликвидирован в апреле 1918 г. вместе с проведением 3-го губернского съезда⁴.

Закрепление Советов позволило в марте усилить борьбу с эсерами и на других направлениях. 21 марта губисполком постановил не допускать избрания в исполкомы эсеров и меньшевиков в связи с их непризнанием советской власти. 23 марта об этом были оповещены отделы Совета и местные власти. 27 марта губисполком указал административному отделу закрыть эсеровскую газету «Мысль труда», называвшую себя органом Совета крестьянских депутатов⁵. И наконец, в тот же день губисполком постановил исключить из исполкомов всех Советов пра-

¹ Соболев П. Н. Установление советской власти в Воронежской губернии // Установление советской власти на местах в 1917-1918 гг. М., 1953. С. 354.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 21 февраля. №29.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 61-61об.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 414. Лл. 69, 79.

⁵ Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 82.

вых эсеров, меньшевиков и даже беспартийных¹. Советы стали под контроль радикально-социалистических партий: большевиков и левых эсеров.

В этот период прошло и определенное изменение территориального устройства губернии. 19 марта уездный Совет в Бирюче решил перенести уездный центр в д. Алексеевку, которая объявлялась городом. В конце марта бирюченские власти действительно были эвакуированы в Алексеевку². Вскоре Бирюченский уезд был переименован в Алексеевский. Весной о своем отделении от Богучарского уезда объявило с. Калач, что было признано губисполкомом 1 апреля. В середине июля Усманский уезд Тамбовской губернии заявил о своем присоединении к Воронежской губернии³. Правда, фактически он был оторван от Воронежа и вскоре был возвращен Тамбовской губернии. В итоге Воронежская губерния стала состоять из 15 уездов вместо 12. Началось и выделение волостей. Если в 1917 г. в Воронежской губернии насчитывалось 244 волостей, то к концу 1918 г. их стало 315⁴. Количество пригородов Воронежа увеличилось до 5 – по решению Воронежского уездного земского собрания от 16 марта, подтвержденного уездным Советом и комиссариатом губернского земства, поселок Привокзальный при ст. Воронеж был выделен из Ямско-Троицкой волости⁵. Все это потребовало впоследствии юридического закрепления.

Наконец 6-10 апреля 1918 г. прошел 3-й губернский съезд Советов, представлявший 342 тыс. чел., который окончательно утвердил Воронежский Совет как единственный орган власти и переизбрал губисполком. На нем присутствовало уже 543 делегата с правом решающего голоса и 61 – с правом совещательного. Партийный состав: большевиков и сочувствующих – 320, левых эсеров – 130, меньшевиков – 6, бундовцев – 3, трудовых крестьян – 4, эсеров центра – 4, анархо-коммунистов – 5. Пропорционально этому был выбран президиум из 7 большевиков и 3 левых эсеров.

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 7. Л. 82.

² Комаров А. Революционное движение. С. 42, 49.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 17 июля. №20.

⁴ Гришаев В. В. Указ. соч. С. 41.

⁵ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 10437а. Л. 4.

Съезд был созван в чрезвычайной обстановке немецкого наступления, поэтому на нем решалось много важных вопросов. Одним из главных пунктов разногласий было принятие Брестского мира. После острых прений большевиков и левых эсеров собрание все-таки пришло к соглашению и одобрило политику СНК в этом вопросе, заявив, что будет бороться против угрозы немецкой оккупации и не отдаст Украине и пяди воронежской земли. Еще более бурные споры вызвал продовольственный вопрос. Членам продуправы пришлось выдержать серьезный натиск делегатов, которые кричали: «Много нам рассказывают, но мало дают, на 2000 человек дали по 100 арш. Цены твердые только на хлеб, но на остальные товары нет», «до тех пор хлеба у крестьян не возьмут, пока не будут твердые цены на все и пока продовольственный отдел не возьмет все в свои руки или же пока не разрешат свободной торговли», «нам нужно, чтобы продовольственная управа выдала нам наряды, а мы уже сами найдем и железо, и соль, и все». Вдобавок ораторы от крестьян явно выражали недовольство составом управы: «Если бы там сидели наши серые шинели, то было бы гораздо лучше», «такие люди доведут страну до краха и разрухи», «оратор призывает крестьян не слушать красной речи и установить твердую власть»¹. Продработники с трудом отбились от этого натиска, объяснив, насколько сложными были условия их работы. В итоге было решено организовать ревизионную комиссию и усилить учет продуктов².

В разгар работы съезда пришло сообщение о взятии немцами Харькова, что ставило под угрозу и Воронежскую губернию. Депутаты приняли решение разьехаться для организации отпора противнику, но перед этим съезд успел сформировать губисполком. Ввиду расхождения проектов его организации между большевиками и левыми эсерами было устроено фракционное совещание. Было решено, что исполком насчитывает 60 чел.: большевики получали 24 места от уездов и 16 – от фракции, а левые эсеры соответственно – 12 и 8. Было решено, что губернский съезд и губисполком собираются каждые три месяца. Были выработаны и

¹ Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии. С. 57-58.

² Там же. С. 57-60.

правила формирования и подчинения Советов в провинции. Так окончательно конституировалась советская власть в Воронежской губернии.

Хотя коммунист М. С. Богуславский представил от фракции план губисполкома из 11 отделов во главе с коллегией из их председателей¹, был принят другой вариант. 24 апреля губисполком переизбрал глав отделов. Всего их было 12: административный (Н. И. Григорьев), труда (Н. Н. Кардашев), военный (И. А. Чуев), финансовый (С. И. Данилькевич), земельный (Крючков), юридический (Данцев), продовольственный (временно незамещен), призрения (Зорина), культурно-просветительский (М. И. Лызлов), иногородно-информационный (Дашков), хозяйственный (Куровский). Также были избраны следующие органы и должности: муниципальная коллегия (М. С. Богуславский), комиссариат по земским делам (П. Д. Смирнов), комиссар печати (И. Я. Врачев), комиссар почты и телеграфа (Тамарин), комиссар военной гимназии по хозяйственной части (Алефанов) и по учебной (Иницкий), комиссар средне-технического училища (Эглит), комиссар Национального банка (Н. П. Павлуновский), комиссар театров (Сандомирский), редколлегия «Известий» Совета (Лызлов, Ерман, Сандомирский)². Подчинялись отделы выделенному на съезде исполкому, а тот выделил из себя президиум.

Таким образом, в марте 1918 г. Воронежский Совет полностью овладел государственным аппаратом, а советская власть распространилась по всей губернии. К апрелю в губернии в своих общих чертах сложилась система советского управления. Кроме того, был окончательно организован сильный губисполком, чья легитимность была подтверждена съездом Советов. Сложившаяся структура управления получила свое закрепление.

¹ Там же. С. 77-78.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 26 апреля. №80.

3. 2. Переходный период. Укрепление советской власти и административное строительство. Ликвидация старых органов местного самоуправления (апрель – август 1918 г.).

Второй период в деятельности Совета был отмечен отходом от импровизационных решений, усилением контроля над советскими отделами и окончательной ликвидацией старых органов власти. Важнейшую роль тут играл вопрос о губернском земстве. Как и в других регионах, здесь оно просуществовало до начала 1918 г. Для того, чтобы осветить историю ее ликвидации, надо хронологически отойти немного назад, к началу 1918 г.

Последнее губернское земское собрание прошло в Воронеже 16-23 января 1918 г. На нем присутствовало 76 гласных из избранных 96 и члены старой губернской земской управы: В. Н. Томановский (председатель), В. И. Раевский, В. И. Змеев, М. Ф. Чертков, В. В. Савостьянов и М. П. Паренаго. Единственным гласным старого цензового состава, попавшим в собрание, был П. Я. Ростовцев. Присутствовали председатели уездных земских управ Н. С. Разумный (Бобров), Г. С. Лордкипанидзе (Валуйки) и И. А. Крутиков (Землянск), уездный комиссар Я. И. Алехин (Землянск), бывший губернский комиссар Б. А. Келлер и его помощник П. Г. Андреев. Состоявшееся собрание было названо чрезвычайным. Председателем был избран Б. А. Келлер, его товарищем – Н. С. Разумный. Новая управа была избрана 23 января. Председателем стал В. П. Кобытченко, его товарищем А. П. Иосифов, членами управы П. Г. Алимов, А. В. Юркевский, С. И. Соколов, А. А. Житный. Также Н. В. Чехов согласился войти в управу на правах уполномоченного по народному образованию¹.

Перед новым земством встал ряд больших проблем. Революционная ситуация и война ослабили ее работу до крайности. Приблизительный дефицит бюджета за 1916-1917 гг. составил 3,63 млн руб. (недобор в 81%), что собрание постановило решить с помощью займов. К тому же в соответствии с последними указаниями Временного правительства, в ведение земства вошло управление продо-

¹ Журналы Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии (16 января 1918 г.). Воронеж, 1918.

вольственным делом, учреждениями народного образования, функции расформированного губернского врачебного отделения и еще ряд учреждений, что требовало кадров и денег. Из выступления гласного, и. д. председателя продуправы Е. В. Москальца видно, что сбор хлеба почти прекратился, причем Москалец считал, что именно вмешательство советов в сбор продовольствия привело к этому и высказался за передачу продовольственного дела в руки земства. При этом он же признал, что при управе сформировано бюро из 8 человек с представителями Совета, которое «поддерживает работу управы». Управой было предложено организовать аналогичные уездные комитеты из 4 чел., но даже сам докладчик не возлагал «особых надежд на деятельность этих бюро»¹. Из этого видно, что влияние земства упало даже без стараний советов. Сам Кобытченко признал, что в некоторых кругах назревает «противо-земское движение»². Несмотря на это земство решило «принять дело продовольствия» совместно с продуправой, разработав «техническую сторону» дела³.

На собрании абсолютно не затрагивались политические вопросы и почти не упоминалось само существование Советов. Новые земцы ограничились хозяйственными функциями, при этом не признавая советскую власть и считая, что только они могут управлять этим делом. Вся деятельность земства также строилась на законодательстве Временного правительства.

Для организации работы собранием было избрано 5 временных комиссий, до избрания постоянных: санитарная, финансовая, экономическая, страховая и по народному образованию. В них разрешено было работать, с правом совещательного голоса, и служащим земства. Был также утвержден принцип возможности бесплатного обучения в школах. Кроме того, земство рассчитывало провести новое, расширенное собрание в ближайшие несколько месяцев, из-за чего ряд во-

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 9.

просов был перенесен¹. Новая управа начала работу лишь 19 февраля 1918 г. Тогда же были распределены обязанности ее членов².

Однако работа управы требовала денег, а все банки уже контролировали большевики. В связи с этим в феврале Кобытченко провел переговоры с представителями президиума Совета по вопросу об открытии земству кредита из средств Госбанка. Совет решительно высказался за то, что кредит можно предоставить только после введения комиссара в управу для контролирования расходов. В этом Совет следовал указаниям центра, который желал поставить снабжение земств под советский контроль³. Управа отказала: «Поставить отпуск и использование финансов под контроль представителя Совета значило бы отдать все земское дело во власть даже не организации, уполномоченной на то населением, а одного лица и тем поставить весь предначертанный Губернским Земским Собранием план земской работы под знак вопроса в смысле его исполнения». Управа была согласна принять комиссара только для «связи двух учреждений и взаимной информации» и потребовала денег⁴. Подобное поведение окончательно ставило крест на возможности мирного сосуществования управы и Совета.

К тому времени Советы получили право ликвидировать старые органы самоуправления. Еще 18 ноября 1917 г. СНК разослал телефонограмму о том, что «ропуск городских дум и организация выборов в новые предоставляется местным Советам»⁵. 8 января «Вестник НКВД» разрешил распускать антисоветские органы самоуправления⁶. 24 января было опубликовано новое указание: «При существовании Советов земским и городским самоуправлениям не должно быть

¹ Там же. С. 11-12, 25.

² Филиппцева С.В. Завершение деятельности губернского земства в г. Воронеже в 1918 г. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 211-213.

³ Гимпельсон Е.Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 гг). М., 1958. С. 92.

⁴ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 121-121об.

⁵ Городецкий Е. Н. Октябрьская революция и старые органы самоуправления // Вестник МГУ. Серия «История». 1947. № 11. С. 96.

⁶ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 93-94.

места». Предусматривалось их распускать, если те боролись против Советов, или сливать с Советами в случае возможности, дабы они друг друга не дублировали¹.

В итоге ликвидация воронежского земства была проведена поэтапно. 21 февраля губисполком вынес постановление о ликвидации управы ввиду ее непризнания советской власти. Однако сразу перестроить земское хозяйство было сложно, и как хозяйственный орган земство сохранилось. Примерно с марта управлением его стала заниматься Коллегия ответственных работников, состоявшая из служащих земства. Председателем правления был бывший секретарь земской управы Н. И. Кузнецов, его помощник А. И. Сланский тоже остался на посту. Коллегия работала в тесном контакте с Союзом служащих земства. В соответствии с указанием отдела труда Совета от 28 февраля 1918 г. они запросили у подведомственных управе учреждений выработанных расчетов о жаловании служащих. А вскоре после апрельского съезда управление перешло к избранному Советом губернскому земскому комиссариату, как он обычно назывался в документах. В нем было 5 членов: П. Д. Смирнов, И. А. Павленко, В. В. Жаак, И. Ф. Юров, А. А. Кардашева². Все эти лица были членами исполкома, и, видимо, подбирались по принципу работы в земстве. Известно, что И. А. Павленко был в феврале 1918 г. назначен комиссаром в губком Земского союза, а Вацлав Жаак – комиссаром Воронежской уездной продуправы³. А. А. Кардашева была женой главы губкома Н. Н. Кардашева и бывшей служащей земства. Возглавивший отдел Смирнов до этого был профессиональным революционером, председателем Кременчугского ВРК и к земской работе никогда отношения не имел. Однако именно по его проектам началась реорганизация земства⁴.

Обязанности членов были распределены постановлением от 30 апреля. Смирнов получил в ведение бухгалтерский и экономический отделы, агрономические мероприятия; Юров – земский, юридический и ветеринарный; Кардашева –

¹ Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 213-125.

² Филиппцева С.В. Завершение деятельности губернского земства в Воронеже в 1918 г. С. 211-214.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 50, 70.

⁴ Там же. Д. 65. Л. 17об.

страховой, санитарный отделы и ветеринарные учреждения; Павленко – кассу мелкого кредита, больничный отдел, благотворительные учреждения; Жаак – технический отдел. Таким образом, земство фактически продолжало работу под началом комиссариата как управляющего органа. Сохранились и бывшие земские органы: канцелярия, отделы, отделения и местные учреждения¹. Хотя еще в феврале Воронеж сообщил в НКВД, что земства в губернии ликвидированы², на деле они местами сохранялись, и комиссариат также принял их под свое начало. Данная деятельность проводилась при поддержке губисполкома. Так, в июне 1918 г. он постановил: «Поручить выдать Губернским Земским Комиссариатом Алексеевскому Совету для нужд Уездного Земства в счет кредита ассигнованных ему 1918 года в той цифре, какую Губернское Земство находит необходимой»³.

Судя по немногим сохранившимся данным, в этот переходный период вся культурно-хозяйственная деятельность в губернии проводилась на том же принципе коллегиальности и использования комиссаров Советов. Это видно из более внимательного рассмотрения основных направлений этой деятельности.

Так, заведованием медучреждений в первой половине 1918 г. занималась коллегия медработников, подчинявшаяся Совету и земскому комиссариату в общем порядке. Очевидно, она была составлена на базе медработников земства. 20 мая 1918 г. прошло совещание медицинского и ветеринарного персонала губисполкома⁴. В конце мая на базе коллегии был учрежден медико-санитарный отдел губисполкома, который возглавила коллегия из 3 врачей и 2 «двух представителей, стоящих на платформе Советской власти». При отделе учреждался совещательный орган: губернский медико-санитарный совет, состоявший из представителей медицинских и научных обществ губернии. Членами совета стали А. И. Павленко (председатель, глава медотдела), Е. И. Капиновский (заместитель), В. П. Гравировский (врач), А. Г. Авербух (фармацевт). Постановление об учреждении

¹ Филиппева С.В. Завершение деятельности губернского земства в 1918 г. С. 217-218.

² Соболев П.Н. Установление советской власти в Воронежской губернии // Установление советской власти на местах в 1917-1918 гг. М., 1953. С. 354.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁴ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Лл. 304-305.

отдела было принято исполкомом с заменой трех членов коллегии на пятерых: 3 врача и 2 представителя исполкома от фракций. Поручено было сформировать и ветеринарный подотдел¹.

Деятельность разрозненных образовательных учреждений в конце 1917 – начале 1918 гг. была почти парализована. Постепенно управление всеми ими сосредоточилось в отделе народного образования земской управы. 19 марта 1918 г. при нем был учрежден губернский совет по народному образованию. В него вошли по 1 представителю культпросветотдела, губернского учительского союза, союза деятелей средних школ и культпросветорганizations, а также 2 – от отдела народного образования земства. Председателем был избран учитель М. А. Белорусец, секретарем – учительница-коммунистка Е. И. Егорова. Совет был создан как контрольно-совещательный орган, хотя давал и обязательные указания. В июне 1918 г. совет был ликвидирован, а вместо него учрежден губернский отдел народного образования². В связи с его формированием был ликвидирован губернский педагогический совет, хотя на местах они некоторое время сохранялись³.

На данных примерах можно заключить, что переход власти в хозяйственной сфере Совету был постепенным. В первой половине 1918 г., не имея возможностей и, очевидно, желания взять под контроль аппарат земств и других органов, Совет проводил политику мирного сотрудничества с земскими работниками и представителями профессиональных организаций и учреждений, стремясь укрепить свое влияние. Такое продолжительное существование земства было после Октябрьской революции нередким и объяснялось преимущественно тем, что Советы до поры предпочитали не связывать себя трудным делом земского хозяйства, решая эту проблему постепенно. Постепенно функции земств сосредотачивались в руках Советов. Надо так полагать, финансовый вопрос играл тут большую роль

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 14-17; Фурменко И. П. Указ. соч. Ч. 2. Воронеж, 1970. С. 12-13.

² Гайворонский А. И. Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918 – 1920 гг.) // Записки Воронежских краеведов. Воронеж. Вып. 3. Воронеж, 1987. С. 26-30.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 87.

– другие источники средств земствам взять было неоткуда, что заранее лишало их возможности работать в обход Советов.

Деятельность земского комиссариата продлилась недолго. К августу 1918 г. в связи с указаниями центра все уездные земства были ликвидированы, а их функции сосредоточились в советских учреждениях. В середине августа губисполком «...считаясь с фактическим несуществованием аппарата» бывшей губернской управы окончательно постановил: «считать [управу] окончательно ликвидированной, а комиссариат Губ[ернского] Земства утратившим свои полномочия»¹. 31 августа бывший секретарь управы передал губисполкому ее 6 печатей. Финотдел постановил передать их в губернский музей². На этом история земства окончательно завершилась.

Очевидно, реорганизация земства не задумывалась изначально, а шла по ходу событий. 3 июля глава комиссариата Смирнов огласил на заседании губисполкома утвержденную смету расходов в 17,98 млн руб., что почти точно соответствовало ее доходу. По раскладке губернского земского сбора сумма на новый срок составляла 14,85 млн.³ Таким образом, в начале июля предполагалось еще сохранить земство, переделанное в хозяйственный орган. Однако в августе стала очевидной бессмысленность этого при передаче его функций отделам Совета и СНХ. По советской Конституции земства тоже не предусматривались.

Фактически произошла коренная реорганизация земства, большая часть отделов которого перешла в губсовнархоз, а остальные – в иные ведомства. Ряд служащих отделов остался на работе⁴. Сам глава СНХ М. Г. Рошаль вспоминал: «Базой для создания губсовнархоза явилась часть хозяйств земства, городского самоуправления, Военно-промышленный комитет и др.»⁵ Это неудивительно, процесс слияния земства с хозорганами Советов шел в рамках общероссийской

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 18 августа. №48.

² Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 65.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 10 июля. №15.

⁴ Филиппева С.В. Завершение деятельности губернского земства в 1918 г. С. 218-219.

⁵ Рошаль М. Г. Записки из прошлого. М.: Наука, 1969. С. 42.

тенденции¹. Известно, что и многие сотрудники старых учреждений тоже перешли на службу в советские органы. Например, бывший председатель топливного отдела городской управы С. Ф. Романихин стал помощником заведующего хозяйственным отделом СНХ². Бывший секретарь губернской управы Гробман стал заведующим канцелярией губисполкома. Там же работал бывшей секретарь губернского правления Л. П. Родановский. По информации Сивоволова, в советских учреждениях было не менее 70 бывших служащих губернского правления³. Все это позволяет считать, что бывшие учреждения губернии были в целом интегрированы в новый советский аппарат.

Сходно протекала и ликвидация думы. Ее деятельность в конце 1917 – начале 1918 г. проходила неэффективно, несмотря на ряд реорганизаций, а скорее, именно из-за них. В декабре 1917 – январе 1918 г. канцелярия управы была разделена на 20 отделов, в том числе: врачебно-санитарный, юридический, милицкий, народного образования, благоустройства и др. Однако ряд отделов, очевидно, так и остался на бумаге. Практические результаты были очень скромными: так, к началу 1918 гг. была немного расширена канализация за счет прокладки труб во дворе Московской полицейской части. Пытаясь решить финансовый кризис, дума повышала налоги, причем далеко не только на имущие слои. Так, 14 декабря дума в очередной раз повысила налоги на воду и стирку белья⁴. Впоследствии было решено утвердить пропорциональный квартирный налог. Хотя вопрос был решен еще на декабрьском заседании, составление квартирных списков затянулось до апреля 1918 г. Причем реальное обложение квартир, судя по всему, велось исходя не из доходов домовладельцев, а из нужд самой управы⁵. Слабость работы управы видна и из истории учреждения биржи труда. Хотя дума постановила учредить ее еще 16 октября 1917 г., комитет по организации собрался лишь

¹ Чугаев Д. А. Триумфальное шествие советской власти // Установление советской власти на местах в 1917-18 гг. М., 1953. С. 61-62.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 35. Л. 43.

³ Сивоволов Д. В. Указ. соч. С. 171.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. ЛЛ. 117об., 119об.

⁵ Попов П. А. Указ. соч. С. 326.

10 декабря. Только 5 января биржа начала работу, а публичное ее открытие прошло 21 января. Оно состоялось на рабочем съезде с участием представителя управы А. Н. Татарчукова и от ЦБПС – И. Ф. Баранова¹.

Несмотря на это, дума упорно продолжала считать себя единственным авторитетным учреждением в городе. 21 февраля состоялось очередное думское собрание, на котором присутствовало всего 30 гласных. Оно признало, что продовольственное дело города «в плачевном состоянии». Управа особенно напирала на то, что в Совете нет «представителей города», из-за чего некому защищать интересы Воронежа. Предложение думы ввести в состав городской продкомиссии члена управы с правом решающего голоса было Советом отвергнуто. После этого думцы долго и безуспешно обсуждали необходимость выработать план действия по решению продовольственного дела так, чтобы обойтись при этом без помощи Совета. В итоге было принято решение обратиться к населению с воззванием, избрать комиссию для переговоров и ходатайствовать повторно о введении своего представителя. Также было решено настаивать на передаче хлебозаготовок кооперативному союзу и на том, чтобы реквизиции проходили «при соблюдении всех формальностей, ограждающих личность и имущество граждан»². В целом дума все больше теряла влияние на обстановку, но упорно не желала этого признавать.

В вопросе о финансировании думы повторилась ситуация с земством. 7 марта Андреев доложил думе, что Совет согласен предоставить ей кредит при условии назначения в управу комиссара для контроля за расходованием сумм. Дума решительно отказалась³. Однако своих денег у нее не было. В марте 1918 г. ее служащие начали получать жалование в кассе Совета – очевидно, управе пришлось все-таки подчиниться. Итог был тот же, что и с земством. Весной 1918 г. в Воронеже осела группа большевиков, эвакуированных в город из украинских го-

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 24 января. №17; 25 января. №18.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 26 февраля. №34.

³ Комаров А. Указ. соч. С. 37.

родов. Эта группа во главе с бывшим секретарем наркомата финансов советской Украины М. С. Богуславским выступила за окончательную ликвидацию думы¹.

Официальный роспуск ее состоялся лишь 11 мая 1918 г. Придя в управу, члены коллегии объявили об этом голове Андрееву и правлению профсоюза служащих. Попытка членов управы огласить заранее заготовленное заявление о том, что они уступят работу только под вооруженным насилием, не удалась. Коллегия, проигнорировав выступление, не стала вводить вооруженную силу и занялась работой явочным порядком, и старым членам не оставалось ничего иного, как уйти. В тот же вечер было созвано собрание служащих, которому была объявлена программа действий. Роспуск встретил минимальное сопротивление. На следующий день в связи с ним городская продкомиссия прекратила работу. 21 мая протест выразило и собрание ответственных работников думы, заявив, что это нарушение прав населения города². Собрание служащих думы тоже осудило роспуск как акт насилия, но заявило, что служащие останутся на местах для «блага города», фактически покоряясь новой власти³. Эти протесты вызвали публикацию Советом обращений, которые разъясняли, что дума проявила себя неэффективно и враждебно советской власти. Других мер принято не было. Таким образом, ликвидация думы прошла в рамках общероссийской тенденции роспуска органов самоуправления в начале 1918 г., при которой большевики «учитывали то обстоятельство, что... народные массы на собственном опыте убедились в неспособности дум удовлетворять интересы трудящихся и перестали поддерживать их»⁴.

Дела думы перешли коллегии муниципального отдела Совета под председательством Богуславского. Технический отдел (который заведовал трамваем, электростанцией и водопроводом) возглавил Хинценберг, финансовый – Шрейдель, просветительский и медико-санитарный – Люксембург, административно-

¹ Попов П. А. Указ. соч. С. 67; Воронежский Красный листок. 1918. 28 июля. №30.

² Комаров А. Указ. соч. С. 71, 72, 75.

³ Известия Воронежского Совета. 1918. 21 мая. №92.

⁴ Чудаков О. В. Ликвидация органов городского самоуправления в Сибири в период установления власти Советов (октябрь 1917 – первая половина 1918 г.) // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 338.

хозяйственный – Панахно, общими делами стал заведовать Богуславский. В конце июня также был утвержден городской отдел по народному образованию. Во главе его стали гг. Люксембург (председатель), Цикавый (заведующим школьным образованием), Ребри (внешкольным)¹.

Вскоре коллегией были распущены ночные сторожа и комиссия по выдаче пайков – ее функции были переданы отделу призрения. Продкомиссии было оставлено всего 100 тыс. руб., остальное было передано в Национальный банк². Но при этом 13 мая расширенное заседание президиума губисполкома совместно с представителями отделов утвердило передать коллегии кредит на 3 млн руб.³ Для пополнения бюджета в конце мая коллегии были переданы все театры, для чего была учреждена должность комиссара театров, которую занял М. И. Лызлов. Культурно-просветительский отдел пытался взять театры себе, но исполком в этом отказал⁴. Была также учреждена коллегия по закупке и распределению продовольствия среди горожан⁵.

Спустя 2 месяца после ликвидации думы глава муниципальной коллегии Богуславский сделал отчет о преобразовании бывшего аппарата управы. Как выяснилось, советские власти нашли в кассе думы всего 70 тыс. руб., из которых 50 тыс. были ассигнованы на разные нужды. При этом бухгалтерия почти не велась – за три года управой даже не был составлен отчет. Коллегией были немедленно ограничены авансы, выданные думой, которые за один 1916 г. насчитывали 1,2 млн (из них половина даже не была покрыта). Они были сокращены до 2 тыс. руб., причем было приказано немедленно погасить счета свыше 200 руб. К моменту отчета удалось погасить 400 тыс. руб. Кроме того, для пополнения бюджета коллегия стала налаживать деятельность национализированных предприятий.

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 21 мая. №92; Воронежский Красный листок. 1918. 29 июня. №6.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 18 мая. №90.

³ Известия Воронежского Совета. 1918. 17 мая. №89.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 58об., 65, 70об.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 309.

За этот же относительно короткий срок удалось достигнуть определенных успехов и в благоустройстве города. Коллегией была начата установка новых фонарей – 45 в пригородах и 32 на окраинах, причем для предупреждения обрыва проводов коллегия приступила к прокладке подземного кабеля. Была запущена после долгого бездействия городская конка, где был вскрыт ряд хищений владельцев. Лошади для нее были взяты у бывшего земства¹. Была инициирована реорганизация бывшей госпитальной прачечной, начата подготовительная работа по запуску трамвая и увеличению водопровода. Благодаря принятым мерам удалось устроить 500 безработных, причем Богуславский возлагал основную вину за затягивание вопроса на биржу труда. Как отмечает газетный отчет: «Собрание осталось чрезвычайно довольным всеми этими мероприятиями, что было выражено в бурных аплодисментах по адресу докладчика»².

Также для размещения прибывших в город украинских беженцев коллегией было учреждено квартирное бюро, состоявшее из 2 отделов: квартирному и конфликтному. Похоже, что преимущественно деятельность сосредоточилась в квартирном отделе, который занимался размещением беженцев. Деятельность его протекала довольно тяжело. Газета сообщала: «Ежедневно поступает 50-60 требований. Нуждающихся в комнатах около 450 чел., свободных комнат около 100». За первую неделю работы бюро обследовало 3 района города (6, 10 и 18), где зарегистрировало 1000 комнат. Предполагалось взять на учет 3500 комнат³. При этом служащие бюро часто намечали квартиры к выселению и уплотнению без всякой проверки, с неумеренным усердием. Губисполком оказался завален ходатайствами разных учреждений с просьбами защитить их от реквизиций квартир, на что пришлось обратить внимание. Впоследствии квартбюро было поручено размещение и учреждений в городе. Так, 12 сентября губисполком поручил ему разместить в городе австро-венгерскую миссию и консульство Украины⁴.

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 91.

² Воронежский Красный листок. 1918. 5 июля. №11; 6 июля. №12.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 10 июля. №15; 16 июля. №19.

⁴ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 120-120об., 99.

В июне – июле муниципальной коллегией был проведен еще ряд мер. Была активизирована работа по добыче дров в Углянском лесничестве. Закрыты бильярдные, из которых коллегия реквизировала мебель. Решено было приступить трудами безработных к осушке городских лугов. Была реорганизована комиссия по снабжению города хлебом, для чего в нее был назначен временным комиссаром Шрейдель. Началась перерегистрация продкарточек, ответственность за что возлагалась на домовладельцев и квартирохозяев. Городской продкомиссии было поручено использовать технический аппарат районных комитетов, выработать план распределения хлеба по категориям населения и установить пункты раздачи с объявлением этого жителям¹.

В июне коллегия объявила о реорганизации милиции, в связи с чем ночная самооборона и КОБы окончательно ликвидировались. Несмотря на ряд прошений как общегородского КОБа, так и местных участков с просьбой сохранить их функции или даже слить их с милицией, коллегия упорно отвечала на них отказом. В связи с этим местные организации начали саморасформирование и к концу августа все КОБы были ликвидированы². Милицию собирались разделить на отдел по охране города и «аппарат, обнимающий собою санитарные и административные функции». Для охраны города предполагалось учредить 80 постов по 1-3 милиционера и патрули: 30 пеших по 5 чел. и 10 конных по 3 чел. для связи между собой. Также были учреждены должности 6 наблюдающих за патрулями, которые подчинялись начальнику милиции³. Однако, судя по всему, к реорганизации так и не успели приступить, так как вскоре началась организация милиции на правах подотдела Совета согласно инструкциям центральной власти.

В короткий срок коллегия показала свою эффективность по сравнению с думой. Однако в связи с укреплением советской власти она была ликвидирована 5 августа 1918 г. Ее функции перешли городскому совету⁴.

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 29 июня. №6.; №20. 17 июля; 7 июля. №13.; 9 июля. №14.

² ГАВО. Ф. И-218. Оп. 1. Д. 2. Лл. 171, 183, 185, 189.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 29 июня. №6.

⁴ Воронежский Красный листок. 1918. 8 августа. №39.

Таким образом, весна – лета 1918 г. были отмечены окончательной ликвидацией Советом старых органов местного самоуправления. Этот конфликт не был всего лишь спором о возможностях государственного и местного управления. Он имел исключительно политическое содержание. С самого начала большевики старались надежно удерживать за собой политическую монополию, что и было камнем преткновения между новой и старой властью. Новые органы, возникшие после Февральской революции, несмотря на неоднократные заверения о своем стремлении ограничиться хозяйственной стороной дела, на деле не были политически индифферентны. Избранные согласно демократическим, всеобщим и всеклассовым нормам, они соответственно выражали взгляды и идеи буржуазно-демократического устройства, которое было уничтожено Октябрьской революцией. Это особенно наглядно видно из тех случаев, когда земства и думы демонстративно отказывались от сотрудничества с большевиками даже в исключительно хозяйственной плоскости, от чего проигрывало население, а отнюдь не большевики. На это обратил внимание и историк Г. А. Герасименко. В итоге СНК стал выделять предназначенные земствам средства прямо губсоветам¹.

Поэтому в данных условиях спор между старыми органами самоуправления и новыми Советами был предрешен не только по чисто техническим причинам (Советы по своему характеру обладали теми же функциями, что и самоуправление) – но и по политическим основаниям. Разлад двух ветвей власти стал отражением политического раскола страны после 1917 года.

Процесс ликвидации местных органов самоуправления в уездах был аналогичен. Все земства и думы на протяжении полугода были вынуждены сдать свои полномочия отделам Советов под силовым давлением. Быстрее всего дело решилось там, где Советы победили в первые дни революции. В конце января 1918 г. Бобровская уездная земская управа сдала дела хозяйственному отделу Совета. Ее глава эсер Разумный был позднее арестован за антисоветскую деятельность. Дума была заменена муниципальным отделом 16 апреля 1918 г. В Острогжске

¹ Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 207, 213.

управа была ликвидирована 7 февраля 1918 г., а дума – 19 февраля. 21 марта 1918 г. была ликвидирована Новохоперская уездная управа. Воронежская управа окончательно сдала все дела Совету 29 марта¹. В более отсталых регионах, где Советы были слабее, процесс затянулся до самого лета 1918 г. Так, в Богучаре решение о ликвидации земской управы было вынесено 1 апреля 1918 г.² Но окончательно она сдала дела, очевидно, только в июне 1918 г. Богучарская дума же была смещена 11 апреля. 2 июня была упразднена Задонская городская управа и состоялись выборы в городской Совет³. Алексеевская управа существовала даже в июле.

Относительная легкость, с которой первые всенародно избранные органы были ликвидированы, объяснялась несколькими причинами. Прежде всего, это были последствия объективно сложившейся ситуации. С укреплением большевиков старые органы власти потеряли доступ к деньгам и силовым ресурсам. Созданные для срочного улучшения хозяйства органы были вынуждены в первую очередь улучшать собственное финансовое положение. Это достигалось в основном за счет повышения налогов и тщательной экономии, что приводило к потере популярности самоуправления у населения.

Однако технические причины лишь следовали из политических. По своему характеру органы самоуправления были не готовы к силовому противостоянию. Их единственное оружие, моральный авторитет – оказалось недолговечным. Важнейшие политические вопросы уже были решены революционными партиями через Советы как инструмент организовавшихся революционных слоев общества. Демократическая оппозиция, на стороне которой выступало самоуправление, оказалось неспособно в тот момент выставить иную программу решения кризиса. Финансовые ресурсы оказались в руках Советов.

К тому же и до большевистского переворота падение интереса масс к политике и выборам продемонстрировало, что у демократической программы размыта социальная база. Это продемонстрировало, что лозунг «Учредительного

¹ Фефелов В. М. Установление Советской власти в уездных центрах... С. 21.

² Известия Богучарского Совета. 1918. 25 апреля. №14.

³ Фефелов В. М. Установление Советской власти в уездных центрах... С. 28-31.

собрания» и «национального единения» в условиях социального раскола, при всей его привлекательности для многих слоев, не имел преимуществ. Земства и думы избирались относительно небольшими группами населения, числом, далеким от необходимой представительности, что привело к тенденции укрепления влияния правых консервативных элементов. Так, в Задонске в выборах в уездное земство участвовало всего 10,5% населения. Гарнизон практически не голосовал, в отличие от монахинь, которые исполнили, по словам современников, «гражданский долг». На выборы очень сильно повлиял консерватизм задонского общества. В итоге список купцов и домовладельцев провел 17 из 18 кандидатов, а эсеро-меньшевики получили лишь 9 мест. «Демократия нашего города, чуждого большевизма и максимализма, потерпела второй раз на выборах поражение», – с горечью отмечали представители «революционной демократии»¹. Показателен и приведенный выше пример Павловска, где власть сгруппировалась в руках антидемократических элементов земства и «военно-гражданского союза», вошедшего в контакт с торговцами, кадетами и землевладельцами. В итоге слабость демократической повестки компрометировала сама себя.

В отличие от земств и дум, Советы оказались способны взять под свой контроль силовые институты общества, а также оказались более удобны для управления в условиях социального кризиса. И хотя Советы опирались лишь на революционизированную часть российского общества, эта поддержка в целом оказалась более успешной, чем у формально «всенародно избранных» органов самоуправления. Соответственно, советская власть привлекала к себе и часть состава старых органов. Как было показано выше, в своем противостоянии с местным самоуправлением Воронежский Совет частично опирался на их низших служащих, «чиновничий пролетариат». Не обладавшие серьезными правами, страдавшие от безденежья, эти служащие оказались той частью личного состава старых учреждений, которая была наиболее восприимчива к сотрудничеству. И даже тогда, когда служащие не имели никаких политических симпатий к большевизму, чисто

¹ ГАОПИВО. Ф. 290. Оп. 2. Д. 84. Л. 67.

практические соображения брали в итоге верх. За этими служащими постепенно на службу перешел и старый управленческий состав.

Несмотря на постепенное усиление своего влияния, в конце 1917 г. – начале 1918 г. Воронежский Совет долгое время не мог приступить к спокойной продуктивной работе. Сначала мешало сопротивление старых органов власти, потом – чрезвычайная обстановка, сложившаяся в результате близости к Дону и Украине. Фактическая работа сосредоточилась в ВРК и ряде отделов. Осложняли работу и трения с левыми эсерами, имевшими свои взгляды на политику. Так, при обсуждении важнейшего вопроса о мире, не без их настояний 25 февраля Совет большинством 28 голосов против 7 вынес решение: мира с Германией не подписывать, вести в случае нужды партизанскую войну¹. Но в конечном итоге после ряда собраний, под действием наступления Германии 8 марта Совет признал необходимым подписание мира. Тем не менее, немцы продолжили наступление, пользуясь отсутствием установленных границ. Город наводнили отступающие войска. В связи с этим 21 марта пришлось организовать Комиссию по расквартированию, состоящую из члена городской управы, заведующего отделом по расквартированию войск, представителя Совета районных комитетов, городского инженера и 5 членов губисполкома². В связи с паникой населения 22 марта исполком заявил: «Никакой угрозы Воронежу сейчас нет, да и быть не может, по тому географическому положению, какое Воронеж занимает»³.

Но уже в начале апреля стало понятно, что Воронеж под угрозой. В разгар работы 3-го губернского съезда пришло сообщение о падении Харькова и других украинских городов. 23 апреля Высший Военный Совет приказал Воронежу начать эвакуацию. В связи с этим на следующий день на заседании губисполкома под председательством М. С. Богуславского было решено организовать комитет по эвакуации. 28 апреля Воронеж был объявлен на осадном положении⁴. Была учреждена Центральная коллегия по эвакуации. Лишь в апреле – мае удалось под-

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. №34. 26 февраля.

² ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Лл. 79-80.

³ Комаров А. Указ. соч. С. 38, 45.

⁴ Там же. С. 62-63, 66.

писать договоры о перемирии и эвакуация была отменена. Однако бои на южных границах губернии продлились до самого конца июня, в связи с чем работа коллегии осталась постоянной¹.

Фронтовые события повлияли на положение в городе и непосредственным образом. В апреле 1918 г. приехавшие с фронта разложившиеся украинские части подняли бунт. Этому предшествовала целая череда событий. Еще 24 марта группой анархо-коммунистов на броневике, с гранатами и оружием была занята гостиница купца Самофалова, где они угрозами получили от него 25.000 руб.² Начались незаконные обыски, грабежи. 26 марта анархисты были разогнаны рабочей дружиной, часть арестована. Но уже 11 апреля анархисты, воспользовавшись приехавшей с фронта «армией» Г. К. Петрова, захватили телеграф, окружили гимназии, расставили караулы, стали отнимать оружие у милиции, боевой дружины и членов исполкома, занялись грабежами. Требованием их было смещение исполкома и передача власти ревкому из большевиков, анархистов и левых эсеров. Последние явно поддерживали мятежников, вступив с ними в активные переговоры, а левый эсер Григорьев даже вошел в «федерацию анархистов». На стороне анархистов было около 2500 чел. с бронедивизионом, тогда как силы большевиков не превышали 500 человек, так как основная часть гарнизона примкнула к мятежу. 12 апреля удалось достичь формального соглашения, учредив подчиненный военному отделу «оперативный штаб войск» из 8 лиц³. В ночь на 13 апреля штаб, состоявший из большевиков и лояльных им левых эсеров, собрал около 600 чел., в основном рабочих, и с кровопролитием разоружил анархистов⁴.

Все это заставило Совет усилить охрану порядка. 24 апреля губисполком решил пополнить административный отдел кроме Пляписа и Григорьева еще 3 членами и передать ему для защиты города широкие полномочия. Военному от-

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

² Комаров А. Указ. соч. С. 47.

³ Вестник церковного единения. 1918. 13 апреля. №27.

⁴ Два архивных документа. С. 66-69; Karsch S. Ebenda. S. 309-310.

делу было поручено образовать при ст. Воронеж комендатуру для распределения прибывающих частей¹.

Лишь в мае – июле 1918 г. благодаря прекращению эвакуации и затиханию боев с немцами Совет смог приступить к усилению контроля за деятельностью отделов. 13 мая он постановил проводить 1 раз в неделю общие заседания президиума с представителями отделов и комиссарами для выслушивания отчетов о проведенной работе². 19 мая губисполком взял под свой контроль все реквизиции, отменив с этого моменты единоличные действия отделов. Всем им было приказано составить сметы на содержание и передать их в финотдел. 6 июня президиум также постановил направлять ему все жалобы на действия отделов³, а на следующий день был опубликован порядок приема на советскую службу. Согласно ему, при поступлении необходимо было предъявить заявление с указанием предыдущей работы. Списки желающих утверждались исполкомом. Отделам было указано составить списки и штаты служащих и к 25 июня представить исполкому⁴. Вскоре указания были дополнены требованиями политического контроля. 20 июня губисполком разослал по отделам распоряжение об исключении с работы всех бывших полицейских и жандармов. При найме служащих предусматривалось запрашивать сведения об их благонадежности у ЧК⁵.

Саму ЧК в связи с неэффективностью административного отдела было решено создать еще в конце мая в виде коллегии из 4 коммунистов и 3 левых эсеров.⁶ Однако она не успела приступить к делу, и 3 июня был принят план организации новой ЧК из 6 членов исполкома: 4 коммунистов и 2 левых эсеров. ЧК была разделена на отделы по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. В подчинение ей решено было придать все боевые силы, кроме гарнизона: милицию, боевую дружину, банковские отряды и т. п. После этого ад-

¹ Известия Воронежского Совета. 1918. 26 апреля. №80.

² ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 7. Л. 154.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 60-64.

⁴ Там же. Д. 9. Лл. 79-80.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 11. Л. 97.

⁶ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 14, 20.

министративный отдел был окончательно ликвидирован¹. Через три дня был утвержден и состав ЧК из 3 коммунистов (Павлуновский, Горелов и Степанов) и 2 левых эсеров (Григорьев и Титков)². Главой ЧК стал Н. П. Павлуновский. 13-го июня в состав комиссии было включено еще по члену от фракций³. Но после разрыва с левыми эсерами те покинули коллегияю.

Тогда же в середине июня начинается реорганизация отделов. 13 июня был реорганизован финотдел, принят проект организации медико-санитарного отдела и почтово-телеграфной коллегии⁴. Благодаря пополнению делегатами 3-го съезда встал на ноги земельный отдел. Возглавил его коллегияю командированный наркоматом земледелия Р. Г. Эглит⁵. К июню в нем добавились новые подотделы: рыболовства и охоты, сельского строительства, оценочно-статистический, экономическо-агрономический, комиссариат Воронежского ремонтного пункта. Готовилось создание торфяного подотдела и по укреплению песков и оврагов (при гидротехническом отделе)⁶. 17 июня в ведение отдела перешел и бывший губернский комитет по топливу⁷.

Был пополнен и финансовый отдел. 27 мая была учреждена его коллегия из 3 лиц: председателя Данилькевича, члена исполкома Целковникова, комиссара банков Павлуновского, комиссара казначейства Ширяева и нескольких служащих⁸. Новая коллегия занялась разработкой налогообложения, причем за основу были взяты старые нормы земских сборов и государственных налогов. 20 июля отдел на основании телеграммы Наркомфина от 17 июля отдел потребовал от уездных Советов установить контроль за сбором налогов и принять «экстренные меры» к уклоняющимся от уплаты гражданам⁹.

¹ Там же. Лл. 83-84.

² Комаров А. Указ. соч. С. 83.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁴ Там же. Лл. 13-20.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 65. Л. 13об.

⁶ Знамя трудовой борьбы. 1918. 20 июня. №5.

⁷ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Л. 34.

⁸ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 13-14.

⁹ Там же. Лл. 10об-11.

Была проведена реорганизация социальных ведомств. 3 июня исполком постановил ликвидировать культурно-просветительный отдел. Функции его были переданы муниципальному отделу и губернской комиссии, составившей потом отдел по народному образованию. Его задачами были организация и снабжение местных отделов образования, информирование, устройство культурной работы, заведывание учреждениями и проч. Отдел состоял из 7 подотделов: школьный, внешкольного образования, дошкольного воспитания, инструкторский, художественно-просветительный, библиотечный и статистический. 13 июня президиум губисполкома утвердил 3 членов отдела: М. А. Белорусца, Е. И. Егорову и П. Г. Новикова. Позднее к ним добавилась А. Ф. Боева. Председателем отдела был П. Д. Смирнов. Первое заседание отдела прошло 6 июля, на нем были назначены председатели подотделов, за исключением художественного и библиотечного¹.

Благодаря инструкциям, выработанным после I Всероссийского съезда медотделов, 6 июня исполком уточнил организацию медицинского отдела. Он должен был руководить работой всех аналогичных отделов уездных Советов. Им руководила назначенная исполкомом коллегия, которую составили врачи, «стоящие на платформе признания Советской власти». Совещательный орган при отделе, медбюро, избирался на съезде представителей медицинских и общественных организаций. Из этого следовало окончательное упразднение губернского врачебного отделения и врачебной инспекции. Главой бюро стал бывший врачебный инспектор Леви, также в него вошли представители бывшего медико-санитарного отдела земской управы, военно-медицинского подотдела и врачебного подотделов муниципальной коллегии². Уже в октябре прошло объединенное заседание медотдела и городского отдела народного здравия. Было решено, что городской отдел работает на тех основаниях, что и губернский, и оба органа действуют в контакте.

В отделе юстиции вскоре после 2-го губсъезда была выделена коллегия в составе командированного еще в марте НКВД Э. Г. Эглита (коммунист), замести-

¹ Гайворонский А. И. Создание Воронежского губернского отдела народного образования... С. 26-30.

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 92-94.

теля И. И. Цибарта (беспартийный) и члена Н. В. Маркина (коммунист)¹. В середине мая новым председателем стал левый эсер А. М. Дрожжин. Интересно, что это был бывший начальник милиции Павловска, арестовавший в апреле 1917 г. местный УИК². Известно, что после Октябрьской революции он занимал пост заместителя председателя Павловского горсовета, однако вскоре из-за своих старых диктаторских приемов был уволен³. Очевидно, желавший доказать полезность Дрожжин активно взялся за привлечение юристов к работе. 23 мая он сообщил, что нотариусы обязаны перейти на службу в отдел. Было решено временно открыть нотариальную контору, возглавляемую коллегией из трех лиц с совещательным голосом: нотариус, помощник и секретарь⁴. Отдел занимался и формированием местных народных судов. Воронеж был поделен на 7 судебных районов, которые возглавлялись народными судебными камерами. Воронежский же уезд был поделен на 9 районов по 2-4 волости⁵. К началу июня было признано в должности 6 народных судей, из которых один был партийным. До образования Совета местных судей главой суда был назначен Г. Чуев, бывший член следственной комиссии при народном суде. Первоначальным местом нахождения суда было здание бывшего уездного съезда (Средне-Московская улица, №28)⁶. В документах губисполкома сохранился и список адресов народных судов с разделением участков – в Воронеже было организовано 8 участков, в Воронежском уезде – 9 (см. приложение 1).

23 мая был учрежден и народный окружной суд из 7 юристов и 4 партийных контролеров⁷. В связи с формированием судов по губернии 16 июня после нескольких неудачных попыток был созван губернский съезд представителей комиссаров юстиции. Однако на него прибыли делегаты только 6 уездов: Бобров-

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 20.

² Известия Воронежского Совета. 1918. 17 мая. №89.

³ Нежелский А. Ф. Первые шаги Павловского уездного исполкома // За власть Советов. Воронеж, 1957. С. 117, 120.

⁴ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 71.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 268-268об.

⁶ Известия Воронежского Совета. 1918. 2 июня. №102.

⁷ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 71, 105.

ского, Богучарского, Задонского, Землянского, Новохоперского и Павловского. 16-17 июня съезд выработал основные инструкции организации и деятельности юридических отделов. В частности, было постановлено передать дела расформированных ревтрибуналов в воронежский губтрибунал, создать нотариальные отделы при уездных Советах и коллегии защитников и т. п.¹ Тем не менее, дело в уездах затянулось надолго – так, известно, что в Землянском уезде организация 6 районных судов закончилась только к 16 сентября 1918 г.²

Сам губтрибунал к середине 1918 г. состоял из председателя, двух заместителей, секретаря с двумя помощниками, выборных народных заседателей. В связи с декретом от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» при нем была учреждена следственная комиссия, которой перешли функции политического следствия и судебных решений. Очевидно, она состояла из профессиональных юристов³. По примеру губтрибунала к 25 июля были созданы трибуналы в Бобровском, Павловском, Усманском, Новохоперском, Богучарском, Валуйском, Нижнедевицком уездах и Бутурлиновке⁴.

17 июня был учрежден новый штат комиссии из 8 членов и коллегии общественных обвинителей из 3 членов. Последняя избиралась местными Советами непосредственно или по представлению ревтрибунала или Наркомата юстиции. На нее возлагалось составление обвинительных тезисов при передаче дела в трибунал и публичное обвинение на судебных заседаниях. Членами комиссии стали: президиум – П. М. Вишневецкий, С. М. Усыянов, В. А. Никитин, М. И. Шевенталь; члены: Н. Ф. Барков, П. С. Бурный, Н. М. Воронин, А. Н. Иванов. Членами коллегии обвинителей стали исключительно большевики: П. И. Волынский, Я. Д. Грачёв, И. М. Андреев. В тот же день Национальному банку было поручено открыть текущий счет юридическому отделу на 650. 000 руб. «впредь до получения ассиг-

¹ Кузин К. И. Из истории органов юстиции Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста. Вып. 4. Воронеж, 2006. С. 154-164.

² Известия Землянского Совета. 1918. 26 сентября. №4.

³ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 29. Л. 171.

⁴ Перцев В.А. «Именем революции!». С. 32-33.

новки от Комиссариата Юстиции»¹. 1 июля было проведено разграничение функций следственной комиссий и коллегии обвинителей и утвержден ряд мелких вопросов по компетенции трибунала². Учитывая, что коллегия была из коммунистов, можно считать, что при комиссии был учрежден импровизированный партийно-прокурорский надзор. Как показывают документы, фактически вся работа трибунала проходила при тесном контроле губисполкома и губкома партии.

Так как формирование окружного суда запоздало, то лишь в конце июля трибунал передал дела в Советы народных судей и окружной суд, оставив себе дела о контрреволюции. Также трибунал просил дать ему дела по спекуляции и преступлениям по должности³. Однако они перешли ЧК, а в распоряжение трибунала осенью 1918 г. были отнесены дела по тяжелым преступлениям: подделка денег и документов, грабежи, хищения, наркоторговля, покушения на убийства и изнасилование, взяточничество и т. п.⁴

В июне 1918 г. в связи с государственным постановлением ликвидирована тюремная инспекция, вместо которой создан «карательный подотдел». Должность тюремного инспектора была переименована в должность заведующего подотделом⁵. Очевидно, и весь старый состав остался на местах⁶. Был сформирован подотдел отделения церкви от государства, хотя и поздно – об этом в июне 1918 г. вынужден был напомнить губисполком в связи с получением инструкции наркомата юстиции⁷. Видимо, в связи с этим до 1919 г. деятельность отдела протекала очень слабо и, очевидно, сильно ограничивалась постоянными консультациями с наркоматом⁸. Также, по всей видимости, отделом проводилась опись церковного

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 4. Лл. 32, 34.

² Там же. Лл. 53-53об.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 1 августа. №33.

⁴ Перцев В. А. «Именем революции!». С. 33-34.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 471.

⁶ Там же. Д. 15. Лл. 69-71.

⁷ Там же. Д. 12. Л. 410.

⁸ Фабинский М. Ф. Взаимоотношения государства и церкви в Воронежской губернии в первые годы советской власти // Из истории Воронежского края. Вып. 16. Воронеж, 2009. С. 100-110. Автор данной статьи ошибается, утверждая, что якобы «в Воронеже ликвидационное ведомство было создано фактически сразу после выхода соответствующего распоряжения» (С. 103).

имущества, для чего была выработана инструкция¹. Однако на местах, судя по документам, искоренение религиозного обучения сосредоточилось в отделе образования, а отделение церкви от государства проводилось, как правило, отделами управления исполкомов.

Всего отдел юстиции разделялся на 5 отделов: общий, «по отделению церкви», административно-хозяйственный, судебно-следственный и карательный.

В связи с налаживанием работы исполкомом было обращено внимание на хозяйственный отдел, заведовавший хозяйственным снабжением его учреждений. 30 июля была выработана инструкция отдела, написанная его председателем Ф. Г. Дьяковым при участии служащих земства, в том числе земского комиссара Кардашевой. Инструкция была составлена на основе «Основных положений учета имущества РСФСР», опубликованных в «Известиях ВЦИК» 13 июля 1918 г. Согласно ей, в задачи отдела входил контроль с помощью смотрителей за всеми учреждениями города, проведение сбора данных для реквизиций, отчетов и т. п. В начале августа по просьбе отдела исполком отнес к его ведению 14 помещений: здание губисполкома, Дом народных организаций, Дворец народного образования, гостиницу Совета «Бристоль», бывшее Общественное собрание, здание земства, помещение финансового отдела, столовую и мастерскую. Для организации работы отдел был поделен на 4 подотдела: канцелярию, бухгалтерию, технический надзор и хозяйственную часть. Для объединения их работы была учреждена должность управляющего делами².

Для организации освещения работы Совета еще в конце 1917 г. был организован информационно-иногородний отдел. Задачей его было информирование местных органов и населения о советской политике, для чего 19 апреля в его ведение был передан печатный орган исполкома – «Известия Совета». Все отделы были обязаны передавать свои распоряжения инфотделу для публикации³. Однако развернулась его работа лишь к лету. 6 июня при информационно-иногороднем

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 21. Лл. 133-134.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 35. Л. 9-11.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 12. Л. 218.

отделе было решено учредить агитационный подотдел¹. 20 июня он приступил к сбору распоряжений губисполкома для их отдельной публикации в качестве сборника². Эта же организация была распространена и на уезды. 28 июля прошел съезд представителей уездных информационных отделов. Было принято, что отделы состоят из подотдела «бюро печати» с контрагентством, инструкторско-агитационного подотдела и литературного склада. Задачей бюро являлась публикация информации из центра, инструкторского подотдела – организация и информирование деревенской власти³.

Таким образом, весна – лето это время сложных реорганизаций аппарата губисполкома. Связь с отделами он осуществлял через канцелярию, чья структура сложилась тогда 1918 г. Она разделялась на три отдела («стола»):

1-й стол – ведение дел личного состава служащих, выдача паспортов и удостоверений, переписка относительно служащих с другими учреждениями, переписка с больничной кассой, составление денежных ведомостей;

2-й стол – выполнение протоколов заседаний президиумов и исполкома, переписка относительно выполнения их распоряжений, реквизиция имущества;

3-й стол – переписка со всеми отделами губисполкома и уездными советами, переписка, «не входящая в делопроизводства первых 2-х столов», выдача «разного рода удостоверений», переписка относительно обнародования и проведения в жизнь декретов, их рассылка на места⁴.

Административное усиление Совета сопровождалось укреплением и его политической монополии. В начале июня по постановлению ВЧК было закрыто за антисоветскую позицию последнее независимое печатное издание на губернском уровне – газета «Воронежский телеграф». Ее типографию было решено реквизировать для нужд Совета. Встал вопрос о запрете и других изданий. На заседании губисполкома член Шрейдель предложил закрыть все эсеро-меньшевистские газеты, что вызвало возражения некоторых присутствующих, которые считали это

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 97.

² ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 8. Л. 22.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 6 августа. №37.

⁴ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 15. Л. 51.

неудобным в связи с намеченными выборами в исполком. В конце концов, была принята формулировка: «Не допустить продажу всех газет на территории Воронежской губернии, не стоящих на платформе Советской Власти»¹.

Политическая борьба ознаменовалась еще одним серьезным шагом на пути формирования однопартийной советской системы в Воронеже: разразился назревший к тому моменту раскол большевиков и левых эсеров. Конфликт этот рос долго и последовательно, как в связи с общими противоречиями во внутренней политике двух партий, так и местными.

Первым серьезным конфликтом двух фракций стал вопрос о подписании сепаратного мира с Германией. Левые эсеры, разделяя воззрения ЦК, считали, что это погубит революцию в России необходимо любой ценой продолжать войну с Германией. Сочувствовали этим идеям и многие большевики. Лишь после долгих споров Совет проголосовал за признание Брестского мира, но левые эсеры остались при своем мнении и активно отстаивали его на 3-м съезде, что вынудило большевиков ввязаться в жесткий спор с взаимными упреками. В конце концов, расценив его как «дружеский», левые эсеры прекратили критику, однако объявили о переходе к формированию самостоятельных партизанских отрядов вместо частей Красной Армии².

Данная политика привела к формированию большого количества весьма ненадежных в военном отношении и недисциплинированных дружин. 19 июня губисполком издал постановление о расформировании всех партизанских отрядов и проведении мобилизации только через военные отделы Советов³. Кроме того, под руководством левых эсеров оставалась боевая рабочая дружина. Более того, 10 апреля ее общее собрание выделило «временный военно-боевой партизанский комитет» из 4 лиц во главе с командиром дружины М. Чернышевым⁴. На него возлагалась задача организации из членов дружины партизанского отряда на слу-

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 95-96.

² Протокол III съезда Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов Воронежской губернии. С. 5-12.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 23 июня. №2.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 59.

чай оккупации Воронежа немцами. При комитете был сформирован «летучий отряд» из левых эсеров, занимавшийся выполнением его поручений. Постепенно он вместе с комитетом, ввиду отсутствия контроля, все больше разлагался, отличался нарушениями дисциплины, реквизициями, самовольными жестокостями и убийствами. Занятый другими делами Совет не мог повлиять на ситуацию, тем более что постепенно комитет дружины отрывался даже от самой организации ПЛСР¹. Апрельские бои в городе, когда многие лидеры губкома ПЛСР явно вступили в союз с анархистами для фактического антибольшевистского заговора, тоже у воронежских большевиков к ним доверия не прибавили.

Но очевидно, главной причиной разногласий послужили противоречия во внутренней политике, в первую очередь продовольственной. Еще в мае ПЛСР начала активно выступать против чрезвычайных мер СНК в этом вопросе, а 2 июня 1918 г. ее ЦК постановил всемерно агитировать против них. Заготовку продовольствия левые эсеры желали передать в руки Советов, отменить принуждение в заготовке хлеба, посылку рабочих отрядов, принудительные реквизиции и т. д. Воронежские левые эсеры во многом поддерживали эти требования, фактически саботируя политику центра². Так, уже в июле 1918 г. Совет с удивлением обнаружил, что заведующий отделом Хлебофуражтранспорта левый эсер Торопов спустил в уезды инструкцию о создании комбедов, которая противоречила декретам СНК и просто перекладывала на комбеды функции бывших продкомитетов³.

Раскол разразился 13 июня, когда исполкомом обсуждалась реорганизация финансового отдела. Фракция коммунистов предложила переизбрать его в составе 3 коммунистов (Губанов, Павлуновский и Смирнов) и 2 левых эсеров: «с широким правом кооптации специалистов по финансовому делу». На протесты главы отдела, левого эсера Данилькевича Павлуновский сказал, что «так как финансовый отдел в своем старом составе не соответствует своему призванию, то фракция

¹ См.: Два архивных документа. С. 5-15.

² Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. С. 453.

³ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Лл. 43-43об.

коммунистов выдвинула¹ представителей, как опытных». Тогда Данилькевич от лица фракции потребовал, чтобы главой отдела был член ПЛСР, ссылаясь на обещания исполкома. Последний ответил, что никакого обещания не было, а Врачев вовсе заявил: «Назначает партия коммунистов своего представителя потому... что левые эсеры отказались от ответственности. В момент ратификации мира они отозвали своих представителей... ответственной партией является только партия коммунистов»². Также советский историк Д. В. Сиволов утверждал со ссылкой на №30 «Красного листка» от 15 июня 1918 г., что конфликт от 13 июня разгорелся из-за назначения главой продовольственного отдела большевика П. Ф. Нелюбина. С Нелюбиным связывает конфликт и А. Я. Переверзев³. Однако в указанном номере, как и в протоколе заседания, такой информации нет. Впрочем, как понятно из других документов, спор из-за продотдела тоже имел место, поэтому эта информация заслуживает доверия.

Как будто в подтверждение обвинений левые эсеры демонстративно подали в отставку, покинув земельный, юридический, хозяйственный, социального обеспечения и медико-санитарный отделы. В печати они сообщили, что фракция отзывает своих членов «на том основании, что ей должно принадлежать 1/3 мест как в И. К., так и во всех отделах»⁴. В Совете их осталось 40 членов, в президиуме 5. 15 июня губком РКП(б) заявил, что ввиду безответственности левых эсеров они могут вернуться во все отделы, кроме финансового и продовольственного. Те заявили: «Принятое постановление фракцией, внесенное в Исполком 13/VI 18 г., является единственным выходом из создавшегося положения, поэтому фракция непреклонно остается при прежнем своем решении»⁵.

17 июня на заседании губисполкома из 23 большевиков и 18 левых эсеров последние опять потребовали треть мест и обязательно – управление земельным,

¹ В тексте – «толкнула».

² ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Лл. 3-4.

³ Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 127; Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 105.

⁴ Знамя трудовой борьбы. 1918. 19 июня. №4.

⁵ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Лл. 1об.-2.

продовольственным и финансовым отделами. Совет опять отказал¹. В итоге коммунисты 19 июня подробно сообщили о произошедшем Ленину и предложили местным Советам и парторганам одобрить их решение². 20 июня общее партсобрание города санкционировало решение губисполкома, а еще через два дня на 2-м губернском партсъезде было постановлено заменить ушедших 8 коммунистами. Узнав об этом, ВЦИК прислал телеграмму, полученную 26 июня. В ней, осуждая уход левых эсеров, он призывал вернуть их к работе: «Обе советские партии обязаны в интересах социальной революции работать совместно»³. Последними это было проигнорировано. Вместо этого левые эсеры пошли проверенным путем – выделили крестьян из состава губисполкома и попытались сформировать из них крестьянскую секцию для созыва в дальнейшем губернского крестьянского съезда⁴. Однако эта тактика не имела шанса в тех условиях, так как левые эсеры изначально не обладали таким влиянием.

Но окончательный разрыв последовал уже после левозсеровского мятежа в Москве. 6 июля экстренное заседание исполкома под председательством Богуславского обсудило вопрос о введении по требованию Москвы осадного положения. Однако местные власти не считали это необходимым и решили ходатайствовать об отмене этого решения. Было постановлено, что до этой отмены «военный комиссариат будет работать с полным контакте с Президиумом Губисполкома».

Судя по всему, единственное, что относительно беспокоило исполком – позиция боевой дружины, командование которой было узурпировано группой левых эсеров. Однако ее начальник Чернышев отказался от связи с событиями в Москве и заявил, что готов подчиниться любому приказу исполкома. Тем не менее, собрание решило временно отстранить его как левого эсера⁵. Взволнованный комитет дружины сначала думал о вооруженном сопротивлении, но все же тоже подчинился и был переизбран. Вскоре дружина была разоружена и расформиро-

¹ Комаров А. Указ. соч. С. 88.

² Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 105.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 49. Л. 25.

⁴ Знамя трудовой борьбы. 1918. 21 июня. №6.

⁵ Воронежский Красный листок. 1918. 10 июля. №15.

вана¹. Наиболее квалифицированная часть рабочих вернулась на заводы, часть была выделена в военные отряды.

Стоит уточнить, что хотя многие исследователи сочли, что разоружение было проявлением трений большевиков и левых эсеров², на деле борьба была с самой дружиной, точнее, ее левоэсеровской верхушкой, которая к тому времени уже не поддерживала тесных отношений с местной организацией. 11 июля Чуев именно так заявил исполкому: «Охарактеризовав дружину, как самодовлеющую организацию, ничего не делающую и никому не подчиняющуюся, более того, отрицательно относящуюся к исполнительному комитету, докладчик приходит к заключению, что дружину следует ликвидировать». Решение было принято без прений³. Кроме того, 8 июля в связи с мятежом в Москве была закрыта газета украинских левых эсеров «Знамя трудовой борьбы».

Больше никаких видимых действий в связи с угрозой восстания принято не было. Подобное спокойствие определялось, видимо, знанием большевиков о слабости левых эсеров, которые нередко были против выступления своего ЦК⁴. Так, член ПЛСР, комиссар почты Тамарин, получив телеграмму о восстании, сразу передал ее исполкому⁵. Осудил мятеж и бывший продкомиссар А. А. Никитин⁶. Однако в итоге Воронежская группа ПЛСР присоединилась к позиции ЦК и потребовала освободить арестованных в Москве. В связи с этим 10 июля собрание городской организации РКП(б) постановило осудить ПЛСР. Некоторые ораторы высказались и за исключение левых эсеров из советских учреждений, что встретило сочувствие. Против мятежа выступил и ряд профсоюзов, включая профсоюз служащих муниципального отдела⁷.

¹ Два архивных документа. С. 17-18, 70.

² Леонтьев Я. В. 6 июля 1918 года: региональный аспект // Гражданская война в России: События, мнения, оценки / ред. Ивницкий Н. А. М., 2002. С. 376.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 14 июля. №18.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 96, 99.

⁵ Воронежский Красный листок. 1918. 12 июля. №17.

⁶ Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 125.

⁷ Комаров А. Указ. соч. С. 103.

5 августа левые эсеры опять потребовали предоставить места в губисполкоме, но сделать письменное заявление об отказе от солидарности с ЦК отказались¹. Это упорное сопротивление левых эсеров окончательно закрыло им путь во власть. В дальнейшем они так и не смогли вернуться в Совет и обеспечить себе достаточное влияние.

Хотя мятеж не повлек за собой в уездах серьезных последствий, в большинстве из них (Бобровский, Нижнедевицкий, Новохоперский, Землянский, Воронежский, Задонский, Коротоякский) прошли беспорядки и силовое противостояние двух партий. В этих событиях по-разному преломились местные события, но в конечном итоге победили коммунисты.

На 5-м Задонском уездном съезде (16-19 августа) левые эсеры получили 122 мандата против 98 голосов коммунистов. Ввиду категорического отказа эсеров дать подписку об отказе солидарности с ЦК ПЛСР, фракция коммунистов отказалась дать им места в исполкоме и арестовала их, что спровоцировало приход вооруженных крестьян пригородного села Тешевки. Арестованных пришлось отпустить, но после съезда фракция опять отказалась осудить ЦК, за что 22 августа была исключена из Совета². Были распущены как кулацкие левоэсеровские съезды в Бобровском и Нижнедевицком уезде. Беспорядки и конфликты с участием левых эсеров прошли в Землянском и Новохоперском уездах, за что они были исключены из состава крестьянских съездов³. В связи с бойкотом большевиков левые эсеры взяли в свои руки 25 августа Воронежский уездный крестьянский съезд. В итоге он тоже был распущен с помощью оружия, и власть перешла уездному ревкому, который позже выделил коммунистический исполком⁴.

Более мирными были события в Коротояке, где 17 июля 1918 г. левые эсеры просто сложили полномочия. Видимо, это произошло потому, что местные левые эсеры представляли из себя, по словам коммунистов, переукрасившихся «бывших

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 7 августа. №38.

² ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Лл. 9-9об.; Переверзев А. Я. Указ. соч. С. 134.

³ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 157-158.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 116, 121.

земских чиновников и деревенских кулаков». Вместо них были назначены коммунисты, но их было мало, и их ячейка организовалась только при содействии беженцев из Украины. Лишь присланный коммунистический отряд укрепил ее положение¹. Ячейка смогла выдвинуть лишь 4 человек: Василий Гаврилюк, военные комиссары Игнатий Бехов и Федот Зуб, глава продотдела – Ерин. При этом Гаврилюк был командирован иногородним отделом исполкома для ревизии Советов и комбедов, но «как истинный революционер, видя, что его святая обязанность здесь оставаться, пока не улучшится положение», стал главой Совета².

Таким образом, положение левых эсеров в местных органах власти было существенно подорвано, они потеряли во многих уездах лидирующие позиции. Все же определенное влияние левых эсеров на местном уровне сохранялось до 1919 г. В случае доказательства лояльности оставались они и в уисполкомах – таких как Острогожский, Землянский, Нижнедевицкий и др. По местным данным, в феврале 1919 г. левые эсеры имели в Воронежской губернии 83 партячейки – самый большой успех ПЛСР на тот момент в стране³. И тем не менее, начиная с июля 1918 г. можно определенно говорить о формировании однопартийной советской структуры в Воронеже.

Таким образом, весна – лето 1918 г. – это время конституирования Воронежского Совета и советской власти на местах. В связи с угрозой интервенции, беспорядками в городах и сопротивлением старых органов власти эта деятельность преимущественно развернулась после мая 1918 г. К тому моменту в руках Советов был весь правительственный аппарат, но органы самоуправления еще проявляли определенную автономию, проявляя враждебность к Советам. Однако их деятельность протекала с большим трудом и отличалась постепенной деградацией. В итоге они были преимущественно переформированы в хозяйственный аппарат местных Советов.

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 26 июля. №28.

² ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

³ Осипова Т. В. Указ. соч. С. 189.

Этот период также сопровождался усилением управленческой и политической монополии Совета и коммунистической партии. В административной плоскости Совет занимался реорганизацией отделов, их укрупнением, усилением контроля над их деятельностью. Также Совет активно занимался привлечением к работе местных работников и общественных сил на правах коллегиальности участия – но при строгом контроле Совета. Успеху укрепления Советов способствовал и централизованный характер их построения, что позволяло высшим структурам контролировать местные органы. Также административное строительство было неразрывно связано с революционной политикой победившей партии, что вызывало с ее стороны усиление политического контроля в Советах. Последнее выражалось в укреплении влияния Совета, борьбе с антисоветской оппозицией в органах власти и обеспечении надзора и управления за административными структурами в руках коммунистической партии. Противоречия во внутренней политике привели к противоречиям внутри блока революционных партий коммунистов и левых эсеров и привели, как и во многих других местах, к их разрыву. Так проявились тенденции, ставшие впоследствии характерными для советской государственно-политической модели: централизация административного государства через Советы, влияние благодаря государственному аппарату на все общество, монопольный политический контроль через партийные структуры. Вместе с тем, в данный период построение административного советского аппарата только начиналось и проводилось с рядом объективных трудностей, что ставило перед партийными органами задачу надежного укрепления советской власти.

3. 3. Укрепление советской власти во второй половине 1918 г. (август – декабрь 1918 г.)

С августа 1918 г. начался третий этап конституирования органов советской власти в Воронеже – теперь уже на основе советского разработанного законодательства. По существу, на протяжении октября 1917 – июня 1918 гг. структура местных учреждений была во многом импровизированной и базировалась на местном творчестве и примерах из центра. Но 10 июля был принят основной закон – Конституция РСФСР, утвердившая процедуру избрания лиц в органы власти.

Согласно ст. 53 Конституции, на губернский съезд надо было избирать по 1 делегату от 2000 чел., но не свыше 300 делегатов на губернию. Уездные съезды формировались из председателей сельсоветов, по 1 на 1000 чел., тоже не свыше 300 членов. Волостной совет – по 1 от 10 участников. Была установлена структура Советов: «Советы депутатов образуются: а) В городах – по расчету 1 депутат на каждую 1000 человек населения, но в числе не менее 50 и не более 1000 членов. б) В селениях... по расчету 1 депутат на каждые 100 человек населения, но в числе не менее 3 и не более 50 депутатов на каждое селение». По ст. 58 Совет избирал исполком «в количестве не свыше 5 человек в селениях, а в городах по расчету 1 на каждые 50 членов, но не менее 3 и не более 15»¹.

Кроме того, 30 июля – 1 августа 1918 г. произошло важное событие: в Москве прошел 1-й Всероссийский съезд председателей губисполкомов и заведующих отделами управления. Он имел большое значение, так как фактически этот съезд утвердил структуру губернских и уездных Советов и права их отделов. Советская Россия впервые получила инструкцию об организации местной власти.

Съезд призвал упразднить все отделы внутреннего управления под разными названиями для организации отдельного «отдела управления». В него, согласно выработанному съездом решению, должны были входить подотделы: 1) общий (охрана порядка, наблюдение за правильностью выполнений распоряжений, консультация органов власти, административно-территориальное деление, созыв Со-

¹ Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. С. 253-256.

ветов, ведение учета гражданства, бухгалтерская работа, выдача удостоверений); 2) информационно-инструкторский (сбор и публикация сведений о работе Совета и его постановлений, посылка инструкторов для организации советской работы, агитация); 3) отдел советской милиции; 4) отдел ЧК. Во главе отдела ставилась коллегия во главе с заведующим, подчинявшимся исполкому. Была установлена уже фактически существовавшая конструкция губисполкомов, причем рекомендовалось, чтобы число их членов не превышало 25. Съезд постановил: «Настоящее постановление товарищи на местах должны принять к немедленному исполнению»¹. В сентябре на основе этого постановления НКВД утвердил организацию отделов управления. Деятельность их объединял Центральный отдел местного управления НКВД. Съезд утвердил разделение губисполкомов на 12 отделов: управления, военный, труда, финансовый, медико-санитарный, соцобеспечения, народного образования, дорожно-строительный, юстиции, продовольственный, государственного контроля и совнархоз². Таким образом, «к лету 1918 года была выработана стройная система органов государственной власти в виде Советов»³.

В Воронеже эти правила были реализованы с двухмесячным запозданием из-за перевыборов. 18 августа президиум Совета постановил: «Вопрос о реорганизации Президиума... снимается с обсуждения, так как через неделю откроется губернский Съезд Советов, и тогда будет создан новый президиум»⁴. Наконец 28-31 августа прошел 4-й губернский съезд Советов. На нем присутствовало 243 чел. с правом решающего голоса и 30 – совещательного. В том числе: коммунистов 147, сочувствующих 70. Были на съезде и представители партии левых эсеров, не разделявшие политики своего ЦК. Съезд избрал президиум из 8 коммунистов во главе с П. Д. Смирновым. Левым эсерам места в нем не предоставили,

¹ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1. Л. 3об.-4об.

² Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. / Сост. Д.А. Гайдуков. Т. 1. 1917-1922 гг. М., 1959. С. 836.

³ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 160.

⁴ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

считая их позицию «неопределенной»¹. Также съезд осудил поведение левых эсеров, ушедших из Совета, и одобрил политику СНК и ВЦИК.

Был избран исполком в составе 25 коммунистов и 6 кандидатов: 15 коммунистов и 10 от съезда. 31 августа исполком распределил обязанности. Председателем стал П. Д. Смирнов с заместителями Врачевым и Карпиком, секретарями – Драгачев и М. Ш. Штейн. Были распределены и посты председателей отделов: П. Ф. Нелюбин (продовольственный), Н. Н. Кардашев (труда и глава СНХ), В. В. Нарчук (заместитель комиссара труда), В. Н. Губанов (отдел металлургической промышленности), С. И. Ерман (отдел управления), А. А. Буханцев (социального обеспечения), Р. Т. Эглит (земельный), О. П. Хинценберг (ЧК), И. А. Павленко (медико-санитарный), Ф. Г. Дьяков (хозяйственный отдел), Х. Г. Эглит (юстиции)². Почти все они были участниками революционного движения, выходцами из низших и средних слоев, что обеспечивало Совету политическую опору. Также на их счету был серьезный опыт работы в Советах с 1917 г., что дало им и определенную административную квалификацию³. Отделы были вскоре переименованы в губернские комиссариаты. Оба термина часто употреблялись в документах.

В сентябре 1918 г. началась новая реорганизации советских учреждений согласно инструкциям центра. Губисполком объявил о создании общего отдела управления, включавшего 4 подотдела: общий, информационно-инструкторский, милиции и ЧК. Далее Совет рассчитывал распространить эту структуру на уездный уровень, для чего предполагалось созвать съезд председателей уездных исполкомов⁴. 9 сентября губисполком разослал циркуляр отделам с предложением избрать коллегия каждого отдела и подать ее список президиуму на утверждение⁵. Очевидно, тогда же началась реорганизация отделов в соответствии с указанием отдела управления НКВД. 17 сентября, на основании постановления СНК в «Известиях» от 12 сентября, губисполком предложил отделам доставить в трех-

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 30 августа. №56.

² Комаров А. Указ. соч. С. 119; Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 141.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 65. Автобиографии членов Совета.

⁴ Известия Землянского Совета. 1918. 18 сентября. №3.

⁵ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Л. 112.

дневный срок списки помещений, занятых ими, с указанием количества комнат и служащих. Вскоре последовали ответы, которые помогают установить число, адреса и штаты советских учреждений в городе. Конечно, эти данные не исчерпывающие, но дают представление о структуре работы Совета¹. Был составлен список, в который вошли 8 отделов: медико-санитарный, труда, хозяйственный, народного образования, реквизиционный, земельный, социального обеспечения, а также губернский продкомитет (см. приложение 2). Еще 4 учреждения прислали свои ответы в форме уже составленных таблиц: Воронежский окружной суд, губернский военный комиссариат, земельный отдел и финансовый отдел. Данные таблицы приводятся в приложениях с незначительными изменениями для удобства читаемости (см. приложение 3-6). К сожалению, они не датированы, но составлены определенно к концу сентября.

Как видим, в середине осени в соответствии с установленными указаниями центральной власти развернулась новая переорганизация. Причем в тот момент их работа отделов была налажена довольно слабо. Проверкой их деятельности должна была заниматься учрежденная постановлением исполкома 4 апреля губернская контрольная палата. Уже 17 апреля на основании декрета СНК от 23 января она была переименована в воронежскую губернскую учетно-контрольную палату. 31 октября при ВУКК согласно приказа наркомата госконтроля был учрежден для помощи коллегии юридический отдел из 4 человек.² Согласно декрету, в ее задачи входило установление «единообразия в действиях и инструктирования местных контролируемых органов», проверка законности и продуктивности работы местных учреждений, их ревизия и составление сводок. Так как такие органы именовались коллегиями, то в конце мая последовала новая реорганизация. Позднее палата была преобразована в Воронежскую учетно-контрольную коллегия (ВУКК), которая теперь занималась контролем именно отделов Советов³.

¹ Там же. Д. 17. Лл. 1-26об.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 9. Лл. 47, 120.

³ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.

Сохранились отдельные документы за осень 1918 г., показывающие некоторые стороны работы коллегии. 19 сентября ВУКК сообщала: «При обследовании... счетоводства и отчетности в правительственных учреждениях г. Воронежа, между прочим, обнаружено, что в некоторых из них нет не только инвентарных книг движимого имущества, но даже нет и простых инвентарных описей и его состав имущества остается неустановленным и по настоящее время»¹. В связи с этим ВУКК потребовала составить описи имущества. В середине октября коллегия обратилась в исполком с жалобой на бессистемную присылку с мест финансовых смет, в которых часто даже не указывались размеры требуемых кредитов. Поэтому в конце октября исполком послал через финотдел четкие указания о составлении смет на первое полугодие 1919 г. Порядок был основан на дореволюционном: сметы уездных исполкомов составляли по формам смет бывших государственных учреждений; городских – бывших городских управ; уездных отделов – по формам бывших земских смет; волсоветов – бывших волостных земств. Лишь формы смет сельских Советов были присланы отдельно. Предусматривалось составить сводные сметы по всем органам. Пропорции доходов, а также местные сборы и обложения тоже соответствовали дореволюционным.

Что до пособий от бывшего земства отделам, слившимся с уездными Советами, «то эти пособия, казалось бы, могли быть включены в смету доходов лишь при условии получения... на то положительного ответа от подлежащих Уездных Отделов...». Все сметы предусматривалось прислать к 20 ноября в трех экземплярах – для губернского финотдела, отдела управления и центральных органов. Также в декабре был установлен порядок предъявления ВУКК документов для получения денег в казначействе. Из этого видно, что ранее выдача денег была практически бесконтрольной². В частности, в январе – апреле 1918 г. председатель солдатской секции Бутурлиновского Совета Лебедеenko без соответствующих документов получил из казначейства 170 тыс. руб. Деньги были отпущены на уп-

¹ ГАВО. Ф. Р-36. Оп. 2. Д. 8. Л. 183.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 9. Лл. 124-124об., 139.

лату пособий солдаткам за октябрь – ноябрь 1917 г., так как «неудовлетворение их угрожало местной советской власти»¹.

Наконец 18-19 октября был проведен губернский съезд заведующих отделами управления. Съезд, выслушав доклад о работе губотдела управления, одобрил его и констатировал, что Воронежский Совет успешно начал организацию работы. Было решено провести политическое укрепление милиции, создать инструкторские курсы. Было одобрено, чтобы ЧК входили в исполкомы на правах подотделов отдела управления, а председатели ЧК – в состав коллегии².

Отдельно надо осветить создание городского совета Воронежа, который стал местной властью в городе. Решение о его формировании было принято еще 30 апреля. В тот же день на общем собрании Совета была утверждена инструкция о перевыборах. По ней в горсовет принимался 1 делегат от 150 чел., а также 1 делегат от предприятий с числом от 50 до 150 рабочих. Большевики и левые эсеры также делегировали по два члена независимо от выборов³.

Началась предвыборная агитация, однако выборы шли очень медленно. Предполагалось, что они должны закончиться 1 июня, но даже 20 июня голосование было далеко от завершения. На тот момент из 55-60 избирательных единиц города выборы прошли лишь в 18-20. На многих участках они прошли после двух-трех собраний и часто без нужного кворума. Газета сообщала: «Всего этого и следовало ожидать, имея в виду то чувство усталости, расхлябанности и равнодушного отношения к своим интересам и обязанностям, которые слишком глубоко проникли в толщу трудящихся масс»⁴. Лишь с 8-го июля начался выбор представителей. К тому же 10 июля была принята новая Конституция, устанавливавшая новый порядок выборов.

Первое заседание Совета прошло лишь 23 июля. Председателем его был избран Богуславский. Всего было избрано 132 чел.⁵

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 32-33об.

² Воронежский Красный листок. 1918. 14 августа. №44.

³ Комаров А. Указ. соч. С. 66.

⁴ Воронежский Красный листок. 1918. 25 июня. №3.

⁵ Воронежский Красный листок. 1918. 25 июля. №27.

Таблица 3. Партийный состав Воронежского городского Совета

	От рабочих	От красноармейцев	Итого	В процентах
Коммунисты	30	25	55	41, 66%
Им сочувствующие	11	3	15	11, 36%
Левые эсеры	8	2	10	7, 57%
Им сочувствующие	2	–	2	1, 5%
Правые эсеры	14	–	14	10, 6%
Им сочувствующие	3	–	3	2, 27%
Меньшевики	23	–	23	17, 4%
Им сочувствующие	1	–	1	0, 75%
Беспартийные	9	–	9	6, 8.%

Таким образом, коммунисты имели в Совете с сочувствующими большинство в 53%, левые эсеры с сочувствующими – 9%. Правые эсеры и меньшевики имели в совете 28%, а с сочувствующими – 31%.

Подобный крен к правым социалистам был закономерен и соответствовал общероссийской политической ситуации, сложившейся весной – летом 1918 г. Негативные последствия Брестского мира, послевоенная разруха, разворачивавшаяся гражданская война, продовольственный дефицит привели к падению политической активности масс. Часть из них отвернулась от большевиков, впад в аполитизм, часть встала на антибольшевистские позиции, что создавало благоприятные условия для работы эсеров и меньшевиков. Как показывает революционная хроника и материалы местной печати, вся первая половина 1918 г. прошла для воронежских большевиков в глухой борьбе с умеренными социалистами. Определенный успех последним дала подготовка к эвакуации в апреле 1918 г. Эсеро-меньшевики провели на ряде заводов митинги и сборы, на которых продвигали вопрос о недоверии к большевикам и советской власти. Позднее к этому прибавилась критика дороговизны, смертной казни и т. д. В тоже время значительная часть рабочих просто не вмешивалась в эту борьбу, отходя от политики. В июне

1918 г. председатель губпарткома Кардашев говорил: «Вынужденная бросить для дела революционного строительства жизни лучшие свои силы, которые не могли быть многочисленными, партия коммунистов естественно не имела возможности уделять много времени и силы чисто партийной работе среди масс. Отсюда колеблются рабочие массы, принявшие в последнее время форму значительного ухода от большевиков и уклонения в сторону главным образом беспартийности»¹. Тем не менее, исход выборов показал, что умеренным социалистам удалось заполучить определенный успех среди голосовавших рабочих, желавших перемены положения. Этим и объясняется столь резкий рост меньшевиков в Совете, ранее никогда серьезным влиянием не обладавших, в то время как популярность эсеров, хорошо показавших ранее свою работу, выросла намного меньше.

Судя по всему, особенно много социалисты получили на предприятиях с традиционно большой у них поддержкой: на заводе Столля и в Воронежских железнодорожных мастерских². Уже позднее противоборство проэсеровски настроенных рабочих и власти вылилось в конфликт. 22 августа объявили забастовку рабочие завода Столля, который всегда был цитаделью эсеров. Сначала большевики, ввиду важности завода, решили его не закрывать, а только «заклеймить позором» стачку³. Однако забастовщики попытались склонить к ней и другие предприятия. Решением губисполкома завод был закрыт, а рабочие – распущены. Вновь завод был пущен в ход 8 сентября. Из 800 рабочих на нем осталось только 460 чел. – все остальные были уволены⁴. На заводе экстренно началась партийная работа и вливание новых рабочих.

На открытии Совета фракции зачитали свои декларации. Эсеры и меньшевики (примечательно, что лишь они успели подготовить их в письменном виде) заявили, что вступили в Совет для протеста против большевистской политики. Эсеры потребовали превратить Советы в «боевую классовую организацию рабочих», лишённую прав государственного управления, восстановить гражданские

¹ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 14а.

² Комаров А. Указ. соч. С. 92.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 25 августа. №53.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 115, 122.

права и свободы, отменить смертную казнь и передать власть Учредительному собранию. Они решительно протестовали против Брестского мира, исключения из Совета членов оппозиции и избрания делегатов от «наемной вооруженной силы – красноармейцев»¹. Требования меньшевиков были почти аналогичны².

В результате бурного спора коммунисты проголосовали за удаление обеих фракций. Большинством 71 против 32 оно было принято. В состав исполкома вошли: от коммунистов 12 чел. – Богуславский, Люксембург, Дьяков (втроем они составили президиум горисполкома), Ерман, Смирнов, Драгачев, Иппи, Наумов, Мирошников, Вакадин, Шрейдель и Кондратов; от левых эсеров, несмотря на их несомненную оппозиционность, в исполком было допущено 3 члена: Лебедеenko, Воронков и Палахин³. Так эсерово-меньшевики окончательно потеряли возможность влияния на власть.

После этого прошла организация управления горсовета. 28 июля на его заседании было решено вместо организовать вместо 4 – 10 отделов, в соответствии с Конституцией⁴. Выборы их глав прошли 2 августа. Были избраны: Богуславский (финансовый отдел), Кондратов (технический), Мирошников (административный), Смирнов (народного образования), Люксембург (медико-санитарный), Лакидин (хозяйственный), Наумов (социального обеспечения), Ерман (юридический). Не заняты были реквизиционно-контрольный и продовольственный отделы. Кроме того, 30 июля было решено присоединить к городу пригороды: слободы Ямскую, Троицкую, Чижевскую, Придачу и Привокзальный поселок⁵.

11 октября губисполком запросил у совета список его отделов. Вскоре Богуславский передал список учреждений города вместе с их адресами. Этот список показывает, что новому Совету перешло все хозяйство города (см. приложение 7).

¹ ГАВО. Ф. Р-2393. Оп. 1. Д. 8а. Лл. 4-4об.

² Воронежский Красный листок. 1918. 26 июля. №28.

³ Там же.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 105.

⁵ Воронежский Красный листок. 1918. 1 августа. №33.; 4 августа. №36.

Структура управления городом была дополнена 22 октября, когда было утверждено положение о районных комитетах и домовых комитетах бедноты¹. Согласно ему, районные комитеты становились местными органами самоуправления, подчинявшимися горсовету. Домовые комитеты бедноты представляли собой исполнительный аппарат районных комитетов. В них должны были избираться только члены городской бедноты, а в случае отсутствия таковой – назначаться коменданты. На домовые комбеды возлагались вопросы содействия горисполкому в деле жилищного уплотнения, распределения квартир, реквизиций имущества и вопросов домового управления. Одновременно началось переселение рабочих в центр города и выселение буржуазии на окраины. Предполагалось подключить рабочие кварталы к электросети². Однако переселение как раз совпало с наступлением красновцев и подготовкой к эвакуации. Как вспоминал М. Г. Рошаль, успеха в этом достичь не удалось: «...горсовет организовал принудительное переселение рабочих в квартиры буржуазии. Но эта мера на каждом шагу встречала затруднения, отчасти из-за нерешительности и несознательности некоторых слоев рабочих, опасавшихся казачьего нашествия. Дело осложнялось еще и тем, что владельцы квартир оказывали сопротивление, стараясь мелкими придирками отравить нормальную жизнь переселяемых рабочих семей»³.

Октябрьское наступление белых в целом обострило положение города. 8 октября в связи с этим в Воронеже прошло объединенное собрание горсовета, рабочих и партийных организаций. Было решено срочно выделить надежных рабочих в Красную армию для укрепления фронта. Это непосредственным образом сказалось и на состоянии советских учреждений. 18 октября воронежский горисполком постановил отправить на фронт 20% своих работников. Через неделю, 25 октября, комиссия служащих горсовета постановила мобилизовать всех взрослых служащих, способных носить оружие, для обучения военному делу⁴. Кроме того, 10 ноября губком РКП(б) постановил закрыть ряд отделов губисполкома и гориспол-

¹ Комаров А. Указ. соч. С. 143.

² Известия Землянского Совета. 1918. 26 сентября. №4.

³ Рошаль М. Г. Указ. соч. С. 30-31.

⁴ Комаров А. Указ. соч. С. 136, 141, 144.

кома для освобождения коммунистов для прифронтовой полосы, а также объявить всех коммунистов мобилизованными для обороны города¹. Спустя два дня решение о закрытии некоторых учреждений было подтверждено на объединенном заседании губисполкома, горсовета и рабочих организаций. На фронт был отправлен составленный из рабочих-железнодорожников и латышской команды при отделе земледелия отряд в 200 чел. Возглавил его бывший комиссар финансового отдела Павлуновский. Однако в первых же боях отряд понес потери. 2 ноября вместо погибших на фронте Губанова и Павлуновского в губисполком были введены Попов и Лепендин².

11 ноября решением собрания членов Центральной коллегии и других органов власти Воронежский район был объявлен на «положении эвакуации». Собрание выделило две комиссии по 5 членов, которые должны были собрать данные и разработать план эвакуации. 13 ноября губисполком разослал по отделам циркуляр: «Все учреждения, за ответственностью заведующих отделов, обязаны назначить по одному уполномоченному на учреждение. На обязанностях уполномоченного лежит хранение списков адресов семейств работников, подлежащих эвакуации». В распоряжение такого уполномоченного входили все средства транспорта для перевозки служащих, их семей и багажа³. Однако вскоре Воронеж получил телеграмму наркома В. И. Невского: «...Руководствуясь распоряжением Высшего Военно-Революционного Совета Республики... Воронеж эвакуации не подлежит»⁴. В конце 1918 г. наступление белые прервалось, и городу действительно удалось избежать эвакуации.

Все эти события сильно затормозили работу губисполкома. Лишь 25 ноября отдел управления разослал по местам циркуляр с сообщением о своих полномочиях. В связи с этим он запросил, какие затруднения встретили у местных Советов декреты правительства, как это помешало их работе, пользовались ли они при

¹ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

² Комаров А. Указ. соч. С. 150.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 32. Лл. 51-53об.

⁴ Чесноков В. И. За архивной строкой // Записки воронежских краеведов. Сост. А. И. Гайворонский. Вып. 1. Воронеж, 1979. С. 99-100.

этом инструкциями и консультациями юристов, в чем выражались незакономерные действия местных Совдепов. Обо всем этом отдел просил сообщать непосредственно ему¹. В дальнейшем отдел управления организовывал свою работу на основе инструкций центральных властей².

Формирование других отделов шло не легче. Установившаяся к осени структура ЧК почти отвечала центральным инструкциям: председатель, губколлегия, следственный отдел, общая канцелярия, отдел по борьбе с контрреволюцией и преступлениями по должности, отдел борьбы со спекуляцией, иногородний отдел (для заведования уездными ЧК). Единственным исключением было отсутствие железнодорожного отдела, вместо которого была создана отдельная транспортная ЧК ЮВЖД. Судя по всему, летом – осенью 1918 г. ЧК боролась в основном со спекуляцией³. Часть дел относительно спекуляции была ей передана из следственной комиссии при ревтрибунале⁴. Что касалось контрреволюции, то из наиболее серьезных дел ЧК можно назвать только разоблачение подпольной группы духовенства, печатавшей антисоветские листовки. Ее руководство было арестовано 23 сентября. Также ЧК разрабатывались дела нескольких офицерских организаций – очевидно, безуспешно⁵. Расформирование боевой дружины и переход милиции к отделу управления сняли вопрос об объединении отрядов под контролем ЧК. При ней был сформирован отдельный батальон⁶.

Хотя согласно положению от 11 июня ЧК подчинялись Коллегии ВЧК, лишь отдавая отчет местным исполкомам⁷, из телеграммы от 6 августа 1918 г. видно, что Воронежская ЧК «работает под контролем губисполкома и губкома

¹ ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3. Лл. 42-42об.

² ГАВО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2. Лл. 1-8.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 28 июня. №5; Незримые поединки: Рассказы о воронежских чекистах / Сост. А. К. Никифоров; Лит. обраб. В. М. Барабашова. Воронеж, 1985. С. 35, 43; Воронежские чекисты рассказывают. / под общ. ред. Н.Г. Минаева; сост. А. Васильев. Воронеж, 1976. С. 5.

⁴ Воронежский Красный листок. 1918. 29 июня. №6.

⁵ Воронежские чекисты рассказывают. С. 8.

⁶ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 37.

⁷ ВЧК-ГПУ: Документы и материалы / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 26-30.

РКП(б)»¹. Контроль партии был весьма серьезным. Так, вопрос о назначении командира батальона был согласован с губкомом, так как тот требовал принять на этот пост члена партии². 20 сентября губкомом была выделена Контрольная комиссия ЧК, в которую вошли Н. Н. Кардашев и П. Д. Смирнов³. То же считалось необходимым утвердить на местах. Резолюция конференции ЧК Воронежской губернии 16-17 сентября заявляла: «Обязательно, чтобы все члены и сотрудники комиссии были коммунистами и также по возможности подбирать штат служащих из коммунистов»⁴. Это показывает, что губком однозначно оценивал ЧК как вооруженный отряд партии.

Однако обследование работы ЧК с 26 октября по 11 ноября 1918 г. показало, что ее деятельность была налажена плохо. Руководящая коллегия собиралась нерегулярно и редко, документация сохранилась слабо: имелось лишь 8 небрежных протоколов. ЧК было заведено 180 дел, состав которых был очень пестрый – 59% к ЧК вообще не относилось (пьянство, бесчинства на улицах), 22% представляли преступления по должности (7% растрата, 4% взятка, остальное саботаж), 5% – спекуляция, и лишь 14% – контрреволюция. Отдел разведки и оперативная часть были в процессе реорганизации и фактически не работали. Регистрация не соблюдалась, и хотя учет арестованных велся, но даже точного их числа не имелось: сообщалось о 120 арестованных и 15 расстрелянных. 4-й иногородний отдел, занимавшийся связью с местными ЧК, был единственным, чье состояние признано удовлетворительным, но связь с местами была слаба, а инициатива со стороны отдела отсутствовала. 5-й хозяйственный отдел был в полном развале, казначей не вел ни отчетов, ни актов, в связи с чем требовалась бухгалтерская ревизия. Комендатура была не налажена. При ней имелся справочный стол, но работал он плохо. Кадровый состав ЧК был неудовлетворительным: партийных – 44, беспартийных – 93, причем «последние без письменных рекомендаций». В целом ЧК только налаживала деятельность, причем с большим трудом – не доставало не

¹ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 37.

² ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Лл. 36, 41.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Л. 264.

⁴ Еженедельник Чрезвычайных Комиссий. 1918. 29 сентября. №2. С. 31.

только специалистов, но даже просто грамотных людей. Состояние ее комиссия признала не соответствующим нужному и заключила, что требуется смещение руководства и реорганизация учреждения¹. Несмотря на это, Хинценберг остался на своей должности, а вскоре даже пошел на повышение, став председателем Особого отдела ВЧК Южного фронта.

К сожалению, меньше сведений о подотделе милиции. Известно лишь, что к декабрю он состоял из 6 человек: начальник милиции, делопроизводитель, писец, регистратор и сторож². Судя по эвакуационным спискам на ноябрь 1918 г., милиция была малочисленной: в ней было всего лишь 87 милиционеров. Очевидно, не были учреждены даже участки милиции в присоединенных пригородах. Штат служащих составлял 12 человек: начальник милиции, начальники участков, секретарь, делопроизводитель, его два помощника и машинистка³. Учитывая все это, можно предполагать, что милиция в конце 1918 г. была также организационно слаба, так как подотдел милиции только создавался. Вскоре было учреждено отделение уголовного розыска по Положению НКВД от 5 октября 1918 г. Интересно, что именно в Воронеже его решили провести как первый эксперимент, на что 12 декабря дал разрешение нарком юстиции Д. И. Курский. Уголовный розыск Воронежской губернской милиции относился к 1-й категории. В нем работали 84 сотрудника, из которых 15 руководили отделениями уголовного розыска по губернии и 69 числились при городской милиции, обслуживая г. Воронеж⁴.

С июля началась активная организация совнархоза (СНХ). 3 июля для его формирования была учреждена комиссия в составе 6 человек: М. Г. Рошаль, Н. И. Кардашев, Е. Коржов, П. Д. Смирнов, О. П. Хинценберг, Р. Г. Эглит. Она уже через два дня утвердила состав СНХ численностью в 12 человек. В его ведение

¹ Там же. Лл. 59-60об.

² Алексанян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы гражданской войны (1917-1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 17.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 32. Лл. 67-68.

⁴ Смирных В. Почти военная организация: очерки истории Воронежской милиции 20-х годов 20 века. К 200-летию МВД России. Воронеж, 2002. С. 78-80.

постепенно были переданы все экономические учреждения губернии: кожевенный комитет, комитет по топливу, дорожный отдел губернского земства, строительный отдел, Воронежский окружной народный суд¹.

Председателем СНХ стал М. Г. Рошаль, членами – А. Абрамов, А. В. Бобровский, Н. Н. Кардашев, М. Комаринец, В. И. Малюта, А. В. Нагурский, И. А. Павленко, П. Д. Смирнов, С. Д. Турчанинов, О. П. Хинценберг, А. В. Шестаков². Согласно своему уставу, СНХ признавался экономическим отделом губисполкома, который занимался организацией экономической жизни в губернии. Ему передавалось право ревизии и реквизиций всех губернских учреждений и предприятий, что утверждалось центральным или областным СНХ. Формировался СНХ на основе выборов на губернских съездах и конференциях представителей профсоюзов, губисполкома, уездных СНХ или экономических отделов. В состав пленума СНХ было постановлено избирать 61 чел.³ 4 сентября председателем СНХ был переизбран Н. Н. Кардашев, М. Г. Рошаль стал его заместителем⁴.

В августе СНХ состоял из 9 производственных и 5 непроизводственных отделов. Впоследствии они были реорганизованы: «Структура Воронежского ГСНХ окончательно сложилась из 14 производственных подразделений (по отраслям промышленности): сахарной, кожевенной, пищевой, маслособойной, металлообрабатывающей, лесной и деревообрабатывающей, военной, спирто-водочной, текстильной, строительных материалов, полиграфической, мукомольной, химической и комитета государственных сооружений. Кроме того, при президиуме ГСНХ были образованы Управление делами с юридической частью, отделы иногородно-информационный (ведавший уездными советами народного хозяйства), транспортно-материальный, финансово-счетный, топливный, пожарно-страховой, промышленной статистики, кооперативный и исследовательское бюро. Позднее был создан электротехнический отдел»⁵. Отделам были приданы предприятия

¹ Воронежский Красный листок. 1918. 10 июля. №15; 6 августа. №37; 8 августа. №39.

² Лаппо Д. Д. Жертвы беззакония. Воронеж, 1994. С. 182-183.

³ Воронежский Красный листок. 1918. 27 июля. №29.

⁴ Лаппо Д. Д. Указ. соч. С. 183.

⁵ Рошаль М. Г. Указ. соч. С. 43-45.

бывшего земства, Земского союза и ВПК. Также в октябре СНХ был подчинен и хозотдел исполкома¹. 13 января 1919 г. было постановлено окончательно ликвидировать хозотдел, и реформировать его на правах делопроизводства исполкома по хозяйственной части².

В начале декабря в связи с ревизией ВСНХ все отделы Воронежского СНХ были объединены в единый управленческий аппарат. Представители ВСНХ подтвердили национализацию предприятий, в том числе завода Столль, который был передан металлообрабатывающей секции. Часть его мощностей была перепрофилирована под изготовление сельхозмашин, часть – отдана автосекции губисполкома для ремонта автомашин³.

Как показывают сохранившиеся разрозненные сведения о работе других, ранее организованных отделах Совета, их налаживание тоже шло с трудом. Они показывают, что работа их проходила по более-менее организованному плану, с опорой на силы партии и общественности, для чего регулярно проводились съезды и совещания. Однако деятельность эта осложнялась недостатком опыта, денег и связи с местами. Особенно тяжело было медицинскому отделу, так как у него просто не было денег. Наиболее сложной задачей для него стала разразившаяся летом 1918 г. эпидемия холеры. 11 октября губкомиссариат труда жаловался в исполком, что врачи лазаретов Земского союза не получают жалования из-за неимения кредитов у отдела. Из ответа на запрос от 22 октября видно, что в отделе состояли на службе 8 врачей, 13 фельдшеров и студентов и 8 сестер и санитаров. Из них 4 врача, 4 фельдшера и 3 сестры обслуживали заболевших испанкой, остальные были командированы на борьбу с холерой⁴.

Более активно держал себя земельный отдел. Для разделения земли 10 сентября 1918 г. при нем был учрежден подотдел текущей земельной политики – аналогичные отделы было предусмотрено создать и в уездах. Он должен был регулировать взаимоотношения уездных земельных отделов, вырабатывать для них

¹ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

² Там же. Д. 73. Л. 2.

³ Рошаль М. Г. Указ. соч. С. 46-57.

⁴ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 329, 368-368об.

инструкции, проводить контроль за их деятельностью, наблюдать за распределением земли, санкционировать отвод из запасного фонда участков для специальных целей, составлять план землеустроительных работ. Так же учреждалась губернская земельная комиссия (для разбора земельных конфликтов) и губернское землеустроительное совещание – совещательный орган при комиссариате¹. Последнее было проведено 6-7 октября.

Деятельно вел себя отдел по образованию. Им был учрежден в информационных целях инструкторский подотдел. 24 сентября к нему присоединили статистический подотдел и справочно-педагогическую библиотеку. В середине сентября 1918 г. был ликвидирован комиссариат по делам театров. Вскоре вместо художественно-просветительного отдела создан отдел искусств, в составе которого была театральная секция, усиленная кадрами и финансами². Губоно также было проведено 15 августа совещание делегатов 10 уездов для выборов преподавателей в средние и высшие учебные заведения³. 17 августа 1918 г. оно постановило делегировать в будущий губернский совет по образованию представителей с мест путем выборов местными советами или их съездами⁴

6 сентября был открыт 1-й губернский рабочий съезд, в связи с чем 17 сентября была создана новая коллегия комиссариата труда из 5 лиц⁵. Ею был запрошен финансовый отдел по поводу кредитов, находящихся в распоряжении бывших фабричных инспекторов. Было решено открыть кассы в Бобровском, Землянском, Нижнедевицком, Коротоякском, Павловском и Задонском уездах⁶.

В конце осени последовало еще несколько реорганизаций, так, финансовый отдел был слит с Воронежской казенной палатой. К концу 1918 г. система исполнения выглядела так: общая канцелярия, отделы труда, земельный, юстиции, статистический, управления, медико-санитарный, ветеринарный, социального обес-

¹ Материалы губернского совещания по делам землеустройства. 6-7 октября 1918 г. Воронеж, 1918. С. 76-80.

² Гайворонский А. И. Указ. соч. С. 34-36, 53-57.

³ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Л. 10об.

⁴ Там же. Лл. 23-23об.

⁵ Комаров А. Указ. соч. С. 121-122, 127.

⁶ ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 35. Лл. 29-29об., 31-31об.

печения, народного образования, губернский продовольственный комитет, СНХ, ГубЧК. Далее шли подотделы, которые заведовали местными отделами Советов. Работу отделов исполкома проверяла ВУКК как контрольный орган. Эта структура в своих общих чертах не менялась до самого 1919 г.¹

Таким образом, деятельность Воронежского губисполкома долгое время была ограничена чрезвычайными условиями, в которых он работал. Это было отличительной особенностью местной власти на юге страны. В сходном положении оказались Курская, Тамбовская и Орловская губернии, которые тоже оказались прифронтовыми. Лишь в мае – июне 1918 г. Воронежский Совет оказался способен начать последовательную программу преобразований, однако эта работа проходила с большим трудом из-за ряда причин. Институциональное оформление согласно советским декретам губисполком начал еще в сентябре 1918 г., однако из-за наступления белых войск реализация этих мер забуксовала почти на месяц и смогла возобновиться только в ноябре. Также этот период отличается усилением контроля за деятельностью местных Советов и укреплением силовых органов, без которых невозможна государственная власть.

Этим третьим этапом заканчивается деятельность Советов в 1918 г. Представленный выше материал дает право сформулировать выводы о том, каких успехов достиг Совет к этому моменту. Несмотря на то, что в этот период не удалось достичь высокой эффективности системы управления, большевикам удалось достичь ее постепенного и постоянного развития. Надо учитывать, что строительство нового государственного аппарата, кардинально отличающегося от старого, проходило в гораздо более тяжелых обстоятельствах, чем в предшествующем 1917 г. Организация власти шла в чрезвычайных условиях надвигающегося голода, интервенции, гражданской войны, в прифронтовой обстановке, при децентрализации государства и недостатке ресурсов, как кадровых, так и материальных.

Эта работа проходила с большим трудом и лишь к концу 1918 г. позволила обеспечить минимальное взаимодействие. Тем не менее, новая советская структу-

¹ Сиволов Д. В. Указ. соч. С. 171.

ра обладала важными преимуществами, которые отличали ее в лучшую сторону от дореволюционной: единством, полновластием и централизацией. Управление при самодержавии и Временном правительстве было представлено бюрократической моделью, заключающейся в прямом регулировании ситуации на местах представителями правительства, с передачей исполнительных функций и ответственности местным органам самоуправления. Такая система приводила к рассогласованности ветвей управления, разному уровню их полномочий, оторванности от местной ситуации. Советская структура была лишена этих основных недостатков. Единство структуры сверху донизу позволяло ей достичь унификации деятельности и взаимодействия органов на местах. Сосредоточение всех основных функций в Советах обеспечило им контроль над обстановкой и необходимые для реализации своих планов средства. Централизация обеспечила единую вертикаль разработки и реализации решений, подотчетность регионов центру, что в конце концов переломило процесс децентрализации страны в первой половине 1918 г.

Конечно, данная система на первых этапах своего существования была весьма слаба. Тем не менее, общий характер конструкции советской власти отвечал кризисному состоянию государства, в котором и сложились условия для победы этого типа государственного устройства. Внимательное изучение данных показывает, что сосредоточение власти в руках Советов произошло еще до победы Октябрьской революции и даже в определенной мере против желания их создателей. Анализ дальнейшей трансформации и деятельности Советов дает право заключить, что победа большевистской политики в опоре на Советы была неслучайной, а оказалась единственной оправдавшей себя в сложившихся обстоятельствах. Она оказалась последовательным выходом из сложившейся в России ситуации социального раскола и кризиса власти. Успешное преодоление Советской Россией катастрофического по своим масштабам кризиса периода гражданской войны и интервенции также подтверждает данный вывод.

Заключение

Рассмотрение деятельности органов власти Воронежской губернии и процесса их трансформации в революционный период позволяет адекватнее оценить суть системы государственного управления России и альтернативы революционного процесса.

Российская политическая система к началу XX в. была отягощена многочисленными признаками старой феодальной организации. Среди прочих к ним относились и архаичные элементы внутреннего управления. Губернатор, будучи официально непосредственным представителем императора и правительства, имел строгий административный контроль за другими организациями. Однако многие исполнительные функции были передоверены местному самоуправлению, которое было автономным в своей деятельности. В итоге создался управленческий дуализм, который мешал эффективному взаимодействию власти и общества. Ситуацию усложняли недостаточно четко унифицированные правила взаимоотношений разных органов, оторванность власти от общества. Проблема вполне осознавалась к XIX – н. XX вв., но и либеральное земское движение, ни революция 1905-1907 гг., ни оппозиционная деятельность в Государственной Думе не привели к серьезной реформации.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для этой системы управления. Страна втянулась в войну, не имевшую себе ранее равных по влиянию и последствиям. Постигший в итоге государство кризис был прямо пропорционален масштабам происходящих событий. Среди прочих проблем, продемонстрировавших отсталость России в области экономики, социального развития и национального самосознания, выявилась и отсталость внутренней системы управления. И губернатор, и местное самоуправление имели определенные успехи в своей деятельности, которая заключалась в борьбе с кризисными проявлениями и выполнением заданий правительства. Однако ситуация на местах все больше выходила из-под контроля. Губернатор не оказывал решающего влияния на обстановку, занимаясь лишь минимизацией негативных последствий, а местное самоуправление не получило адекватных полномочий для закрепления полученных за

годы войны функций и необходимой финансовой и кадровой помощи. Решение государственных проблем требовало изменения всего внутривластного курса и радикального изменения управления тылом, на что самодержавие оказалось не способно. Это заранее лишало старания губернских органов власти на успех. Их местные возможности также были весьма ограничены, а взаимодействие далеко не всегда успешным. Все это привело к явной деморализации местных органов власти к началу 1917 г., углублению управленческого кризиса и недовольству населения, его неприязни к местным органам.

После свержения самодержавия коронная администрация в лице губернатора и полиции была ликвидирована, так как обе структуры воспринимались как непосредственные институты самодержавия. Тем самым изначально была нарушена прежняя бюрократическая модель управления. Первые дни революции дали понять, что нарастающий вал общественной активности требует построения системы управления в опоре на общество. Однако в Воронежской губернии этот фактор оказался выражен слабее, чем в некоторых других местах страны, например, таких как Красноярск или Саратов, где задачу формирования структуры власти в виде коалиционных исполнительных комитетов, объединявших представителей всех общественных сил, взяли на себя представители Советов, в других – исполкомы пользовались широкой общественной поддержкой и исходили непосредственно от населения. Основную функцию по их созданию приняли на себя деятели органов самоуправления, которые после окончательно свержения самодержавия перешли на сторону революции. В Воронеже власть осуществлял комитет общественного спокойствия, созданный по инициативе думы из своих делегатов и вскоре пополненный представителями общества, организовавших в Комитет общественных организаций и учреждений. В масштабах губернии власть объединял губернский исполнительный комитет, созданный из членов губернского земства, которые овладели старым административным аппаратом губернатора. Именно губернский комитет инициировал создание исполкомов на местах еще до инструкций правительства, чтобы обеспечить порядок в уездах. Данные исполкомы организовались по всей губернии к середине марта под несомненным давлени-

нием общественности. Несмотря на чрезвычайные обстоятельства, они составляли рыхлую, но работоспособную систему органов управления, опирающуюся на достаточно широкие слои общества. В связи с неорганизованностью и слабостью местных Советов эта система не встретила противодействия и обладала полновластием на месте. Так была обеспечена определенная стройность управления и его эффективность. При этом эта система официально подчинялась реформированной Временным правительством бюрократической структуре – представителям правительства в лице губернских и уездных комиссаров, которыми были назначены председатели губернской и уездных земских управ.

Новая структура власти была достаточно аморфной, так как формировалась на местах местными силами, во многом импровизированно, ее полномочия не были ясно определены, силовые органы в лице милиции были подчинены местным исполкомам, а вышестоящая власть не нашла адекватных средств для подчинения ей новых общественных органов. Поэтому исполкомы были фактически автономными в своих действиях. Подчинение их губернскому комиссару на правах общественных объединений было скорее формальным. На деле губкомиссар не имел административных возможностей для влияния на местную власть и фактически не выходил за рамки деятельности старого губернатора, заключающейся в контроле ситуации на местах, соблюдении законодательства и перенаправлении запросов при минимальном личном вмешательстве. При этом фактически он вмешивался в обстановку достаточно редко, и эти вмешательства были обычно запоздалыми и неэффективными. Тем самым старая система управления была не только недостаточно адекватно изменена, но и ухудшена – в руках губкомиссара был лишь надзор и перенаправление указаний, в то время как реальная исполнительная власть и права по факту перешли исполкомам.

Данная система, базировавшаяся на сотрудничестве общественных сил и их добровольном подчинении власти, была недолговечна и вскоре разрушилась в результате охватившего страну социально-политического кризиса, который продемонстрировал недовольство широких масс правительством. Ситуация осложнилась из-за широкого социального раскола общества, который непосредственно

повлиял на трансформацию органов власти. В самом начале своего существования исполкомы управлялись членами старого цензового состава органов самоуправления, в связи с чем их деятельность проходила относительно осторожно и была отмечена определенными консервативными поползновениями. Однако на процесс формирования власти с самого начала стала активно влиять широкая общественность, придерживавшаяся демократических убеждений. В связи с этим начался широкий процесс демократизации исполкомов. В уездах он протекал с апреля по июнь 1917 г. В ходе демократизации старый цензовый состав был легально или насильственно смещен организованной оппозицией в виде крестьянских съездов и примкнувшими к ним демократическими слоями интеллигенции города и деревни. В результате этого были сменены составы практически всех уездных земских управ, состав многих уездных исполкомов, а также большинство уездных комиссаров. Попытки губернского комиссара повлиять на этот процесс путем запретов и лишений финансовых средств не помогли – напротив, к июню процесс демократизации привел к перевыборам представителями уездных комитетов губернского исполкома и скорой замене губкомиссара на представителя общественности. Данный процесс возглавляли эсеры, которые занимали лидирующие позиции в политической жизни губернии и местных общественных и политических органах, так как их революционная программа соответствовала демократическим лозунгам общества.

Все это продемонстрировало широкое недовольство низами умеренно-бюрократической модели управления в чрезвычайных обстоятельствах, требовавших радикального социального обновления. Несмотря на то, что Временное правительство пошло на ряд уступок общественности, оно так и не признало исполкомы органами власти и стремилось передать управление на местах демократически переизбранным думами и земствам. Одновременно усиливался социальный раскол, который привел к оторванности исполкомов от населения и их деградации. В связи с этим с лета 1917 г. исполкомы, исчерпавшие свою роль организаторов власти, постепенно умирают, чтобы уступить место избранным земствам.

Определяющее значение на жизнь уездов имел губернский центр. В самом Воронеже власть в городском исполкоме была уже в первые недели революции вырвана общественностью из рук цензовиков городской думы, которая сдалась без сопротивления и добровольно пополнила свой состав гласными от общества до новых перевыборов. Новый исполком под руководством умеренно-либеральных элементов обеспечил за собой полную власть в городе. Однако уже в апреле он встретил противодействие Воронежского Совета, что привело к острой конкуренции двух органов. Тем не менее, Совет не смог заставить переизбраться исполком, так как к августу 1917 г. он сам расформировался в связи с июльскими выборами новой думы.

Ликвидация системы исполкомов в условиях масштабного кризиса страны, ее социального раскола и нерешенности основных вопросов правительством привела к децентрализации власти, ослаблению влияния губернского комиссара и губернского исполкома, усилению узкоклассовых организаций – Совета и исполкомов деревни, превратившихся в преследующие свои цели органы, к разложению армии и бессилию парализованной внутрипартийной борьбой думы – формального хозяина Воронежа. Неоднократные попытки умеренной общественности найти способ для единения демократических сил в деле охраны порядка не удались, даже несмотря на то, что руководство во многих общественных и властных органах к тому времени принадлежало эсерам. В итоге к октябрю 1917 г. внутри Воронежского Совета побеждает большевистское влияние, которому удалось переломить ситуацию в свою пользу в опоре на склонившиеся к нему слои рабочих и солдат и при поддержке отколовшегося от эсеров левого крыла. Совет относительно легко взял власть в свои руки вскоре после переворота в Петрограде. Попытки противостоящих ему политических сил и органов власти организовать для отпора большевикам не удались из-за отсутствия у них социальной и силовой опоры и собственной слабости.

С победой Воронежского Совета начинается строительство советской системы власти в губернии. Оно проходило в три относительно четких этапа: первый – распространение власти Советов по губернии и их конституирование, овладение

Воронежским Советом государственного аппарата (октябрь 1917 г. – апрель 1918 г.); второй – ликвидация старых органов местного самоуправления и реорганизация советского аппарата применительно к новым условиям (апрель – август 1918 г.); построение аппарата Советов согласно официальным нормам центрального советского законодательства и укрепление контроля за местными органами (август 1918 г. – декабрь 1918 г.).

Победа Совета в Воронеже повлекла за собой краткий период борьбы против него враждебных сил, представлявшей из себя в основном политическое противоборство эсеров, саботаж думы и служащих местных учреждений. На первых порах большевики обеспечивали управление через временный ВРК. Решимость и опора на солдат и рабочих позволили им в короткий срок поставить под контроль гарнизон и милицию. Более сложная из-за саботажа борьба развернулась за овладение управляющими учреждениями. Однако использование как репрессивных методов, так и влияния на низших служащих позволило сломить саботаж правительственного аппарата и местных хозяйственных структур и овладеть ими к началу 1918 г. Из противостоящих Совету местных органов лишь дума обладала для этого достаточными возможностями, но она быстро потеряла их из-за отсутствия влияния на население. В связи с этим уже в ноябре – декабре 1917 г. ВРК был ликвидирован и вместо него выбран Совет, который создавал в своем составе соответствующие отделы управления, постепенно заменявшие местные правительственные учреждения.

Вслед за Воронежем взятие Советами власти сначала произошло только в трех городах: Острогожске, Новохоперске и Боброве. В остальных этот процесс затянулся до самой весны 1918 г. Организация власти Советов на местах проводилась преимущественно в январе – марте 1918 г. инструкторами вышестоящих советских структур, партийными организаторами из рабочих и крестьян, вернувшимися с фронта солдатами и беднейшим крестьянством. Несмотря на отсталый крестьянский характер губернии, этих социальных сил оказалось достаточно для нейтрализации других слоев, ликвидации старых органов власти и сравнительно безболезненного перехода власти в руки Советов. Пытавшиеся противостоять

этому старые органы власти рано или поздно были вынуждены уступать место Советам, в том числе и из-за компрометации их перед населением. Организовавшиеся Советы активно действовали чрезвычайными методами, широко использовали чрезвычайные налоги и сборы, опирались на определенную военную силу в лице солдат и красногвардейцев, с помощью которой активно подавляли и подчиняли себе старый правительственный аппарат. Для осуществления своей деятельности они формировали Советы с отделами по функциональному разделению. Закрепление победы Советов в губернии окончательно прошло на 3-м губернском съезде в апреле 1918 г.

На втором этапе были достигнуты конституирование Советов, прошел переход от чрезвычайных действий Советов к нормализованным, а также была проведена окончательная ликвидация старых органов местного самоуправления с использованием их опыта и имущества для новых хозяйственных структур. Еще в феврале – марте 1918 г. после долгой глухой борьбы окончательно решается судьба воронежской думы и земства. Не пожелав признать окончательно советскую власть, встать под ее финансовый, а даже не административный контроль, эти органы распускаются. В мае 1918 г. дума официально была распущена большевиками, а управление городом перешло муниципальной коллегии (отделу) Совета. Схоже шла ликвидация земства: в марте 1918 г. управление земством перешло коллегии земских служащих, в дальнейшем – коллегии земского отдела (комиссариата) Совета. Параллельно шла ликвидация дум и земств в уездах. К августу их уже не было, в связи с чем комиссариат земства был ликвидирован, а его имущество и аппарат был влит в воронежский совнархоз.

Таким образом, хотя роспуск старых органов самоуправления был во многом следствием их политического противостояния большевикам, их окончательная ликвидация прошла из-за ненужности их существования при сосредоточении функций в руках Советов. Параллельное существование старого самоуправления с Советами определялось в основном сосредоточением в них хозяйственных функций, которые было сложно сразу передать Советам. Как показывают другие данные, ликвидация других учреждений прошла тоже успешно, а их служащие

были в целом интегрированы в новый советский аппарат. Опыт Воронежа распространялся на места, а также принимались меры для построения системы полноценного финансового обеспечения советской власти на основе налогообложения, а не чрезвычайных сборов. Параллельно в связи с обострением внутренней обстановки проходило усиление политической монополии большевиков в органах власти, изгнание ими из Советов представителей эсеров и меньшевиков, а в июле 1918 г. – крах блока с левыми эсерами, которые из-за расхождений с политикой большевиков потеряли места в Совете Воронежа и ряде уездных центров.

На третьем этапе, который начался переизбранием губисполкома на 4-м губернском съезде Советов в августе 1918 г., прошла реорганизация системы советского управления. На основании центральных указаний (Конституции РСФСР, решений съезда председателей губисполкомов и заведующих отделами управления, инструкций центральных органов советского правительства) была четко установлена структура исполкома Совета. Управление местными Советами было доверено отделу управления. Силловые органы сосредоточились в специально установленных отделах – ЧК и подотделе милиции, в связи с чем пересмотрены функции губернского ревтрибунала. Процесс этот шел с рядом затруднений и местных особенностей. Так, хотя ЧК согласно официальным инструкциям должна была действовать на правах подотдела отдела управления, в Воронеже ЧК непосредственно подчинялась губисполкому на правах отдела. Контроль над ней проводился непосредственной партией. Активно шло строительство и деятельность других советских отделов, особенно развернувшееся к октябрю, для чего через регулярные съезды и коллегиальные совещательные органы привлекается местная общественность с опытом работы. Усиливается контроль за деятельностью Советов на местах. Наконец к концу 1918 г. структура советской власти в губернии принимает относительно законченный вид.

В значительной степени эффективность новой системы снижалась рядом серьезных недостатков, как вызванных объективными обстоятельствами, так и присущих исключительно ей: неопределенность советского законодательства, переплетение и дублирование функций и ответственности разных органов, усиление

бюрократизации, недостаток опытных кадров, слабое влияние и непопулярность среди населения, чрезвычайные условия деятельности, нехватка финансирования и т.п. Тем не менее, новая структура власти обладала несколькими важными преимуществами, которых была лишена предыдущая: ее единство, централизация и полновластие (сосредоточение всех функций в руках Советов). Кроме того, Советы изначально являлись общественными организациями, которые не могли существовать без опоры на политически организованные низовые массы, что было отходом от старой бюрократической системы управления, никогда не имевшей непосредственного политического влияния на население. Как показал анализ всего периода трансформации органов власти, именно этих достоинств была лишена модель управления как самодержавия, так и Временного правительства.

Строгая иерархия, соподчинение разных элементов властной структуры, обеспеченность должными полномочиями, их опора на политически организованный через коммунистическую партию актив – эти качества обеспечили Советам победу и развитие. Советы победили неслучайно, это было логичным ответом на чрезвычайные условия тогдашнего времени, которые вызвали необходимость «тотальной» мобилизации ресурсов, а также решения революционных вопросов общества в опоре на радикализованные классы. Сосредоточение всех важнейших функций в Советах и борьба за их политическое единство и доминирование в обществе – все эти процессы активно развивались еще в 1917 году, до победы большевиков. Решение масштабного кризиса, в который вступила к 1917 г. Россия, централизация и мобилизация ресурсов для обеспечения победы требовали адекватных чрезвычайных мер, в том числе и в сфере управления. Последнее и получило свое логичное завершение в лице Советов – органов революционной диктатуры. Несмотря на все тяжелейшие недостатки этой системы, которые были неизбежны в условиях импровизированного революционного строительства, именно благодаря принципиально иному характеру своей работы Советы обеспечили себе победу не только в революции, но и в гражданской войне.

Приложения

Приложение 1. Список местных народных судей г. Воронежа и Воронежского уезда с указанием местонахождения камер и территорий районов¹.

№№ район и фам. суд.	Местонахождений камер	Территория районов
1/ Малахов	Город Воронеж. Уг. Ср.-Московской и Кольцовской ул. №5	Вся территория Комиссариата 3-го района за исключ. мест. от ул. «26 Октября до ул. Карла Маркса» / Ст. Моск. Ст. Московск. переулка и от «Проспекта Революции» до реки
2/ Кошеляев	Грузовая ул. д.№28	По границам улиц «Проспект Революции» Плеханова до Ямской слоб. по гр. по последней до ул. Комиссаржевской и по последн. до ул. «Проспект Революц.
3/ Токмачев	Временно. Грузовая ул. д. №28	Ул. «Проспект Революции» от Поднабережной до Троицкой сл., по границе последней до реки и от реки по Поднабережной до ул. «Проспект Революции».
4/ Исаев	Ул. Плеханова д. Клигман	Границы ул.: Кольцовская от ул. Комиссаржевской /Б. Тулиновск./ до Старого Бега/ включ. с Ст. Воронеж Ю.В.Ж.Д. / отсюда по ул. «Проспект Революции» до ул. Комиссаржевской.
5/ Силин	Там же	Слободы: Чижовка и Ямска и ст. Воронеж М.К.В. ж.д.

¹ Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 268-268об.

6/Елагин	Уг. Ср.-Московской и Кольцовской №5	Придача, Троицкая и Привокзальный Поселок.
7/ Мезенцев	Временно. Грузовая ул. Д. №28	Границы – Слободы: Ямская, Красноармейская /Б. Валовая/Бол. Чижовская, Селивановская до ул. Плеханова и последней до сл. Ямской
8/ Смирнов	Временно. Грузовая ул. Д. №28.	По границам ул. от Петровского Сквера до Поднабережной /обе стороны/ и ул. Помяловского /Б Дубницкой/ до ул. «26 Окт.» и от ул. «Проспект Революции» до реки.
Воронежский уезд		
1/ Купидонов	Село Березово	Подгоренская и Березовская волости.
2/ Тетерин	Орлово	Орловская и Рыкановская волости.
3/ Павлов	Село Усмань	Тавровская, Придаченская, Усманская, с. Масловка
4/ Рачинский	Гремячье	Гремяченская, Костенская, Девицкая, Петинская, с. Малышево
5/ Глушневский	Верхняя Хава	Верхне-Хавская и Ивановская
6/ Устиновский	Рождественская Хава	Рожд.-Хавская Хр. Выселок Котуховская
7/ Кузнецов	Хава /Шукавка/ Петровское	Шукавская и Красненская
8/ Ильинский	Можайско	Можайская, Краснологовская и Данковская
9/ Подпоринов	/Московское/ Боево	Рогачевская, Московская, Боевская

Приложение 2¹. Список учреждений Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

№	Название	Адрес	Кол-во комнат	Работники
1	Медико-санитарный	б. здание Духовной консистории	9	72
	Пастеровская станция			9
	Оспенный телятник			4
2	Комиссариат труда	б. здания Крестьянского и Поземельного банков	7	30
3	Хозяйственный	Советская гостиница на проспекте Революции	4	15
4	Народного образования	б. Дворянского собрания	17	44
	Библиотека бывшего Губернского земства		2	1
	Педагогические курсы			
5	Реквизиционный отдел	б. дом Петрова на пр. Революции	5	20
6	Губернский отдел управления			
	Подотдел общих		5	20
	Информационно-инструкторский подотдел		5	17
	Подотдел милиции		1	

¹ Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 17. Лл. 2-23об.

7	Губернский продкомитет			
	Подотдел «Масло»		5	18
	Подотдел снабжения	б. дом Петрова на пр. Революции	17	78
8	Социального обеспечения	б. здание Губернского правления	6	44
9	Подотдел ЧК по спекуляции	д. Шведченко на ул. Плехановской	1	13
10	Земельный	б. дом Замятина (ранее – б. Дом общественного собрания)		
	Землемерно-техническая часть	б. здание Волжско-Камского банка	29	316
	Экономический подотдел ¹		4	27

Приложение 3. Воронежский окружной народный суд².

Наименование учреждений и должностных лиц	Число комнат	Число работающих сотрудников
Юридический отдел	3	15
Канцелярия председателя суда	2	5
Канцелярия Следственной комиссии	3	9
Гражданское отделение	7	30
Уголовное отделение	4	14
Канцелярия нотариата	2	5

¹ В докладе есть примечание, что при отделе находятся станция по борьбе с вредителями, контрольная семенная станция, естественно-исторический музей, метеобюро, показательная пасека, музей наглядных пособий. Планировалось расширение штата до 36 чел.

² ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 17. Лл. 7.

Канцелярия трибунала	1	6
Следственная комиссия трибунала	1	11
Коллегия обвинителей	1	6
Совет народных судей	4	16
Архив суда	2	6
Камеры членов Следственной комиссии	2	7
1-го, 2-го и 3-го районов г. Воронеж	1	4
4-го района г. Воронеж	1	3
5-го района г. Воронеж	1	3
1-го Воронежского уезда	1	3
2-го Воронежского уезда	1	3
3-го Воронежского уезда	1	2
4-го район. Воронежского уезда и по важнейшим делам	1	3
Зал гражданского отделения	1	
Зал уголовного отделения	1	
Всего	41	151

Приложение 4¹. Воронежский губернский военный комиссариат.

Наименование отделов	Количество служащих каждого отдела	Число комнат каждого отдела	ПРИМЕЧАНИЕ
гостиница Бристоль			В хозяйственный отдел снабжения входят подотделы: квартирный, технический, интендантский, обоз-

¹ Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 17. Лл. 19.

			ный и семейный
Общий отдел	16	2	
Секретарский	14	2	
Транспортный	12	2	
Комендантский	10	2	
Учетный	12	2	
Инструкторский	12	4	
Агитационно-вербовочный	13	2	
Формирования и обучения	8	2	
Снабжения	41	8	
Санитарный отдел	27	5	помещается на Мещанской ул., д. №3, ныне Володарской
Ветеринарный	5	1	Там же
Калачеевский уездный комиссар	14	2	

Приложение 5. Губернский земельный отдел (занимал бывшие здания дома Замятина и Общественного собрания)¹.

Адрес учреждения	Назначение комнат	Число комнат	Число сотрудников
Дом быв. Замятина, Глухой Покровский переулок	1-й этаж	1	
	Вестибюль		
	Приемная	1	
	Подотдел Коммун	1	7
	Канцелярия 1-го подотдела	1	6
	Канцелярия технического подотде-	1	7

¹Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 17. Лл. 20-21об.

	ла		
	Зоотехнический подотдел	1	6
	Хозяйственный подотдел Кухня	1	
	Маленькая комната для прислуги	1	1
	2-й этаж Комната председателя	1	1
	Секретаря и Управляющего Канцелярии	1	2
	Канцелярия Общего Делопроизводства	1	13
	Приемная	1	
	Зал заседания	1	
	Бухгалтерия	2	8
	Дежурного члена	1	1
	Кухня	1	
	Маленькие комнаты для прислуги	2	
	3-й этаж Занимаются Коллегией	11	10
	Подвал Квартира дворника	1	
Дом Бывшего Общественного Собрания по Никитинской улице	1-й этаж Вестибюль	1	
	Отряд стрелков	3	30
	Столовая	1	
	Служащих	2	
	Торфяной подотдел	1	7

	Гидротехническая часть	3	18
	Подвал Комната швейцаров	3	
	Рассыльных	2	
	Кухня	1	
	Дворников	3	

Приложение 6. Финансовый отдел¹.

Наименование учреждения	Число комнат	Число служащих	Примечание
Финансовый Отдел с его подотделами в б. доме Ракитина	16	41	
Казенная палата	7	138	Не считая прихожей и 2 маленьких кабинетов
Казначейство	8	80	Кроме того, 1 комната для публики
Губернское акцизное управление	10	46	Кроме того, 1 комната приемная, 2 заняты архивами и 2 курьерами
Отделение Народного банка и подведомственные ему отделы А. Отделение банка, собственное здание, б. государственное	14	192	
Б. Отдел текущих счетов и контрольный отдел, в здании б. Волжско-Камского банка	7	51	

¹ Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 17. Лл. 25-26об.

В. Отдел регистрации 5%-х бумаг			
Отдел бумаг в здании б. Русско-Азиатского банка	5	26	
Г. Фондовый отдел в помещении б. Коммерческого банка	4	29	
Д. Товарный отдел, в здании б. Азовско-Донского банка	7	43	
Контора зернохранилищ	5	14	Кроме того, комната сторожа, кухня и кладовая и коридор
Государственный Земельный банк, помещается в доме, принадлежавшем б. Крестьянскому банку на углу ул. 9 января и Воскресенской	11	105	
Губернская Земская касса мелкого кредита	11	53	
Государственная центральная сберегательная касса, занимает 6 помещений, из коих 2 операционных залы и 8 комнат	8	74	

Приложение 7. Список отделов и подотделов городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов с указанием их местонахождения¹.

Номер отдела	Название отделов с подотделами	Адрес местонахождения
1	Канцелярия городского испол-	Ул. 11 мая. Здание бывшей городской

¹ Составлено по: ГАВО. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 16. Лл. 340-340об.

	нительного комитета	думы
2	Технический отдел	1-я Острогожская. Здание бывшей гостиницы «Порт-Артур»
2.1	Типография	Ул. 11 мая. Во дворе городского Совета
2.2	Водопроводный	В канцелярии горисполкома, технический на берегу реки Воронеж
2.3	Прачечная	сл. Чижевка
2.4	Электрическая станция	Контора – ул. 11 мая, станция ул. 25 октября
2.5	Искусственного топлива	1-я Общественная галерея, ул. Плеханова
2.6	Бюро по благоустройству города	1-я Острогожская. Здание бывшей гостиницы «Порт-Артур»
3	Хозяйственный	Ул. 11 мая. В канцелярии горисполкома
3.1	Лесничество	Ул. 11 мая. Канцелярия горисполкома
3.2	Садоводство	Около Курского вокзала
3.3	По расквартированию войск	Ул. 11 мая. В канцелярии горисполкома
3.3	Скотобойня 1-го района Пожарная команда: 2-го района 3-го района	Около Курского вокзала Угол проспекта Революции и ул. 11 мая. Угол проспекта Революции и ул. Карла Маркса
4	Юридический	Ул. 11 мая в канцел. Горисполкома
5	Финансовый	Ул. Плеханова. При бывшем соединенном банке

5.1	Налоговый	Там же
5.2	Жилищно-налоговый	Здание Хлебной Бирже
6	Оценочно-статистический	Ул. 11 мая. В канцелярии горисполкома
7	Отдел народного образования его подотдел Комис. Театров	Ул. 9 января и Киевское подворье
8	Отдел Народного Здравия Административно-санитарный подотдел Микроскопическая станция	Ул. 9 января и Киевское Подворье
9	Продовольственный	Проспект Революции. Бывший д. Сомова
9.1	Подотдела переписи	Проспект Революции. Бывший д. Терпаносова
10	Адресный стол	Проспект Революции. Бывший дом семейного собрания
11	Городской общественный банк	Ул. 11 мая
12	Городской ломбард	Ул. Карла Маркса. Здание бывшей городской думы
13	Городская милиция	Ул. Никитинская
14	Жилищный отдел	Никитинская площадь
14.1	Архитектурно-строительный подотдел	

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ****1. Архивные материалы**

Государственный архив Воронежской области:

Ф. И-1. Воронежское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 1248, 1249, 1252, 1254, 2207.

Ф. И-6. Канцелярия Воронежского губернатора. Оп. 1. Д. 391, 1991, 1993, 2042, 2084, 2096, 2097, 2215

Ф. И-19. Воронежская городская управа. Оп. 1. Д. 3108, 3109, 3007; Оп. 2. Д. 50.

Ф. И-20. Воронежская земская управа. Оп. 1. Д. 287, 9561, 9587, 9836, 9839, 10083, 10437а.

Ф. И-21. Воронежское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2223, 2225, 2237, 2274, 2288, 2296, 2323, 2344, 2347, 2351, 2354, 2363, 2378.

Ф. И-212. Приказы начальника гарнизона г. Воронеж. Оп. 1. Д. 2.

Ф. И-217. Воронежский комитет объединенных общественных организаций. Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. И-218. Воронежский городской комитет общественного спокойствия. Оп. 1. Д. 1, 2.

Ф. И-220. Острогожский уездный исполнительный комитет Временного правительства. Оп. 1. Д. 1.

Ф. Р-13. Отдел управления Павловского уездного исполкома. Оп. 1. Д. 1, 3.

Ф. 35. Воронежский губернский отдел здравоохранения. Оп. 1. Д. 4.

Ф. Р-37. Народный суд 3-го района Воронежского уезда. Оп. 1. Д. 11.

Ф. Р-4. Отдел управления Воронежского губернского исполнительного комитета Совета. Оп. 1. Д. 2.

Ф. Р-10. Воронежский губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком). Оп. 1. Д. 4, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 20, 32, 35, 49, 62, 65, 73.

Ф. Р-36. Отдел юстиции Воронежского губернского исполнительного комитета Совета. Оп. 1. Д. 21, 29; Оп. 2. Д. 7, 8, 15.

Ф. Р-2393. Воронежский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 8, 8а, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области:

Ф. 1. Воронежский губернский комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 1, 4, 11, 13, 16, 45.

Ф. 5. Отдел истории Воронежского областного комитета ВП(б) (Истпарт). Оп. 1. Д. 323, 324, 330, 340, 414; Оп. 321. Д. 21, 323, 324; Оп. 322. Д. 21.

Ф. 290. Коллекция редких печатных изданий. Оп. 1. Д. 43, 44; Оп. 2. Д. 43, 44, 48, 54, 56, 73, 84.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

2. Указы, распоряжения, циркуляры центральных органов государственного управления

ВЧК-ГПУ: Документы и материалы / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Изд-во гуманит. лит., 1995. 271 с.

Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу // Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914 – 1917 гг. Ч. I. Сост. прив.-доц. Г. К. Гинс при содействии А. А. Боголепова, А. И. Горовица. Пг., Мин-во прод., 1917.

Постановление Временного правительства о волостном земском управлении. Воронеж, 1917.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Отд. II. Пг., 1917.

Собрание узаконений РСФСР. 1917 г. №4-7.

Съезды Советов Союза ССР, Союзных и Автономных Советских Социалистических Республик: Сборник документов. / Сост. Д.А. Гайдуков. Т. 1. 1917-1922 гг. М.: Госюриздат, 1959.

3. Указы, распоряжения и делопроизводство местных органов

Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 г. (16-17 декабря 1913 г. и 16-29 января 1914 гг.). Воронеж, 1914.

Журналы Воронежского губернского земства чрезвычайной сессии 3 августа 1914 г. Воронеж, 1914.

Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года. (15-21 января 1915 г.). Воронеж, 1915.

Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 19 сентября 1915 г. Воронеж, 1915.

Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1915 г. (15-24 января 1916 г.). Воронеж, 1916.

Журналы Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1916 г. (28 февраля – 4 марта 1917 г.). Воронеж, 1917.

Журналы Воронежского губернского земского собрания сессии 16 января 1918 г. Воронеж, 1918.

Журналы Задонского уездного земского собрания чрезвычайных сессий 18 августа и 21 декабря 1914 года и очередной сессии 1914 года. Елец, 1915.

Обзор деятельности Воронежского комитета Всероссийского Союза Городов за 1914-1915 годы. Воронеж, 1915.

Памятная книжка Воронежской губернии. Воронеж: Типолитография губернского правления, 1916.

Постановления Губернского земского собрания очередной сессии 1915 года по экономическим вопросам. Журналы Губернского Экономического Совета. Воронеж, 1916.

4. Опубликованные документы и материалы

Борьба за победу Великой Октябрьской Социалистической революции в Пермской губернии. Документы и материалы / под ред. Ф. С. Горового. Молотов: Кн. изд., 1957. 564 с.

Борьба за советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг.: Сборник документов и материалов / Воронеж: Воронежское кн. изд-во, 1957. 474 с.

Воронеж в документах и материалах / Под ред. В. В. Кудиновой, В. П. Загоровского. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1987. 269 с.

Два архивных документа. Морозов А. Я. Доклад по делу о Воронежской рабочей боевой дружине заведующему Губернским Отделом Юстиции. Чернышев М. А. Воспоминания начальника Воронежской боевой рабочей дружины. М: Компания Спутник +, 2006. 84 с.

Два архивных документа / сост. и авт. вступ. ст. Н.И. Третьяков; науч. ред. А.Н. Акиньшин; отв. за вып. П.М. Золотарев. Москва: Изд-во Олега Пахмутова, 2014. 125 с.

Записка М. В. Родзянки // Красный архив. 1925. Т. 3. С. 69-94.

Комбеды Воронежской и Курской областей. Материалы по истории комитетов бедноты / Ин-т сов. строительства и права при Комакадемии. Истпартотдел Воронежского обкома ВКП(б); Сост. С. Л. Ронин; Под общ. ред. проф. А. В. Шестакова, проф. Я. А. Ратгаузера. Воронеж: Воронежское обл. кн-во, 1935. 372 с.

Организация и строительство Советов рабочих депутатов в 1917 г. Сб. документов. М., 1928. 474 с.

Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5-10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. 92 с.

Революционное движение в России в апреле 1917 года. Апрельский кризис. Документы и материалы. Вып. 2 / Под ред. Л.С.Гапоненко. М.: Наука, 1958. 393 с.

Советы в Октябре: Сборник документов / Под ред. и с предисл. С. А. Пионировского. М.: Коммунист. акад., 1928. 384 с.

Периодическая печать

Вестник Воронежского уездного земства. 1916.

Воронежская коммуна. 1925.

Воронежский день. 1915.

Воронежский телеграф. 1916-1917.

Еженедельник Чрезвычайных Комиссий. 1918.

Знамя трудовой борьбы. 1918.

Известия Богучарского Совета. 1918.

Известия Воронежского Совета. 1917-1918.

Известия Землянского Совета. 1918.

Известия Острогожского уездного исполнительного комитета Советов рабочих и крестьянских депутатов. 1918.

Воронежский Красный листок. 1918.

Свободное слово (Новохоперск). 1917.

Мемуары

Архив русской революции. Т. 1-2. М., 1991. Т. 1. 397 с.

Джунковский В. Ф. Воспоминания / Под общ. ред. А. Л. Паниной; Предисл. и прим. И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Т. 1. М., 1997. 733 с.

За власть Советов: сборник воспоминаний участников революционных событий в Воронежской губернии в 1917-1918 годах / под ред. И.Г. Воронкова и Т.М. Севостьяновой. Воронеж: Кн. изд-во, 1957. 142 с.

Лызлов М. То, что сохранилось в памяти // Известия Воронежского губкома РКП(б). №9-10 (31-32). 1922. С. 14-18.

Рошаль М. Г. Записки из прошлого. М.: Наука, 1969. 216 с.

Чернов В. М. В партии социалистов-революционеров: Воспоминания о восьми лидерах / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Новикова и К. Хузер. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. 518 с.

Чуев И. А. Победу завоевали в борьбе // Да здравствует революция!: воспоминания участников Великого Октября / сост. М.И. Ступаков. М.: Политиздат, 1980. С. 93-111.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, учебные пособия, брошюры, сборники

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., Наука, 1989. 251 с.

Адамов В. В. Февральская революция на Урале. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. 64 с.

Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. / Редкол.: В.Ю. Черняев (отв. ред.) и др. СПб.: Глаголь, 1994. 443 с.

Анфимов А. Н. Российская деревня в годы первой мировой войны: (1914 – февраль 1917 г.). М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1962. 382 с.

Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти. М.: Наука, 1983. 334 с.

Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март – октябрь 1917 г. М.: Наука, 1967. 423 с.

Андреева Н. И. Калужские губернаторы: библиографические очерки. Золотая аллея, 2001. 192 с.

Афанасьев И. А. Лискиведение с древнейших времен до наших дней. Воронеж: Талис, 2006. 448 с.

Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. 159 с.

Баринова Е. П. Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 361 с.

Богучар: научно-популярный очерк истории Богучарского края с древнейших времен до середины XX века / Е. П. Романов, З. М. Романова. Воронеж: Воронежская областная типография, 2016. 200 с.

Борьба за Воронеж. Под ред. Комиссии Обкома ВКП(б): Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд. Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1939. 220 с.

Борьба за массы в трех революциях России. Пролетариат и средние городские слои / В.П. Булдаков, А.Е. Иванов, Н.А. Иванова, В.В. Шелохаев. М.: Мысль, 1981. 304 с.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., РОССПЭН, 2010. 965 с.

Булдаков В. П. Quo vadis?: Кризисы в России: пути переосмысления. М.: РОССПЭН, 2007.

Безобразов Б. П. Земские учреждения и самоуправление. Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1874. 52 с.

Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / Уч. пособие. Под ред. С. А. Комарова. СПб.: Питер, 2004.

Васькин В. В., Герасименко Г. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. 221 с.

Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет: в 4-х т. СПб.: изд. О. Н. Попова. 1909-11.

Винокуров С. В. Народное образование Воронежской области. Воронеж: Воронеж кн. изд-во, 1954. 54 с.

Владимирский М. Ф. Организация Советской власти на местах. М., 1921. 147 с.

Владимирский М. Ф. Советы, исполкомы, Съезды Советов. Вып. 1-2. М., 1920-21.

Воронежские большевики в трех революциях, 1905-1917 / Г. В. Бердников и др. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 172 с.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Историко-биографические очерки. / ред.-сост. А. Н. Акиншин. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 2000. 400 с.

Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710-1917. Историко-биографические очерки / ред.-сост. А.Н. Акиншин. Изд. 2-е, испр. и доп. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2015. 422 с.

Воронежские чекисты рассказывают. / под общ. ред. Н.Г. Минаева; сост. А. Васильев. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1976. 318 с.

Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Облкнигоиздат, 1952. 357 с.

Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 428 с.

Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М.: МГУ, 1957. 264 с.

Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М.: Наука, 1990. 262 с.

Герасименко Г. А. Народ и власть (1917 год). М.: Газ.-журн. об-ние «Воскресенье», 1995. 285 с.

Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты 1917 г. М.: Ника, 1992. 349 с.

Гермизеева В. В. Губернская администрация Западной Сибири (1895 – февраль 1917). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2015. 178 с.

Гимпельсон Е. Г. Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.). М.: Госюриздат, 1958. 179 с.

Головачев А. А. Десять лет реформ 1861-71 гг. СПб.: Вестн. Европы, 1872. 398 с.

Горовой Ф. С. Урал в огне революции. Пролетарская революция в Пермской губернии. Пермь: Кн. изд-во, 1967. 234 с.

Городецкий Е. Н. Ленин – основоположник советской исторической науки. История советского общества в трудах В. И. Ленина. М.: Наука, 1970. 550 с.

Государственное управление и самоуправление в России: Очерки истории. / В. П. Семьянинов (отв. ред.), В. С. Кожурин, В. Т. Петров и др. М.: РАГС, 1995. 196 с.

Градовский А. Д. Собрание сочинений А. Д. Градовского: в 9-ти т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 8. 580 с.

Гришаев В. В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М.: Мысль, 1967. 88 с.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм. М., Наука, 1987. 372 с.

Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л.: Наука, 1978. 246 с.

Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: МГУ, 1968. 178 с. 178 с.

Из истории земли Новохоперской / Г. А. Анчуков, В. Т. Петров; ист. справка Е. И. Федоринова. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2008. 221 с.

Ильинский Н. В. Рамонь. Из истории района. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984. 110 с.

Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917г.. – январь 1918 г. Л.: Наука, 1967. 302 с.

История Рязанского края. 1778-2007 / под ред. П. В. Акульшина. Рязань: Рязанская обл. тип., 2007. 447 с.

Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года: Учебное пособие. Самара: «Самарский университет», 2002. 324 с.

Катков Г. М. Февральская революция. М., Русский путь, 1997. 430 с.

Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука, 1985. 384 с.

Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М.: Наука, 1975. 336 с.

Кошелев А.И. Общая земская дума в России: Доп. к книжке «Наше положение» А. Кошелева. Берлин. 1875. 107 с.

Кравчук Н. А. Массовое крестьянское движение в России накануне Октября (Март-октябрь 1917 г. По материалам великорусских губерний Европейской России). М.: Мысль, 1971. 278 с.

Кризис самодержавия в России, 1895-1917. Л.: Наука, 1984. 664 с.

Кряженков А. Н. Алексеевка: историческая хроника. Белгород, 1992. 86 с.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. 367 с.

Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. 467 с.

Лаппо Д. Д. Жертвы беззакония. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. 215 с.

Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. 133 с.

Лепешкин А. П. Местные органы власти Советского государства. 1917-1920. М.: Госюриздат, 1959. 411 с.

Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII-начало XX века). М., 2001.

Любичанковский С. В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последние 10-летие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003.

Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892 – 1914). Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007.

Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2005. 402 с.

Макаров И. А. Губернаторы и полицмейстеры. Нижний Новгород: Книги, 2005. 512 с.

Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в.). Орел: «Орлик», 2011. 487 с.

Минц И. И. История Великого Октября. В 3-х томах. М., 1967-73.

Мокшин Г. Н. Летопись города Землянска (1661 – 1923). Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2012. 304 с.

Морев П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. 103 с.

Мы с тобой с рождения землянцы...: Пособие по краеведению. / Авторы-составители Т. Ф. Гафонова, Н. М. Трофимова. Воронеж: ВГПУ, 1999. 108 с.

Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 260 с.

Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 157 с.

Незримые поединки: Рассказы о воронежских чекистах / Сост. А. К. Никифоров; Лит. обраб. В. М. Барабашова. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 303 с.

Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии. / Под ред. И.П. Тарадина; Сост. И.К. Александров. Воронеж: Коммуна, 1927. 94 с.

Осипова Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1974. 350 с.

Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Изд-во «Стрелец», 2001. 400 с.

Очерки истории Воронежского края. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. 521 с.

Очерки истории Воронежского края. Т. 2: Эпоха социализма. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1967. 676 с.

Очерки по истории Октябрьской революции / под ред. М.Н.Покровского. Т.1-2. М., 1927.

Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: монография / под ред. М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.

Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1976. 190 с.

Пирумова Н. Н. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 268 с.

Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.

Поливанов А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году: (материалы для студентов). Воронеж: ВПИ, 1967. 111 с.

Поликарпов В. В. Русская военно-промышленная политика. 1914 – 1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 384 с.

Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. М.: Наука, 1987. 133 с.

Попов П. А. Городское самоуправление Воронежа. 1870-1918. Воронеж: Кварта, 2006. 423 с.

Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М: РОССПЭН, 2004. 365 с.

Последняя война старой России: Книга для учителя. М: Просвещение, 1994. 256 с.

Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. 191 с.

Протасов Л. Г. Учредительное собрание. История рождения и гибели. М.: РОССПЭН, 1997. 380 с.

Пушкарева И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Наука, 1982. 320 с.

Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. 272 с.

Рабинович А. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008. 624 с.

Рубинштейн Н. Большевики и Учредительное собрание. М., 1938. 55 с.

Седов А. В. Роль крестьянских комитетов в аграрном движении 1917 года: Учебное пособие. Горький: Горьк. ун-т, 1977. 50 с.

Серебрянский З. От керенщины к пролетарской диктатуре. Очерки по истории 1917 г. М.-Л., 1928. 228 с.

Серёгин Л. Родное и близкое: краткая история Дегтяренского поселения. Воронеж: Воронежская областная типография, 2015. 319 с.

Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой Мировой войны. М.: Наука, 1973. 655 с.

Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Соболев П. Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж: Кн. изд-во, 1955. 151 с.

Смирных В. М. Воронежская милиция – в лицах: краткие биографии. Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ РЭА Минэнерго России, 2015. 207 с.

Смирных В. М. Люди тревожного времени: очерки истории Воронежской милиции 20–30-х гг. 20 в. Воронеж: Воронеж. обл. тип.-изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2010. 191 с.

Смирных В. Почти военная организация: очерки истории Воронежской милиции 20-х годов 20 века. К 200-летию МВД России. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. архитект.-строит. ун-та, 2002. 190 с.

Смирных В. Такое было время: очерки истории Верхнехавского района. 1917-1940 гг. Воронеж: Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2011. 185 с.

Старцев Т. А. В центре Черноземья: краткий очерк истории Верхнехавского района. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1970. 119 с.

Степынин В. А. Крестьянство Черноземного центра в революции 1905-1907 годов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 166 с.

Сыроватский Н. И. История Верхнемамонского района. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1990. 255 с.

Татарчуков А. Н. Исторический очерк профессионального движения в Воронежской области / отв. ред. Секундо, Брюханди. Воронеж, 1921. 72 с.

Тульчинский Г. Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2014. 177 с.

Ундревич В.С., Карева М.Ф. Пролетарская революция и государственный аппарат (Очерк истории борьбы за госаппарат в 1917-1918 гг.). М., 1935. 150 с.

Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917-1918). Сб. док. и мат. Новгород, 1957. 294 с.

Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах: сборник статей / Акад. общ. наук при ЦК КПСС; сост. Д.А. Чугаев; под ред. А.М. Панкратовой, А.Л. Сидорова. М.: Госполитиздат, 1953. 521 с.

Установление Советской власти на местах в 1917-1918 годах: сборник статей. Вып. 2 / под ред. Д.А. Чугаева; ред.-сост. В.С. Васюкова. М.: Госполитиздат, 1959. 727 с.

Федоров К. Г. ВЦИК в первые годы Советской власти. 1917-1920. М.: Госюриздат, 1957. 170 с.

Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны: Совет министров в 1914-1917 гг. Л.: ЛГУ, 1988. 207 с.

Фурменко И. П. Очерки истории здравоохранения Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1968-1973. Ч. 1. Воронеж, 1968. 221 с.; Ч. 2. Воронеж, 1970. 256 с.

Фурсов В. Н. Классовая борьба в деревне Центрально-Черноземных губерний в пореформенной России. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 198 с.

Хлыстов Е. А. Отечественная историография политических партий Восточной Сибири в феврале 1917 – середине 1918 гг. Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2010. 146 с.

Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск: НГУ, 1963. 646 с.

Шутов А. Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX – начала XX века). М., Издательство МГУ, 2011. 432 с.

Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч.1. М., 1940. 672 с.

Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronez (1917-1919). Stuttgart, 2006. 348 S.

Статьи

Абрамов П. Н. К вопросу о времени создания первых волостных Советов (по материалам центральных губерний РСФСР) // История СССР. 1960. №5. С. 159-161.

Абрамов П. Н. К истории первого этапа Октябрьской революции в деревне (октябрь 1917 – май 1918 г.) // Исторические записки АН СССР. №81. М: Наука, 1968. С. 3-22.

Абрамов П. Н. Опросный лист волостного Совета (1918) // Исторический архив. 1960. №3. С. 197-200.

Аверьев В. Организация аппарата власти в деревне на первом этапе Октября // Советское государство. 1935. №4. С. 63-82.

Алексамян Н. А. Становление и деятельность советской милиции Воронежской губернии в годы гражданской войны (1917-1922 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2 (61). С. 16-26.

Астапов Е. И. Воронеж в начале Первой мировой войны (август – декабрь 1914 г.) // Битюг. №3. 2014. С. 9-12.

Баженова Т. М. Институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства // Научные труды Свердловского юридического института. Вып. 44: Государственный аппарат (историко-правовые исследования). Свердловск, 1975. С. 70-86.

Баженова Т. М. Комитеты общественной безопасности в системе органов власти Временного правительства в феврале-октябре 1917 г. // Правовые проблемы истории государственных учреждений. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1983. С. 101-109.

Букалова С. В. Могли ли губернаторы спасти Николая II в 1917 году? // Родина. 2016. № 3. С. 106-108.

Букалова С. В. Революционные события февраля 1917 г. в Орле и тактика действий губернатора // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 174-188.

Булдаков В. П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1.

Булдаков В. П. Октябрь и XX век: Теория и источники // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 11-36.

Вакилев Т. Р. Роль и место правителя канцелярии губернатора в системе местного управления второй четверти XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 85-88.

Воробьев Е.П., Белов Д.А. Провинциальный город в период Первой мировой войны и революции (Царицын 1914-1917 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3. С. 399-410.

Гайворонский А. И. Создание Воронежского губернского отдела народного образования (1918 – 1920 гг.) // Записки Воронежских краеведов. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во. Вып. 3. Воронеж, 1987. С. 26-30.

Гайда Ф. А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 31-46.

Гайда Ф. А. Механизм власти Временного правительства // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141-153.

Гатман Л. М. Роль буржуазных организаций Урала в создании Советов в 1917 году // Из истории рабочего класса Урала. Сб. ст. Пермь: Пермское кн. изд., 1961. С. 279-293.

Герасименко Г. А. Общественные исполнительные комитеты 1917 года в исторической литературе // История СССР. 1990. №3. С. 104-115.

Герасименко Г. А. Трансформация власти в 1917 г. // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60-77.

Голдин В. И. 1917 год в России: поиски объективного осмысления // Россия, 1917: взгляд сквозь годы. Архангельск, 1998. С. 4-11.

Гордеев О. Ф. Февральская революция и Сибирское земство // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей. Красноярск, 2002. С. 22-29.

Гордеев О. Ф. Временное правительство и земская реформа в России (март-октябрь 1917 г.): исторические и правовые аспекты проблемы // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2006. № 11. С. 361-373.

Городецкий Е. Н. Октябрьская революция и старые органы самоуправления // Вестник МГУ. Серия «История». 1947. № 11. С. 95-103.

Дерябина Е. С. Проблемы правового регламентирования местного управления в России в условиях двоевластия (февраль – октябрь 1917 г.) // Государство и право. 2014. №5. С. 58-62.

Зверков Е. А. Октябрьская социалистическая революция в Воронеже и большевики // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. Социология. 2016. №3. С. 60-63.

Иванов Р. И. Борьба с дезертирством нижних чинов на территории Воронежской губернии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-2. С. 72-74.

Ильин Ю. А. Демократические институты власти города Иваново-Вознесенска в марте 1917 г. // Российская провинция и её роль в истории государства, общества и развитии культуры народа. Кострома, 1994. Ч. II. Социально-экономическая и общественно-политическая жизнь российской провинции. С. 114-118.

Имаев О. А. Проблема снабжения продовольствием и предметами первой необходимости населения губернских городов Южного Урала в 1915-1916 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32). Ч. I. С. 82-85.

Кабытова Н. Н. Феноменология «смутного времени»: центр и провинция в российской революции 1917 г. // Самарский земский сборник. 2005. № 1 (9). С. 19-22.

Карпачев М. Д. Власть, крестьянство и город Воронежской губернии накануне падения монархии // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2008. №1. С. 28-33.

Карпачев М. Д. Волнение крестьян-общинников в Козловке в августе 1914 г. // Из истории Воронежского края: сб. статей / Отв. ред. А. Н. Акиншин. Вып. 8. Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 2000. С. 129-139.

Карпачев М. Д. Воронежская деревня в годы первой мировой войны // Из истории воронежского края: сб. статей / Отв. ред. А. Н. Акиншин. Вып. 9. Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 2001. Вып. 9. С. 104-109.

Карпачев М. Д. Воронежское жандармское управление об общественных настроениях в губернии в годы Первой мировой войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия. Материалы Восьмой региональной на-

учной конференции. Воронеж, 3 февраля 2014 г. Воронеж: Истоки, 2014. С. 162-167.

Карпачев М. Д. Кризис продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. 2011. №3. С. 66-81.

Карпачев М. Д. Российское земство (Нелегкий опыт самоуправления) // Подъем. 1994. №4. С. 218-239.

Кузьмина Т. Войска Центра России на пути к Октябрю. («Бюллетени МВО» как исторический источник) // Военно-исторический журнал. №11. 1968.

Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1959. С. 721-724.

Леонтьев Я. В. 6 июля 1918 года: региональный аспект // Гражданская война в России: События, мнения, оценки / Предисл.: Урилов И. Х.; Науч. ред. Ивницкий Н. А. М.: Раритет, 2002. С. 362-388.

Лисовский Н. К. Некоторые проблемы истории Октябрьской социалистической революции на Урале // Установление и упрочение Советской власти на Урале. Тезисы межвузовской региональной научной конференции. Челябинск, 1983. С. 12-17.

Любичанковский С. В. Внутренний кризис системы управления: тектологический подход // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 53-59.

Мамаев А. В. Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования. СПб, Киев, Минск, 2008. С. 519-532.

Марасанов В. М. Деятельность губернаторов Верхневолжского региона России в условиях первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 8 (151). Т. 26. С. 132-139.

Мацузато К. Первая мировая война и изменение продовольственной системы Российской империи // Acta slavica iaponica. Т. 9. Sapporo, 1991. С. 68-107.

Нигматов В. В. Сельское хозяйство Воронежской губернии в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.) // Воронежский вестник архивиста. Вып. 4. Воронеж, 2006. С. 154-164.

Остроухов В. Е. Тульская городская дума 1917 – 1918 гг. // Тульский краеведческий альманах. №2. 2004. С. 104-115.

Пахалюк К. А. Крушение самодержавия в России: идеологические причины // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 45-52.

Перцев В. А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2008. №1. С. 28-43.

Протасов Л. Г. Революционное движение в гарнизонах Воронежской губернии в 1917 году (от Февраля к Октябрю) // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. №250. Некоторые проблемы истории строительства социализма в СССР. Москва, 1967. С. 3-33.

Смирнова А. А. Деятельность губернатора Вятской губернии в период Первой мировой войны // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. I. С. 61-64.

Совокин А. М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. №5. С. 54-55.

Соловьева В.А. Возникновение и первые месяцы двоевластия в Сибири // (март-апрель 1917 г.) // Сибирь периода капитализма. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 2. С. 171-196.

Солодовникова Т. Н. Сельская кооперативная потребительская кооперация Центрального Черноземья в условиях военного времени (1914 – 1917) // Регион: системы, экономика, управление. 2010. Т. 8. № 1. С. 74-77.

Старков Д. А. Губернаторы в системе местного управления и их вклад в решение продовольственного вопроса в Российской империи в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. №1. Т. 10. С. 65-69.

Фабинский М. Ф. Взаимоотношения государства и церкви в Воронежской губернии в первые годы советской власти // Из истории Воронежского края: сб. статей / Отв. ред. А. Н. Акиньшин. Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 2009. Вып. 16. С. 100-110.

Фефелов В. М. Установление Советской власти в уездных центрах Воронежской губернии // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XXXI. 1960. С. 28-51.

Филиппцева С. В. Завершение деятельности губернского земства в г. Воронеже в 1918 г. // Из истории Воронежского края: сб. статей / Отв. ред. А.Н. Акиньшин. Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 2011. Вып. 18. С. 209-222.

Филиппцева С. В. Общественно-политическая ситуация в Воронежской губернии в феврале – декабре 1917 г. // Из истории Воронежского края: сб. статей / Отв. ред. А.Н. Акиньшин. Вып. 19. Воронеж, Центр-Черноземн. кн. изд-во, 2011. С.147-167.

Чесноков В. И. За архивной строкой // Записки воронежских краеведов. Сост. А. И. Гайворонский. Вып. 1. Воронеж, Центр.-черн. книг. изд-во, 1979. С. 89-95.

Чугаев Д. А. Слом буржуазной государственной машины и создание советского государственного аппарата // Победа Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 414-474.

Чудаков. О. В. Городское самоуправление в Томской губернии в годы первой мировой войны (июль 1914 февраль 1917 гг.) // Вестник Омского университета. 2011. № 3(61). С. 146-154.

Чудаков О. В. Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 – октябрь 1917 гг.) // Омский научный вестник. 2012. №1. С. 20-23.

Чудаков О. В. Ликвидация органов городского самоуправления в Сибири в период установления власти Советов (октябрь 1917 – первая половина 1918 г.) // Вестник Омского университета. 2012. № 2. С. 137-141.

Чудаков О. В. Становление института комиссаров Временного правительства в Сибири // Омский научный вестник. 2013. № 1. С. 15-18.

Шестова Т. Ю. Обращения пермского губернатора к губернскому земству в период Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны). Материалы Международной научной конференции. Пермь, 2014. С. 164-169.

Щербаков С. В. Последствия городской реформы 1892 года для местного самоуправления // Вестник МГОУ. 2010. № 2. С. 17-19.

Диссертации и авторефераты

Алехина Е. В. Тамбовское земство в годы Первой мировой войны 1914-1918 годы. Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.В. Алехина; Тамб. гос. ун-т. Тамбов, 2005. 197 с.

Баженова Т. М. Местные органы власти и управления Временного правительства на Урале в феврале – октябре 1917 года. Автореферат дис. канд. ист. наук: Пермь, 1977. 21 с.

Белова И. Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914 – 1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И.Б. Белова; Брянский гос. ун-т им. И.Г.Петровского. Брянск, 2015. 431 с.

Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Букалова; Орловский гос. ун-т. Орел, 2005. 294 с.

Горская Н. А. Смоленское земство в последние годы своего существования (1905 – 1918 гг.): Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.А. Горская; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Смоленск, 1996. 330 с.

Иванов Р. Н. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Воронежской губернии: 1914-1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Р.Н. Иванов; Воронеж. гос. пед. ун-т. Воронеж, 2012. 224 с.

Карманов Д. В. Воронежское земство: 1914-1918 г.г. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.В. Карманов; Воронеж. гос. тех. академия. Воронеж, 2002. 204 с.

Куцеволов А. А. Деятельность партии социалистов-революционеров в Воронежской губернии: конец XIX в. – 1918 г.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Куцеволов; Воронежский гос. у-т. Воронеж, 2007. 226 с.

Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917 -1918 гг. (На материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний). Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / А.В. Мамаев; Ин-т рос. истории РАН. М., 2010. 28 с.

Матвеев М. Н. Земства Поволжья в 1917-1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М.Н. Матвеев; Самарский гос. у-т. Самара, 1995. 241 с.

Марьяновский А. А. Воронежское земство в пореформенный период: Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / А.А. Марьяновский; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1982. 22 с.

Милованова Л.В. Гражданская милиция в России в 1917 году (историко-правовой аспект). Автореферат дис. канд. ист. наук: 12.00.01 / Л.В. Милованова; Моск. ун-т МВД РФ. М., 2004. 26 с.

Михалев О. Ю. Воронежская организация конституционно-демократической партии. 1905-1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Ю. Михалев; Воронежский гос. у-т. Воронеж, 2001. 342 с.

Нагорная М. С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы Первой мировой войны (1913 – 1917 гг.): Автореферат дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / М.С. Нагорная; Челябинский гос. пед. у-т. Челябинск, 1999. 206 с.

Орлов А. В. Губернаторская власть в дореволюционной России на примере Нижегородской губернии (Историко-правовой аспект). Автореферат дис. канд. юрид. наук: 12.00.01 / А.В. Орлов; Нижегор. акад. МВД России. М., 2005.

Петровичева Е. М. Земское самоуправление Центральной России в 1906-1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.М. Петровичева; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2003. 353 с.

Сивоволов Д. В. Борьба воронежской губернской большевистской организации за создание и укрепление советского государственного аппарата (1917 – 1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук/ Д.В. Сивоволов; Воронежский гос. у-т. Воронеж, 1968. 319 с.

Судащцов Н. Д. Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. Автореферат дис. док. ист. наук: 07.00.02 / Н.В. Судащцов; Ставропольский гос. у-т. М., 2002. 52 с.

Суханова О. Н. Калужское земство в годы Первой мировой войны. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О.Н. Суханова; Владимир. гос. ун-т им. А. Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир, 2012. 258 с.

Тригуб Г. Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.Я. Тригуб; Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. Владивосток, 2004. 248 с.

Тюрин В. А. Губернская администрация и городское общественное управление в провинциальной России конца XIX – начала XX века (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Тюрин. Самарский гос. у-т. Самара, 2004. 229 с.

Филиппцева С. В. Организация деятельности земских учреждений в Воронежской губернии: 1865-1918 гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.В. Филиппцева; Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. М., 2009. 386 с.

Чвикалов А. И. Воронежское земство (1890-1914 гг.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.И. Чвикалов; Воронежский гос. пед. ун-т. Воронеж, 1997. 285 с.

Справочные издания, энциклопедии, хроники, обзоры

Борьба за установление и упрочение советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 – 10 января 1918 г. / отв. ред. И.Г. Дыков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 698 с.

Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. Т. I. 27 февраля – 6 мая 1917 года. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 855 с.

Комаров А. Революционное движение: Хроника 1918 г. / А. Комаров, П. Крошицкий. Воронеж, 1930. Т. 1. 187 с.

Лавыгин Б. М. 1917-й год в Воронежской губернии (Хроника). Воронеж, 1928. 178 с.

Некрасов В. Ф. МВД России: энциклопедия / В. Ф. Некрасов, В. И. Полу-бинский. М., 2002. 624 с.

Обзор Воронежской губернии за 1915 год. Воронеж, 1916.

Революция 1917-18 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Т.1-2. Са-мара, 1927-1929.

Шаханов Н. 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Вла-димир, 1927. 137 с.